

Е. В. ЧЕШКО

ИСТОРИЯ БОЛГАРСКОГО СКЛОНЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

Е. В. ЧЕШКО

ИСТОРИЯ БОЛГАРСКОГО СКЛОНЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1970

Монография представляет собой оригинальное исследование, опирающееся на большой фактический материал из староболгарских и рукописных среднеболгарских памятников. Анализируются синтаксические и морфологические процессы, связанные с утратой склонения.

Ответственный редактор
доктор филологических наук
С. Б. БЕРНШТЕЙН

Редактор издательства Г. Н. Корозо. Художник К. В. Коврижкин.
Технический редактор О. М. Гуськова.
Сдано в набор 30/VI 1969 г. Подп. к печати 7/I 1970 г. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага: № 1. Усл. печ. л. 20. Уч.-изд. л. 20,3. Тираж 1000 экз.
Тип. зак. 409. Цена 1 руб. 80 коп.
Издательство «Наука», Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В книге рассматриваются некоторые важные и до сих пор недостаточно изученные вопросы истории болгарской падежной системы: преобразования в области синкретизма падежных форм, перераспределение функций между падежами и связанные с ними изменения в системе падежных корреляций. Это комплекс вопросов, освещение которых позволяет проследить внутреннюю эволюцию падежной системы, определившую утрату ряда падежей и переход от синтетизма к аналитизму. Исследование охватывает период XI—XIV вв., когда в языке болгарской письменности еще функционировала древнеболгарская падежная система. Основной главой в истории болгарского склонения является так называемый среднеболгарский период XII—XIV вв., период, в который, видимо, и совершился переход к аналитическому строю в живом болгарском языке. Предпосылки этого перехода были подготовлены всей предшествующей историей. Они могут быть прослежены в памятниках более раннего, древнеболгарского (старославянского) периода, что мы и пытались сделать в интересующей нас области. Однако главная цель исследования языка старославянских памятников состояла в описании системы древнеболгарских падежей в ее «нормальном» функционировании, чтобы затем проследить изменения и нарушения функционирования падежей в языке среднеболгарских памятников.

Одной из главных задач советских болгароведов, занимающихся историей болгарского языка, является изучение огромного богатства неизданных среднеболгарских рукописей, которые хранятся в библиотеках Советского Союза. На материале рукописных памятников XIII—XIV вв. строится в основном исследование синтаксиса среднеболгарских падежей в данной работе.

Автор приносит сердечную благодарность доктору исторических наук М. В. Щепкиной за консультации и помощь в работе над рукописями Исторического музея, члену-корреспонденту АН СССР Р. И. Аванесову и доктору филологических наук И. И. Ревзину, которые взяли на себя труд ознакомиться с рукописью и помогли автору ценными замечаниями.

С особой признательностью вспоминает автор своего учителя в области лингвистики и филологии профессора Московского университета Г. О. Винокура, светлой памяти которого и посвящается эта книга.

ВВЕДЕНИЕ

1.1. История болгарского склонения неоднократно привлекала к себе внимание ученых. Переход от синтетизма к аналитизму, приведший к коренным изменениям в грамматической структуре болгарского языка, определил самобытный характер этого языка. На протяжении письменного периода ни один из славянских языков не пережил столь радикальных изменений своей именной системы, как болгарский. Чем вызваны эти изменения? Как и когда они произошли? На эти вопросы до сих пор нет в науке бесспорных ответов. В значительной степени это обусловлено объективными трудностями, и в первую очередь, отсутствием необходимых источников — памятников письменности, отражающих живой язык в период интенсивных изменений его структуры. Мало дают для выяснения этих вопросов и современные болгарские говоры, в которых процесс развития аналитизма зашел уже далеко.

Эти трудности ставят исследователя перед проблемой не только поисков новых источников и новых языковых фактов, но также поисков новых аспектов исследования и методов интерпретации языковых явлений.

Монографические исследования по истории болгарского склонения представлены в книгах четырех ученых: К. Мейера «Падение склонения в болгарском языке»¹, С. Б. Бернштейна «Разыскания в области болгарской исторической диалектологии»², И. Дуриданова «К проблеме развития болгарского языка от синтетизма к аналитизму»³ и Е. Русека «Склонение и употребление падежей в триоди Хлудова. Наблюдения над развитием аналитизма в бол-

¹ Karl H. Meyer. Der Untergang der Deklination im Bulgarischen. Heidelberg, 1920.

² С. Б. Бернштейн. Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. Т. 1. Язык валашских грамот XIV—XV веков. М.—Л., 1948.

³ И. Дуриданов. Към проблемата за развоја на българския език от синтетизъм към аналитизъм. «Годишник на Софийския университет», филологически факултет, т. LI, ч. 3, София, 1956.

гарском языке»⁴. Утрате склонения уделяется большое внимание в курсах истории болгарского языка Б. Цонева, Ст. Младенова, К. Мирчева. Этому вопросу посвящены многочисленные статьи Л. Милетича и других авторов. Материал по истории склонения содержится также в описаниях среднеболгарских памятников.

Интерес к судьбам склонения в болгарском языке впервые возник в связи со спорами о происхождении старославянского языка. Вопрос, по которому выявились разногласия, состоял в том, существует ли связь между старым и новым болгарским языком, т. е. является ли современный болгарский язык прямым потомком старославянского. В тесной связи с этой проблемой стояли вопросы о хронологии процесса и причинах утраты болгарским языком падежных флексий и перехода к аналитизму. Ученые по-разному определяли время, когда совершался переход болгарского языка от синтетизма к аналитизму, и решали вопрос о том, под влиянием каких факторов произошли изменения. Эти проблемы стояли в центре полемики в течение длительного времени. Их решению были подчинены и основные вопросы о том, как происходил распад старых падежных флексий и как шло становление аналитического способа выражения падежных отношений.

Один из существенных аргументов, приводимый Ф. Миклошичем в пользу паннонской теории происхождения старославянского языка, состоял в том, что «современный болгарский язык отделен глубокой пропастью от древнеславянского языка старейших памятников»⁵. Эту пропасть он видел в том, что современный болгарский язык почти совершенно утратил склонение, что, по его мнению, должно было произойти к эпохе более раннюю, нежели создание старославянской письменности.

Первейшей задачей противников паннонской теории было показать наличие исторической преемственности между древнеболгарским и новоболгарским языком именно в области склонения. Этому вопросу посвящено в основном исследование Л. Милетича «Старото склонение в днешните български наречия» (1890), где он, возражая Ф. Миклошичу, пишет: «В народных говорах, особенно в народной словесности встречается столько остатков именных и местоименных флексий, что мы вынуждены время, когда в болгарском языке существовало старое склонение, отнести гораздо ближе к нам, нежели следует, согласно мнению, что существует глубокая пропасть между старым и новоболгарским языком именно ввиду отсутствия склонения в современном болгарском языке»⁶.

⁴ Je. R u s e k. Deklinacja i użycie przypadków w trójdzie Chłudowa. Studium nad rozwojem analityzmu w języku bułgarskim. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1964.

⁵ F. M i k l o s i c h. Geschichte der Lautbezeichnung im Bulgarischen, 1883, стр. 122.

⁶ Л. М и л е т и ч. Старото склонение в днешните български наречия. — Сб. НУ, кн. II, 1890, стр. 231.

Разделы, посвященные склонению в «Истории болгарского языка» Б. Цонева, подчинены той же задаче. Он пишет: «Но прежде всего, первой нашей задачей будет сначала констатировать, какие и какие старые падежные формы сохранились в новоболгарском языке и как они относятся к соответствующим древнеболгарским формам. Важно это не только для новоболгарской морфологии, но в то же время и для вопроса о происхождении староболгарского языка. Потому что, если мы сможем установить, что в современном болгарском языке имеются те же падежные формы, какие имелись в староболгарском, мы получим очень многое для доказательства того, что язык, который мы осмеливаемся называть староболгарским, есть поистине таков, т. е. настоящий праотец современного болгарского языка»⁷. Доказательству этой идеи посвящен раздел истории склонения в книге П. А. Лаврова «Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка» (1893). Данного вопроса касаются и другие авторы. Многочисленные остатки падежных форм в современных болгарских говорах, данные памятников, которые отражают различные стадии утраты синтетического склонения, позволяют проследить несомненную генетическую связь современного болгарского аналитического языка с древним синтетическим. Наличие этой связи в настоящее время как будто никем не подвергается сомнению⁸. Болгарским ученым, которые считали современный болгарский язык прямым потомком старославянского, делали упрек лишь в том, что они не учитывали большую диалектную дробность древнеболгарского языка⁹, на что обращали внимание русские и западные слависты¹⁰. В. Н. Щепкин писал: «Болгарские филологи... часто исходили из априорного допущения, что старославянский язык есть прямой предок новоболгарского. Таким образом, для них то самое являлось бесспорным основанием их дедуктивных опе-

⁷ Б. Ц о н е в. История на български език, т. II. София, 1934, стр. 459.

⁸ В. Н. Щепкин доказал эту связь и на фонетическом материале. В исследовании о Болонской псалтыри он пишет: «В «Рассуждении о языке Саввиной книги» я пришел к выводу, что старославянские памятники, среднеболгарская письменность и живые болгарские говоры по отношению к судьбе полугласных обнаруживают решительное тождество исторического развития, которое доказывает, что мы имеем перед собою во всем этом лингвистическом материале один и тот же славянский язык с его диалектическими разветвлениями. Вот почему в настоящей работе я говорю о «древнеболгарском» языке и просто о «болгарском» языке, сопоставляя факты различных эпох. Названия «старославянский», «среднеболгарский» и «новоболгарский» я сохраняю в качестве хронологических терминов, означающих: «X—XI век», «XII—XIV век», «XV—XX век» (Болонская псалтырь. СПб., 1906, стр. 86). Терминология В. Н. Щепкина принята и в настоящей работе.

⁹ С. Б. Бернштейн существенным недостатком указанной работы Л. Милетича считал то, что не было показано различий между говорами (указ. соч., стр. 359) (это в полной мере относится и к работе П. А. Лаврова).

¹⁰ В. О б л а к. Няколко бележки върху старословенските паметници. — СБНУ, кн. IX, 1893, прим. на стр. 3; В. И. Л а м а н с к и й. — ЖМНП, 1869, январь, стр. 125.

раций, что для славистов русских и западных было лишь возможным конечным выводом индуктивного исследования. Известно, что итог последнего звучит несколько иначе: старославянский язык не есть язык древнеболгарский (в смысле родоначальника современных болгарских наречий), а одно из наречий этого языка, уже в древности обладавшего поразительным диалектическим расчленением»¹¹. Присоединяясь к этой точке зрения, С. Б. Бернштейн пишет, что «солунский говор представлял лишь один из говоров этого языка, отличавшийся от говоров северо-восточной Болгарии»¹².

1.2. Видимо нельзя считать, что процесс перехода от синтетизма к аналитизму начался лишь в среднеболгарский период. Исследование С. Б. Бернштейна о языке валахских грамот убедительно показало, «что в славянских говорах Валахии в XIV—XV вв. именное склонение характеризовалось аналитическим строем»¹³. Это можно предположить и для других болгарских говоров, с которыми генетически связаны говоры Валахии и, в первую очередь, для северо-восточных болгарских говоров. Это подтверждается также данными чергедских молитв, отражающих говоры северо-восточной Болгарии второй половины XIII в.¹⁴ Наконец, некоторые тексты XIII в. (Боянская надпись, Боянское евангелие, Загребский октоих) свидетельствуют о том, что «в живом произношении переписчика старых флексий не было, а книжный язык он знал не очень твердо»¹⁵.

Исследование Е. Русека, посвященное анализу надежной системы памятника конца XIII в. — триоди Хлудова, отражающей македонские говоры, показывает, что не только для северо-восточных, но также для македонских говоров конца XIII в. можно предположить, что процесс аналитизма в склонении зашел уже далеко¹⁶.

Все это позволяет думать, что начало процесса разрушения склонения в болгарском языке следует отнести к эпохе более ранней, а не к среднеболгарскому периоду. Это подтверждают и материалы Ив. Дуриданова. Считая, что гипотеза о зарождении аналитических элементов в древнеболгарской системе склонения до середины IX в. лишена основания, И. Дуриданов вместе с тем полагает, что начало развития аналитизма следует отнести не к среднеболгарскому, а к более раннему периоду, именно ко 2-й половине IX в. В подтверждение этой мысли он приводит целый ряд примеров из древнеболгарских текстов, показывающих, что многие явления, трактуемые как признаки аналитизма в средне-

¹¹ В. Н. Щепкин. Указ. соч., стр. IV.

¹² С. Б. Бернштейн. Указ. соч., стр. 358.

¹³ Там же, стр. 319.

¹⁴ Там же, стр. 365, 233 и след.

¹⁵ Там же, стр. 236.

¹⁶ Је. R u s e k. Указ. соч., стр. 203.

болгарских текстах, можно найти, хотя и не в столь многочисленных случаях, уже в древнеславянских памятниках X—XI вв.¹⁷

Важно отметить, что И. Дуриданов отрицает наличие принципиальной грани между языком древнеболгарского и среднеболгарского периода. По его мнению, процесс развития аналитизма начался в древнеболгарский период, а закончился к концу среднеболгарского периода, т. е. процесс перехода от синтетизма к аналитизму относится к IX—XIV вв. С XV в. начинается период новоболгарский. Дуриданов полностью присоединяется к периодизации истории болгарского языка, предложенной В. Георгиевым, который пишет: «Переход от синтетизма к аналитизму — это глубокое, значительное изменение в грамматическом строе нашего языка ясно определяет его периодизацию: в историческом развитии нашего языка ясно разграничиваются два качества, т. е. два основных периода — староболгарский и новоболгарский»¹⁸.

Приведенные выше соображения определяют хронологические рамки нашего исследования: это период, когда в письменном болгарском языке еще функционировала старая падежная система, т. е. период XI—XIV вв.

Церковнославянский язык болгарского извода практически является единственным, дошедшим до нас языком болгарской письменности этого периода. Начиная с XIV—XV вв. появляются новые источники — валашские грамоты. Соотношение церковнославянского и канцелярского языка Валахии С. Б. Бернштейн характеризует следующим образом: «Славянский язык Валахии был заимствован из Болгарии вместе с церковным обрядом и церковной письменностью. Он характеризовал особый валашский извод среднеболгарской письменности. Для истории народного языка эта письменность дает очень мало. Иначе шло формирование канцелярского языка. . . Древнейшие славянские грамоты Валахии на многочисленных примерах подтверждают, что писцы их плохо знали книжный славянский язык, т. е. валашский извод среднеболгарского языка. Они старались писать на нем, следовали некоторым орфографическим правилам, но делали это непоследовательно, часто ошибались, отражая черты своего родного славянского языка. Именно поэтому славянские грамоты Валахии XIV—XV вв. впервые отражают многие особенности живых говоров»¹⁹. Отсутствие подобных источников, отражающих собственно болгарские говоры, служит формальным основанием для того, чтобы считать, что между языком древнеболгарских и языком среднеболгарских памятников в отношении состояния падежной

¹⁷ И. Дуриданов. За паченките на аналитизма в българския език. «Rocznik slawistyczny», XX, ч. 1, 1958, стр. 25.

¹⁸ Вл. Георгиев. Периодизация на историята на българския език. «Изв. Ин-та на бълг. яз.», кн. II, 1952, стр. 75.

¹⁹ С. Б. Бернштейн. Указ. соч., стр. 363—364.

системы нет принципиальной разницы. Действительно, в письменном языке древнеболгарского и большинстве памятников среднеболгарского периода представлена одна и та же система склонения, которая претерпевает в этот период известные изменения. Принципиальная разница состоит, однако, в степени адекватности письменного языка живому языку каждого периода. Этим определяется различная ценность источников древнеболгарского и среднеболгарского периодов. На основании письменного языка древнеболгарских памятников мы можем надеяться восстановить систему склонения, общую для письменного и устного языка той эпохи.

Иначе обстоит дело со среднеболгарскими памятниками. Их язык не является уже письменной формой живого языка. Грамматический строй живого языка и, в частности, система склонения претерпели к этому времени значительные изменения, о которых мы можем судить по случайным ошибкам писцов. Нормализация письменного языка, связанная с реформами Ефимия Тырновского, привела к искусственной архаизации языка церковных памятников XIV в.

Характеризуя письменные источники среднеболгарского периода, С. Б. Бернштейн пишет: «Скудость болгарских памятников, их лингвистическая невыразительность, почти полное отсутствие грамот, хозяйственных и деловых записей — все это очень затрудняет изучение истории живого болгарского языка во всем разнообразии его говоров»²⁰.

1.3. Возможно, в силу трудностей воссоздания исторического процесса утраты падежных флексий и становления аналитизма в болгарской падежной системе, центр спора был перенесен в более отвлеченную плоскость о причинах, вызвавших эти изменения.

Историки болгарского языка интересовал вопрос — произошло ли распадение флексий в болгарском языке и переход к аналитизму в результате внутреннего развития или под влиянием чужезычного воздействия?

Сторонники внутренней эволюции по-разному определяли главные причины изменений. Одни (как Милетич) видели эти причины в фонетическом выравнивании флексий и дальнейшем действии аналогии, приведшим к тому, что падежи перестали различаться и потому потребовались дополнительные различительные средства. Это привело к усилению роли предлогов и развитию аналитизма. Другие (К. Мейер), наоборот, считали, что развитие предложного употребления привело к тому, что падежные флексии стали излишними, что и послужило причиной их утраты.

Возражая представителям первой точки зрения, Л. А. Булаховский писал: «Я не решился бы, однако, признать за такого рода явлениями (фонетическими процессами, стершими перво-

²⁰ С. Б. Бернштейн. Указ. соч., стр. 14.

начальные различия флексии. — Е. Ч.) решающую роль, определившую переход к аналитическому строю; например, не менее благоприятные для различения флексий, чем в болгарском языке, фонетические законы чешского ничего направленного к выработке аналитического склонения в нем не вызвали²¹. Ссылаясь на аналогию с латинским языком, Булаховский полагает, что «начатки семантического смещения падежей относятся и в болгарском к положению после предлогов, причем фонетические явления болгарского языка оказались особенно благоприятствующими такому смещению»²².

Таким образом, как и К. Мейер, Л. А. Булаховский придает серьезное значение в процессе утраты флексий развитию предложных конструкций, однако в отличие от Мейера Булаховский видит в этом лишь предпосылки перехода к аналитизму, а не решающую причину. «Толчок к предпочтению аналитических средств выражения, — пишет Л. А. Булаховский, — дали, вероятно, новые этнические элементы в болгарском народе, отчасти, может быть, потому, что имели такие навыки в своем родном языке, отчасти потому, что аналитический строй, как более легкий, лучше соответствует потребностям перенимающих. К предположению неславянских влияний я склоняюсь тем более, — добавляет Л. А. Булаховский, — что помимо склонения существительных, вся болгарская морфология производит впечатление изменений, слишком глубоких для устойчивой этнической среды»²³.

К позиции Л. А. Булаховского близка по существу и позиция И. Дуриданова, хотя последний в отличие от Булаховского основной причиной объявляет внутривидовые противоречия, состоящие в наличии многочисленных параллельных конструкций (главным образом, падежных и предложных), выражающих одни и те же отношения. Однако контакты с иноязычным населением в период перед XIV в. он рассматривает «как важное условие специфического хода развития болгарского языка от синтетизма к аналитизму»²⁴. По мнению Дуриданова, без наличия данного условия внутривидовые противоречия могли бы найти и иное разрешение, аналогичное другим славянским языкам.

К. Мирчев также считает, что переход от синтетизма к аналитизму является сложным процессом, в котором внутренние законы развития языка взаимодействуют с влиянием иноязычной среды. По его мнению, процесс развития аналитизма начался после IX в., когда болгарский язык благодаря действию своих внутренних законов начал изменять свою звуковую систему. С течением времени эти изменения привели к чувствительной омо-

²¹ Л. А. Булаховский. Падение синтетического склонения в болгарском языке. «Наука на Украине», № 4, 1922, стр. 323.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ И. Дуриданов. Към проблемата. . . , стр. 173.

ними в формах некоторых склонений. Но без влияния среды процесс мог на этом остановиться. Влияние среды при данных условиях породило в болгарском языке закон развития к полному аналитизму в области имен²⁵. Таким образом, все признают влияние среды, не раскрывая, однако, в чем и как проявляется это влияние. Попытку более конкретного определения роли среды в языковых изменениях находим в работе Э. Косериу²⁶. Проблему языковых изменений Э. Косериу рассматривает как проблему возможности и условий принятия нового. Новое, или инновация, это все те отклонения от моделей, существующих в данном языке, которые возникают в речи говорящего. Принятие инновации слушающими в качестве модели для дальнейших высказываний и есть языковое изменение. Но принятие — это не механическое воспроизведение, это всегда выбор. Поэтому из многочисленных инноваций, имеющих место в речи, только некоторые принимаются и распространяются. Возможность принятия нового обусловлена языковой системой. Условия или мотивы принятия — потребностью выражения. «Условиями, благоприятными для изменения, является разнообразие (региональное или социальное) языковых навыков — в пределах одного и того же исторического языка — и слабость этих навыков в эпоху культурного упадка или в социальных группах низкой культуры»²⁷. Итак, системные и культурные факторы выступают по отношению к изменению, как факторы, обуславливающие отбор инноваций, поскольку только некоторые инновации согласуются с возможностями функциональной системы или находят благоприятные условия в состоянии межиндивидуальных языковых навыков²⁸.

«Межъязыковые контакты также принадлежат, с культурной точки зрения, к разнообразию языковых навыков в одном и том же коллективе»²⁹. Этим определяется их роль в изменении языка.

К сожалению, внесистемные факторы (в изложенном выше понимании) в истории болгарского языка еще в меньшей степени доступны изучению, чем факторы системные, функциональные. Не случайно в изучении конкретного процесса изменений болгарского склонения больше сделано в области исследования его внутренней эволюции. Тем не менее и здесь сделано далеко не все возможное. Предлагаемая работа также не ставит задачи изучения языковых контактов болгар, определивших судьбу болгарского склонения. Этот сложный вопрос является пока областью гипотез, и его научное рассмотрение, вероятно, возможно лишь в пре-

²⁵ К. М и р ч е в. Историческа граматика на българския език. София, 1958, стр. 267.

²⁶ Э. К о с е р и у. Синхрония, диахрония и история. Перев. О. С. Мельчука. «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963, стр. 191 и след.

²⁷ Там же, стр. 220, 221.

²⁸ Там же, стр. 239.

²⁹ Там же, стр. 221.

делах истории балканского языкового союза. В 1858 г. П. Билярский писал: «Для меня ясно, что исследование преобразования языков совершенно напрасно начинать предположениями внешних влияний и отвлеченными об них рассуждениями, и что во всяком случае нужно прежде всего знать положительную историческую судьбу подлежащего объяснению материала»³⁰. И хотя за столетие, истекшее со времени этого высказывания, сделано многое, все еще в положительной истории болгарского склонения остается много не выясненного.

1.4. Изучению внутренней эволюции падежной системы посвящена и данная работа.

Исследование падежной системы проводится в трех планах: в плане истории форм, изменения морфологической системы и морфологических значений падежей, изменения в функционировании падежей. Автор стремился к тому, чтобы каждый из этих планов исследовать не изолированно один от другого, но в их взаимодействии друг с другом.

Основной вопрос, от которого, как нам казалось, зависел успех исследования, был вопрос о том, как подойти к интерпретации среднеболгарского материала, представленного памятниками церковнославянского языка.

Церковнославянский язык среднеболгарского периода — это в какой-то мере искусственный язык, в котором смешаны элементы разных систем, могут появляться искусственные образования — гиперизмы, отвечающие ложно понятым нормам (ошибочному пониманию правильного употребления по старой системе). Однако новым в среднеболгарских памятниках являются не только ошибки писцов, показывающие, что живой язык того времени уже существенно отличался от языка письменного и быть может в значительной мере обладал уже чертами аналитического строя. Новым были сдвиги и изменения в синтаксисе падежей самого церковнославянского языка.

Мы ставим перед собой задачу рассмотреть исследуемые тексты не только в отношении того, что дают они для суждения о состоянии падежей в живом языке писца, но также проследить своеобразие падежного синтаксиса церковнославянского языка обследуемых памятников.

Основные черты изменений, происшедшие в синтаксисе падежей среднеболгарского языка, описаны К. Мейером в его кн. «Падение склонения в болгарском языке» («Der Untergang der Deklination im Bulgarischen»), которая выполнена на материале разночтений псалтырных и евангельских текстов древнеболгарского и среднеболгарского периодов. Его наблюдения в ряде случаев дополняет работа И. Дуриданова. Благодаря более широкому при-

³⁰ П. Билярский. О среднеболгарском вокализме по патриаршему списку летописи Манасия. СПб., 1958, стр. 135.

влечению источников, Дуриданов показал, что рассматриваемые процессы находили в среднеболгарских памятниках повсеместное отражение.

Менее всего исследован синтаксис падежей восточноболгарских памятников так называемой Тырновской школы, представленных рукописями конца XIII—XIV вв. Среди них наибольший интерес представляют памятники более ранние, написанные до реформы Ефимия Тырновского. Это определило выбор объекта нашего исследования — Норовской псалтыри конца XIII в. В. Н. Щепкин, который исследовал палеографические и фонетические особенности памятника, считал Норовскую псалтырь типичным памятником восточноболгарской тырновской школы³¹. Рукопись хранится в рукописном отделе Государственного исторического музея (ГИМ), Уваровское собрание, № 285.

В среднеболгарский период между диалектами появились такие фонетические различия, которые могли по-разному отразиться на системе синкретизма падежных форм, сформировались разные орфографические школы, в разных культурных центрах могли сложиться разные синтаксические традиции, в различной степени сохраняющие старину и вводящие новообразования. Все это делало целесообразным проведение сопоставительного исследования идентичных текстов из разных диалектных областей. В первую очередь нам казалось необходимым исследовать различия в области падежного синтаксиса, характеризующие рукописи двух крупнейших школ среднеболгарской письменности — восточноболгарской Тырновской и македонской Охридской школы. С этой целью и был проведен сопоставительный анализ текста Норовской и текста Болонской псалтырей. В разной связи учитывались также разночтения с другими псалтырями, приведенные И. В. Ягичем в издании Болонской псалтыри: Сипайской (представляющей старославянский язык); Погодинской (среднеболгарская псалтырь, вероятно, более ранняя, чем Болонская, и во всяком случае отличающаяся более архаичным языком), Софийская и Бухарестская (более поздние тексты XIV—XV вв.).

Частично привлечен материал рукописных памятников восточноболгарского происхождения: псалтырь Томича (первая половина XIV в. — ГИМ, № 2752 Музейного собрания), Хлудовская псалтырь № 2, предположительно XV в. — (ГИМ, Хлуд. № 2), недавно открытый в Болгарии памятник позднего старославянского периода — Енинский апостол. Рукопись Енинского апостола была найдена в 1960 г. в селе Енино Казанлыкской околии при реставрации церкви Святой Петки Епиватской, построенной в 1237—1238 гг. Памятник издан в 1965 г. Институтом болгарского языка. По содержанию это часть из выборочного апостола, содержащая апостольские чтения, начиная от 35 недели после Пяти-

³¹ В. Н. Щепкин. Болонская псалтырь, стр. 36—39.

десятиницы до Великой субботы и от 1 сентября до 3 октября (дня Дионисия Ареопажита). Енинский апостол представляет собой самый ранний из до сих пор известных текстов Апостола.

Издатели памятника и первые его исследователи проф. К. Мирчев и Хр. Кодов относят памятник к периоду не позднее первых десятилетий 2-й половины XI в. По диалектным чертам он принадлежит к памятникам восточноболгарского происхождения (восточноболгарскими рукописями XII в. мы не располагаем). Текст Енинского апостола исследован в сопоставлении с Охридским апостолом XII в. и частично с рукописью Апостола XV в. № 38 из Хлудовского собрания. Последний также относится к числу восточноболгарских рукописей.

В работе использован также материал, извлеченный из ряда рукописных памятников XIII—XIV вв. юго-западного и западного происхождения: Евангелие Верковича (ГПБ, Q. п. 1, 43), Орбельская триодь, цветная и постная (ГПБ, F. п. 1, 102), слова и поучения Иоанна Златоуста (ГПБ, Q. п. 1, 56), Лобковский или Хлудов паремийник (ГИМ, Хлуд. № 142) конца XIII начала XIV в. (1294—1320 гг.) и некоторых других.

Учет разночтений идентичных текстов, принадлежащих разным периодам и диалектам, позволил получить набор синонимичных и дублетных синтаксических конструкций, которые затем рассматриваются в диахроническом плане. Возможность такого подхода обеспечена предварительно выполненным синхронным описанием падежных систем древнеболгарского и современного болгарского языков.

История падежей прослеживается на материале памятников восточноболгарского происхождения. Система древнеболгарских падежей описана по текстам Саввиной книги и Супрасльской рукописи; этому описанию посвящена первая часть работы, где исследуются синтаксические цепочки падежей в связи с глагольным управлением, определяются главные семантические функции падежей и далее на основании привативных семантических корреляций выводятся дифференциальные падежные признаки и определяются морфологические значения падежей. Эти данные сопоставляются с описанием падежной системы современного болгарского литературного языка, что дает возможность строгого учета изменений, происшедших в употреблении сохранившихся падежей, их функций и морфологических значениях. Анализируя особенности в употреблении падежей Норовской псалтыри, выявленные на основе сопоставления с более ранними псалтырными текстами, автор пытается определить, какой этап в изменении системы склонения представлен в говоре писца данного памятника. Изменения в функционировании и история отдельных падежей исследуются во второй части книги.

Вторая глава I части посвящена истории синкретизма падежных форм и его роли в преобразовании системы склонения.

История склонения древнеболгарского языка в этом плане серьезно никем не исследована, хотя в научных спорах о причинах утраты склонения в болгарском языке неоднократно затрагивался вопрос о фонетических и аналогических изменениях, приведших к совпадению ряда падежных флексий в среднеболгарский период. Проф. Л. Милетич считал, что фонетическое выравнивание флексий и дальнейшее действие аналогии, приведшее к тому, что падежи перестали различаться, явилось решающим фактором, определившим усиление роли предлогов и развитие аналитизма. После того, как концепция Л. Милетича была отвергнута, интерес к истории синкретизма форм у историков болгарского языка почти пропал. Между тем правильная оценка той роли, которую сыграли в истории болгарского склонения пережитые им фонетические и аналогические процессы, возможна, по нашему мнению, лишь в результате тщательного исследования этих процессов с точки зрения их влияния на главную функцию падежных форм — их различительную функцию. Эти процессы рассмотрены на материале среднеболгарских памятников разных диалектных областей.

Проблема падежного синкретизма дает возможность связать план морфологический с планом функциональным и подойти к рассмотрению вопросов изменений с точки зрения возможностей падежной системы (так как новые средства выражения могут создаваться в пределах разрешенного системой) и их функциональной необходимости (поскольку системные изменения могут происходить либо с целью усиления функционально необходимых различий, либо с целью избавления от тех различий, которые с функциональной точки зрения оказываются бесполезными). В этом плане задача исследования может быть сформулирована следующим образом: рассмотреть все фонетические и аналогические изменения падежных форм в истории болгарского языка с точки зрения тех последствий, к которым они привели в области перераспределения падежного синкретизма, и далее, осмыслить процессы «преобразования и перераспределения падежного синкретизма»³² с точки зрения их связи с системой падежных противопоставлений и распределением падежей относительно друг друга в потоке речи. В данной части работы рассматривается: 1. Система падежного синкретизма древнеболгарского языка. 2. Изменения в системе падежного синкретизма, происшедшие в среднеболгарский период.

³² Этот вопрос был выдвинут в качестве важнейшей проблемы исследования истории склонения Р. О. Якобсоном в докладе на IV Международном съезде славистов «Морфологические наблюдения над славянским склонением». («American contributions to the fourth international congress of slavists. Moscow, 1958». 's-Gravenhage, 1958).

Часть I

ПАДЕЖНАЯ СИСТЕМА

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

2.1. В понимании системы падежей как морфологической системы мы следуем Р. О. Якобсону. Морфологическая система падежей образуется двумя рядами противопоставлений входящих в нее элементов: противопоставлением падежей по форме и противопоставлением падежей по значению. Каждый падеж выражается серией форм, не во всех разрядах слов одинаково противопоставленных формам других падежей. Совпадение форм разных падежей в пределах одной парадигмы будем называть нейтрализацией противопоставления падежных форм. Объединение серии форм в качестве форм одного падежа определяется дистрибуцией слов, стоящих в данных формах, т. е. каждый падеж может быть выделен как определенный класс слов. Вместе с тем формы каждого падежа объединяются единством морфологического значения. Морфологическое значение падежа — это тот минимум информации о тождестве и различиях падежа с другими падежами данной системы, носителем которого выступает падежная форма. Морфологическое значение падежа характеризует его отношение к другим падежам данной системы, определяет признаки, которые объединяют данный падеж с одними падежами и противопоставляют другим.

В значении падежей мы различаем морфологический и семантический план, рассматривая первый как план грамматического представления, а второй — как план грамматической семантики. План грамматического представления имеет дело с дифференциальными падежными признаками, с инвариантными значениями падежей. План грамматической семантики оперирует контекстными значениями падежей, зависящими не только от собственного значения падежа, но также от значения слов, связь которых обозначена формой данного падежа. В плане грамматического представления коррелятивные падежи противопоставлены друг другу как носи-

тели противоположных падежных признаков, отличающихся тем, что один из них (признак маркированного падежа) является ограничительным, а другой (признак немаркированного падежа) — неограничительным, т. е. способным к нейтрализации на семантическом уровне. Так, например, признак активности, носителем которого является именительный падеж, нейтрализуется, когда данный падеж выступает в функции объекта действия, а противоположный признак маркированного винительного падежа — признак пассивности, является ограничительным, так как не может нейтрализоваться, вследствие чего винительный падеж неспособен выступать в функции субъекта активного действия. Вслед за Р. Якобсоном мы будем называть признак маркированного падежа коррелятивным, а прямопротивопоставленный ему признак немаркированного падежа — специфическим. Определение морфологического значения падежа предполагает: 1) определение корреляций, членом которых является данный падеж, 2) определение коррелятивных и специфических признаков данного падежа.

Если по своей структуре падеж является морфологической категорией, то по своей функции в речи он может быть определен как синтаксическая категория, т. е. такая, которая служит для выражения связи между словами в словосочетаниях (синтаксическая функция падежа) и, соответственно, отношений между понятиями, обозначаемыми этими словами (семантическая функция падежа).

Семантические функции падежей это контекстные значения падежей, которые мы принимаем в качестве единиц плана грамматической семантики. Выделение этих единиц опирается на формальные синтаксические связи, т. е. производится в рамках синтаксических функций падежей, и представляет собой дальнейшую конкретизацию выражаемых ими отношений. Значение синтаксической функции ограничивается отношением между определяемым и определяющим словом данного словосочетания, например, между глаголом и именем. Значение семантической функции состоит в определении отношений между предметом и действием, обозначаемыми данными словами, т. е. семантическая функция падежа будет определять роль обозначаемого им предмета в действии.

2.2. Определение синтаксических функций предполагает ответ на следующие вопросы: 1) между какими словами установлена связь; 2) какой из членов словосочетания является определяемым и какой определяющим; 3) как выражена зависимость определяющего члена от определяемого — формально или не формально, каким именно видом синтаксической связи: управлением, согласованием, примыканием; 4) если управлением, то какова степень этой связи, или сила управления. Ответы на эти вопросы составляют ту формальную основу, на которую опирается выделение синтаксических функций. Определение синтаксической функции предполагает, однако, не только указание на позицию одного слова по отношению

к другому, но также характеристику типа определительных отношений, выражаемых данной формальной связью в подавляющем большинстве конструкций, в которых она представлена. Это и будет определением синтаксической функции. Таким образом, каждая синтаксическая функция имеет определенное содержание, получающее известную независимость от формы, на чем и основана возможность выражения одних и тех же синтаксических функций разными грамматическими средствами.

Синтаксические функции падежей в приглагольных словосочетаниях характеризуют роль существительного, стоящего в данной падежной форме, как определяемого или определяющего члена по отношению к глаголу. Определяемый член выступает в функции субъекта, определяющие члены — в функциях объекта и обстоятельства. В основе разграничения этих функций лежат формальные показатели: независимая падежная форма — именительный падеж служит формальным выражением функций субъекта, степень связи падежа и глагола — сильное или слабое управление — является формальной основой разграничения функций объекта и обстоятельства. Формальным различиям соответствуют определенные смысловые различия.

2.3. В независимой падежной форме, с которой согласуется форма глагола, стоит, обычно, существительное, которое определяется глаголом посредством обозначения признаков (действий, состояний, чувств, отношений), создаваемых деятельностью субъекта, обозначенного определяемым существительным. Таково значение синтаксической функции субъекта, характеризующее подавляющее большинство случаев употребления именительного падежа в приглагольных словосочетаниях.

Тип определительных отношений, характеризующий функцию субъекта, можно найти, однако, не только в словосочетаниях глагола с именительным падежом (исходный, доминирующий тип субъекта, «грамматический субъект»), но также в ряде конструкций с косвенными падежами. В древнеболгарском языке субъект может быть выражен творительным, дательным и родительным падежами.

Творительный субъекта представлен в страдательных конструкциях, образованных с помощью страдательных причастий или возвратно-страдательных форм глагола, например: *тѣ ѿгнанима епискоупомъ...* *отгажченъ бы отъ скатителъскыа слоужбъ.* Супр. 186—22—24; *горе чѣкоу томоу има же сѣа чѣаскъ прѣдасѣ* *са* Сав. 94, Мө. XXVI, 24.

Дательный субъекта находим в безличных конструкциях, например: *отъ многинѣхъ сказано ꙗкоже мѣтъ са мѣнитъ на не по истинѣ* Супр. 345—14; или в личных: *тѣмѣна бо ти истина са мѣнитъ* Супр. 104—13.

Родительный субъекта представлен при глаголе *нѣтъ*, например: *ѣко сѣтъ нѣтъ о немъ* Сав. 81, Io. XI. 10; *ка немаже лѣсти нѣтъ* Сав. 74, Мрк. III, 48.

Итак, на основании формальных связей выделяются синтаксические функции, которые выражают определенные типы отношений между понятиями. Эти типы отношений в свою очередь служат этапом при определении синтаксических функций там, где синтаксические связи формально не выражены или противоречат определением, следующим из логической связи понятий.

Если субъект — это член словосочетания, определяемый глаголом, то объект — это член словосочетания, определяющий глагол посредством конкретизации обозначенного данным глаголом действия в отношении его направленности и средств его осуществления. Исходным, доминирующим типом объекта является грамматический объект, выраженный существительным в форме зависимого падежа. Однако в конструкциях, рассмотренных нами выше с творительным и дательным субъекта, возможен объект, стоящий в форме именительного падежа. В этих конструкциях направление «реальных» зависимостей будет обратным тому, которое представлено формальными синтаксическими связями.

Приведенное выше определение объекта указывает его отличия от субъекта. Однако оно не является полным, так как не определяет отличий объекта от обстоятельства, которое, как и объект, может быть выражено зависимой падежной формой существительного. Формальное разграничение обстоятельства и объекта проводится на основе различий в силе управления или степени связи падежа и глагола, а именно на основании ответа на вопрос, тесной или свободной является эта связь, сильное или слабое управление представлено в данном случае. К выяснению этих понятий мы и обратимся.

Преобладающей формой выражения обстоятельства является наречие. С синтаксической стороны обстоятельство, выраженное наречием, характеризуется отсутствием формальной связи с глаголом, со стороны значения — определением глагола по способу, степени и внешним обстоятельствам совершения действия.

Обстоятельство, выраженное падежной формой существительного (в том числе и предложно-падежной формой), отличается от наречия формально выраженной подчинительной связью или наличием управления. Однако в отличие от объекта, для которого типична тесная связь с глаголом или сильное управление, обстоятельство соединено с глаголом отношениями свободной связи или слабым управлением.

2.4. Сильное и слабое управление различаются наличием или отсутствием необходимой связи между глаголом и падежом. Формально наличие необходимой связи проявляется в том, что определенные глаголы употребляются с определенными падежами. «Мы имеем индивидуальное сцепление именно данного глагола

с данным предлогом или падежом»¹, — пишет Пешковский, т. е. можно сказать *ем что*, но нельзя сказать *ем чему* и т. п. Сильная связь падежа и глагола означает, что лексическое значение глагола не может быть полностью раскрыто без наличия объекта.

Соответственно там, где глагол для раскрытия своего лексического значения не нуждается в определении, которое выражено данным падежом, необходимая связь между падежом и глаголом отсутствует. Это находит свое формальное выражение в том, что данное определение может относиться к любому глаголу. Таковы, например, определения места, времени и сопровождения.

Итак, в качестве формального различия объекта и обстоятельства, выраженного падежной формой, можно принять признак наличия или отсутствия лексической избирательности по отношению к глаголу: падеж, выступающий в функции объекта, может быть управляемым членом не при всех глаголах, падеж в функции обстоятельства может относиться к любому глаголу.

Обстоятельство, выраженное падежной формой существительного, определяет глагол так же, как его определяет наречие, характеризуя признаки действия, способ и внешние обстоятельства его совершения. Возможность замены обстоятельства, выраженного падежной формой, наречием служит дополнительным критерием смыслового разграничения объекта и обстоятельства. Например в случаях: *нѣ такоже жиѹмъ ѿд'ноу дшѣмъ и ѿдѣнѣмъ оумомъ тако же и послѹшѣтѹемъ* Супр. 72—10; *рече къ цѣсарю дрзвостѣмъ* Супр. 194—7.

Но так же, как границы логического субъекта и объекта не совпадают с границами грамматического субъекта и объекта, логическое разграничение объекта и обстоятельства не всегда соответствует их грамматическому разграничению. Отсюда возможность обстоятельств, имеющих тесную связь с глаголом, а также объектов, связанных с глаголом отношениями слабого управления. Примером первого может служить так называемый творительный инструментальный образа действия или творительный тавтологический². Например: *казѹбиши гѣ бѣ своѣго вѣмъ рѣдѣмъ своѣмъ (и вѣмъ дшѣмъ своѣмъ и вѣмъ крѣпостѣмъ твоемъ и вѣмъ помышлѣнѣмъ твоѣмъ)* Сав. 55, Лук. X 27; *ѣ же казѹпи глѹомъ велиѣмъ и испѣсти дхъ* Сав. 119, Мѣ. XXVII, 50.

2.5. Основной формальный признак, различающий сильное и слабое управление, — признак сочетаемости падежа с ограниченным кругом глаголов или с любым глаголом, — не дифференцирует различий по силе управления внутри объектных падежей.

¹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, 7 изд. М., Учпедгиз, 1963, стр. 285.

² «Творительный падеж в славянских языках», М., 1958, стр. 109, 116 и др.

Однако данный признак не единственное формальное следствие слабого управления.

Отсутствие сильного управления порождает возможность вхождения управляемого члена в разные словосочетания. Слабоуправляемый член тяготеет к ближайшему слову, в то время как сильноуправляемый член никогда не теряет связи с тем словом, которым он управляется. Таким образом на первый вопрос синтаксического анализа: между какими словами устанавливается синтаксическая связь — сильноуправляемый падеж дает определенный и однозначный ответ, в то время как при слабом управлении падежная форма существительного не дает достаточно определенного указания на то, в какое словосочетание входит данное слово.

В древнеболгарском языке таким слабоуправляемым падежом является, например, так называемый дательный с двойной зависимостью типа *оуѣѣза емоу оухо* (Мт 26, 51), *прѣиша глагоу емоу* (Мрк. 12, 4)³, где дательный может быть интерпретирован и как приглагольный (дательный адресата причинения) и как приименной (дательный притяжательный).

Другая важная для синтаксического анализа особенность слабоуправляемых падежей, отмеченная Пешковским, состоит в том, что «слабоуправляемые члены часто бывают сцеплены не с отдельными словами, а с целыми словосочетаниями⁴. Применительно к интересующим нас приглагольным словосочетаниям речь может идти о противопоставлении непосредственной связи с глаголом (сильное управление) и опосредствованной, т. е. обусловленной наличием другого определяющего члена. Это будет менее тесная связь, так как возможность появления второго определяющего члена обусловлена тем значением глагола, которое он получает в сочетании с каким-то другим падежом, связанным с ним теснее, чем интересующий нас падеж. Так, например, сила управления дательного падежа в конструкциях типа: и *сѣнѣлицѣ тѣ сѣзда намѣ* Сав. Л. VII, 5, с одной стороны, и в конструкциях типа: и *прѣда доухѣ* *сѣои господоу* Супр. 141—23; и *покажѣ камѣ мѣсто* Супр. 145—22, будет не одинакова, так как лексическое значение глаголов *прѣдати*, *показаѣ* требует дательного падежа независимо от наличия другого объекта, что проявляется при возвратной форме глагола. Например, *прѣда сѣ конноу пригвоздиги сѣ* Супр. 141—2; не *покажи сѣ послѣжде инѣхѣ* *кладѣцѣ* *пѣистинѣ* Супр. 137—3⁵; в то время как глагол *сѣздати*

³ Удачный термин «двойно зависимыя датели падеж» принадлежит Ангелине Минчевой [«За произхода на дательня падеж в генетивна функция в български език». — «Славистичен сборник (по случай V Международен конгрес на славистите в София)». София, 1963, стр. 115].

⁴ А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 287.

⁵ То, что *сѣ* является здесь частицей, указывающей на непереходность глагола, а не винительный объекта, убедительно показано Б. Гавранком [см.:

может управлять дательным падежом лишь при определенных условиях: если имеется объект, который может встать в отношения принадлежности с лицом, обозначенным дательным падежом (примеры выше), или объект, который придает глаголу то значение, которым обусловлена возможность управления дательным падежом. Например: не ткори ми трoудa oуже во дкaри за-ткорени сѣтъз Сав. 67, Л. XI, 7. (не ткори трoудa 'не утруждай'). Таким образом, дательный относится здесь не непосредственно к глаголу ткорити или сзздати, а к сочетанию «глагол + В (Р) падеж».

Эти особенности синтаксических связей могут служить формальным основанием при определении относительной силы управления, связывающей входящие в данную цепочку падежи с управляющим словом.

Формальным критерием различий непосредственного и опосредствованного управления может служить, например, возможность или невозможность употребления дательного при соответствующем непереходном глаголе с частицей сa.

2.6. Количество объектов, обозначенных беспредложными падежами, которыми может одновременно управлять глагол в древнеболгарском языке, не превышает трех. Один, два или три объекта может иметь глагол — зависит от лексического значения и грамматических особенностей глагола. Лексическим значением глагола определяется и характер возможных при нем объектов. Если объектов несколько, то мы можем установить, какой из них более тесно связан с глаголом (более необходимым для выявления лексического значения глагола) и какой менее тесно, т. е. расположить падежи данной цепочки в определенной синтаксической перспективе в зависимости от степени их связи с глаголом. Место падежа в цепочке, определяемое данной синтаксической перспективой, будем называть его синтаксической позицией по отношению к глаголу, различая позиции первого объекта, второго объекта и третьего объекта.

Если определять синтаксические позиции падежей, строго следуя учету силы управления, соединяющего глагол с членами управляемой им цепочки падежей, нужно подходить дифференцированно к разным группам глаголов, так как сила управления одним и тем же падежом у разных глаголов может быть различной: одни глаголы требуют дательного адресата, в то время как для других он может быть факультативен и, напротив, более необходим творительный орудия. Эти различия находят формальное выражение в порядке следования падежей в объектной цепочке.

«Залог (genera verbi) в старославянском языке в сравнительном плане». — «Исследования по синтаксису старославянского языка». Прага, 1963, стр. 45, 46].

Если синтаксическая позиция падежа в объектной цепочке зависит от глагольного управления, вряд ли правильно ее рассматривать как какой-то постоянный признак, о котором сигнализирует падежная форма, т. е. рассматривать падежи как знаки управления, как это делает К. И. Ходова⁶. Мы считаем, что вопрос об инвариантных значениях падежей не может быть решен на синтаксическом уровне, что значение падежа не может быть сведено к знаку глагольного управления, так как последнее определяется семантикой глагола, а не семантикой падежа.

2.7. Выделенные на синтаксическом уровне функции субъекта, объекта и обстоятельства получают дальнейшую конкретизацию, когда мы от анализа связи слов переходим к анализу связи понятий, обозначаемых этими словами, т. е. к анализу отношений между действиями, предметами и признаками.

Семантические функции в сфере субъектно-объектных отношений характеризуют субъект и объект с точки зрения роли, которую выполняют обозначенные ими предметы в действии.

Для семантической характеристики субъектно-объектных функций мы воспользуемся системой обозначения, принятой нами в работе «Падежи и предлоги в современном болгарском языке»⁷, посвященной анализу падежной системы местоимений. В зависимости от значения глагола мы различали три типа объекта и три типа субъекта. Существенным оказывается при этом деление глаголов на глаголы действия и глаголы восприятия и отношения.

В соответствии с различным характером действия могут быть и разные типы объекта. При глаголах, обозначающих активное действие, представлены два типа объекта: 1) объект действия — это предмет, непосредственно охватываемый действием; он может создаваться в результате данного действия (внутренний объект) или претерпевать какие-либо изменения в своем состоянии, положении и т. п. в результате целенаправленного воздействия субъекта и 2) воспринимающий объект — это обычно лицо, которое физически не подвергается действию, но должно явиться восприимчивым адресованной ему информации, предметов или действий. И в том и в другом случае субъект действия будет активным.

При глаголах, характеризующих восприятие внешнего мира субъектом (действие органов чувств, памяти, мыслительной деятельности), а также глаголах, обозначающих отношение субъекта к окружающему, его эмоции по поводу воспринятого, объект может быть охарактеризован как объект восприятия и отношения, который не подвергается какому-либо воздействию прямому или косвенному, но является лишь источником какой-то информации для субъекта.

⁶ К. И. Ходова. Система падежей старославянского языка. М., 1959, стр. 152.

⁷ Е. В. Чешко. Падежи и предлоги в современном болгарском языке. «Вопросы грамматики болгарского литературного языка». М., 1959.

Итак, при глаголах действия мы различаем семантические функции субъекта действия, объекта действия и воспринимающего объекта; при глаголах восприятия — субъекта восприятия и отношения и объекта восприятия и отношения.

При субъектных глаголах, не имеющих объекта, субъект может быть представлен и как субъект состояния.

Данные семантические функции установлены применительно к трехпадежной системе современного болгарского языка. В шести-падежной системе древнеболгарского языка имеется еще одна семантическая функция, выражаемая беспредложным падежом — функция инструментального объекта.

Характер глагольного действия определяет не только характер возможных при данном глаголе субъекта и объектов, но также количество объектов и их последовательность.

Поэтому количество звеньев объектной цепочки падежей может служить формальной основой предложенной выше семантической классификации глаголов. Различия глагольного управления получают отражение в наборе падежей и их расположении в цепочке объектов.

СИСТЕМА ПАДЕЖЕЙ ДРЕВНЕБОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

Нашей задачей является построение падежных корреляций и определение морфологических значений падежей древнеболгарского языка.

В значении падежа предлагается различать семантические функции, являющиеся наиболее обобщенными контекстными значениями падежей, и морфологическое значение как инвариантное значение, представленное в виде набора дифференциальных признаков. При построении корреляций учитываются только субъектно-объектные функции и не принимаются во внимание обстоятельственные.

Дифференциальные признаки падежной системы выводятся на основе исследования привативных корреляций семантических функций беспредложных падежей. Исключение представляет только локатив, который в языке древнейших памятников функционирует в основном уже как предложный падеж. Исследование показало, что место беспредложного локатива в системе падежей древнеболгарского языка занял локатив с предлогом *о*.

Исследование проведено на материале восточноболгарских текстов Саввиной книги и Сунрасльской рукописи¹.

3. Структура субъектно-объектных синтаксических цепочек беспредложных падежей. Семантические функции падежей древнеболгарского языка.

¹ Данное ограничение, продиктованное общим замыслом нашей работы, оправдано публикацией книги К. И. Ходовой «Система падежей старославянского языка» (М., 1963), в которой дано полное синхронное описание синтаксического функционирования беспредложных падежей старославянского языка с учетом материала всех старославянских памятников. На материале всех евангельских текстов X—XI вв. связи глагола с дополнением описаны Ч. Бартулой (см.: Czesław Bartuła. Związki czasownika z dopełnieniem w najstarszych zabytkach języka starosłowiańsko-słowiańskiego. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1964, стр. 101). Анализ данной работы см.: Е. В. Чешко. Система падежного синтаксиса старославянского языка. «Советское славяноведение». М., 1967, № 2, стр. 47.

В зависимости от лексического значения глагол требует тех или иных объектов: в одном случае — одного, в другом — двух или трех. Предполагается, что: 1) мы можем определить эту зависимость, т. е. установить, какие глаголы требуют одного, какие двух и какие трех объектов и каких именно, и в зависимости от этого дать семантическую классификацию глаголов; 2) если при глаголе может быть несколько объектов, мы можем установить, какой из них более тесно связан с глаголом (=более необходим для выявления его лексического значения), какой менее, поставить их в определенную синтаксическую перспективу в зависимости от их связи с глаголом и таким образом установить типы синтаксических цепочек; 3) мы можем также установить, какое значение имеют субъект и объект (объекты) при глаголах разных семантических групп, определив роль обозначаемых ими предметов в действии. В результате этого анализа будет определен набор семантических функций падежей; 4) можно проследить далее, какие семантические функции какими падежами выражаются и какой падеж для той или иной функции является доминирующей формой.

Термин «семантическая функция» в данном понимании не имеет значения «семантическое содержание падежного окончания», которое вкладывал в этот термин Е. Курилович². В нашем понимании семантическая функция это значение, которое получает субъект или объект по его роли в действии. Если глагол может управлять двумя или тремя объектами, их значения дифференцируются с помощью различных падежей. Глаголы, которые могут управлять только одним объектом, не нуждаются как будто в дополнительной информации падежной формы относительно характера данного объекта. В этом смысле падежное значение оказывается как будто избыточным. Однако это не означает, что объект лишается своей семантической функции, т. е., что здесь не может быть определена роль обозначенного данным объектом предмета в глагольном действии.

3.1. Типы синтаксических цепочек беспредложных падежей, встретившихся в древнеболгарских текстах, могут быть легко перечислены, так как количество их относительно невелико.

Примем следующие правила обозначения:

1) Падежи обозначаются первой заглавной буквой: И, В, Р, Д, Т, Л.

2) На первом месте в цепочке падежей ставится падеж субъекта.

3) Второе, третье и четвертое места занимают зависимые члены, определяющие глагол, расположенные в порядке убывающей силы управления. Так, в цепочке, обозначенной символами ИВРТ — именительный падеж обозначает падеж субъекта, винительный — падеж первого объекта, родительный — падеж вто-

² Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 186.

рого объекта, творительный — падеж третьего объекта или сильно-управляемого обстоятельства (инструментальный образ действия). В цепочке ДИТ дательный обозначает субъект действия, именительный первый объект, творительный — второй объект, и т. п.

Порядок расположения падежей в синтаксических цепочках не отражает порядка слов, а лишь синтаксическую перспективу падежей в указанном выше смысле.

В древнеболгарском языке зафиксированы следующие типы синтаксических цепочек:

Цепочки из двух звеньев — падеж субъекта и падеж объекта: ИВ, ИР, ИТ, ИД, ИЛ, ДИ, ДТ, ДР, ДД, ТИ, ТД.

Цепочки из трех звеньев. ИВД, ИРД, ИВР, ИВТ, ИРТ, ИДТ, ИТД, ТИД, ДИТ (ДРТ).

Цепочки из четырех звеньев: ИВРТ, ИВДТ, ИВТД.

Кроме того, имеются цепочки из одного звена — падеж субъекта и глагол. Субъект в древнеболгарском языке может быть выражен И, Д или Р падежом.

3.2. В древнеболгарском языке глаголы восприятия и отношения и глаголы активного действия существенно отличаются друг от друга по типам возможных при них цепочек падежей. Глаголы, обозначающие восприятие субъектом внешнего мира и его отношение к воспринимаемому (т. е. действия органов чувств, проявление эмоций и мыслительной деятельности субъекта), очень редко образуют цепочки из трех звеньев и не встречаются с цепочкой из четырех звеньев.

Преобладающим типом при глаголах восприятия и отношения является цепочка из двух звеньев — субъекта и объекта. Например:

ИВ слышакъ же юноша слоко се Сав. 45, Мө. XIX 22.
разоумѣкъ; прѣчистын лѣпотъ тѣла своего Супр. 140—27;
оца твоѣ виднѣтъ та Сав. 72, Мө VI, 6.

ИР стынѣхъ слоко съ да слышимъ Супр. 452—27
жѣтробѣ зариси а таѣшѣаго съ въ неи не видеши
Супр. 241—15; паче вѣстѣхъ стоуданѣхъ дѣла величана
гноушаатъ съ въ. Супр. 545—12; и разоумѣвши своего
зла вѣскрича съ вѣстѣми Супр. 43—23;

ИД не вси разоумѣте слокоу Сав. 43, Мө. XIX, 11; и вси людие
радокаѣхъ съ емоу Сав. 58, Лук. XIII, 17, чоуждааѣхъ съ
вси трапѣннѣ исоусокоу Супр. 392—24;

ИЛ и оупканиѣ вѣки наѣа съ Супр. 552—14;

ИТ кѣто не вѣстоуднѣтъ съ острожѣ вѣрожѣ сежъ Супр. 55—14;
не стѣжидѣхъ съ тѣлеснѣыми своими пѣзками не срамѣаѣхъ
съ плѣтѣнѣыми своими строупѣтъ Супр. 503—11, 13.

Примеры с субъектом, обозначенным дательным падежом:

ДР колико паче би оужасати сѧ намъ хѧ исуса Супр. 149—2;

ДД какоже кѣмъ дикити сѧ и оужаснѣти сѧ творенымъ
чюдесемъ Супр. 566—15;

ДТ мѧмъ ли юзи стѣхъ оубоити сѧ намъ Супр. 176, 15—16.

Обозначим субъект и объект при этих глаголах терминами «субъект восприятия и отношения» и «объект восприятия и отношения». Объект восприятия и отношения это такой объект, который не подвергается какому-либо активному воздействию со стороны субъекта (прямому или косвенному), являясь лишь источником какой-то информации для субъекта, возбудителем его эмоций. Субъект восприятия и отношения выступает как восприимчивый сигналов, получающий какую-то информацию и соответственно формирующий свое отношение к воспринимаемому.

3.2.1. В исключительно редких случаях при глаголах восприятия и отношения помимо объекта восприятия и отношения встречается еще другой объект, обозначенный творительным или дательным падежом.

Единичными примерами представлена цепочка с творительным падежом.

ИВТ и разоумѣхъ доухомъ заблудивши разоумъ
Супр. 325—20;

ИРТ тебе книжа платѣнѣма очима
тебе разоумѣхъ кѣрѣнѣма очима Супр. 505—13;

ИВ/РТ³ казньи гѧ бѧ ского кѣмъ срдцемъ
своима Сав. 47, Мф. XXII, 37.

познавшимъ тобож отъца и сѧго дѧ Супр. 143—10.

Творительный падеж выступает здесь в функции инструментального объекта, обозначая часть тела (или какую-либо функцию организма — доухъ, разоумъ, кома и пр.), с помощью которой осуществляется данное действие. Часто такой инструментальный объект приобретает характер обстоятельства образа действия⁴.

Имеются случаи, когда при глаголах внутреннего действия представлен только творительный падеж, например:

И абие разоумѣхъ ис дѧхомъ своима тако тако ти помышѣхъ
к себѣ Сав. 76, Мрк. II, 8; и разоумѣ тѣломъ тако цѣтѣхъ отъ

³ Знаком В/Р обозначена синкретичная форма, которая может иметь значение как винительного, так и родительного падежа, так как значения В и Р падежей в этой позиции нейтрализуются.

⁴ Эти случаи относятся к так называемому творительному образу действия, описанному Д. С. Станишевой («Творительный инструментальный» — «Творительный падеж в славянских языках». М., 1958, стр. 112 и др.).

раны Сав. 134, Мрк. V, 29;

вз тз часз кзздрадоса са дхѡма ꙗ Сав. 132, Л. X 21.

Творительный при этих глаголах не обозначает, однако, объекта восприятия. Он выступает в функции, аналогичной той, которую он выполняет при этих глаголах в синтагматическом противопоставлении винительному или родительному падежу, т. е. в функции инструментального объекта, обозначая «орган», с помощью которого осуществляется данное действие.

3.2.2. Очень редко наряду с объектом восприятия в цепочке падежей стоит дательный, например: ИВД видѣхъ во ѿмоу сѣдинѣ вѣлы акы влѣнъ благо тѣло осклабѣнѣ очѣ Супр. 47—28; ИРД да ѿмоу не бѣдетъ видѣти голъ прѣсни Супр. 187—8, 9; не примышлѣн ми сѣмрати кѣчанѣа Супр. 1—89.

Значение этого дательного может быть определено как значение заинтересованного лица. Это одно из частных значений дательного, выступающего в семантической функции воспринимающего объекта.

При глаголах восприятия и отношения встречается также так называемый дательный этический, например: сѣмотри же ми кѣсе мѣсто неповѣдѡе Супр. 90—14; сѣмотри же ми злѡдѣстѣко ихъ рѣжанѡе Супр. 90—14; ты же ми сѣмотри оученикѣ мѡвѣшта истинѣ Супр. 440—12.

Дательный второго объекта может иногда иметь значение объекта отношения, т. е. выступать в функции объекта восприятия и отношения, например: вѣрѣ емѣте мнѣ аще ми же ни за та дѣла вѣрѣ имѣте ми Сав. 100, Io, XIV, 11; это находим в случае, когда глагол в сочетании с винительным падежом выражает отношение, в данном случае 'верить', 'поверить'.

Употребление дательного второго объекта при глаголах восприятия и отношения представлено единичными случаями. Мы привели выше все встретившиеся нам примеры.

3.3. Аналогичные типы цепочек образуют некоторые глаголы действия, характеризующие линию поведения субъекта по отношению к объекту, но не оказывающие на объект никакого непосредственного воздействия. Таковы глаголы: подражати, басѣдовати, сѣподовити сѣ, трѣбовати 'быть нужным', искати, ждѣти, оутѣити сѣ, гонезноути, извѣгати, оуклонѣти сѣ, погрѣшити, отрѣкати сѣ, мѣстити 'защищать', пешти сѣ, приежати 'заботиться' и т. п.

Глаголы этого типа употребляются главным образом с двухчленными цепочками. Как и при глаголах внутреннего действия, в функции объекта могут встретиться все падежи. Например: ИВ юноша да тѣчѣникѣ подражаѣтъ Супр. 95—26; тако послоуша ѿ твоего ласканиѣа да погрѣшѣ христѡсоко прѣшетѣе Супр. 156—9;

ИР толико она оукланѣаше са ѿа Супр. 365—29; какоа оубо слакы сподобатъ са прѣбываѣции къ запокѣдехъ ѿего Супр. 123—10; не хотѣаше с ними причастити са нъ гонѣмоути ихъ хотя Супр. 440—28; нѣстъ оутанло са насъ нечастикоуе запокѣдание Супр. 147—26; мира и свѣзкоупаениа вѣгнаеши Супр. 200—11; и остани са вѣсованиа своего Супр. 115—1; они же не полоучикъше ѿегоже искаахъ на гнѣвъ обратиша са Супр. 38—19; а ли оучителя молитвы трѣбоуаше Супр. 307—19; ИД прѣподовнии еппи... оучаште пракотѣно кѣслѣдствуюжше ѣтоуоумоу касилоу Супр. 538—17; ИТ аште са не пѣчетъ бога мноуж Супр. 292—15; ИЛ приведе же къ господж и прилежае ема Сав. 55, Лук. X, 34; ДР ѿегоже кѣ вѣстѣмъ намъ не погрѣшити Супр. 508—7; не вѣди то ѿеже отъбрѣшити са намъ небеззаклааго црѣ Супр. 59—22.

Субъект при этих глаголах является действующим, а не воспринимающим субъектом. Его действия обусловлены обычно положительным или отрицательным отношением к объекту и в зависимости от этого направлены либо на «сближение» с объектом, сохранение его, либо на отказ от объекта, уклонение от контакта с ним. Объект при этих глаголах, как и при глаголах восприятия и отношения, не подвергается какому-либо воздействию со стороны субъекта, ни физическому, ни психологическому. Действие субъекта не распространяется на объект, а лишь ставит субъект в определенное положение по отношению к объекту. Это дает основание рассматривать объект при этих глаголах, как объект отношения, т. е. квалифицировать данную функцию как функцию восприятия и отношения.

Формальное сходство рассмотренной группы глаголов с глаголами отношения состоит в том, что чаще всего они требуют родительного падежа.

3.3.1. Как и при глаголах восприятия и отношения, наличие двух объектных падежей при глаголах этой группы встречается крайне редко. Нами зафиксированы примеры с творительным падежом (И) РТ: ѿко тацѣми словесы оукѣжати имаша мѣсти Супр. 49—17.

Обычно творительный при этих глаголах приобретает обстоятельственное значение, например: страхомъ рѣста оукѣжикѣ зѣтри богазнаж отъвѣжикѣ зѣтри Супр. 472—1, 2.

3.3.2. Падежи, выступающие в функции объекта восприятия и отношения, занимают по отношению к глаголу позицию первого объекта. Редкие случаи употребления цепочек, в которых помимо объекта восприятия и отношения имеется еще инструментальный объект, выраженный творительным, или воспринимающий объект, обозначенный дательным падежом, свидетельствуют о том, что эти объекты менее обязательны при данных глаголах, чем

объект восприятия и отношения, и, следовательно, в цепочке падежей, отражающей силу глагольного управления, они занимают более отдаленную от глагола позицию — позицию второго объекта.

3.4. Глаголами активного действия мы будем называть глаголы, обозначающие активное воздействие субъекта на внешний мир. Отличие этих глаголов от рассмотренных выше групп состоит как в семантических функциях сочетающихся с ними падежей, так и в типах возможных при них объектных цепочек.

Субъект действия в отличие от субъекта восприятия и отношения физически воздействует на объект или выступает как источник определенной информации, рассчитанной на ее восприятие объектом. В соответствии с этим при глаголах действия возможны два типа объекта: объект действия, который, в отличие от объекта восприятия и отношения, испытывает на себе физическое воздействие со стороны субъекта, например: *ты же поста са помажи глабж скож* Сав. 73, Мө. VI, 17; *азз... д'ло гзыршихз* Сав. 107, Ио. XVII, 4 и воспринимающий объект, который в отличие от объекта действия не подвергается физическому воздействию со стороны субъекта, но в отличие от объекта восприятия и отношения является не источником, а восприимчивым адресованной ему информации, предметов или действий. Например: *ИД кззк'к'шша же имз кнд'к'зшеи како спе са к'к'шны* Сав. 54, Лук, VIII, 36; и *кзста и слоужаше емоу* Сав. 34, Мө. VIII, 15; *ИБ она же кзстакиз из кзпрашааше* Супр. 44—7; *ИВД покжтте ми склазз киносокы* Сав. 46, Мө. XXII, 19.

Кроме объекта действия и воспринимающего объекта, при глаголах активного действия возможен еще инструментальный объект, обозначающий предмет, с помощью которого осуществляется действие. Например: *ИБТД тзгда доук'сз покел' каменима лица имз бити* Супр. 74—2.

Возможность образования цепочки из четырех звеньев обусловлена переходностью глагола: только прямопереходные глаголы активного действия могут иметь цепочку с тремя объектами. Например: *ИБТД покел' анеупатз... мечема глабж емоу отзк'шги* Супр. 119—1.

Однако при этих глаголах полная цепочка беспредложных падежей — явление относительно редкое. Чаще встречаются цепочки, состоящие из трех или из двух падежей. По составу объектов в этих цепочках можно произвести дальнейшее разбиение глаголов на семантические группы.

3.4.1. Цепочки из двух звеньев с объектом действия представлены типами: ИВ, ИР, ИТ; ИЛ, ТИ.

Если объект восприятия и отношения чаще всего бывает выражен родительным падежом, то преобладающей формой обозначения объекта действия является винительный падеж.

При переходных глаголах параллельно винительному может употребляться родительный объекта действия. Однако его употребление не только встречается реже, но обычно строго регулируется либо типом грамматической конструкции (конструкции с отрицанием и супином), либо лексическим значением глагола и имени существительного, стоящего в этом падеже (глаголы, обозначающие действия, способные к частичной объективации, и имена существительные вещественного значения). За пределами этих условий отмечено известное количество случаев параллельного употребления винительного и родительного падежей без различия в значениях. К. И. Ходова отмечает такие примеры при глаголах *решти*, *глаголати*, *посѣтити*, *посѣдити*, *писати*, *сзкръстити*, *сзтворити*, *обрѣсти*, а также *яти*, *приняти*, *имѣти*, *кззати*, *дати*, *принести* с существительными невестественного значения, но отмечает при этом, что более обычным является в подобных случаях винительный падеж⁵.

При непереходных глаголах объект действия может быть выражен родительным, творительным и местным падежами. Например: *ИР потома краи отъпадажт тѣла* Супр. 89—24; *стѣни же канонъ... повеѣтъ вѣкомъ... остатѣ сѣ ихъ* Супр. 39—9; *ИЛ и вѣсѣ народъ искаше прикасати сѣ ема* Сав. 133 Л. VI, 19; и *пришдѣзъ прилѣгнѣ сѣ единомѣ отъ житѣла тоѣ страны* Сав. 67; Л. XV, 15; *ИТ мѣсто оубо скатааго пещтеры... порастѣ вѣлиемъ многомъ и и траннимъ* Супр. 217—21.

3.4.2. Двучленные цепочки с воспринимающим объектом представлены типами ИВ, ИД, ТД.

Цепочку ИВ находим при переходных глаголах, обозначающих психологическое воздействие на объект, например: *азъ оумолж оца* Сав. 106, Ио. XVI 26; *егда и вѣи прѣластѣ* Сав. 28, Ио. VII, 47; *что ма искоушавѣ лицемѣри* Сав. 46, Мө. XXII, 18.

Более разнообразен состав глаголов, требующих дательного воспринимающего объекта. Это могут быть не только глаголы сообщения, которые часто употребляются с одним объектом, например: *и молихъ сѣ оученикомъ тѣомъ да иждѣнжѣтъ* Сав. 55, Лук. IX, 40; *онъ же повеѣтъ имъ вѣнити* Сав. 54, Лук. VIII, 32 и *разбоиника распатѣ сѣ нимъ помощѣста емоу* Сав. 119, Мө XXVII, 44; но также глаголы причинения и глаголы даяния (предоставления), при которых не может быть винительного воспринимающего объекта.

При глаголах причинения дательный воспринимающего объекта выступает в значении адресата причинения, например: *мнѣ во*

⁵ К. И. Ходова. Указ. соч., стр. 62—64.

облагчакаметъ отъ мѣкъ $\overline{\chi\epsilon}$ Супр. 4—11; господѣ же помагаше кастѣмъ Супр. 210—6; и вѣста слоужаше емоу Сав. 34, Мө. VIII, 15; никы же рабъ не можетъ дѣла гдѣнома работати Сав. 63, Лук. XVI, 13.

Двухчленные цепочки встречаются и при глаголах представления, например: дадите кы имъ части Сав. 39, Мө. XIV. 16, или при глаголах на $\epsilon\alpha$, например: и се все прѣдастъ $\epsilon\alpha$ камъ Сав. 34, Мө. VI, 33; азъ... ѣкаж $\epsilon\alpha$ емоу самъ Сав. 25, Ио. XIV. 21.

Степень употребительности цепочек с дательным первого объекта разных значений различна.

Двучленные цепочки с дательным воспринимающего объекта возможны также, в страдательных конструкциях, например: ТД бедоста и заткориста и ѣкоже пожелѣно има вѣстѣ цѣсаремъ Супр. 196—4.

3.4.3. Трехчленная цепочка типа ИВТ характерна для глаголов действия, не требующих дательного падежа, например, при глаголах, где воспринимающий объект выражен винительным падежом: азъ же нѣмѣ заклинаѣхъ кы богомъ живѣимъ Супр. 264—12; поучикъ а слоужетъ многы Супр. 208—6; а также при глаголах, где винительный падеж выступает в функции объекта действия, например: и различно кждо вѣдахъ и ови прѣтиемъ ови вичи а доузи жазанемъ Супр. 193—6.

Творительный инструментального объекта, кроме значения орудия, может выступать в значениях средства действия, например: зане и частъны цѣсаръ константинъ... вожастѣнѣимъ доухомъ... дръжавъ прѣимъ Супр. 186—5 или значение вспомогательного материала⁶, например: азъ ѣво водѣхъ крацъ кы Сав. 147, Марк. I, 16; и казахъ и жжи желѣны и пжты стрѣгжѣи Сав. 54, Лук. VIII, 29.

Значения орудия и вспомогательного материала имеет творительный в цепочке типа ИРТ, где функция объекта действия выражена родительным падежом, например: тоа стѣдѣка покровишта слокесемъ оуцоуши Супр. 348—4, 5; олѣомъ главы мѣса не помаза Сав. 130, Л. VII, 46; начрѣпимъ $\epsilon\alpha$ оубо и мы... небезнаго богатѣства несѣтѣми пазоухами Супр. 327—10; коснѣхъ $\epsilon\alpha$ его рѣкама Супр. 566—12.

Примером творительного средства в цепочке ИРТ мы не располагаем. Однако можем привести пример с родительным объекта и творительным средства действия в цепочке типа ДРТ, где субъект действия при инфинитиве обозначен дательным падежом: не поштѣтъ ли самъ ходатаѣ себѣ... да кы тѣчѣхъ кѣимъ избѣти емоу зла Супр. 361—21.

⁶ По классификации Д. С. Стапишевой (Указ. соч., стр. 93).

3.4.4. Трехчленная цепочка ИВР представлена при ограниченном круге глаголов. Это переходные глаголы со значением наполнения, насыщения, например: толма же безбожаниа ти меташа каменные на пракадника донелѣже напланиша пещтерѣж каменита Супр. 216—28, 29; ништѣаа его насыштѣх ѡмѣа Сип. пс. СХХХІ, 15, 173^в, 15; глаголы со значением отторжения, освобождения, например: просты ма котыгы мишисте Супр. 368—11; емоу отаца покажи ми да та прѡштѣх грѣха Супр. 241—4.

3.4.5. Данная цепочка может быть распространена еще четвертым членом — ИВРТ. Мы располагаем, правда, лишь одним примером, иллюстрирующим данный тип: иже дѣлателя добрыи разажѣаа доухомѣ ѣтѣимѣ пакѣты п'шеница Супр. 143—19, 20.

3.4.6. Цепочки из трех звеньев с дательным падежом второго объекта представлены следующими типами: ИВД, ИРД, ИТД, ТИД. Во всех этих типах дательный падеж выступает обычно в функции воспринимающего объекта.

По отношению к воспринимающему объекту, глаголы, имеющие данные цепочки падежей, обозначают действия даяния, сообщения и причинения. Эти действия характеризуются направленностью к адресату, в качестве которого и выступает воспринимающий объект. Например: ИВД — азѣ камѣ прѣдамѣ юго Супр. 411—20; они же принесѡша емоу пѣнаѣзѣ Сав. 46, Мѡ. XXII, 19 (адресат предоставления); никто же емоу можаше отѣштѣати слово Сав. 47 Мѡ. XXII, 46 (адресат сообщения); кто ти ѣстѣ раздрѣаѣ котыгѣх Супр. 187—11, 12 (адресат причинения); ИРД — вѣди да ти не сѣкрѣтитѣ оуѣгѣ печальное мѣчение Супр. 382—28; помои са хѣоу да подаѣштѣ намѣ вѣдѣниа Супр. 3—22; не помештѣте вѣзѣра кашего скѣниамаѣ Супр. 24—15; и не отѣштѣа ѣмоу ни ѣдного словесе Супр. 192—4.

В соответствующих страдательных конструкциях представлен тип цепочки ТИД. В функции субъекта действия выступает творительный падеж, а объект действия обозначен именительным падежом, например: вѣа ми прѣдѣаа сѣштѣ ѡѣема моима Сав. 135, Мрк. V, 27; нѣ ѣстѣ вѣ ѣже мноѣх повѣданѣ камѣ Супр. 34—15.

Здесь дательный, как и в действительных конструкциях, рассмотренных выше, выступает в функции воспринимающего объекта.

3.4.7. Очень редко объект действия бывает выражен творительным падежом. Мы можем привести лишь один бесспорный пример с творительным объектом действия в цепочке ИТД: ѣмоужѣ и подѣрааѣхѣ трѣбамаи не на оуспѣха нѣ да не вѣдѣе отѣ него вѣдѣа Супр. 35—26.

Появление в подобной цепочке винительного падежа изменит семантическую функцию творительного, например: *пѣснями и хвалами благодарения въздадимъ емоу* Супр. 319—26, 27. В этом случае винительный падеж (благодарения) функцию объекта действия берет на себя, а творительный выступает уже в функции инструментального объекта. Формулы цепочек отражают это различие: первый пример соответствует цепочке ИТД, второй — ИВДТ. Но в том и в другом случае синтаксическая позиция дательного падежа (позиция второго объекта) остается неизменной.

Другой случай цепочки ИТД находим в примерах типа *пограсъ имъ ржкожъ* Супр. 35—13, где творительный *ржкожъ*, независимо от того, считать ли его творительным объектом или творительным орудием, оказывается теснее связанным в глаголом, чем дательный адресат, в силу того, что глагол *пограсъти* получает способность управлять дательным только при наличии творительного, который придает ему значение 'делать знаки', которые могут быть адресованы кому-либо. Таким образом, появление дательного обусловлено целым словосочетанием *пограсъ ржкожъ*, а следовательно, может занимать только второе место. В отличие от этого в примере *помажъ же имъ ржкожъ* Супр. 33—20 дательного адресата требует глагол *помажъти* независимо от наличия творительного, который является здесь менее обязательным, чем дательный. Этому соответствует цепочка ИДТ.

Цепочка ИДТ будет представлена также в случаях с так называемым «свободным дательным». Например, с дательным предназначения: *и кагдаи красътъ кѣрожъ цѣтъштъ и живнижъ кастмъ ситажштъ* Супр. 352—19.

Как бы ни определять значение творительного в данном контексте (К. И. Ходова определяет его как творительный объект, Д. С. Станишева как творительный орудие), более тесная связь с глаголом творительного падежа по сравнению с дательным очевидна, так как первым обозначен «предмет», в котором проявляется действие, в то время как присутствие дательного не является обязательным.

3.4.8. Трехчленные цепочки с дательным воспринимающего объекта типа ИДТ характеризуются отсутствием объекта действия. Это расширение цепочки, описанной в § 3.4.2. Функцию субъекта действия в этом типе цепочек выполняет именительный падеж, а творительный выступает в функции инструментального объекта или в функции, переходной к обстоятельству, в значении творительного инструментального образа действия, или, наконец, в чисто обстоятельственной функции. Например: 1) *Поанъ же... сученики своими рече емоу* Матв. XI, 2. Зогр. 13,

не дрзѣнѣ ꙗкоже бо҃гоу помолѣти ꙗко кѣ ꙗко помолѣте за ма
Супр. 364—8, 9.

Здесь творительный выступает в чисто инструментальной функции, обозначая средство действия⁷.

2) В примере: помолѣхъ ꙗко лицу чюеѣмоу вѣстѣма срѣчема
моѣма Сип. пс. CXVIII, 58⁸, 21 представлен творительный ин-
струментальный образа действия⁸. 3) В случаях: азъ же правъ-
дожъ аѣлѣ ꙗко лицу чюеѣмоу Сип. пс. XVI, 15, 17¹⁸; мирома ꙗко помолѣ
ꙗко Сип. евх. 98, 18 — творительный представлен уже в чисто об-
стоятельствственной функции⁹.

Цепочка типа ИДТ характерна также для глаголов с сильно-
управляемым дательным, выступающим в значении адресата
причинения. Например: ранами и сѣмрѣтѣми и мѣжками безмѣръ-
наѣми догаждааше нѣмъ Супр. 87—10; врагъ ... вѣстѣма на правѣ-
наѣго вѣдѣнѣма ꙗкоу нападе вѣстома Супр. 521—6, где вѣстома
может рассматриваться как творительный средства или твори-
тельный превращения.

3.4.9. Те же типы творительного могут быть представлены
и в цепочках из четырех звеньев ИВДТ при переходных гла-
голах, где имеется объект действия.

Здесь может быть представлен творительный инструмен-
тального объекта, например: сѣтъ нѣси боже нѣже божаѣстома
скома сѣпоустѣѣти оубо҃гоуоуѣмоу александру помошѣ ꙗко небесе
Супр. 164—12, 13.

Творительный инструментальный образа действия, напри-
мер: братъ... скома рѣкома самъ тѣжъ о҃стѣкшѣ водѣ при-
шедшѣма к ѣмоу странѣнѣма принесѣ Супр. 549—27 (где
скома рѣкома — собственноручно), а также творительный
в чисто обстоятельствственной функции, например, образа дей-
ствия: дажди раѣоу чюеѣмоу сѣдравѣе коленѣ и благодѣтѣиѣ о҃ца
чюеѣго нѣсѣнаѣго Сип. евх. 687¹⁰.

Если в трехчленных цепочках типа ИДТ дательный воспри-
нимающего объекта представлен главным образом в значении
адресата сообщения, то в четырехчленных цепочках типа ИВДТ
дательный выступает в значении адресата предоставления.

⁷ Примеры Д. С. Стапишевой, которая определяет подобные случаи, как творительный инструментальный средства (Указ. соч., стр. 93, 94).

⁸ Там же, стр. 112.

⁹ К. И. Ходова рассматривает творительный мирома как творительный сово-
купности (Указ. соч., стр. 119). Р. Вечерка вносит поправку: «твор. мирома
здесь обозначает не «жителей света», а состояние внутреннего спокойствия,
«мир»» («Исследования по синтаксису старославянского языка». Прага,
1963, стр. 295).

¹⁰ К. И. Ходова. Значения творительного беспредложного в старосла-
вянском языке. «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. XIX, 1960, стр. 146.

Четырехчленная цепочка типа ИВТД будет соответствовать третьему значению дательного воспринимающего объекта — значению адресата причинения. Его находим при глаголах, не имеющих сильноуправляемого дательного падежа. Значение адресата причинения при этих глаголах дательный падеж получает благодаря тому, что действие направлено на предмет, принадлежащий воспринимающему лицу. Например: *единъ отъ коинъ копиема емоу ребра прокоде* Сав. 129, Io. XIX, 34; *тацѣми и такоуыми слоесы оутвѣрдихъ емоу срдце истинныи и милостивыи братъ* Супр. 527—6. Дательный емоу имеет здесь двойную зависимость, он может относиться как к глаголу, так и к прямому объекту¹¹. Это делает его слабоуправляемым падежом. В отличие от случаев с сильноуправляемым дательным условимся ставить слабоуправляемый дательный после творительного. Тем более, что творительный при глаголах этого типа как правило выступает в чисто орудийном значении, т. е. в отличие от дательного является сильноуправляемым падежом.

4. Итак, в сфере объекта мы различаем четыре семантические функции: функцию объекта восприятия и отношения, возможную при глаголах, характеризующих восприятие внешнего мира субъектом (действия органов чувств, памяти, мысли), а также отношение субъекта к объекту, его эмоции по поводу воспринятого и его реакцию на данное восприятие, которая может быть выражена в действиях, ставящих субъект в определенное положение по отношению к объекту. Объект восприятия и отношения не подвергается какому-либо активному воздействию со стороны субъекта (прямоу или косвенному). При глаголах, обозначающих активное действие, мы различаем три типа объекта: объект действия, который подвергается физическому воздействию со стороны субъекта; воспринимающий объект, который не испытывает непосредственного физического воздействия субъекта, но должен явиться восприимчиком адресованной ему информации, предметов или действий, и инструментальный объект, с помощью которого осуществляется действие.

Целесообразность выделения в сфере объекта этих четырех семантических функций определяется еще и тем, что они оказываются главными функциями разных падежей.

Главной семантической функцией падежа мы называем функцию, наиболее характерную для данного падежа, т. е. такую, в которой он выступает чаще, чем в других функциях; функцию, для которой данный падеж является доминирующей формой (т. е.

¹¹ В последнем случае дательный притяжательный может чередоваться с родительным, например: *повелѣ князь бити и жъзаниемъ по ребромъ и власкнемъ соукномъ въстирати раны ею*. Супр. 218—12.

эта функция чаще выражена конструкциями данного падежа, чем какими-либо конструкциями — предложными или беспредложными¹². Неглавные (вторичные) функции падежа более строго контекстно обусловлены. Основным условием их проявления является отсутствие в контексте падежей, для которых эти функции являются главными. Поэтому в позиции максимального противопоставления падежей каждый падеж выступает в своей главной функции.

4.1. В функции объекта восприятия и отношения в древнеболгарском языке могут употребляться все падежи, однако чаще всего в этой функции выступает родительный падеж¹³. При некоторых глаголах объект отношения может быть выражен только родительным падежом¹⁴. И почти нет глаголов, при которых объект отношения не может быть выражен родительным падежом (хотя при ряде глаголов могут выступать в данной функции и другие падежи). Это может служить основанием к тому, чтобы считать функцию объекта восприятия и отношения главной функцией родительного падежа. Поскольку родительный восприятия и отношения употребляется как правило в цепочках с одним объектным падежом, здесь не может быть применен синтаксический критерий определения главной функцией, согласно которому главной функцией падежа является та, в которой выступает данный падеж в синтагматическом противопоставлении коррелятивным падежам. Впрочем, родительный объекта отчуждения в цепочке ИВРТ близок по своему значению к объекту отношения, так как обозначает предмет, остающийся за пределами действия, которое направлено на объект, обозначенный винительным падежом.

4.2. В функции объекта действия также употребляются все падежи. Однако данная функция является главной функцией винительного падежа, поскольку другие падежи могут выступать в этой функции лишь при отсутствии в контексте винительного

¹² Этот признак положен в основу определения первичных синтаксических функций и первичных семантических значений К. И. Ходовой («Система падежей старославянского языка», стр. 26—27).

¹³ По данным К. И. Ходовой, при глаголах восприятия *видѣти*, *сѣмьотрѣти*, *слѣшати*, *самшати*, *оуслѣшати*, *послѣшати*, *вѣнѣмати*, *желати*, *желѣти*, *хотѣти*, *вѣсхотѣти* родительный употребляется чаще, чем винительный (стр. 60, 61). Только при глаголах *разѣумѣти*, *чѣтити*, *прѣвѣдѣти* — чаще винительный (стр. 62).

¹⁴ Только родительный К. И. Ходова отмечает при глаголах *жаждати*, *жадати*, *ненавидѣти* (стр. 62), при глаголах ожидания, просьбы, требования: *ждати*, *чѣпати*, *искати*, *вѣзнѣскати*, *просити*, *вѣспросити*, *тѣбѣвати* (стр. 67), при глаголах, выражающих внешнее проявление человеческих чувств: *плакати*, *трепетати*; при глаголах со значением 'набегать' — *бѣгати*, *оубѣжати*, *отгастѣжити* (стр. 67). При непереходных глаголах, требующих объекта отношения, употребляется родительный падеж, который лишь в редких случаях чередуется с другими беспредложными падежами.

падежа. Если же в цепочке объектных падежей винительный падеж имеется, он всегда выступает в функции объекта действия.

4.3. Функция воспринимающего объекта может быть выражена дательным и винительным падежами. В отдельных случаях встречается родительный. Например: *пока ми прѣжде отъвѣчати са тѣхъ иже сътъ къ домоу моему* Сав. 57, Лук. IX, 61.

Однако при наличии в цепочке падежей дательного одушевленного другие падежи не выступают в функции воспринимающего объекта, которая и является главной функцией дательного падежа.

4.4. Инструментальный объект не может быть выражен другими беспредложными падежами, кроме творительного. Сам творительный может выступать в других функциях, но главным образом в противопоставлении с падежами субъекта. Появление в цепочке других объектных падежей способствует пересмыслению функции объекта действия в функцию инструментального объекта. Например: *потрагъ имъ ржкожъ* Супр. 35—13; *пѣснями и хвалами благодарениа къздадимъ емуу* Супр. 319—26, 27.

4.5. В позиции максимального синтагматического противопоставления все падежи выступают в своих главных семантических функциях: именительный в функции субъекта действия, винительный в функции объекта действия, дательный в функции воспринимающего объекта и творительный в функции инструментального объекта. Например: *единъ отъ воинъ копиема емуу рекра прокоде* Сав. 129, Ио. XIX, 34.

В позиции противопоставления дательному и творительному вместо винительного может выступать родительный в условиях, когда допустима частичная объективация и нужно показать, что объект не в полной мере охвачен действием, а также в отрицательных конструкциях и конструкциях с супином. Значение объекта, не в полной мере охваченного действием, должно, видимо, рассматриваться как вариант главной функции родительного падежа — функции объекта восприятия и отношения. Эти функции родительного падежа проявляются при глаголах разной семантики и находятся в отношениях дополнительного распределения друг к другу.

5. Корреляции падежных функций и падежных признаков. Главные семантические функции падежей древнеболгарского языка отвечают критериям определения главного значения падежа, сформулированным Р. Якобсоном в работе «*Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre*» применительно к корреляции винительного—именительного падежей. Это определение интересно в том отношении, что показывает связь синтагматического и парадигматического планов, определяя место главного значения в корреляции и в контексте одновременно: «То специфическое значение, которое прямо противопоставлено коррелятивному падежу,

т. е. в данном случае значение действующего субъекта, или точнее значение субъекта переходного действия, является главным значением именительного падежа. В этом значении другой падеж, кроме именительного, невозможен. Можно, например, сказать *детей пришло! Никого не было!*, но можно сказать только *дети собирали ягоды, никто не пел* и нельзя *детей собирало ягоды, никого не пело*¹⁵.

Из данного определения следует, что речь идет не о корреляции признаков, а о корреляции значений, которые свойственны падежам в определенных контекстах. Под специфическим значением именительного падежа подразумевается значение субъекта действия, которое при переходном глаголе, т. е. в синтагматическом противопоставлении коррелятивному винительному падежу, может быть выражено только именительным падежом.

В отличие от специфического значения (значения действующего субъекта), о котором сигнализирует форма именительного падежа (сигнализация о не- α у Якобсона), его комбинаторное значение, совпадающее с коррелятивным — значение объекта действия в страдательной конструкции, — создается контекстом, а именно, страдательной формой глагола, которая сигнализирует о направленности действия на предмет, обозначенный именительным падежом. При этом главное значение падежа — значение действующего субъекта — нейтрализуется. Таким образом, данный контекст представляет собой позицию нейтрализации главного значения падежа — значения активно действующего предмета — субъекта действия.

В соответствии с изложенным корреляция отношения к действию принимает следующий вид:

В. объект действия (коррелятивное значение)	И. {	объект действия (комбинаторное значение)
		субъект действия (специфическое, оно же и главное значение немаркированного падежа)

Данная корреляция, на первый взгляд, может показаться лишь другой формулировкой корреляции признаков:

В. сигнализация о наличии признака α (признак α -предмет должен подвергнуться действию)	И. {	отсутствие сигнализации о наличии признака α
		сигнализация о признаке не- α (т. е. о том, что предмет не подвергается действию, а действует сам)

¹⁵ R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. — TCLP, 1936, стр. 253.

Однако эта кажущаяся идентичность объясняется тем, что винительный и именительный падежи противопоставлены только по одному признаку.

В действительности же значения винительного объекта действия и именительного субъекта действия созданы комбинацией признаков, что становится очевидным из корреляций с другими падежами. Эти корреляции показывают, например, что объект действия, обозначенный винительным падежом, отличается не только от субъекта действия (корреляция отношения к действию), но также от объекта, выраженного дательным падежом (корреляция положения), и от объекта, выраженного родительным падежом (корреляция охвата действием).

Таким образом, в отличие от падежного признака, который входит только в одну корреляцию, падежное значение (в нашей терминологии семантическая функция) может входить в разные корреляции, т. е. иметь несколько прямо противопоставленных ему значений (функций) других падежей.

В зависимости от того, маркированным или немаркированным членом данной корреляции выступает падеж, его главное значение (главная семантическая функция) может занимать в корреляции место коррелятивного или специфического значения. Так, например, в современном русском языке значение объекта действия винительного падежа в корреляции с именительным выступает как коррелятивное значение, но в корреляциях с дательным и родительным падежами оно выступает как специфическое значение немаркированного падежа.

5.1. Из приведенного выше определения главного значения падежа у Якобсона вытекают следующие правила построения корреляций, которыми мы будем руководствоваться, строя корреляции главных семантических функций древнеболгарских падежей.

1) Должны быть приняты во внимание только корреляции совместимых функций. Согласно этому правилу не может быть признана правильной корреляция типа:

Д. субъект восприятия и отношения	И. { субъект восприятия и отно- шения; субъект действия

так как дательный и именительный падежи в данных функциях не совместимы, т. е. не могут быть употреблены одновременно при одном и том же глаголе.

2) Совместимые функции двух падежей образуют корреляцию лишь в том случае, если один из этих падежей имеет комбинаторную функцию, совпадающую с коррелятивной.

Согласно этому правилу совместимые функции инструментального объекта (творительный) и воспринимающего объекта (дательный) не образуют корреляции, так как ни та, ни другая

функция не могут быть комбинаторной функцией другого падежа.

3) Комбинаторной функцией, совпадающей с коррелятивной, может быть признана лишь такая, в которой представлена нейтрализация специфической функции немаркированного падежа, или точнее нейтрализация падежного признака прямопротивопоставленного коррелятивному.

Согласно этому правилу мы не можем признать правильной корреляцию типа:

Д. воспринимающий объект	Р. {	воспринимающий объект
		объект неполного охвата
		действием

на том основании, что в примере, где родительный может обозначать воспринимающий объект (откъштати са тѣхъ), данное значение выступает как сопутствующее специфическому значению родительного падежа — значению объекта, от которого отделяется нечто. Поэтому функция воспринимающего объекта не может быть признана самостоятельной функцией родительного падежа и не должна приниматься во внимание при построении корреляций.

5.2. Употребление падежей в древнеболгарском отличается рядом особенностей, определяющих своеобразие построения корреляций и распределения в них маркированных и немаркированных членов. Так, в древнеболгарском, в отличие от системы падежей современного русского языка, родительный падеж не зафиксирован в функции субъекта активного действия (конструкции типа *народу пришло* там не отмечены). Это объединяет родительный падеж с винительным, дательным и локативом, которые также в функции субъекта активного действия не употребляются, в противоположность именительному и творительному, которые могут обозначать как активно действующий, так и пассивный предмет.

Более узкий объем значений винительного падежа (по сравнению с современным болгарским и современным русским), с одной стороны, и более широкий круг употребления дательного (конструкции дательного при инфинитиве и дательного самостоятельного) изменяют корреляцию положения с точки зрения распределения в ней маркированного и немаркированного членов.

5.3. Если не принимать во внимание беспредложный локатив, то родительный падеж является в древнеболгарском языке падежом с наиболее узким кругом функций, поэтому в корреляциях он выступает всегда как маркированный член. Главная функция родительного — функция объекта восприятия и отношения может быть выражена всеми падежами. Кроме того, родительный может выступать в функции объекта действия — главной функции вини-

тельного. Однако родительный падеж вносит в значение данной функции свой особый оттенок — указание на частичный охват предмета действием. Таким образом, сам предмет остается как бы за пределами действия. Эти две функции родительного падежа проявляются при глаголах разной семантики (первая — при глаголах восприятия и отношения, вторая — при глаголах действия), находясь, таким образом, в отношении дополнительного распределения друг к другу. В отличие от родительного, винительный может выражать не только функцию неполного охвата, но также функцию полного охвата действием.

Создается корреляция родительного—винительного падежей:

Р. объект неполного охвата В. действием	{	объект неполного охвата действием
		объект полного охвата действием

Выступая в этих функциях в позиции совмещения, винительный и родительный падежи занимают места первого (В) и второго (Р) объекта. Например: *Ка жажда мож напоиша мачата Супр. 478—20.*

5.4. В корреляциях с другими падежами родительный выступает в основном варианте своей главной функции, выражая объект восприятия и отношения. Это прежде всего корреляция с третьим падежом пассивного предмета — дательным в его главной функции — воспринимающего объекта:

Р. объект восприятия и отношения	{	объект восприятия и отношения
		воспринимающий объект

Общей чертой указанных объектов является то, что обозначаемые ими предметы остаются за пределами действия. Различие состоит в том, что направление действия оказывается диаметрально противоположным: объект восприятия и отношения представляет собой предмет, являющийся источником информации для субъекта; воспринимающий объект — предмет, которому направляется информация. Это дает основание предположить, что признак, о котором сигнализирует родительный падеж, может быть определен как направленность действия от объекта. Специфическое значение дательного будет сигнализацией о направленности действия к объекту.

С точки зрения этого различия можно объяснить и корреляцию охвата родительного—винительного падежей. В этом случае сигнализация о направленности действия от объекта находит свою реализацию в том, что ограничивает возможности родительного падежа в выражении функции объекта действия теми случаями, когда

от предмета (обычно вещества) берется, отнимается какая-то его часть, благодаря чему и осуществляется направление действия от объекта, в целом остающегося за пределами действия. Специфическое значение винительного, как и дательного, может быть определено как сигнализация о направленности действия к объекту. Корреляция признаков примет следующий вид:

Р. направленность действия от объекта	В. Д.	направленность действия	от объекта
		направленность действия	к объекту

Объектные конструкции с предлогами, образуемые данными падежами, подтверждают указанное противопоставление падежей по признаку направленности. Родительный падеж образует конструкции с предлогом *отъ*, дательный и винительный с направлятельными предлогами: *къ+Д*; *еъ, на, за+В*¹⁶.

Итак, родительный падеж сигнализирует о направленности действия от предмета, что при глаголах действия реализуется как свидетельство о неполном охвате предмета действием, в противоположность чему специфическое значение винительного и дательного сигнализирует о направленности действия к объекту, что у этих падежей реализуется по-разному: у винительного как полный охват предмета действием, у дательного — как отсутствие охвата действием. Этим определяются различия объекта действия и воспринимающего объекта.

Противопоставление этих функций основано на противопоставлении признаков центральности и периферийности. Какой из этих признаков является основой корреляции, т. е. какой из падежей выступает в роли маркированного и какой в роли немаркированного, зависит от того, какой из этих признаков способен к нейтрализации в данной системе языка. При решении этого вопроса должны быть учтены следующие факты.

5.5. Употребление винительного падежа в функции воспринимающего объекта в древнеболгарском языке строго ограничено лишь такими случаями, где воспринимающий объект является вместе с тем и объектом действия, т. е. винительный употребляется 1) при глаголах, обозначающих или физическое воздействие¹⁷, или во всяком случае психологическое воздей-

¹⁶ Описание объектных значений падежей с этими предлогами см.: Czesław Bartula. Związki czasownika z dopełnieniem u najstarszych zabytkach języka staro-cerkiewno-słowiańskiego. Polska Akademia nauk, oddział w Krakowie. Prace komisji słowianoznawstwa, 3, 1964, стр. 48—54.

¹⁷ Некоторые глаголы, получившие впоследствии значение чисто психологического воздействия, в древнеболгарском предполагали возможность физического воздействия. Например: *обачи въсты нѣмко вѣсь нскоу снѣти змѣж* Супр. 89—11 (т. е. *искусить холодом*), а также могли

ствие, вызывающее целенаправленные изменения в состоянии, поведении, убеждениях воспринимающего лица. Таковы глаголы оучити, оутѣшати, оужасити, кзкеселити, соблазнити, областити, ластити. Например: почто ... ластитиши ны ... отъстѣжити отъ бѣ жидкого Супр. 87—13. рѣци ми ты кто ѿси ластан многыа и отъбѣрѣштаа а отъ жрѣтъз божскыныхъ и оуча а инон кѣрѣ Супр. 155—4; 2) при глаголах со значением побуждения воспринимающего лица к совершению определенных действий например, *явиться на зов, выполнить просьбу* — молити, оумолити, збѣати, призкати, приглашати, например: зане молж та казна цѣдѣж и волѣдѣж кзкорѣ сзкончани о манѣ Супр. 101—29, призкѣж же сакелара глагола нѣмоу Супр. 121—14.

В отличие от этого, в современном болгарском языке винительный возможен при глаголах речи, не заключающих в своей семантике побуждения к совершению определенного действия. Таково, например, употребление винительного при глаголах *заговора, заприказвам* в значении 'начать разговор, беседу', *придумвам* 'приговаривать, повторять', *поздравя, посъветвам, нагрубя, гълча* например: *Пиши му, съветвой го и ти* (М. Грубешлева); *за какво да я заговори* (Г. Караславов) и т. п.

В древнеболгарском языке винительный падеж не может обозначать воспринимающий предмет, который не являлся бы объектом действия. Это проявляется, в частности, в том, что винительный в древнеболгарском в отличие от современного болгарского, неизвестен в функции воспринимающего субъекта. Ср. в современном болгарском *боли ме главата* и подобные.

Таким образом, функция воспринимающего объекта в древнеболгарском не является такой функцией, в которой происходит нейтрализация главной функции винительного падежа. Поэтому данная функция не может рассматриваться как комбинаторное, противопоставленное специфическому значению винительного падежа, подобное тому, которое находим в современном болгарском языке.

5.6. Наряду с этим в древнеболгарском имеются конструкции, в которых дательный обозначает объект действия, не являющийся воспринимающим объектом. Например, в конструкции с инфинитивом вспомогательного глагола бѣти и страдательным причастием: *тои пакы глинзѣнимъ браниемъ глинчаремъ сзткорѣнѣ бѣти* Супр. 396—20. Дательный падеж местоимения *той* здесь обозначает неодушевленный предмет, что исклю-

иметь объект действия, не являющийся воспринимающим объектом. Например: *томы чакъ нѣжк нѣмоу оутѣрѣдѣтъ* Супр. 358—12 и *просѣхиташи зрака* Супр. 376—25.

чает возможность толкования значения дательного как субъекта восприятия при инфинитиве.

Окружающий контекст показывает, что речь идет о действии уже совершившемся, что исключает фактор модальности в толковании данного примера.

Конструкция со страдательным причастием от глагола активного переходного действия, наличие при нем творительного инструментального объекта (глаголющимъ бранимъ) и творительного субъекта действия (глаголющимъ) делают бесспорным определение функции дательного как функции объекта действия. При этом предмет, обозначенный дательным падежом, создается в процессе данного действия, т. е. здесь представлен так называемый внутренний объект, который, по признанию Р. Якобсона, наиболее резко противопоставлен значению дательного падежа, как падежа внешнего объекта.

Итак, функция объекта действия в приведенном употреблении может рассматриваться как комбинаторное значение дательного падежа, в котором его специфическое значение оказывается нейтрализованным.

Возможность образования подобных конструкций с дательным и отсутствие случаев употребления винительного в функции воспринимающего объекта, который бы ни был одновременно и объектом действия, определяет следующий вид корреляции функций винительного—дательного в древнеболгарском языке:

В. объект действия	Д. { объект действия воспринимающий объект

Если принять, что различия значений объекта действия и воспринимающего объекта (объекта адресата) обусловлены различиями в степени связи с действием, т. е. с различием падежей по признаку центральности—периферийности, то приведенной выше корреляции функций должна соответствовать корреляция признаков, в которой место немаркированного члена должен занять падеж, обладающий признаком, способным к нейтрализации. Таков в данном случае признак периферийности:

В. центральность	Д. { центральность периферийность

5.7. Противопоставление третьей пары дифференциальных признаков в наиболее простом виде отражено в корреляции функций винительного—именительного падежей:

В. объект действия	И. { объект действия субъект действия

Различие функций объекта действия и субъекта действия в корреляции винительного — именительного падежей определяется признаком пассивности, который служит ограничительным признаком, не позволяющим винительному падежу выполнять функцию субъекта действия, поскольку данная функция предполагает активность действующего предмета. Именительный падеж в отличие от винительного может обозначать как пассивный, так и активный предмет¹⁸. Соответственно корреляция признаков примет следующий вид:

В. пассивность

И. { пассивность
активность

5.8. Функцию субъекта действия в страдательной конструкции выполняет творительный падеж, который так же, как именительный, обладает признаком активности.

Соотношение между двумя активными падежами регулируется корреляцией положения: один из этих падежей является центральным, другой периферийным. В корреляции совместимых функций — функции субъекта действия именительного падежа и функции инструментального объекта творительного, именительный падеж займет место маркированного члена, а творительный, который обладает комбинаторной функцией субъекта действия и специфической функцией инструментального объекта, — место немаркированного члена.

И. субъект действия

Т. { субъект действия
инструментальный объект

Инструментальный объект — это второй после субъекта действия предмет, активно участвующий в действии. Особенно наглядно это проявляется в конструкциях с так называемым творительным средством. Например: *Благословяеиъ еси господи коже иже равома твоима данилома гъеръгыи змиа Супр. 229—9*. Анализируя этот пример и примеры подобного типа, Д. С. Станишева пишет: «при использовании предмета-средства субъекту принадлежит минимальная роль. Предмет-средство действует в известном смысле совершенно самостоятельно, выполняя волю субъекта»¹⁹.

Когда нужно подчеркнуть отсутствие посредника между субъектом и осуществляемым им действием, употребляются конструкции, где в роли субъекта действия и средства действия выступает одно и то же лицо. Например: и тако собож

¹⁸ Обоснование отличия трактовки противопоставления В—И падежей от трактовки Р. О. Якобсона дано нами в статье «К вопросу о падежных корреляциях» (ВЯ, 1960, № 2).

¹⁹ Д. С. Станишева. Указ. соч., стр. 93.

носитъ бѣти отъ ефрага рѣкы ношгнж-кодъ Супр. 551—22; стави же собож чоудо то Супр. 550—4.

Анализ этих конструкций позволяет уточнить значение субъекта действия в древнеболгарском языке. Субъект действия это не всякий действующий предмет, но действующий по собственной воле и инициативе.

Субъекту всегда принадлежит центральная роль в совершении действия, хотя бы данное действие практически осуществлялось другим лицом. Роль вспомогательного предмета, с помощью которого осуществляется действие, обусловлена признаком периферийности.

В страдательных конструкциях, где именительный падеж обозначает объект действия, происходит нейтрализация главной функции — функции инструментального объекта, действующего «чужой волею». Это происходит обычно в тех случаях, когда действующим предметом оказывается одушевленный предмет. Например: да видатъ аште неста суморена скатага зѣрѣми Супр. 184—2. Горе чѣкоу томоу има же ѣнз чѣмъскъ прѣдастъ са Сав. 94, Мѡ. XXVI, 24. Но могут в функции субъекта действия выступать и существительные неодушевленные, например: покеѣно не стѣими и чѣстѣнѣми законы различѣнѣми мѣжѣми мѣжити та Супр. 148—23; исхожда ноужден и мѣжѣж женомъ несмъ Супр. 173—17.

Итак, в страдательных конструкциях происходит нейтрализация главной функции творительного и соответственно признака периферийности, которым она обусловлена.

Таким образом, соотношение именительного и творительного падежей регулируется той же корреляцией признаков, что и соотношение винительного и дательного:

И. центральность

Т. { центральность
периферийность

5.9. В дополнительной корреляции, раскрывающей соотношение периферийных падежей дательного и творительного, функция субъекта восприятия и отношения противопоставлена функции инструментального объекта по признаку пассивности.

Д. субъект восприятия и отношения

Т. { субъект восприятия и отношения
инструментальный объект

В примере: не пошгетъ ли самъ ходатага себѣ... да бѣ тѣмъж кѣмъ изѣйти ѣмоу зла Супр. 361—21 реальным производителем действия выступает лицо, обозначенное творительным падежом. Однако оно не является субъектом, так как дей-

ствуется не по своей воле (это творительный средства), и действие глагола *избыти зѣла* происходит не с самим действующим лицом (как это видим в конструкции с субъектом, обозначенным именительным падежом, например: *молиѣ са да бѣ напастизбыѣ Супр. 361—18*), а с лицом, обозначенным дательным падежом *ѹмоу*, которое является субъектом безлично-инфинитивной конструкции. Роль последнего в действии пассивна, действие происходит с ним, но производится усилиями кого-то другого, а не его самого. Ему остается роль субъекта, который воспринимает это действие, переживает его результат.

Таким образом, дательный падеж безлично-инфинитивной конструкции лишает субъект активности, представляя, что действие, происходящее с субъектом, не является проявлением его собственной деятельности. Оно вызвано либо деятельностью другого лица, либо силою обстоятельств. Последнее находит свое формальное выражение в инфинитивных конструкциях придаточных предложений следствия, широко распространенных в древнеболгарском, в которых безлично-инфинитивная конструкция соединена с главным предложением с помощью союза *ѹкоже*, например: *и паѣз положи дѣтишѣз прѣѣз каѣми ѹкоже каѣмз каѣкриати гласомз велимз Супр. 44—25*.

Обычно в этих конструкциях представлены глаголы внутреннего действия, обозначающие эмоции субъекта, вызванные восприятием действия главного предложения. Например: *и тако кротѣз вѣаше и самѣренз срадѣемз ѹкоже дикити са каѣмз зраштинмз ѹго Супр. 544—30*.

Глагол *каѣкриати* в приведенном выше примере, хотя и не означает внутреннего действия, но характеризует реакцию воспринимающего лица, невольное проявление его эмоций, т. е. действие, которое произвел в нем кто-то другой, а не он сам.

Таким образом, дательным обозначен лишь мнимый субъект действия. Когда в роли субъекта безлично-инфинитивной конструкции придаточного следствия выступает неодушевленный предмет, который не может быть субъектом восприятия, он получает в семантическом плане значение объекта действия, например: *ѹкоже отѣ множѣстѣз крѣзкѣнаго ѹумочити са ризамз слоугамз Супр. 180—1*.

Пассивность субъекта безлично-инфинитивных конструкций подчеркивается возможностью употребления в них пассивных глагольных форм, например: *ѹкоже принуѣженомз бѣти родителемз отроковица обѣходити и искати каѣаже чловека бѣжит Супр. 519—21*.

Одна и та же форма одновременно может выражать субъект отношения и объект действия, например: *лѣпо бо имз вѣ же-номѣз повѣженомз бѣти Супр. 434—17*.

Безлично-инфинитивные конструкции с дательным субъекта могут иметь модальное значение. Дательным здесь обозначен субъект, которому предписывается совершить (или не совершить) какое-либо действие. Например: *іакоже не сьмѣти никоу* *моуже начати красти* Супр. 43—4; *іакоже стояти німоу* *изъадохнѣти и оумрѣти* Супр. 149—27, 28; *почто ми гнѣбити азъкъ старцоу* Супр. 239—26. Дательный, хотя и употреблен здесь при глаголах активного действия, но выступает как субъект, которому предписывается определенное отношение к совершению действия, а не как активно действующий субъект.

Таким образом, в конструкциях с модальным значением употребление дательного субъекта при инфинитиве глаголов активного действия не приводит к нейтрализации признака пассивности дательного падежа.

Рассмотрев все возможные типы употребления дательного субъекта в безлично инфинитивных конструкциях с глаголами активного действия, мы могли убедиться в правильности корреляции:

Д. субъект восприятия и отношения	и Т. { субъект восприятия и отношения инструментальный объект

Данной корреляции функций соответствует корреляция признаков.

Д. пассивность	и Т. { пассивность активность

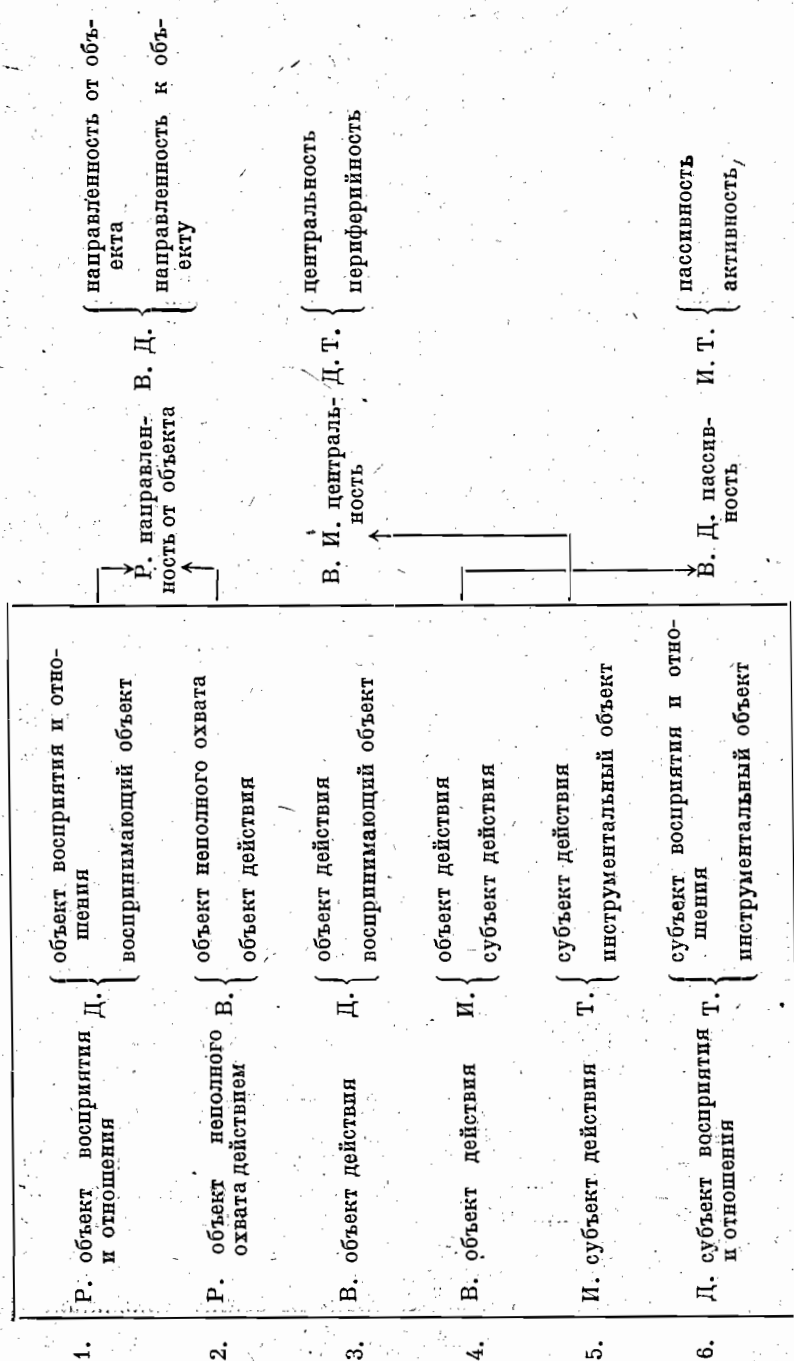
6. Морфологические значения падежей. Мы рассмотрели все корреляции функций, различие которых определяется одним дифференциальным признаком. Исключением является только корреляция родительного—дательного падежей, которые помимо различия по признаку направленности действия, отраженному в корреляции функций (объект восприятия — воспринимающий объект), различаются еще по признаку центральности—периферийности.

6.1. Соотношение корреляций функций и корреляций признаков представлено схемой на стр. 54.

В данной схеме корреляции функций расположены таким образом, что каждый немаркированный член последующей корреляции является немаркированным по отношению к маркированным падежам предшествующих корреляций.

Именительный субъекта действия противопоставлен родительному как падеж, обладающий специфическим признаком активности.

Схема соответствия корреляций функций и корреляций признаков

Р. объект восприятия и отношения	И. { объект восприятия и отношения субъект действия

Творительный инструментального объекта противопоставлен родительному и винительному по признакам активности и периферийности, являющимся его специфическими признаками.

Р. объект восприятия и отношения	Т. { объект восприятия и отношения инструментальный объект
Р. объект действия	Т. { объект действия инструментальный объект

6.2. На основании рассмотренных корреляций отношение падежей к дифференциальным признакам падежной системы древнеболгарского языка определяется следующим образом. Признак направленности действия от объекта, лежащий в основе двух первых корреляций, определяет родительный падеж как маркированный в отношении данного признака, дательный и винительный как немаркированные падежи, специфическим значением которых является сигнализация о направленности действия к объекту.

Признак центральности, лежащий в основе третьей и пятой корреляций, определяет винительный и именительный как маркированные центральные падежи, в противоположность чему дательный и творительный, выступая как немаркированные члены, обладают специфическим значением сигнализации о нецентральной, т. е. о периферийном положении предмета по отношению к действию.

Наконец, четвертая и шестая корреляции определяют винительный и дательный падежи, как носители признака пассивности, в противоположность чему немаркированные в отношении данного признака именительный и творительный падежи имеют в качестве специфического значения признак активности.

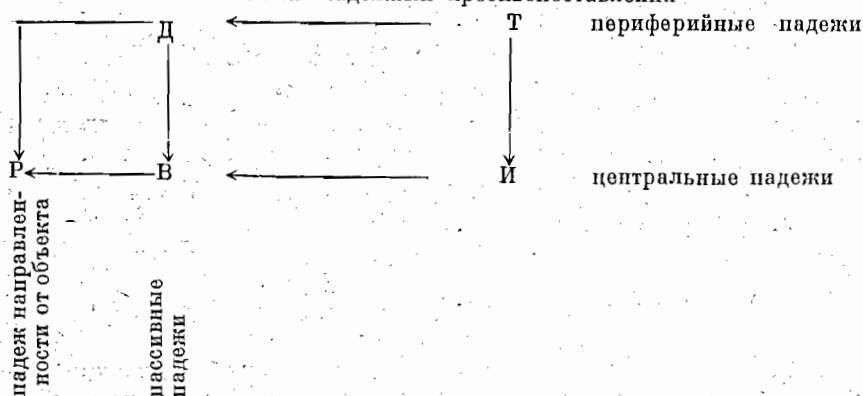
Родительный по отношению к дательному и творительному определяется как центральный падеж, а по отношению к творительному и именительному как пассивный.

Таким образом, отношение падежей к дифференциальным признакам падежной системы примет следующий вид (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

№ корреляции	Маркированный падеж	Название признака	Немаркированный падеж
1.2.	Р	Направленность от объекта	В, Д
3.5.	И, В	Центральность	Т, Д
4.6.	В, Д, Р	Пассивность	И, Т

6.3 Схема падежных противопоставлений *

* Стрелки показывают маркированный член корреляции

6.4. Морфологическое значение родительного падежа определяется тем, что сигнализируя о признаке пассивности, как винительный и дательный падежи, он противопоставлен им обоим по признаку направленности действия от объекта. Данный признак по-разному определяет место родительного падежа в корреляции положения по отношению к винительному (именительному) и дательному (творительному) падежам. Родительный падеж оказывается центральным по отношению к периферийным падежам и периферийным по отношению к центральному, что и отражено в приведенной выше схеме. Следует учесть, однако, что выступая в функции объекта действия неполного охвата и функции объекта восприятия и отношения, родительный чаще находится в позиции взаимозамещения с винительным, нежели в позиции совмещения. Последнюю находим лишь при глаголах отчуждения или наполнения — насыщения, при которых винительный обозначает объект полного охвата и, следовательно, объект, более тесно связанный с действием, а родительный — объект, неполного охвата (при глаголах наполнения, насыщения) или объект, от которого направлено действие и который остается за пределами действия (при глаголах отдаления, отчуждения), что и определяет его более периферийное положение по сравнению с объектом действия, обозначенным винительным падежом.

Таким образом, периферийность по отношению к винительному обусловлена признаком направленности от объекта и, следовательно, не может рассматриваться как самостоятельный дифференциальный признак родительного падежа.

Напротив, признак центральности является коррелятивным признаком родительного падежа по отношению к периферийным падежам дательному и творительному. Это проявляется в том, что по отношению к родительному эти падежи всегда занимают более периферийную позицию, хотя они противопоставлены родитель-

ному падежу не по одному этому признаку. Падежом, противопоставленным родительному по признаку периферийности, должен явиться локатив. При глаголах действия более периферийное положение локатива проявляется в том, что он не может означать предмет, от которого берется часть, но обозначает предмет, которого действие лишь касается.

Итак, морфологическое значение родительного падежа определяется тремя коррелятивными признаками — пассивностью, центральностью и направленностью действия от объекта, о которых сигнализирует родительный падеж.

6.5. Морфологическое значение винительного падежа определяется тем, что он, как родительный и дательный, сигнализирует о признаке пассивности в противоположность именительному и творительному падежам; и, как именительный, сигнализирует о признаке центральности в противоположность дательному и творительному падежам; и наряду с дательным входит как немаркированный член в корреляцию направленности действия от объекта, маркированным членом которой является родительный падеж.

6.6. Морфологическое значение дательного падежа определяется как значение падежа, сигнализирующего о признаке пассивности (в чем он тождествен с винительным и родительным падежами) и выступающего как немаркированный член в корреляции положения (наряду с творительным) и корреляции направленности (наряду с винительным). Говоря другими словами, дательный падеж обладает коррелятивным признаком пассивности и специфическими признаками направленности к объекту и периферийности.

6.7. Морфологическое значение именительного падежа определяется коррелятивным признаком центральности в противоположность творительному падежу и специфическим признаком активности в противоположность винительному.

6.8. Морфологическое значение творительного падежа определяется двумя специфическими признаками — активности и периферийности. Первый является у него общим с именительным, в отличие от пассивных падежей дательного, винительного и родительного; второй — общим с дательным в противоположность центральным падежам — именительному, винительному и родительному.

7. Остается рассмотреть вопрос о месте локатива в системе падежей древнеболгарского языка. Место это в значительной степени уже определено системой дифференциальных признаков. Это пассивный, периферийный падеж (как дательный)²⁰, который

²⁰ В. Н. Топоров, говоря об утрате локатива в болгарском склонении, пишет: «падение» локатива происходило в условиях тесного контакта его с дательным и винительным падежами, а этот контакт объяснялся не только ролью предлогов, но и, бесспорно, внутренней близостью между этими падежами» («Локатив в славянских языках». М., 1961, стр. 214).

должен быть противопоставлен дательному по признаку направленности, признаку, объединяющему локатив с родительным падежом.

В беспредложном употреблении объектный локатив представлен ограниченным количеством однотипных примеров, не позволяющих определить его главную функцию еще и потому, что беспредложный локатив не встречается в синтагматическом противопоставлении другим объектным падежам. Поэтому мы должны обратиться к предложным конструкциям объектного локатива.

Это, в первую очередь, конструкции локатива с предлогом *о* при глаголах *sentendi*, *dicendi* и *declarandi*, где локатив обозначает предмет чувства, мысли и речи. Ч. Бартула приводит следующий перечень глаголов, при которых зафиксированы объектные конструкции локатива с предлогом *о* в памятниках старославянского языка: *кѣдѣти*, *манѣти*, *разоумѣти*, *помышлати*, *слоншати*, *глаголати*, *решти*, *прорешти*, *бесѣдовати*, *разпѣтати*, *заповѣдѣти*, *свѣдѣтельствовати*, *взпросити*, *испытати*, *пѣсати*, *чести* (*чѣтѣ*)²¹.

Мы относим к объектным функциям более широкий круг локативных конструкций с предлогом *о*, включая сюда все случаи употреблений, синонимичных объектным функциям беспредложных падежей. Таково прежде всего употребление локатива при глаголах восприятия и отношения:

чюудити сѧ, *дикити сѧ*, *оужасати сѧ*, *гнѣвати сѧ*, *радовати сѧ*, *плакати сѧ*, *тѣжити*, *пѣти сѧ*, *жалѣти*, *каѣти сѧ*, *благоколити*, *милосрадовати*, *негодокати*, *неврѣци*, *бѣрокати*, *ликокати* и некоторые другие глаголы. Например: *Дикѣхъ же сѧ народи о келыцѣхъ бѣхъ* Сав. 55, Л. IX 43; *оужа(сѧ)хъ сѧ* вѣн... *о разоумѣ* и *о отакѣтѣхъ* его Сав. 144, Л. II, 47; и *плачѣмъ сѧ о нихъ* и *печѣмъ сѧ* ими Супр. 406—25; *да не о рабѣ пекѣхше сѧ* господѧ *неврѣжемъ* Супр. 494—18; *такъ наимаиикъ естѧ* и *не врѣжетѧ* *о окаяхъ* Сав. 125, Io. X, 13; *ты еси снъ мой възлюбленъ* *о тебѣ* *благокоихъ* Сав. 148 Мрк. I, 11; *на аще хоцѣши помози ми милосрадовахъ о мнѣ* Сав. 78, Мрк. IX, 22; *нѣма гнѣваши сѧ* *о божнихъ* *оученихъ* Супр. 403—21; *почто о нихъже кѣи тѣжиши* Супр. 309—14; *оуслыша же* и *крѣстианѣи цѣсарѧ* *оушѣхши* *о немъ* *такъ оуже оуслапе* Супр. 208—12; и *обрѣтѧ* *иже прилежано о зѣлоу* *жалаштемъ* *о младахъ* *чадѣхъ* *исчѣнии* Супр. 397—14; *нѣма же о селницѣ* *добрѣ* *не радуѣхъ сѧ* *но плачѣхъ сѧ* Супр. 386—21; *онъ* *васчюди сѧ* *о старци* *прозорѣхъ* *дароу* Супр. 299—1; ... *оученикомъ* *ликоуштемъ* *о вѣсѣхъ* *силахъ* *аже видѣша* Супр. 322—19;

²¹ Czesław Bartula. Указ. соч., стр. 60.

и неразумна... вѣроуати о всемъ неже глаголаша пророци
Супр. 477—25; и слышавша десѣта начаша негодоуати о нѣкоуѣ и
о иѣа Сав. 80, Мрк. X, 41.

Локатив с предлогом *о* выступает здесь в функции объекта восприятия и отношения. Именительный в функции субъекта восприятия и отношения.

7.1. Главной функцией локатива с предлогом *о* должна быть признана функция изъяснительного объекта. В синтагматическом противопоставлении другим объектным падежам локатив с предлогом *о* всегда выступает в своей изъяснительной функции. Таковы объектные цепочки: ИВоЛ, ИРоЛ, ИДоЛ, ДИоЛ, ИоЛД, ИВДоЛ, ИТоЛ, ИДТоЛ. В этих цепочках локатив изъяснительного объекта может быть противопоставлен объекту действия (ИВоЛ), объекту восприятия и отношения (ИРоЛ, ИДоЛ), воспринимающему объекту (ИВоЛ, ИДоЛ), субъекту восприятия и отношения (ДИоЛ).

Именительный падеж в этих цепочках выступает в функции субъекта действия, субъекта восприятия и отношения, а в последнем типе — в функции объекта восприятия и отношения.

В позиции максимального противопоставления локатив с предлогом *о* представлен при глаголах сообщения. Таковы цепочки типа ИВДоЛ, ИДТоЛ; например: слыши оубо что ти о семъ мжи и о дѣици что ти пророкъ рече Супр. 246—6; слышимъ что глаголетъ намъ господь... о свѣтѣмъ семъ праздниѣ Супр. 318—28.

В цепочках ИВДоЛ все падежи выступают в своих главных функциях: именительный в функции субъекта действия, винительный в функции объекта действия, дательный в функции воспринимающего объекта и локатив в функции изъяснительного объекта.

Винительный объекта действия в цепочке может отсутствовать, например, ИДоЛ: та... глаше о немъ вѣмъ чужимъ избавлениѣ въ ерѣмѣ Сав. 139², Л. II, 38; яко аггломъ сконимъ заповѣстѣ о тебѣ Сав. 149, Ио. I, 6; запрѣти намъ да никомоуже не глѣжѣ о немъ Сав. 78, Мрк. VIII, 30.

Данная цепочка может быть распространена творительным падежом в функции инструментального объекта, например: гѣмъ проповѣдаѣ камъ о вѣдѣжнимъ Супр. 129—12.

Родительный в противопоставлении локативу с предлогом *о* представлен при глаголах просьбы, требования. Например: о томъ прося прощѣна Супр. 528—15, где он обозначает требуемый предмет (функция объекта отношения), локатив выступает в функции изъяснительного объекта.

Таким образом функция изъяснительного объекта, являющаяся главной функцией локатива с предлогом *о*, представлена в позиции противопоставления главным функциям всех других падежей.

Кроме локатива, функция изъяснительного объекта может быть выражена дательным второго объекта. Например: томъ ли та наказа оучитѣля повѣжда ми Супр. 411—3; аште ли еже о страсти тѣхъ не вѣси томоу та наоучѣ Супр. 476—5.

Параллельно при тех же глаголах возможен локатив с предлогом о: Оче накази ма о хѣтъ Супр. 524—23.

Различия в значении дательного и о+Л. становятся ощутимы при сопоставлении с конструкцией, где винительный не означает воспринимающего объекта, например, ИВол: не бо хѣ о вразѣхъ се оучи тѣхъ но и о насъ оставышишгнихъ онѣмъ грѣхъ Супр. 407—5.

Винительный се указывает на предыдущий контекст (да чистъ бѣдетъ гнѣва къ молитвѣ приходѣ), раскрывающий содержание поучения.

Данное значение может быть выражено вторым винительным: обаче кое наоучитѣ ма Супр. 475—30 или родительным: да члоуѣкомъ бастени ... наоучитѣ Супр. 316—9. Ср: о+Л — о бѣдѣшишимъ оуча Супр. 476—9.

При палиции падежа, указывающего на содержание поучения, локатив обозначает его предмет.

7.2. Главная функция локатива определяется признаками: пассивности, направленности от объекта и периферийности. Рассмотрим корреляции локатива с другими падежами.

Признак направленности от объекта проявляется прежде всего в функции объекта восприятия и отношения. Локатив в этой функции находится в позиции взаимозамещения с родительным, например: самъ себе да са плачетъ о манѣ во нѣтъ грѣбѣ плакати са. Супр. 102—15. Онъ же сътышавъ и съжалевъ си о напастѣ свѣтѣхъ цркъ Супр. 199—16; О к'семъ мирѣ мы невѣржемъ Супр. 87—24; и тако не радѣхъ о мѣхъ Супр. 180—2.

Особенностью объекта восприятия и отношения, выраженного локативом с предлогом о, является то, что данный объект может занимать периферийное положение. Это отличает его от объекта восприятия и отношения, обозначенного родительным падежом. Оба эти объекта возможны при одном глаголе, например: не кони ми са мене о семъ Супр. 139—5. В этом противопоставлении, где родительный выступает в своей главной функции объекта восприятия и отношения, ясно чувствуется различие в семантическом значении этих двух объектов. Локатив с предлогом о получает изъяснительное значение, уточняя, что именно в первом объекте вызывает обозначенное глаголом отношение субъекта.

В противопоставлении локативу с предлогом о родительный выступает и в другом варианте своей главной функции—объекта неполного охвата действием. Например: кодрѣтъ радости испавнѣхъ са о покании ихъ Супр. 108—15.

Отношения родительного и локатива с предлогом *о* могут быть представлены следующей корреляцией:

Р. объект восприятия и отношения	Л. { объект восприятия и отношения изяснительный объект

Данная корреляция основана на противопоставлении родительного и локатива по признакам центральности-периферийности:

Р. центральность	Л. { центральность периферийность

7.3. Соотношения локатива и винительного регулируются двумя корреляциями: корреляцией положения и корреляцией направленности. Винительный падеж при глаголах речи может выступать в функции объекта действия, обозначающего самое сообщение, например: *пасъщен же вѣжаша и шздъше къ градъ покѣдъша вса о вѣданюу Сав. 36. Мо. VIII, 33;* или в функции воспринимающего объекта, к которому адресована речь, например: *архереи же въпросиша ꙗко о ѹченицѣхъ его и о оучении его Сав. 110, Ио. XVIII, 19.*

В примерах первого типа, слова, стоящие в винительном падеже, характеризуют обычно форму, оценку и полноту сообщения, например: *сѣти же... молитъ жъ сѣткори о нихъ Супр. 39—41;* *шздъше испыташе извѣстѣно о отроцати Сав. 142. Мо. II, 7;* *вѣ глаголаше азъ жъ о немъ Супр. 261—26* или просто указывают на характеристику сообщения в предшествующем или последующем контексте. Например: *се же рече о дѣѣ Сав. 26 Ио. VII, 39.* Во всех этих случаях локатив с предлогом *о* обозначает предмет, к которому относится данное сообщение, предмет, находящийся в центре тех событий, которые составляют содержание данного сообщения или данной мысли, обозначенной существительным в винительном падеже. Действие в рассмотренных примерах направлено на объект, обозначающий данное сообщение (В. п.), но не на предмет, к которому относится сообщение.

По отношению к действию последний скорее играет роль объекта восприятия как источника информации²², правда, не непосред-

²² Локатив при глаголах *dicendi* характеризуется как локатив источника действия А. Д. Григорьевой, которая приводит пример беспредложного локатива при глаголе сообщения из Супрасльской рукописи: *И сѣ дже вѣднѣть добротѣ старци свѣдѣтельству Сав. 300—27* (А. Д. Григорьева. К отношениям предложного и беспредложного локатива. «Доклады и сообщения Ин-та русского языка, АН СССР», вып. 1. М.—Л., 1948, стр. 143).

ственно воспринимаемого (как объект восприятия, выраженный родительным или винительным падежом), а через посредство действий и событий, в которых он участвует и на которые может указывать существительное, стоящее в винительном падеже. Эта опосредствованная связь с действием определяет периферийное положение данного объекта в содержании высказывания. Центральное место в данном высказывании занимает винительный объект действия, характеризующий самое сообщение. При отсутствии винительного место локатива в содержании высказывания изменяется. Происходит замещение самого сообщения указанием на его предмет, например: *мартъ же млыкъше о мнози служытъ* Сав. 126, Л. X, 40; *ты поклѣаетъ о мнѣ* Сав. 104, Io. XV, 26.

В данной позиции локатив с предлогом *о* замещает винительный, характеризующий содержание сообщения, например: *азъ тебе о приобрѣтении въпрашахъ* ты же ми вѣдѣзъ поклѣаеши Супр. 447—11, где винительным обозначен не внутренний объект (как в примере *молюте дѣте о напастахъ твоихъ* камз Сав. 30, Мо. V, 44), а внешний.

Таким образом, если при отсутствии винительного и происходит нейтрализация признака периферийности, то все же связь действия с объектом, выраженным локативом, не достигает степени связи внутреннего объекта с действием (когда объект создается в результате данного действия), что не может осуществиться без направленности действия на объект. Таким образом, признак «направленности от объекта» не нейтрализуется. Отсюда следует, что соотношение винительного и локатива в рассмотренных примерах регулируется корреляцией периферийности:

В. центральность

Л. { центральность
периферийность

Соотношение винительного и локатива в корреляции направленности действия реализуется в синтагматических цепочках ИВоЛ, типа: *азъ о снхъ молю тѣ*. Сав. 26, Io. XVII, 9, в которых винительный выступает в функции воспринимающего объекта. При этом винительный может обозначать как объект, на который направлено действие, например: *мнози же вѣхъ отъ юдеи пришли къ маргѣ и марии да тѣ оутѣшатъ о братѣ ея* Сав. 82, Io. XI. 19, где воспринимающий объект (обозначенный местоимением винительного падежа *тѣ*) подвергается определенному психологическому воздействию, содержание которого раскрывается изъяснительным объектом (*о братѣ ея*). Ср. также *оутѣриша же его о семъ* Супр. 33—9. Винительный может, однако, обозначать и такой воспринимающий объект, который одновременно выступает и как источник информации. Например: *кто тѣ въпрашае*

о сема Сав. 140, Ио. XVI, 30; архиереи же взпросиша ѿ оученицъхъ его и о оучении его Сав. 110, Ио. XVIII, 19.

Изяснительный объект, выраженный локативом с предложением, раскрывает содержание информации.

При глаголах мысли и восприятия речи винительный в цепочке ИВол может выступать в функции объекта восприятия, например: и изнѣа почто санидохомъ сѧ вѧ слышатъ нѣчто о крѣстѣ Супр. 431—9; тѣгда доукѣа поклѣа бѣсти ихъ вѧ темницѣа да помѣслитъ что о нихъ. Супр. 75—13.

Таким образом, в корреляции направленности место маркированного члена занимает локатив, а место немаркированного — винительный.

о Л. направленность от объекта	В.	{ направленность от объекта направленность к объекту

7.4. В изяснительном значении локатив выступает при глаголах мысли, знания. Предмет мысли, обозначенный локативом, может также рассматриваться как объект восприятия, например: о дни же тома и чѣстѣ никтоже не вѣстѣа Сав. 47, Мѡ. XXIV, 36; о сема бо разумѣитъ вѧ яко мога есте оученици Сав. 99, Ио. XIII, 35.

Субъект восприятия и отношения может быть обозначен не только именительным, но также дательным падежом. Например: что сѧ камѣа мѧнитъ о хѣтѣ Сав. 47, Мѡ. XXII, 42, где содержание мысли выражено именительным падежом, а предмет мысли локативом. Дательный субъекта представлен также при инфинитиве: она же рече сѧтоуоумоу господоу пешти сѧ о тома Супр. 131—21; нам' же прѣдзлежитъ не о единомѣа мѧченицѣа чюдити сѧ ни о дѣвомъ ни о дѣсѣти Супр. 82—14, 15.

Таким образом, создается корреляция функций:

о Л. объект восприятия и отношения	Д.	{ объект восприятия и отношения субъект восприятия и отношения

Аналогичную корреляцию можно образовать и с дательным воспринимающего объекта, который противопоставлен изяснительному объекту при глаголах речи, например: сѧтъи же... сѧпоклѣа юмоу вѧсе о заочастѣа сѧаи Супр. 199—14.

Создается корреляция:

о Л. изяснительный объект	Д.	{ изяснительный объект воспринимающий объект

Данные корреляции функций отражают противопоставленность локатива и дательного по признаку направленности.

Л. направленность от
объекта

Д. { направленность от объекта
направленность к объекту

Локатив изъяснительного объекта может одновременно входить в два синтагматических противопоставления: родительному источнику информации и дательному воспринимающего объекта, например: того послушайте о всемъ еже започетъ камъ Супр. 387—3; ... отъвѣщахъ намъ о немъ же кспрашаемъ каю Супр. 257—12. Первому он противопоставлен по признаку периферийности, второму по признаку направленности.

7.5. Соотношение локатива с творительным регулируется корреляцией отношения к действию, в которой локатив занимает место маркированного пассивного падежа. Творительный и локатив с предлогом о в своих главных функциях совместимы в контексте. Например: (И)ВТОЛ оутверждаа народъ оученимъ своимъ о практи кѣтѣ Супр. 198—6. Локатив представлен здесь в функции изъяснительного объекта. В приведенном предложении локатив выступает как падеж с двойной зависимостью, который может быть отнесен как непосредственно к глаголу, так и к существительному, т. е. данная конструкция может быть понимаема и как приименная: оученимъ... о практи кѣтѣ. Тогда приглагольная конструкция будет: оутверждаа народъ оученимъ, как: ни паматихъ слоухъ оутверждаа Супр. 340—3, или: и прѣбываа въ пѣснехъ и молитвахъ оутверждааша себе Супр. 139—15; и оутверждаашт' имъ дша Супр. 544—4; или же сочетание о практи кѣтѣ может относиться к глаголу: оутверждаа народъ... о практи кѣтѣ. Последнее подтверждается конструкцией: оутверждаемъ о кѣтѣ господани Супр. 206—1, 2.

Возможность двойной зависимости ставит локатив с предлогом о в синтаксической цепочке послѣ творительного орудийного.

В страдательной конструкции локатив с предлогом о в функции изъяснительного объекта может быть одновременно противопоставлен творительному инструментального объекта и творительному субъекта действия. Например: и прихождаахъ отвѣсѣдоу къ нему по каа дани кзграждаемъ и оутверждаемъ о кѣтѣ господани прѣподобнымъ словесы его Супр. 206—1, 2.

Творительный субъекта при возвратной форме глагола: сѣдъ во мира належитъ о немъ же изкѣстихомъ са многими Супр. 128—10.

Творительный инструментального объекта: тѣмъ проповѣдаа камъ о вѣдѣшимъ Супр. 129—12, где местоимение тѣмъ ука-

зывает на предшествующие слова. Сравни: *негда рекъ сынъ дауидовъ поне ты еси отъ отца дауидова тѣмъ глаголахъ* Супр. 239—18.

Творительный и локатив не образуют корреляции функций, так как творительный не имеет функции изъяснительного объекта. Некоторые употребления локатива на первый взгляд могли бы быть отнесены к функции инструментального объекта. Например:

1. *Фарисен же глаголю о князи вѣсѣмъ изгонитъ вѣсы* Сав. 38, Мө. IX, 34.

2. *Шэдъ же примы е талантъ дѣла о нихъ и приобрѣте другъмъ е талантъ* Сав. 90, Мө. XXV, 16. Ср.: 3. *гн е талантъ ми еси прѣдалъ се другъмъ е приобрѣтъ ими* Сав. 91, Мө. XXV, 20.

Напрашивается мысль, не выражает ли локатив с предлогом о в первом и втором примерах то же самое орудийное значение, что и творительный в третьем примере. Чтобы правильно понять значение локатива в приведенных конструкциях, обратимся к анализу аналогичных случаев его употребления, где, однако, невозможна замена творительным.

Локатив с предлогом о при глаголах речи может иметь значение непосредственного указания на лицо как источник информации. Например: *Иволъ отъвѣща емъ те о себѣ ми се ты глещи или ни тебѣ о мнѣ рѣша* Сав. 113, Ио. XVIII, 34, *глы аже азъ гла камъ о себѣ не гла оца же прѣвѣкаа ка мнѣ тѣ творитъ дѣла* Сав. 100, Ио XIV, 10.

Локатив возвратного местоимения о себѣ в аналогичном значении употребляется иногда при других глаголах активного действия. Например: *самъ во отъ многа кистина не можааше о себѣ ржкоу казѣти* Супр. 143—1; *розга не можетъ плода створити о себѣ аще не вѣдетъ на лозѣ* Сав. 102, Ио. XV, 4.

Эти случаи употребления локатива представляют собой любопытную параллель употребления того же местоимения в значении творительного средства. Например: *и тако собож носитъ стѣны отъ ефрата рѣкы ноштитъ кодж* Супр. 551—22. В обоих случаях возвратное местоимение несет в известном смысле избыточную информацию о деятельности субъекта, однако творительный и локатив возвратного местоимения абстрагируют и подчеркивают разные стороны этой деятельности. Творительный средства (собож) употребляется, когда нужно подчеркнуть, что субъект является не только источником действия, от воли которого зависит осуществление данного действия, но также непосредственным и активным его исполнителем. Локатив источника действия (о себѣ) употребляется в случаях, когда нужно

подчеркнуть самостоятельность субъекта как источника действия. Например: *азъ самъ о себѣ възвѣжъ на скобръджъ* Супр. 118—6, т. е. 'без принуждения'. И *сами о себѣ подвижемъ сѧ на добро* Супр. 415—2.

Пояснения, встречающиеся иногда в тексте, подчеркивают это значение, например: не бо призванъ рече старейшинами ждрача-скими не принужденъ изъ безъ вѣды самъ о себѣ дома роди злѣхъ ласта и оумъ избеде ни единого же имѣа сакѣтника Супр. 408—29. Самѣмъ кратомъ безъ-држкоу о себѣ базати сѧ велитъ Супр. 465—30; нѣтъ же о себѣ никогоже поудаша ни вѣды твораша рата-творатъ на бѧ Супр. 419—7.

В свете изложенного, различие в значении примеров с локативом и творительным: *дѣлаимъ о талантѣ* Супр. 378—11; или можеша и единымъ добро сътворити Супр. 378—26— состоит, очевидно, в том, что локатив (*дѣла о нихъ*) указывает на «таланты» как источник, обеспечивающий возможность деятельности, а творительный (*дрогъжъ ѣ приобрѣтъ ими* Сав. 91 Мө. XXV, 20) — представляет их как орудие, действие которого направлено на создание определенной ценности.

Обращаясь к толкованию примера — о князи вѣсомъ изгонитъ вѣсы, — мы также должны рассматривать локатив о князи не как орудие, а как источник действия.

В самом деле, ведь фарисеи обвиняют Христа не в том, что он использовал «князя бесов» как свое орудие, а в том, что он сам является орудием «князя бесов», т. е. действует по его наущению, творя чудеса с помощью силы, источником которой служит «князь бесов».

Локатив источника действия, который может употребляться при глаголах различной семантики, часто при глаголах непереходного действия, относится к категории обстоятельственных значений, характеризующих образ действия.

7.6. Анализ объектных функций локатива с предлогом *о* показывает, что место локатива в морфологической системе падежей определяется признаком пассивности, в отношении которого он выступает как маркированный падеж вместе с родительным, винительным и дательным; признаком направленности от предмета, в отношении которого он также является маркированным падежом, наряду с родительным и в противоположность винительному и дательному; и, наконец, признаком периферийности, который его объединяет с другими немаркированными падежами дательным и творительным в противоположность родительному, винительному и именительному, которые в системе древнеболгарских падежей являются носителями коррелятивного признака центральности.

СИСТЕМА ПАДЕЖНОГО СИНКРЕТИЗМА И ЕЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СРЕДНЕБОЛГАРСКИЙ ПЕРИОД

8. «По существу, история склонения — это сплошной пример грамматической аналогии: вся наша задача в том и состоит, чтобы вскрыть ее действие и дать ему надлежащее объяснение»¹. Эту мысль из лекций профессора Н. Н. Дурново по исторической морфологии приводит Р. О. Якобсон в начале своего доклада «Морфологические наблюдения над славянским склонением». Развивая данное положение, Р. О. Якобсон выделяет центральный вопрос данной проблемы, которому и посвящает свой доклад — вопрос о падежном синкретизме. «Особую важность приобретает вопрос о падежном синкретизме, т. е. об упраздненных различиях между падежными флексиями и о порядке подобных упразднений»². Формулируя задачи, стоящие перед исследователями истории славянского склонения, он пишет: «Преобразование и перераспределение падежного синкретизма, полного и частичного, требует синтетического обзора и внутреннего истолкования». И далее — «необходимо проследить, как именно реагировала система падежных форм на радикальные звуковые изменения в вокализме — на утрату носовых, на исчезновение интонационных и количественных различий и на падение слабых глухих: в каких направлениях была использована грамматическая аналогия для перелицовки этой системы?»³

Поскольку явления падежного синкретизма могут препятствовать выполнению формой ее различительной функции, исследование данного явления в истории падежных флексий приобретает первостепенное значение.

В падежной системе мы учитываем два рода парадигматических противопоставлений падежей: противопоставление падежей по форме и противопоставление падежей по значению. В письмен-

¹ Р. О. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением. «American contributions to the fourth international congress of slavists. Moscow, september, 1958». 's—Gravenhage, 1958, стр. 1.

² Там же, стр. 25.

³ Там же, стр. 26.

ном языке, который нами изучается, противопоставление падежей по форме выражается в том, что падежи одной парадигмы имеют разные флексии. Различий ударения, не отраженных в письменном тексте, мы не учитываем.

Совпадение форм каких-либо падежей одной парадигмы (синкретизм падежей, по Якобсону) мы рассматриваем как нейтрализацию противопоставления падежных форм.

Мы ставим перед собой задачу рассмотреть историю падежных форм в древнеболгарском языке с точки зрения их главной функции в языке — различительной функции. Нейтрализация противопоставления форм является фактором, который может препятствовать выполнению формой ее различительной функции. Однако различение падежей в потоке речи опирается не только на показатель формы, но также на контекстное окружение (значение сочетающихся слов, явления управления, согласования, требования грамматической конструкции и т. п.). Взаимодействие падежных форм и контекста в разграничении падежей будет стоять в центре нашего внимания.

Различение форм двух падежей может оказаться не существенным в контексте, где значения взаимозамещающих падежей совпадают, т. е. там, где представлена нейтрализация противопоставления падежных значений.

Таким образом, рассмотрение истории древнеболгарских падежных форм с точки зрения их различительной функции предполагает, в первую очередь, исследование роли нейтрализации противопоставления падежей (в области форм и в области значений) в истории падежной системы древнеболгарского языка.

Мы должны определить условия, в которых данная падежная система допускает нейтрализацию противопоставления падежных форм, и условия, когда нейтрализация форм приводит к смешению падежей, что вызывает потребность в дополнительных средствах различения падежей. Все фонетические (внешние для падежной системы) и аналогические (внутренние для данной системы) изменения падежных форм будут рассмотрены с точки зрения тех результатов, к которым они приводят в области «преобразования и перераспределения падежного синкретизма», создания новых «допустимых» и «недопустимых» нейтрализаций противопоставления падежных форм. С этой точки зрения должны быть оценены те изменения, которые произошли в падежной системе среднеболгарского периода.

9. Характеристика архаических парадигм субстантивного склонения древнеболгарского языка по схеме Р. О. Якобсона⁴.

В склонении имен и местоимений существительных древнеболгарского языка наблюдаются шестипадежные, пятипадежные, четырехпадежные и трехпадежные системы парадигм (мы

⁴ Р. О. Якобсон. Указ. соч., стр. 10—14.

не принимаем во внимание звательную форму, занимающую особое положение в падежной системе).

Разряд 0. Шестипадежная система наблюдается в склонении существительных мужского рода множественного числа основ на *-ц* (тип *цѣмъ*), основ на *-и* (тип *пѣмъ*) и основ на согласный (тип *камъ*)^{4а}.

Согласно схеме Якобсона, приводимой ниже:

И	В	Р
Т	Д	М

падежные окончания распределяются следующим образом:

0.1.а *цѣмъ*

-ове	-ѣи	-овѣ
-ѣми	-ѣмъ (-омъ)	-ѣхъ (-охъ)

0.1.б *пѣмъ*

-ие (ѣе)	-и	-ии (-ѣи, -еи)
-ѣми	-ѣмъ (-емъ)	-ѣхъ (-ехъ)

0.1.в. *камъ*

[-ен] -е	[-ен] -и	[-ен] -ѣ
[-ен] -ѣми	[-ен] -ѣмъ (-емъ)	[-ен] -ѣхъ (-ехъ)

0.1.г.е. В склонении местоимений шестипадежный разряд представлен в двух парадигмах 3-го лица единственного числа

^{4а} Нумерацию разрядов мы начинаем с 0, так как разряд I у Якобсона — это пятипадежная система. Вторая цифра (арабская) обозначает тип совпадающих падежей, буква — различные парадигмы. Наличие шестипадежного разряда отличает древнеболгарский язык от современного русского, где ни одна парадигма не различает всех шести первичных падежей.

мужского и среднего рода личных и относительных местоимений.

<i>иже/ѣже</i>	<i>и/ѣ</i>	<i>ѣго</i>
<i>имь</i>	<i>ѣмоу</i>	<i>ѣмь</i>

Разряд I. Пятипадежная система является преобладающей в древнеболгарском склонении, причем в двенадцати парадигмах мы находим совпадение именительного и винительного падежей, в трех — совпадение дательного и локатива, в двух — родительного и локатива; в двух случаях совпадение творительного — именительного или творительного — винительного.

Совпадение именительного и винительного падежей отмечено в четырех парадигмах единственного числа мужского и среднего рода основ на *-o* и *-jo*:

I.1.a. градъ, рабъ

<i>-ъ</i>	<i>-а</i>
<i>-омь</i>	<i>-оу</i>
<i>-ѣ</i>	<i>-ѣ</i>

I.1.b. село

<i>-o</i>	<i>-a</i>
<i>-омь</i>	<i>-оу</i>
<i>-ѣ</i>	<i>-ѣ</i>

I.1.v. конь, отъца

<i>-ъ</i>	<i>-а</i>
<i>-ѣмь, -емь</i>	<i>-ю</i>
<i>-и</i>	<i>-и</i>

I.1.g. знамение, лице

<i>-ѣ, -ѣ</i>	<i>-а</i>
<i>-ѣмь, -емь</i>	<i>-ю</i>
<i>-и</i>	<i>-и</i>

В древнейшем типе древнеболгарского склонения отсутствовал синкретизм винительного—родительного падежей в одушевленных существительных мужского рода.

Пятипадежную систему находим в большей части парадигм множественного числа. Совпадение именительного и винительного падежей отмечено:

I.1.д. в формах множественного числа основ среднего рода на -о — село

-а		-ѡ
-ѡ	-омѡ	-ѡхѡ

I.1.е. в формах множественного числа основ среднего рода на -ѡ — поле, мѡце

-ѡ		-ѡ
-ѡ	-ѡмѡ, -ѡмѡ	-ѡхѡ

I.1.ж. в формах множественного числа основ на -а жена

-ѡ		-ѡ
-ѡми	-ѡмѡ	-ѡхѡ

I.1.з. в формах множественного числа основ на -ѡа сгрозѡа, доуѡа

-ѡѡ		-ѡѡ
-ѡѡми	-ѡѡмѡ	-ѡѡхѡ

I.1.и. в формах множественного числа основ женского рода на -ѡ косѡга

-ѡѡ		-ѡѡ (-ѡѡ, -ѡѡ)
-ѡѡми	-ѡѡмѡ (-ѡѡмѡ)	-ѡѡхѡ (-ѡѡхѡ)

I.1.к. в формах множественного числа основ среднего рода на согласный *-л* — *ИМА*

[-en] -а		[-en] -ѣ	
[-en] -ы	[-en] -ѣмъ (-емъ)	[-en] -ѣхъ (-ехъ)	

I.1.л. в формах множественного числа основ среднего рода на согласный *-с* *СЛОКО*

[-ec] -а		[-ec] -ѣ	
[-ec] -ы	[-ec] -ѣмъ (-емъ)	[-ec] -ѣхъ (-ехъ)	

I.1.м. в формах множественного числа основ женского рода на согласный *-г* *МАТИ*

[-ep] -и		[-ep] -ѣ	
[-ep] -ѣми	[-ep] -ѣмъ	[-ep] -ѣхъ	

I.1.н. в формах множественного числа основ женского рода на *-ѣ* — *ЦРАКЪ, ЛЮБЪ*

[-ѣs] -и		[-ѣs] -ѣ	
[-ѣs] -ѣми	[-ѣs] -ѣмъ	[-ѣs] -ѣхъ	

I.1.о. в формах указательного местоимения мужского рода единственного числа *ТЪ*

тѣ		того	
тѣмъ	тому	томъ	

1.1.п. среднего рода единственного числа 'го

то		того
тѣмь	тому	томь

1.1.р. в формах вопросительного местоимения 'что

что		чесо, чьсо (го)
чимь	чему чесому чьсому	чемь, чесомь

Разряд I.2. Второй тип пятипадежного склонения представлен парадигмами, в которых совпадают падежи, дательный и локатив. Этот тип представлен в склонении слов женского единственного числа основ на *-a*, основ на *-ja* и основ на согласный *-r*:

I.2.a. формы основ на *-a* дѣтка

<i>-a</i>	<i>-ж</i>	<i>-ы</i>
<i>-оуѣ</i>	<i>-ѣ</i>	

I.2.б. формы основ на *-ja* строуѣ, доуша

<i>-ѣ</i>	<i>-ѣж</i>	<i>-ѣы</i>
<i>-ѣуѣ</i>	<i>-ѣ</i>	

I.2.в. формы основ женского рода на согласный *-r* мати

<i>-и</i>	<i>[-er] -ѣ</i>	<i>[-er] -е</i>
<i>[-er] -иѣж</i>	<i>[-er] -и</i>	

В местоимениях этот тип представлен парадигмами личных местоимений 1-го лица единственного числа азъ, 2-го лица единственного числа ты, возвратного местоимения сѧ, личного местоимения 3-го лица единственного числа женского рода ѧже, указательного местоимения единственного числа женского рода та.

1.2.г. формы личного местоимения 1-го лица единственного числа

азъ	мѧ	мен-е
мѧн-оѧ	мѧн-ѣ, ми	мѧн-ѣ

1.2.д. Формы личного местоимения 2-го лица единственного числа

ты	тѧ	теб-е
тоб-оѧ	теб-ѣ, ти	теб-ѣ

1.2.е. Формы возвратного местоимения

	сѧ	себ-е
соб-оѧ	себ-ѣ, си	себ-ѣ

1.2.ж. Формы личного местоимения 3-го лица единственного числа женского рода

	ѧже	ѧѧже
ѧѧже	ѧѧ	

1.2.з. Формы указательного местоимения единственного числа женского рода

та	тѧ	тоѧѧ
тоѧѧ	тоѧ	

Разряд I.3. В третьем типе пятипадежного склонения представлено совпадение родительного и локатива. Этот тип находим в склонении существительных единственного числа мужского рода основ на согласный -н и в склонении существительных единственного числа женского рода основ на -ѣ:

I.3.а. камѣ

-ѣ	[-ен]ѣ	[-ен]-е
[-ен]ѣмъ	[-ен]и	

I.3.б. — црѣкѣ

-ѣ	[-ѣв]-ѣ	[-ѣв]-е
[-ѣв]-ишѣ	[-ѣв]-и	

В местоимениях данный тип находим:

I.3.в. в формах 1-го лица множественного числа личного местоимения:

мы	иѣ	наѣ
нами	намъ иѣ	

I.3.г. в формах 3-го лица множественного числа мужского рода

	ѣ	иѣ
ими	имъ	

I.3.д. в формах 3-го лица множественного числа среднего рода

	ѣ	иѣ
ими	имъ	

1.3.е. в формах 3-го лица множественного числа женского рода

	иѧ	иѧѣ
ими	имѣ	

1.3.ж. в формах указательного местоимения мужского рода множественного числа ти

ти	тѣ	тѣѧѣ
тѣми	тѣмѣ	

Разряд 1.4.а. Четвертый тип пятипадежного склонения в котором совпадают творительный и винительный падежи, представлен формами множественного числа существительных мужского рода основ на -о — градъ, радъ

-и	-ѧ	-ѣ
-ѧ	-омѣ	-ѧѣ

Разряд 1.5.а. Пятый тип пятипадежного склонения, характеризующийся совпадением форм творительного и именительного падежей, представлен в формах ^{множ.} единственного числа существительных мужского рода основ -ѣо конѧ, отаца

-и	-ѧ	-ѣ
	-ѣмѣ, -емѣ	-иѧѣ

Разряд 1.6.а. Шестой тип пятипадежного склонения, в котором совпадают винительный и родительный падежи, представлен в парадигме вопросительного местоимения кто

кто	кого	
цѣмѣ	кому	комѣ

Разряд II, 1. Четырехпадежное склонение находим в парадигмах единственного числа основ мужского рода на -ц- *сынз* и основ среднего рода на согласный -s-: слово. И в том и в другом случае отмечается синкретизм именительного—винительного падежей и родительного—локатива.

II.1.а. *сынз*

-ѣ		-оу
-ѣмь	-ови	

II.1.б. *слоко*

-о		[-ес] -е
[-ес] -ѣмь (-емь)	[-ес] -и	

В местоимениях синкретизм именительного—винительного, родительного—локатива представлен в формах множественного числа указательных местоимений:

II.1.в. среднего рода

та		тѣхъ
тѣми	тѣмъ	

II.1.г. женского рода

ты		тѣхъ
тѣми	тѣмъ	

II.1.д. в формах 2-го лица множественного числа личного местоимения

вы		васъ
вами	вамъ, вы	

Разряд II. 2. Совпадение форм родительного—локатива и творительного—дательного падежей представлено в парадигме двойственного числа 1-го лица личного местоимения

вѣ	на	
нама		наю

Разряд II.3. Единственной парадигмой, в которой представлено совпадение форм именительного и дательного—местного падежей, является парадигма склонения единственного числа прежних основ на -ja с чередованием -ī женского рода типа: поуѣтын'и, рабѣын'и, грѣдѣын'и, мазани и некоторых слов мужского рода: сѣдини, балин, корабѣчин, крѣмѣчин, лобѣчин

-и	-иж	-иѣ
-иѣж	-и	

Разряд III. Трехпадежное склонение представлено двумя типами: 1) синкретизм падежей: именительного—винительного, родительного—дательного—локатива; 2) синкретизм падежей: именительного—винительного, родительного—локатива, творительного—дательного.

1. Формы единственного числа основ мужского и женского рода на -i:

III.1.а. пжѣ

-ѣ		
-ѣмѣ	-и	-и

III.1.б. кѣѣ

-ѣ		
-иѣж (-ѣѣж)	-и	-и

2. Формы двойственного числа всех склонений существительных:

III.2.а. основ мужского рода на -о градъ

-а	-а	-оу
-ома	-ома	

III.2.б. основ мужского рода на -ю краи, отаца

-а	-а	-и
-ѣма	-ѣма	

III.2.в. основ среднего рода на -о село, село

-ѣ	-ѣ	-оу
-ома	-ома	

III.2.г. основ среднего рода на -ю знаменіе, лице

-и	-и	-ю
-ѣма	-ѣма	

III.2.д. основ на -и сынъ

-ы	-ы	[-ов] -оу
-ѣма	-ѣма	

III.2.е. основ на -а жена, гора

-ѣ	-ѣ	-оу
-ама	-ама	

III.2.ж. основ на -ја земя, дѣвица

-и	-и	-ю
-яма	-яма	

III.2.з. основ на -ѣ пѣтя, кобѣя

-и	-и	-ию
-ѣма	-ѣма	

III.2.и. основ на согласный мужского рода дѣла

-и	-и	-оу -ию
-ѣма	-ѣма	

III.2.к. основ на согласный среднего рода имя, тѣло

-ѣ	-ѣ	-оу
-ѣма	-ѣма	

Трехпадежное склонение с совпадением форм именительного—винительного, родительного—локатива и дательного—творительного представлено также в парадигмах двойственного числа местоимений.

III.2.л. Личные местоимения 2-го лица

<i>ва</i>	<i>ва</i>	<i>ваю</i>
<i>вама</i>	<i>вама</i>	

III.2.м. Относительные местоимения мужского рода

<i>таже</i>	<i>таже</i>	<i>юже</i>
<i>имаже</i>	<i>имаже</i>	

III.2.н. Относительные местоимения женского и среднего рода

<i>иже</i>	<i>иже</i>	<i>юже</i>
<i>имаже</i>	<i>имаже</i>	

III.2.о. Указательные местоимения мужского рода

<i>та</i>	<i>та</i>	<i>тою</i>
<i>тѣма</i>	<i>тѣма</i>	

III.2.п. Указательные местоимения женского и среднего рода

<i>тѣ</i>	<i>тѣ</i>	<i>тою</i>
<i>тѣма</i>	<i>тѣма</i>	

9.1. Таким образом, в архаических парадигмах древнеболгарского языка, восстанавливающих наиболее старые, представленные в древнейших памятниках падежные формы, нейтрализация противопоставления падежных форм в пределах парадигмы одного числа представлена в следующих формах.

Синкретизм форм именительного-винительного падежей.

Единственное число существительных и местоимений:

I.1. а) -ѣ градъ

б) -о село

в) -ѣ краи, кони

г) -е знамение, лице

Множественное число

д) -а села

е) -ѣ знаменія

ж) -ѣ жены

з) -ѣ строуга, юноша

и) -и кости

к) -(ен)-а имена

л) -(ес)-а слокега

м) -(ер)-и матери

н) -(ѣ)-и цркви

о) указательное местоимение мужского рода единственного числа тѣ

п) указательное местоимение среднего рода единственного числа то

р) вопросительное местоимение -что

Разряд II.1.

а) -ѣ сынъ, домъ

б) -о село

в) указательное местоимение множественного числа среднего рода та

г) указательное местоимение множественного числа женского рода ты

д) личное местоимение 2-го лица множественного числа вы

Разряд III.1.

а) -ѣ пчѣла

б) -ѣ кости

Разряд III.2.

Двойственное число существительных и местоимений:

а) -а града

б) -ѣ краи

в) -ѣ села

г) -и лица

д) -ѣ сыны

е) -ѣ жены

- ж) -и земли
 - з) -и кости, пжити
 - и) -и дни
 - к) -ѣ имениѣ, телесѣ
 - л) личные местоимения 2-го лица ка
 - м) относительные местоимения 3-го лица мужского рода иже
 - н) относительные местоимения 3-го лица женского и среднего рода иже
 - о) указательное местоимение мужского рода та
 - п) указательные местоимения женского и среднего рода тѣ
- Синкретизм форм винительного—творительного падежей представлен в формах множественного числа.

Разряд I.4.а) -ы грады.

Синкретизм форм именительного—творительного падежей представлен в формах множественного числа:

Разряд I.5. а) -и краи, отъци

Синкретизм форм винительного—родительного падежей:

Разряд I.6. а) вопросительное местоимение кого

Синкретизм форм родительного и локатива:

Разряд I.3.

- а) -е единственного числа мужского рода основ на согласный -н каменѣ
- б) -е единственное число женского рода основ на -ѣ цркви
- в) личное местоимение 1-го лица множественного числа нахъ
- г, д, е) личное местоимение 3-го лица множественного числа всех родов ихъ
- ж) указательное местоимение мужского рода множественного числа тѣхъ

Разряд II.1. а) -оу единственного числа сыноу

- б) -е единственного числа слокозе
- в, г) указательное местоимение среднего и женского рода множественного числа тѣхъ
- д) личное местоимение 2-го лица множественного числа кахъ

Разряд II. 2 а) личное местоимение 1-го лица двойственного числа наю

Разряд III.2. Двойственное число всех склонений имен существительных и местоимений:

- а) -оу градоу
- б) -ю краю
- в) -оу селоу
- г) -ю лицу

- д) (-ов)-оу сѣноскоу
- е) -оу рѣжкоу
- ж) -ю юношю
- з) -ю (-ью) пѣтню
- и) -оу, -ю даноу, даню
- к) -оу тѣлоу

л) личное местоимение 2-го лица двойственного числа каю
 м, н) личные местоимения 3-го лица двойственного числа
 всех родов юю и относительных ююже
 о, п) указательные местоимения двойственного числа всех
 родов тою

Синкретизм именительного—дательного—локатива представлен в формах единственного числа:

Разряд II.3. -и рабыни, сѣдши

Синкретизм форм родительного—дательного—локатива

Разряд III.1.

- а) -и пѣти
- б) -и кости

Синкретизм дательного—локатива представлен в формах единственного числа

Разряд I,2.

- а) -ѣ женѣ
- б) -и коли
- в) -ри матери
- г) -ѣ мѣстѣ
- д) -ѣ тѣбѣ
- е) -ѣ себѣ

ж) 3-е лицо личных местоимений единственного числа женского рода еи

з) указательные местоимения женского рода единственного числа тси

Синкретизм форм дательного—творительного.

Разряд III.2. Двойственное число имен существительных и местоимений

- а) -ома градома,
- б) -ѣма краюма,
- в) -ома сѣлома
- г) -ѣма лицѣма
- д) -ѣма сѣнѣма
- е) -ама рѣкама
- ж) -ама строуѣма

- з) -ьма пжтама
- и) -ьма дьнама
- к) -ьма тѣлесама
- л) личное местоимение 2-го лица кама
- м) личное местоимение 3-го лица има
- н, о) указательные местоимения всех родов тѣма

Синкретизм родительного—творительного представлен формами множественного числа основ на -ѣо типа знаменин.

Синкретизм падежных форм, относящихся к разным числам:

1. И, В ед. — Р мн. града, краи, конѣ, отаца
2. Р ед. — И, В дв. града, краи конѣ отаца
3. Р ед. — И, В дв., мн. села, бека, знаменинѣ, лица
4. Р ед. — И, В мн. строуѣ, юноша, стаза
5. В ед. — Р, Л дв. дѣвоу, ржкоу
6. И, В дв. — В мн. сыны
7. Р дв., Л дв. ед. — И, В дв. — В мн. пжти
8. Д, Л ед. — И, В дв. дѣкѣ, ржцѣ
9. Д, Л ед. — И, В дв.; Р мн. строуи, юноши, стази
10. Д ед. — И, В дв. — И, В мн. цркви
11. Р, Л ед. — И мн. камене
12. Д, Л ед. — И, В мн. матери

Мы учитываем, в первую очередь, синкретизм в пределах одного числа, так как совпадения форм, относящиеся к разным числам, создают обычно меньше трудности в понимании текста: 18 из них составляют случаи синкретизма форм именительного падежа с косвенными падежами другого числа, что легко разграничивается посредством формы числа глагола.

9.2. В пределах одного числа склонения имен и местоимений существительных в архаических парадигмах древнеболгарского языка представлены следующие типы синкретизма падежных форм:

И-В (39 парадигм), В-Р (1 парадигма), Р-Д (2 парадигмы), Р-Л (29 парадигм), Д-Л (8 парадигм), Д-Т (19 парадигм), И-Т и В-Т по одной парадигме. Синкретизм Д-Т отмечен только в парадигмах двойственного числа, синкретизм форм И-Т, В-Т и Р-Т — в парадигмах множественного числа. Синкретизм И-Д в одной парадигме единственного числа.

Между падежами И-Р, Д-В, В-Л, Т-Л синкретизма падежных форм в пределах парадигм одного числа в древнеболгарском языке не наблюдается.

Наличие и отсутствие синкретизма падежных форм в пределах парадигмы одного числа в архаическом типе склонения древнеболгарского языка может быть представлено схемой (рис. 1).

Значение данной схемы определяется тем, что она не претерпевает принципиальных изменений на всем протяжении древне-

болгарского (старославянского) периода. Изменения в области падежного синкретизма, наблюдаемые в этот период, не выходят за пределы уже отмеченных в архаических парадигмах склонения. То есть происшедшие в этот период изменения в области падежного синкретизма коснулись только соотношения падежей соединенных сплошными линиями, и не коснулись соотношения падежей, соединенных пунктирными линиями, т. е. падежей с устойчивым противопоставлением падежных форм.

10. Изменения в области нейтрализации противопоставления падежных форм, происшедшие в старославянский период.

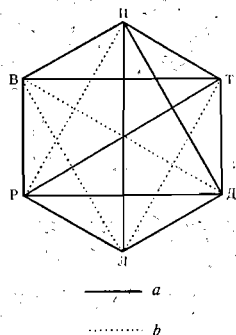

Рис. 1. Синкретизм падежных форм в пределах парадигмы одного числа в архаическом типе склонения древнеболгарского языка:
а — наличие синкретизма; б — отсутствие синкретизма

Древнеболгарский язык получил от праславянского падежную систему, в которой был представлен синкретизм падежных форм, появившихся в результате фонетических процессов, происшедших в праславянский период и трансформировавших унаследованную из индоевропейского систему склонения. Процессы аналогических изменений, фиксируемые в языке старославянского периода, свидетельствуют о тенденциях, направленных к устранению некоторых типов падежного синкретизма, иногда за счет развития нейтрализации противопоставления форм других падежей. Так, например, широко представлено в старославянских памятниках нарушение синкретизма формы именительного—винительного падежей одушевленных существительных мужского рода единственного числа. Соответственно в тех же классах слов возникает синкретизм форм винительного—родительного падежей. Намечаются тенденции ликвидации синкретизма форм именительного и с другими падежами: И—Д, Л в склонении слов ед. ч. с флексией -и (сѣдѣни, раѣтъни), И—Т в склонении множественного числа существительных мужского рода основ на *jo-* (кони). Единственный падеж, с которым именительный не имел синкретичных форм в составе парадигм одного числа, был родительный. Синкретичные формы были представлены лишь именительным единственного и родительным множественного мужского рода основ

на -о (рѣкъ). Однако процессы аналогических изменений, начавшиеся в старославянский период, коснулись и этих случаев.

Тенденции нарушения синкретизма форм отмечены, кроме того, в парах винительного—творительного, родительного—дательного и родительного—творительного падежей.

Тенденции нарушения синкретизма форм можно представить схемой на рис. 2.

Рассмотрим подробнее реальное соотношение падежных форм в текстах старославянских памятников, представляющих материал для суждения о процессах изменения в области падежного

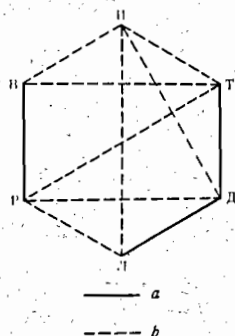

Рис. 2. Тенденция нарушения синкретизма форм в языке памятников древнеболгарского периода:

a — наличие синкретизма в пределах парадигм одного числа; b — наличие аналогических изменений, направленных к ликвидации синкретизма

синкретизма, наблюдаемых в древнеболгарском языке этого периода.

10.1. Синкретизм форм именительного—дательного / локатива наблюдается в существительных, имеющих в именительном флексию -и, куда относятся имена существительных женского рода с суффиксом -ыни: поуѣтыни, рѣкыни, грядыни и др. Имена существительные на -ни мужского и женского рода типа бѣлини, сѣди, мѣзани, лѣди, имена существительные мужского рода с суффиксом -чини: крѣмѣчини, кзнигѣчини, и заимствованные из греческого имена собственные женского рода на -η и мужского на -ης или -ι: манаѣсини, параскеѣгини. Данное окончание было свойственно также формам действительных причастий и степеней сравнения женского рода.

«К концу существования старославянского языка возникает тенденция к установлению в именительном падеже единственного числа на -и окончания -ѣ: параскеѣгѣта Сав. кн. 128, Манаѣсинѣ Матфей 1, 10 Сав. кн., Остр. вместо — син Асс»⁵. Аналогичный процесс проявляется в причастиях и степенях сравнения. Н. Ван-Вейк отмечает, что формы типа мѣзани представляют собой очень поздние новообразования, известные только из

⁵ А. В а й н. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 119.

среднеболгарского (мѣстѣ Добром. ев.)⁶. Утрата формы именительного падежа на -и, проявившаяся ранее всего в именах собственных, устраняла синкретизм форм именительного—дательного падежей и соответственно именительного—локатива.

10.2. Изменения в области форм именительного—творительного и винительного—творительного множественного числа.

В архаическом склонении синкретизм падежных форм отмечался в парадигмах множественного числа основ на -о, основ на -jo, а также в парадигмах личных и указательных местоимений. В склонении основ на -о представлен синкретизм винительного и творительного падежей в флексии -ѣ: раѣ, граѣ. В склонении основ на -jo синкретизм именительного и творительного представлен флексией -и: краи, отаци. Синкретизм винительного и творительного отмечается также в некоторых существительных с множественным числом на -ѣ, склонявшихся по типу основ на согласный. Таковы существительные типа граѣди, образующие формы винительного—творительного с флексией -ѣ граѣди. Уже в старославянском отмечены примеры замены форм творительного падежа с флексией -ѣ формами, заимствованными из парадигмы ѣ-основ.

По аналогии с формой съѣзѣми возникают формы съѣзѣстѣми Супр. 512—17, апостолѣми Супр. 496—2. Ван-Вейк отмечает, что «вторичные формы, образованные по склонению на -и, чаще всего встречаются в Супрасельской рукописи»⁷. Бесспорных случаев заимствования данной флексии неодушевленными существительными основ на -о не приводится. Так как слова гроѣди, оудѣ, дѣрѣ, грѣхѣ, встречающиеся в формах дѣрѣми Ев. 14 в. 25, Син. тр. 86—15, оудѣми Ев. 45а—1; гроѣди Ев. 14а—10, грѣхѣми Клод 2.5; 11.5 (Diels, стр. 157, А. Вайан, стр. 112, Н. Ван-Вейк, стр. 244), возможно, относились к ѣ-основам⁸.

Аналогичный процесс происходит в существительных мужского рода основ на -о, которые заимствуют форму творительного падежа множественного числа у склонения основ на -ѣ: зѣлодѣми Супр. 92. 22, оукромѣми Асс. I. XI 44., стражѣми Супр. 140—25, если слово стража не относилось к -ѣ-основам, как это предполагает Ван-Вейк⁹.

Таким образом, уже в старославянский период наметилась тенденция аналогического выравнивания форм творительного падежа, одним из частных следствий которого могло быть разрушение синкретизма форм творительного падежа с именительным и

⁶ Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957, стр. 256.

⁷ Там же, стр. 245.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 250. Иначе у А. М. Селищева («Старославянский язык», ч. II. М., 1952, стр. 98).

винительным в парадигмах множественного числа. Правда, случаи эти представлены пока очень малым числом примеров. В отличие от парадигм единственного числа здесь почти не прослеживаются различия, связанные с категорией одушевленности. В Синайском требнике и псалтыри отмечено три случая формы творительного множественного числа ¹⁰, синкретичной с формой винительного падежа множественного числа. Наряду с формой жидзми (3 раза), отмечается также форма творительного падежа жиды в (2 раза) в Намоканоне Мефодия, а также в Супрасльской рукописи 398—6, 353—2 ¹¹.

Таким образом, в склонении одушевленных существительных -и- основ отмечается тенденция создания синкретичных форм винительного—творительного падежей. В отношении неодушевленных существительных определение тенденций развития синкретизма форм встречает затруднение вследствие неустойчивости состава слов, относящегося к этому типу основ.

К устранению синкретизма форм именительного—творительного падежей множественного числа существительных мужского рода -ю основ ведет также процесс вытеснения флексии -и в именительном падеже множественного числа флексиями, заимствованными из других склонений: -ие (из основ на -и), например: коумиріе Супр. 536—9; кождіе Мф. XXIII 16.24 Зогр., стражіе Супр. 134—5, 184—26. Широкое распространение эти формы приобретают в памятниках среднеболгарского периода, где появляются также другие типы, заменяющие формы именительного падежа, флексия -е (из основ на согласный) и -еве (по типу основ на -и).

10.3. Уже в старославянский период намечаются процессы, приводящие к нарушению синкретизма форм именительного падежа единственного числа и родительного множественного. Это связано с пропикповением флексии -овъ из склонения и-основ в родительный множественного числа существительных мужского рода о-основ. Например: вѣсѣкъ Супр. 40—15 и др. гадѣкъ Син. тр. 59*12, градѣкъ Супр. 201—21, дарѣкъ Син. тр. 100*18; грѣхѣкъ Ен. ап. 6а15 (наряду с грѣхъ 196 11).

10.4. Синкретизм форм родительного—творительного падежей был представлен в парадигмах существительных множественного числа среднего рода типа знамени в форме знамении. Правда, параллельно существовала форма родительного падежа -и, -и и -еи (из ѣ в сильной позиции). Тем не менее уже в старославянском появляются формы творительного падежа с флексией -ми различного происхождения: оученици, Супр. 96—18 цѣсарѣ-

¹⁰ Н. В а п - В е й к. Указ. соч., стр. 242.

¹¹ Там же, стр. 244.

сткими Супр. 232—2¹² оржжыми Марк. XIV, 48, Зогр. знаменными Марк. XVI, 20, Мар¹³. Таким образом, тенденция освобождения от синкретизма форм Р—Т явно определилась уже в этот период.

10.5. Однако изменения, происшедшие в этот период, коснулись более всего соотношения форм единственного числа имен существительных мужского рода всех склонений: именительного—винительного, винительного—родительного, родительного—дательного, родительного—местного и дательного—местного падежей.

В истории склонения слов мужского рода столкнулись две тенденции, определяющие развитие славянского склонения: тенденция объединения разных типов склонений по родовому признаку, с одной стороны, и тенденция дифференциации форм одушевленных и неодушевленных существительных, — с другой. Взаимодействие этих двух тенденций в развитии древнеславянского склонения привело к перераспределению падежного синкретизма, к упразднению одних и возникновению других типов нейтрализации противопоставления падежных форм в классах одушевленных и неодушевленных существительных.

Объединение разных типов склонений по родовому признаку не представляет собой абсолютного подчинения одного типа другому. В процессе аналогических изменений происходит отбор флексий из разных типов склонений, подчиненный определенным закономерностям, направленным к сохранению различительной функции формы. Вследствие этого для одушевленных и неодушевленных существительных эти закономерности оказываются различными. В докладе, опубликованном к V Международному съезду славистов, «Нейтрализация падежных противопоставлений в развитии системы склонения старославянского языка»¹⁴ нами были рассмотрены изменения в области падежных флексий, которые привели к перераспределению падежного синкретизма в склонении имен существительных мужского рода единственного числа старых *и*-основ, *о*-основ, *ю*-основ и основ на согласный.

Исследование показало, что процесс формирования самостоятельных парадигм склонения в подклассах одушевленных и неодушевленных существительных, наблюдаемый в древнеболгарском языке, характеризуется, в первую очередь, тенденцией к унификации всех склонений по типу нейтрализации противопоставления падежных форм. При этом тенденции перераспределения падежного синкретизма в подклассах одушевленных и неодушевленных существительных действуют как правило в диа-

¹² Н. В а н - В е й к. Указ. соч., стр. 240.

¹³ А. В а й а н. Указ. соч., стр. 116.

¹⁴ «Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов». М., 1963, стр. 273—290.

метрально противоположных направлениях. Если в подклассе одушевленных существительных нейтрализация противопоставления формы И.—В. падежей уступает место нейтрализации противопоставления форм В.—Р., то в подклассе неодушевленных существительных синкретизм И.—В. как правило сохраняется и распространяется на другие типы склонений. Если у одушевленных существительных наблюдается ярко выраженная тенденция сохранить противопоставление форм Р.—Д. падежей, то в подклассе неодушевленных именно здесь появляются новые случаи синкретизма падежных форм и т. п.

Различие тенденций перераспределения падежного синкретизма в классах одушевленных и неодушевленных существительных может быть представлено следующей схемой, в которой сходящиеся стрелки обозначают возникновение синкретизма форм, а расходящиеся — разрушение синкретизма между двумя соседними падежами.

Одушевленные существительные $I \leftrightarrow V \rightarrow \leftarrow R \leftrightarrow D, J$

Неодушевленные существительные $I \rightarrow \leftarrow V \leftrightarrow R \rightarrow \leftarrow D, J$

Устойчивым и прогрессирующим типом синкретизма—форм во всех категориях существительных оказывается синкретизм $D \rightarrow \leftarrow J$ падежей. Устойчивым противопоставлением падежных форм в обоих классах склонений является противопоставление $D \leftarrow \rightarrow V$.

Аналогические изменения падежных флексий в парадигмах существительных мужского рода единственного числа, отмеченные в языке старославянского периода, действуют как правило в пределах данной схемы. В этом легко убедиться, рассмотрев аналогические изменения, приводящие к перераспределению падежного синкретизма. Таковы изменения, возникшие в результате: 1) взаимодействия существительных мужского рода основ на -о и основ на -и в формах единственного числа родительного (-а, -оу), дательного (-оу — -ови), локатива (-ѣ, -оу) и отчасти звательной формы (-е — -оу)¹⁵; 2) в результате взаимодействия основ на -о, -јо и основ на -і в формах единственного числа родительного падежа (-а, -ѣ и -и), дательного падежа (-оу, -и); 3) взаимодействия і-основ и основ на согласный родительного, локатива и дательного падежей (-е -и); 4) изменения в области форм множественного числа, коснувшиеся соотношения форм винительного—родительного и творительного—винительного, творительного—именительного падежей.

10.6. Изменения в области форм дательного—родительного и локатива. Взаимодействие основ на -о с основами на -и.

¹⁵ Судьбу форм творительного единственного мы не рассматриваем, так как здесь аналогические изменения не связаны с нейтрализацией противопоставления форм.

В древнеболгарском языке выявляется тенденция закрепления в родительном падеже флексии *-ou* за неодушевленными существительными, а флексии *-a* за одушевленными. Эта тенденция проявляется в том, что флексия *-ou* не только оказывается более устойчивой у неодушевленных существительных *u*-основ, чем у одушевленных, но проявляет известную экспансию, распространяясь на неодушевленные существительные *o*-основ. В качестве примеров А. Вайан указывает: *глагоу* Син. пс. LXXIII, 23, *длагоу* Супр. 106—20; *родоу* Супр. 244—10, *глагоу* Супр. 420—30¹⁶. Одушевленные существительные эту форму родительного не заимствуют. Напротив, у одушевленных существительных склонения *u*-основ можно отметить тенденцию к замене исконной флексии родительного падежа *-ou* флексией *-a*, заимствованной из склонения *o*-основ. Так, флексия *-ou*, сохраняясь в существительном *кола*, почти полностью вытеснена флексией *-a* в слове *сынъ*. Форма родительного *сыноу*, по свидетельству Н. Ван-Вейка, «встречается по одному разу в Саввиной книге и псалтыри, в остальных случаях — только *сына*»¹⁷. Следует добавить, что в обоих памятниках форма *сыноу* зафиксирована только в приименных конструкциях: *книгы рождаѣтка ѿ хѣка сыноу даѣѣдока сыноу акрамѣ* Сав. 135, Мт. 1.1; в Синайской псалтыри: *сѣла дѣ въ конца о тамныхъ сыноу ѿ даѣѣкъ* пс. IX, 1. В приглагольном употреблении встречается только новая форма *сына*.

В области форм дательного падежа единственного числа наблюдается распространение флексии *-ou* на другие типы склонений. При этом в склонении *u*-основ старая флексия *-ови* полностью вытесняется у неодушевленных существительных, сохраняясь в некоторых памятниках у имен одушевленных (*сыноки*)¹⁸ и лишь в случаях персонификации у неодушевленных существительных¹⁹.

В свою очередь флексия *-ови* (в мягкой разновидности *-еви*) проникает в дательный одушевленных существительных других

¹⁶ А. В а й а н. Указ. соч., стр. 112.

¹⁷ Н. В а н - В е й к. Указ. соч., стр. 242.

¹⁸ Форма дательного падежа *сынови* встречается в старославянских памятниках. А. Вайан указывает следующие примеры: «дат. п. с(ъ)нови Матфей XXI, 9, 15, Марк; Иоанн V, 22, 26 Мар., Зогр., Асс., Супр. 327, 19, но обычно с(ъ)ноу (там же, стр. 110). В Сав. кн. зафиксирована только форма *сноу*».

¹⁹ О судьбе этих форм в старославянском языке А. Вайан пишет: «В самом же склонении имен существительных типа *сынъ* регулярно образуется дательный падеж названий предметов: *домоу, полеу, радоу, чиноу*; дат. п. *домови* сохранился только как наречие или появляется в случаях персонификации: *спасение емоу, в'семоу домови его* Син. тр. 14^в13» (там же, стр. 113).

склонений, например: загради оугта лавоки (Супр. 158, 9). Особенно часто эту флексию принимают существительные со значением лица²⁰ и рече *іс сатаникоки* (Сав. 35, Мө. VIII, 13); и рече *кратарьки* (Сав. 110, Іо. XVIII, 16); *чавѣкоки*, *бѣи*, *гѣи* (господеки) и т. п., а также в склонение имен собственных и заимствованных слов, например: *нереоки*, *нонифокі*, *кесареки*.

В Супрасльской рукописи зафиксированы формы: *патрархѣоки* 250—15, *равоки* 90—28, *кесареки* 106—17, *благодетелеки* 493—11, *кратѣки* 361—5, *мѣжеки* 95—23, *паулоки* 94—6, *петроки* 364—4, 463—8, *симѣоки* 394—13, наряду с более частыми формами на *-оу*.

Таким образом, в подклассе неодушевленных существительных в результате проникновения флексии *-оу* в дательный падеж склонения основ на *и-* и в родительный падеж склонения основ на *-о*, и в том и в другом типе склонения возникает нейтрализация противопоставления форм родительного—дательного падежей неодушевленных существительных.

Эта тенденция наблюдается и в склонении основ мужского рода на согласный, где представлены только неодушевленные существительные: флексия дательного падежа *-и* с разной степенью интенсивности вытесняет флексию *-е*, свойственную родительному и местному падежам²¹.

В подклассе одушевленных существительных действует обратная тенденция «расподобления» форм родительного и дательного падежей. Она проявляется в расширении сферы употребления различающихся форм родительного (флексии *-а*, *-ѣ*) и дательного (флексии *-ови* *-єви*) падежей. Процесс этот охватывает одушевленные существительные *о*-основ, *и*-основ, *іо*-основ

²⁰ Вайан пишет на этот счет следующее: «Особенно же широко уже с самого пачала существования старославянского языка распространилось окончание дательного падежа единственного числа на *-ови*: *доухѣви Лука VIII, 29, Мар., Зогр., Асс.*; *чавѣковѣи Лука VI, 8, Мар.*; в мягкой разновидности — *мѣжеви Лука I, 27, Мар., Зогр.* и др. Чаще всего оно встречается в именах собственных и иностранных словах: *в(ого)ви Марк XII, 17* и др. *ис(оус)ови Лука VI, 11* и др. (обычно), *иоанови Лука VII, 22, Носифови Марк XV, 45, нереков Лука V, 14 (§ 75), архисинагогови Марк V, 36, І(здан)ови Иоанн I, 31, кесарєви Лука XX, 22* и др., обычно наряду с *богѣу, Неоусѣу* и т. д.

Однако все эти формы на *-ови* встречаются лишь у имен, обозначающих лицо, являясь характерным признаком личного подрода, как родительный—винительный падеж (§ 53). Если же они и встречаются в качестве исключения у названий предметов, то лишь в тех случаях, когда эти предметы персонифицируются, например: *намѣ... а пѣ мѣрови Иоанн XIV, 22, Сав. кн., глаголаше адови Супр. 476¹⁸*, где они имеют род.—вин. п. *мира, ада* (А. Вайан. Указ. соч., стр. 113; см. также: Н. Ван-Вейк. Указ. соч., стр. 243 и др.).

²¹ Н. Ван-Вейк. Указ. соч., стр. 260.

и *i*-основ. В склонении *i*-основ старые формы родительного падежа на *-и* заменяются новыми на *-а*, *-ѣ*, например, наряду с *гѣсти* Ам. 512—19, 543—5, *гѣ* Сав. 46^в, 124^в, 137^в, находим *зѣстѣ* Супр. 44—28, 49—22, *стража*, *господа* или *господѣ*²².

В Саввиной книге три раза зафиксирована старая форма *гѣ* и 8 раз — новая *гѣ*. В Енинском апостоле отмечено только *гѣ* 156, 10. Наряду с этим в дательном падеже появляется флексия *-евѣ*, которая в Супрасельской рукописи употребляется чаще, чем старая форма: *госпедѣ* Супр. 70—20, 81—22, 313—21, 320—10, 330—10, 341—6, 360—25, 363—11, 364—6, 431—23, 467—21, 480—5, 539—7 или *гѣ* Супр. 90—27, 537—13, 545—18, наряду со старой формой *госпеди* Супр. 464—3, *гѣ* 314—17, 375—28; 463—25. В Саввиной книге старая форма дательного падежа не употребляется. Она заменена формами *гѣ* или *гоу*²³. В Енинском апостоле только *гѣ* 26—13, 14а—4, 226—17, 23а—14, 236—15, 336—6²⁴.

В развитии форм локатива наблюдаются аналогичные процессы развития синкретизма форм: в одушевленных существительных разрушение синкретизма форм родительного—местного падежей, что проявляется, например, в прошиповании флексии *-ѣ* в склонение слова *сынѣ*. Форма *сноу* встречается в древнеболгарских памятниках сравнительно редко, чаще употребляется форма *снѣ*. В Саввиной книге формы *сноу* и *снѣ* отмечены в одном и том же контексте: *да прославити сѣ оца о сноу* (Сав. 100, Ио. XIV, 13); и *о снѣ* (Сав. 25, Ио. XIV, 13). В неодушевленных существительных *и*-основ флексия *-оу* сохраняется и проявляет тенденцию распространения на неодушевленные существительные склонения *о*-основ, вытесняя исконную флексию локатива *-ѣ*, что означает появление нейтрализации противопоставления форм родительного—местного падежа и в этом типе склонения. В результате рассмотренных процессов в подклассе неодушевленных существительных всех типов склонений возникает нейтрализация противопоставления форм родительного—дательного—местного падежей, свойственная ранее только скло-

²² А. Вайан. Указ. соч., стр. 125. — Формы родительного *зѣстѣ* появляются уже в среднеболгарских памятниках (там же, стр. 125).

²³ В других памятниках старая форма дательного падежа также употребляется редко, заменяясь формами *госпедоу*, *госпедю* или *госпедѣ* (*гѣ*) (см.: А. Вайан. Указ. соч., стр. 123).

²⁴ Интересно, что в Енинском апостоле почти не встречается форма *-овѣ*, *-евѣ*, кроме *гѣ* и один раз *цѣ* 26а 8; наряду с *цѣ* 38а 9; один раз встретилась форма *вѣ* 34а—15; 5 раз *гоу*. Форма *-овѣ* не употребляется даже у основ на *ц*: *сноу*, 66 14, *домоу*, 25а—9, *мироу*, 21а 14—15. У одушевленных существительных явно преобладает форма с *-оу* или *-ю*.

нению *i*-основ. Таковы флексия *-ou* в склонении *u*-основ и *o*-основ флексия *-u* в склонении основ на согласный (корени).

10.7. Синкретизм форм именительного—винительного падежей одушевленных существительных мужского рода единственного числа нарушается в результате проникновения флексии родительного падежа в винительный падеж всех склонений.

Следует отметить, что винительный падеж заимствует у родительного преимущественно флексию *-a*, в мягкой разновидности *-a*, *-ѣ*. Отмечены лишь редкие случаи употребления родительного-винительной флексии *-u*: тати Супр. 409—21 (яко прѣданика развоиника тати толкоу доброу сподоби), огни 453—3²⁵, зати Ам. 548—18, 562—14. Только в Супрасльской рукописи отмечена форма господи²⁶: вѣдѣша... господи пропекѣдѣшѣта Супр. 323—15; и господи Бога благословиша... на жрѣбате... сѣдѣшѣтаго Супр. 326—15; и никогда в функции винительного падежа не выступают формы на *-ou*. Мы склонны видеть в этом стремление языка сохранить противопоставление форм винительного—дательного падежей, поскольку флексия *-ou* дательного падежа *o*-основ широко заимствуется как неодушевленными, так и одушевленными существительными всех склонений.

В разных типах склонения наблюдается разная степень интенсивности проникновения новых форм в винительный падеж. Наиболее последовательно формы винительного падежа на *-a* употребляются в существительных склонения *o*-основ. Отражая эти формы в парадигмах склонения, А. Вайан отмечает, что «форма родительного—винительного падежа не была постоянной даже в названиях лиц, кроме собственных имен; в славянских языках она представляет собой позднее явление, развитие которого в эпоху существования старославянского языка еще не закончилось, о чем свидетельствуют многочисленные формы винительного падежа у имен со значением лица, в особенности в древнейших текстах»²⁷.

В Супрасльской рукописи отмечены единичные случаи сохранения старых форм: всгз 84—18, гнз 81—18, конз 221—18, 564—30, 565—3, младеништз 44—18, 237—22, оцз 81—18, рокз 292—18, доухз 81—18, 141—23, 189—4, пророкз 545—23. Кроме того, народз 3—30, 99—25, 174—27, 198—6 и коумира 138—25. Обычно все эти существительные употребляются с флексией *-a*, *-ѣ*.

²⁵ сѣно отъ сѣна приати геонѣскаго—огни (подразумевается Христос)—капкы мала отъ капкы приати бездѣнж Супр. 453—3.

²⁶ А. В а й а н. Указ, соч., 121, 122. — В слове господи во всех памятниках последовательно употребляются новые формы в твердой или мягкой разновидности гѣ или гѣ. В Саввиной книге и Супрасльской рукописи употребляется твердый вариант.

²⁷ Там же, стр. 206, 207.

В склонении *i*-основ, так же как и в склонении *u*-основ, старые формы винительного падежа удерживаются в большей степени.

Слова *зѣта* и *тѣта* зафиксированы в старых формах винительного падежа *зѣта* Супр. 237—5, *тѣта* Сип. пс. XLIX, 18. Хотя «поздний старославянский язык уже развивает родительный—винительный падеж на *-и*»²⁸. Форма *ѣтража* отмечена в Супрасльской рукописи 293—12, 354—7. Слово *зѣтра* в Супрасльской рукописи встречается в старой и новой формах винительного. *Пуримѣнѣ... ѣкражѣтаашѣ зѣбѣ на на ѣко лѣка кѣ драздѣ трашѣта зѣтра... Супр. 12—8; кѣтѣта пѣстоуѣхѣ зѣтраѣ, кѣтѣта прѣштѣнѣка вѣка, кѣтѣта вѣнѣж кѣмѣнѣка... Супр. 509—28.*

Однако и здесь в некоторых словах отмечаются только новые формы винительного. Например, в слове *господа* новые формы употребляются последовательно во всех памятниках в твердой или мягкой разновидности *гѣ* или *гѣ̆* (в Саввиной книге и Супрасльской рукописи отмечается твердый вариант, в Зографском кодексе, Синайской псалтыри и Клоцевом сборнике преобладает мягкая разновидность, в Енинском апостоле только мягкая *гѣ̆*).

В слове *сынѣ* старая форма винительного падежа встречается чаще, чем в других одушевленных существительных личного подкласса. Так, в Саввиной книге в винительном падеже 8 раз зафиксирована старая форма *ѣнѣ* и 12 раз новая — *ѣна*. В Супрасльской рукописи отмечены старые формы винительного *воѣ* 116—13; *ѣнѣ* 245—12, 27, наряду с *ѣна* — 23 раза, в Енинском апостоле один раз *ѣнѣ* 28а—11 и три раза *ѣна* 6б—7, 24а—12, 37а—6. Вообще же в Енинском апостоле, представляющем поздние старославянские памятники, разграничение одушевленных (личных) и неодушевленных существительных мужского рода по образованию форм винительного падежа проведено очень последовательно. Существительные неодушевленные последовательно употребляются в старой форме винительного падежа, совпадающей с именительным: *амѣонѣ* 30б—13; 30б—18, *кѣзѣвѣнѣ* 30а—3 (*ἑφεσις*) на *кѣзѣгонѣ* 31а—7, *глаѣ* 24б—6, *градѣ* 26б—11, *дѣрѣ* 34б—8, *днѣ* 20б—10, 37а—16, *жѣзѣ* 32а—6, *жирѣ* 2а—5, на *запаѣ* 31а—9, *крѣтѣ* 30б—4; 30б—5, 15; 31—4, 6, 14, 17; *мирѣ* 33б—3—4; *обѣка* 36б—11, *обѣзѣ* 12б—13, *огнѣ* 6б—13, 36а—8, *олѣтѣ* 29а—4, 10, 34а—1, *плоѣ* 34а—16, *плѣ* (*патѣка*) 33а—4, *разѣумѣ* 1а—9, 3б—1, *сѣвѣтѣ* 20б—5, 6; 33а—8, *сѣвѣжѣ* 22б—5, *сѣнѣмѣ* 32а—4, 33а—5; *сѣжѣ* 34б—17, *хѣлѣѣ* 15а—14; старая форма винительного падежа от одушевленных

²⁸ А. В а й а н. Указ. соч., стр. 121, 122.

существительных встретилась только два раза: такъ имамъ архiereи еже сѣде о деснѣхъ прѣстола 24а—14, иждени рабѣхъ и снѣ еа 28а—11. Однако и в этих словах более обычна новая форма сѣа, архiereа, ѣ 9б—10, 10а—16, 25а—15; все остальные имена мужского рода личного значения употреблены в родительно-винительной форме: апостла 25а—15; ка 3а—5, 18а—6, 23а—12, 23б—12; 24б—12, 32б—4, 8, 18, 36а—12, 36б—6, 38а—13, 39б—6; брата 3б—12, 14; как и в родительном, форма гѣ 2б—4, 3а—18, 3б—16, 8а—7, 21а—4; 22а—11; 28б—12, 30а—12, 32б—4, 32б—8, 32б—17, 35а—5, 35б—6; дѣлателѣ 1б—19; илѣ (от Издранила) ба—1; иса 19а—16; исѣа (исѣа) 1а—10, 3б—15, 25а—16; а/за/ра 12б—11; мжжа 28а—5, наслѣдника 6а—10, 11; сѣа 6б—7, Пакла 38б—5—6; прѣкѣнѣца 6б—8—9; раба 5б—16; ѣа 3б—10, 19а—12, 21а—4, 23а—12, 23б—12; 36а—12, 39б—6.

Итак, нейтрализация противопоставления форм родительного—винительного падежей в подклассе одушевленных существительных осуществляется в результате проникновения форм на -а, в винительный падеж -о, *jo*-основ, проникновения флексии -а -ѣ в родительный и винительный падеж *u*-основ (сѣа) и одушевленных существительных склонения *i*-основ (господѣ).

В неодушевленных существительных можно наблюдать обратную тенденцию развития форм именительного—винительного падежей. В результате вытеснения формы именительного падежа типа камѣ, корѣ формой винительного каменѣ, коренѣ, свойственного большинству памятников, создается нейтрализация противопоставления форм именительного—винительного падежей в классе неодушевленных существительных, которая охватывает, таким образом, все склонения мужского рода. Есть говоры, в которых возобладала форма именительного падежа. Однако «те говоры, которые сохраняли в именительном падеже -ѣ, употребляли эту форму и в значении винительного падежа»²⁹. Такое положение отмечается, в частности, в Супрасльской рукописи. Результаты нейтрализации оказываются одинаковыми.

10.8. Проведенный анализ разрушения старых типов синкретизма форм и возникновения новых в результате аналогических процессов, зафиксированных в языке старославянских памятников, показывает.

1) Возникновение новых случаев синкретизма форм не затронуло соотношения падежей, которые в архаических парадигмах были четко противопоставлены друг другу по форме, т. е. не имели синкретичных форм в составе парадигм одного числа: И—Р,

²⁹ Н. В а н - В о й к. Указ. соч., стр. 259—260.

В—Д, В—Л, Т—Л (процесс возникновения синкретизма форм не коснулся падежей, соединенных линией *b* на рис. 1).

2) Процесс нарушения синкретизма форм в той или иной степени отразился на соотношении именительного падежа со всеми прочими падежами: И—В, И—Т, И—Д, И—Л и И—Р (последний не имел синкретичных форм с именительным падежом в составе парадигм одного числа. Однако имелась синкретичная форма

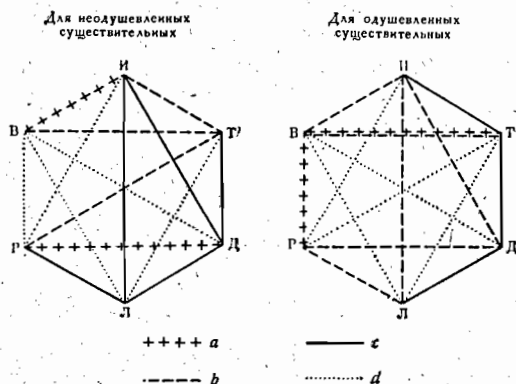

Рис. 3. Возникновение новых типов и разрушение старых типов синкретизма падежных форм в древнеболгарский период в парадигмах одного числа:

a — возникновение синкретизма; *b* — разрушение синкретизма; *c* — сохранение синкретизма; *d* — отсутствие синкретизма

именительного единственного и родительного множественного типа *рѣкъ*).

Процесс нарушения синкретизма форм наметился и между косвенными падежами: В—Т (замена форм творительного множественного основ на *-о* формой основ на *-ѣ* *сѣлѣстатѣ* — *сѣлѣстатѣми*); Р—Д (замена форм родительного падежа основ на *-ѣ* формой основ на *-ѣ*: *господѣ* → *господѣ* или *господа*, а также образование новых форм дательного: *господѣ*, *господѣ*), что влекло за собой также нарушение синкретизма форм Д—Л; Р—Л (замена синкретичной формы *сыноу* формами *сына* и *сынѣ*); Р—Т в формах множественного числа знаменни появляются формы *i*-основ — знаменами, *цѣсарѣстѣи*, *оученими*.

Таким образом, разрушение синкретизма форм не коснулось только винительного—родительного падежей, у которых в архаическом типе склонения синкретичные формы были, видимо, только в одной парадигме (кого) и творительного—дательного падежей,

имеющих синкретичные формы только в парадигмах двойственного числа, которые в старославянский период не претерпели каких-либо изменений, а также дательного—локатива, имевших синкретичные формы в существительных женского рода и местоимениях.

3) Возникновение новых случаев синкретизма форм происходило только в пределах уже имеющихся типов синкретизма и было связано с формированием самостоятельных парадигм склонения

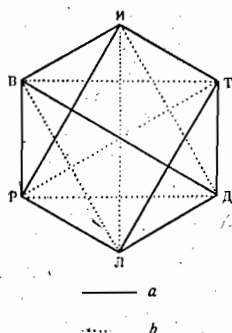

Рис. 4. Падежные корреляции:
а — падежи, противопоставленные по одному признаку; b — падежи, противопоставленные по двум признакам

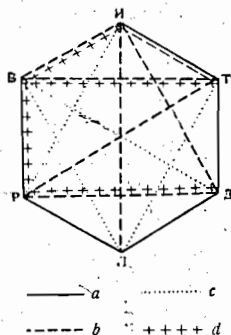

Рис. 5. Падежный синкретизм в составе парадигм одного числа:
а — сохранение синкретизма; b — тенденции разрушения синкретизма; c — отсутствие синкретизма; d — возникновение синкретизма

одушевленных и неодушевленных существительных мужского рода, что может быть представлено схемой на рис. 3.

10.9. Попробуем теперь выяснить соотношения между явлениями падежного синкретизма и отношениями падежей в морфологической системе путем сопоставления двух схем: схемы падежного синкретизма и схемы противопоставления падежей по их дифференциальным признакам (рис. 4 и 5).

Обращает на себя внимание строгая симметричность соотношений между парами, имеющими синкретичные формы и не имеющими таковых, у падежей, противопоставленных по одному и по двум дифференциальным признакам: противопоставление по одному признаку имеет девять пар падежей, из них в шести парах синкретичные формы имеются, в трех — отсутствуют; противопоставление по двум признакам имеют шесть падежных пар, из них в четырех синкретичные формы имеются, в двух — отсутствуют.

Тенденции нарушения синкретизма форм отмечены как в парах падежей, противопоставленных по одному признаку, так и в парах падежей, противопоставленных по двум признакам. Тенденции

возникновения новых типов синкретизма отмечены как в падежных парах, противопоставленных по одному, так и в парах, противопоставленных по двум признакам. Это заставляет обратиться к анализу самих значений.

Нейтрализация противопоставления падежных форм наблюдается между следующими падежами, противопоставленными по одному признаку. Падежные пары, расположенные по периметру: В—И, Д—Т — корреляция отношения к действию (пассивность—активность), И—Т, Р—Л — корреляция положения (центральность—периферийность), Р—В, Л—Д — корреляция направленности (от объекта к объекту). Три пары падежей, противопоставленных по одному признаку, не имеют случаев нейтрализации противопоставления форм. Это падежи, противопоставление которых обозначено линией длиной хорды (Р—И, Л—Т) или диагонали (В—Д). Падежи родительный—именительный и локатив—творительный противопоставлены по признаку пассивности, так же как винительный—именительный и дательный—творительный.

Однако значение родительного и локатива по сравнению с винительным и дательным осложнено признаком сигнализации о направленности действия от предмета, что, видимо, и делает неприемлемой нейтрализацию противопоставления форм с соответствующими активными падежами.

Третьей парой падежей, противопоставленной по одному признаку и не имеющей совпадающих форм в составе парадигмы одного числа, является пара винительный—дательный. Эти падежи противопоставлены друг другу по признаку центральности—периферийности. Винительный в системе центральных падежей и дательный в системе периферийных занимают одинаковое место, будучи противопоставлены как маркированные падежи активным (В—И, Д—Т) и как немаркированные — падежам, сигнализирующим о направленности действия от предмета (Р—В, Л—Д). Устойчивость противопоставления форм винительного—дательного падежей свидетельствует о том, что важно не само по себе то или иное противопоставление падежей, но и место данного противопоставления в общей структуре падежных противопоставлений.

Среди падежей, противопоставленных по двум признакам, в одной паре В—Л синкретичные формы отсутствуют. В трех парах Д—И, Л—И, Р—Т синкретизм форм, представленный в ограниченном круге слов (флексия *-и*), не является прогрессирующим и обнаруживает тенденцию к разрушению. И только в двух парах Р—Д и В—Т, обладающих синкретичными формами, отмечены тенденции разрушения синкретизма форм в одних категориях слов и возникновения — в других.

Соотношение падежных корреляций и синкретизма падежных форм в древнеболгарском склонении может быть представлено табл. 2.

Соотношение падежных корреляций и синкретизма падежных форм в архангелском типе склонения

Число противопоставлений	По одному признаку		По двум признакам	
	наличие	отсутствие	наличие	отсутствие
Синкретизм форм				
Название корреляции *				
Корреляция отношения к действию (пассивность—активность)	Д—Т В—И	Р—И	Д—И** В—Т	Р—Т**
		В—Д	И—Д**	В—Л
Корреляция положения (центральность—периферийность)	И—Т** Р—Л	В—Д	Р—Д	Л—В
Корреляция направленности (от объекта—к объекту)	Р—В Л—Д			

* На первом месте стоит маркированный член корреляции, на втором — немаркированный. Падежи И—Л** и Т—Л не образуют непосредственных корреляций и поэтому в таблице не отражены.

** Отмечены падежные пары, в которых наблюдаются явления нарушения синкретизма форм и не отмечено появление новых случаев синкретизма.

11. Итак, изменения в области падежного синкретизма, наблюдаемые в старославянский период, имеют определенно направленную тенденцию избавления от синкретизма форм, и лишь в каких-то ограниченных пределах аналогические изменения приводят к образованию новых случаев синкретизма.

Совпадение форм отдельных падежей не мешает функционированию падежной системы, видимо, потому, что разграничение падежей в потоке речи опирается не только на показатель формы, но также и на контекст. Поэтому причины аналогического развития синкретизма форм в одних случаях и освобождение от синкретизма форм в других могут определяться различным распределением падежей относительно друг друга в потоке речи. Это распределение может характеризоваться тремя типами отношений, по-разному определяющих действие различительной функции формы: 1) отношениями совмещаемости — позиция взаимного противопоставления падежей в контексте, где различительная функция формы играет наиболее важную роль. Исключение представляют лишь случаи, когда различение падежей опирается на какие-либо факторы, однозначно определяющие падеж хотя бы одной из омонимичных форм (это мы наблюдали в позиции противопоставления винительного неодушевленных именительному одушевленных существительных); 2) отношениями взаимозамещаемости, где различительная функция формы может быть существенной, что наблюдается при различии значений взаимозамещающих падежей, или не существенной, что наблюдается при нейтрализации противопоставления значений взаимозамещающих падежей; 3) отношениями взаимой исклечения, при которых падежная форма перестает выполнять различительную функцию, так как контекст однозначно определяет возможность употребления того или иного падежа.

Наблюдения над распределением в потоке речи падежей старославянского языка показали, что падежи, обычное распределение которых характеризуется отношениями совмещаемости или взаимозамещаемости, предполагающими устойчивое противопоставление падежных значений, не развивают нейтрализации противопоставления форм (например, В и Д одушевленных или В и Р неодушевленных существительных) и стремятся избавиться от исторически сложившихся типов нейтрализации (например, пары И и В или Р и Д одушевленных существительных, а также И—Д).

Нейтрализация противопоставления падежных форм развивается между такими падежами, которым свойственны отношения взаимозамещаемости, сопровождающейся нейтрализацией противопоставления падежных значений (это наблюдается в соотношении пар В и Р одушевленных, Р и Д неодушевленных существительных), или употребление в контекстах, однозначно определяющих падежи и без показателя формы. Это относится ко всем случаям

употребления падежей во взаимоисключающих позициях. Однозначное определение падежа возможно иногда и в позиций взаимного противопоставления падежей в контексте. Это, в частности, наблюдается в частых случаях противопоставления В неодушевленного И одушевленному, где естественное направление действия от одушевленного предмета к неодушевленному делает излишним формальную дифференциацию падежа субъекта и падежа объекта.

11.1. Эти наблюдения, сделанные в отношении развития синкретизма форм именительного, винительного, родительного и дательного падежей³⁰, должны быть дополнены анализом соотношения этих падежей с творительным. Устойчивый тип нейтрализации противопоставления форм представлен Д—Т в двойственном числе. Пары И—Т и В—Т, Р—Т, представляющие синкретизм форм в парадигмах множественного числа, проявляют тенденцию к освобождению от совпадающих форм. Только в паре В—Т отмечается отчасти и противоположная тенденция (появление творительного *сѣи*, *жижди* в *и*-основах под влиянием основ на *-о*). У неодушевленных существительных *гроздъ*, *судъ*, *даръ*, *грьхъ* также отмечены в творительном обе флексии *-и* и *ѣми*, одна из которых должна быть признана старой, а другая новой. Возникновения новых случаев синкретизма форм И—Т, а также Р—Т не отмечено.

Оценка данных фактов с точки зрения распределения падежей в потоке речи не противоречит выводам, сделанным в предыдущем параграфе. Синтагматическое противопоставление именительного—творительного падежей отмечено в одиннадцати типах глагольных цепочек: ТИ, ИТ, ИВТ, ИРТ, ИДТ, ИТД, ТИД, ДИТ, ИВРТ, ИВДТ, ИВТД, в то время как в противопоставлении винительному падежу творительный встречается только в четырех из них: ИВТ, ИВРТ, ИВДТ, ИВТД. При этом тип-ИВРТ встречается очень редко (мы располагаем только двумя примерами). Типы ИВДТ, ИВТД с точки зрения соотношения винительного и дательного падежей не представляют принципиальных отличий от типа ИВТ при глаголах действия. Тип ИВТ встречается при глаголах восприятия и отношений и при глаголах действия. Это наиболее распространенный тип конструкций с творительным падежом. По наблюдениям К. И. Ходовой, которая занималась специальным исследованием творительного в старославянском, примеры данного типа конструкций в памятниках насчитываются сотнями³¹. Причем основную часть примеров составляет творительный инструментальный от неодушевленных существительных.

³⁰ Е. В. Чешко. Нейтрализация падежных противопоставлений в развитии системы склонения старославянского языка. «Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов». М., 1963, стр. 279—288.

³¹ К. И. Ходова. Система падежей старославянского языка. М., 1963, стр. 92.

При глаголах восприятия в цепочке ИВТ творительный падеж не встречается в форме множественного числа, так как может обозначать либо органы чувств, либо какую-то функцию организма (очи, оуши, срдце, доухъ, разоумъ, бѣтъ и т. п.). Данные слова употребляются обычно в творительном единственного или двойственного числа (примеры см. § 3.3, I гл.), где синкретичные формы с винительным отсутствуют. Таким образом, синкретичные формы винительного—творительного множественного числа могут быть представлены только при глаголах действия. Творительный падеж в цепочке типа ИВТ при глаголах действия выступает обычно в инструментальной функции орудия или средства действия. Творительный одушевленных существительных, который выступает в значении средства действия, например: *благословѣнъ еси господи боже нше рабомъ твоимъ даниломъ съзвргъши змиа* Супр. 229—9, в старославянском встречается относительно редко, и в дальнейшем совсем выходит из употребления, что характерно для всех славянских языков³². Обычным является в этой цепочке творительный неодушевленных существительных, в то время как в винительном может быть представлено как одушевленное, так и неодушевленное существительное. Например: *и казахъ и жжи жѣлзны и пчлы стрѣжцеи* Сав. 54. Лук. VIII, 29; *си же слазми омочи нозѣ мои и класъ скоими отъре* Сав. 130, II. VII, 44.

Если возможность употребления винительного и творительного одушевленных существительных в позиции совмещения крайне незначительна, то винительный объекта и творительный инструментальный неодушевленных существительных часто выступают при одном глаголе. Поэтому синкретизм форм винительного—творительного одушевленных существительных не мешает функционированию падежей, но синкретизм этих падежей неодушевленных существительных может оказаться нежелательным, так как ведет к смешению падежа объекта и падежа орудия, широко употребляемых при глаголах действия. С этой точки зрения появление в результате аналогического выравнивания по о-основам форм творительного одушевленных (*сынъ, жидъ*) представляется вполне закономерным, что, впрочем, не исключает и обратной аналогии: развитие форм *апостолъ* вместо *апостоу*. В области же неодушевленных существительных естественнее предположить развитие, ведущее к расподоблению форм, т. е. рассматривать формы *грѣхъми, даръми, судъми, грозъми* как новообразования, вытесняющие старые формы *грѣхъ, дары, суды, грозы*, а не наоборот. Во всяком случае наличие форм творительного на -*ми* у данных слов не может служить основанием для отнесения их к старым и-основам.

³² «Творительный падеж в славянских языках». М., 1958, стр. 94..

Совместное употребление родительного и творительного возможно в большем числе цепочек, чем совмещение винительного и творительного. Родительный может быть представлен в тех же типах цепочек, что и винительный, заменяя его в конструкциях с отрицанием и конкурируя с ним при глаголах восприятия и отношения. Кроме того, он имеет самостоятельную сферу употребления при глаголах действия со значением отчуждения и наполнения, насыщения, при которых винительный в той же функции не употребляется. Например, ИРТ: *тако тацѣми словесы оубѣжати имаши масти* Супр. 49—17; *страшнѣиша тайна насыщаѣхъ сѧ чистѣхъ свѣстѣхъ* Супр. 446—22; ДРТ: *да бы тѣмъ кѣмъ избыти немоу зла*. Супр. 361—21.

При глаголах наполнения, насыщения родительный и творительный могут выступать как взаимозамещающие падежи. При этом, однако, сохраняется различие в значениях: родительный обозначает объект, не полностью участвующий в действии, в то время как творительный на это ограничение не указывает (подробнее см. ч. II, 13.2).

Таким образом, соотношения родительного и творительного в потоке речи характеризуются отношениями совмещаемости и взаимозамещаемости с сохранением различия в значении.

11.2. Синкретичные формы творительного—дательного представлены в парадигмах двойственного числа. Соотношения этих падежей характеризуются тем, что они никогда не выступают во взаимозамещающих позициях. Позиция совмещения представлена в восьми типах цепочек: ТД, ИДТ, ИТД, ТИД, ДИТ, ДРТ, ИВДТ, ИВТД. Причем за редким исключением (ТД, ТИД) дательный, выступающий в функции воспринимающего объекта и субъекта, представлен одушевленным существительным, а творительный, выступающий в функции инструментального объекта или объекта действия (ИТД), — неодушевленным. Этим определяется допустимость синкретичных форм, различению которых способствует противопоставление одушевленности—неодушевленности.

Тем не менее в болгарском языке данный тип синкретизма не является прогрессирующим. В среднеболгарский период вместе с утратой форм двойственного числа он постепенно исчезает.

12. Преобразование и перераспределение падежного синкретизма в среднеболгарский период. Рассмотренные тенденции аналогических изменений, направленных на избавление от синкретизма форм, находят свое продолжение и развитие в среднеболгарский период. Однако процесс этот осложняется образованием новых типов синкретизма форм, возникших в результате фонетических изменений, которые произошли в живом языке и отразились в смешении букв, означающих звуки, совпадавшие или утраченные в говоре писцов. В памятниках письменности отражены

также новые аналогические процессы, ведущие к усилению синкретизма форм, в результате чего возникают новые случаи и типы нейтрализации противопоставления надежных форм. Обзор этих процессов осложняется тем, что они проходят по-разному в разных диалектах и отражение их в памятниках зависит от степени грамотности писца. Мы сделаем попытку рассмотреть процесс в целом на основании данных, приводимых в литературе по истории форм, а затем остановимся специально на отдельных памятниках, отражающих разные диалектные особенности.

12.1. Наиболее всеобъемлющая классификация среднеболгарских памятников была предложена Б. Цоневым³³. Эта классификация опирается на принцип употребления *ѣ* и *ѣ*. Выбор этого принципа Цонев мотивирует тем, что с его помощью хорошо выделяется несколько правописных школ, а вместе с тем несколько центров среднеболгарской письменности. Кроме того, различия в правописании еров очень древний признак; характеризующий различия еще древнеболгарских памятников. «Эти различия, — замечает Цонев, — то ли по старому импульсу, то ли самостоятельно, усиливаются и умножаются в среднеболгарский период, так что мало-помалу выкристаллизовывается шесть видов правописания *ѣ* и *ѣ*, а вместе с тем и шесть правописных школ, которые не только очень хорошо отличаются одна от другой, но также указывают на шесть литературных центров, из которых шло распространение книжного просвещения болгар от XII до XVI века»³⁴. Распределение памятников по векам и правописным школам Цонев представил таблицей³⁵ (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Правописные школы	Общее число	Возраст по векам				
		XII	XIII	XIV	XV	XVI
I. Этимологическая	4	—	1	3	—	—
II. Охридская	14	8	2	2	2	—
III. Охридско-Злетовская	30	1	14	12	3	—
IV. Злетовская	56	2	16	23	13	2
V. Тырновская	25	—	4	12	9	—
VI. Влахо-болгарская	80	—	—	—	27	53
Итого	209	11	37	52	54	55

³³ Б. Цонев. Классификация на българските книжовни паметници от най-старо време до края на XVI век. «Годишник на Софийския университет», 1. София, 1905, стр. 39—67.

³⁴ Там же, стр. 55.

³⁵ Там же, стр. 67.

Классификация Цонева важна для нас тем, что дает примерные территориальные и временные координаты большого числа среднеболгарских рукописей и связывает памятники каждой школы с их старославянскими прототипами.

Правописание *ѣ* и *ѥ* в среднеболгарский период не отражает диалектных различий, а является лишь определенной правописной традицией той или иной школы. Поэтому данный признак сам по себе не характеризует диалектной принадлежности памятника. Для уточнения последней приходится обращаться к другим признакам. Подобные уточнения вносит в свою классификацию и сам Цонев.

В своей «Истории болгарского языка» Цонев не выделяет III школы Охридско-Злетовской и дает иную нумерацию школ: I этимологическая, II — смешанная (тырновская), III фонетическая (влахо-болгарская), IV охридская и V злетовская, или кратовская (северномакедонская, или сербская школы) ³⁶.

Памятники македонских школ письменности характеризуются одноеровым письмом, причем в охридской школе преобладает употребление *ѣ*, а в злетовской — *ѥ*.

Большая часть памятников двуерового письма относится к школам восточноболгарской письменности.

Наиболее архаичной по употреблению еров является этимологическая школа. В памятниках, относящихся к этой правописной школе, *ѣ* и *ѥ* употребляются по этимологическому правилу: «*ѣ* пишут для обозначения твердого звука и знака *ѣ*, а *ѥ* — для мягкого звука и знака *ѥ*» ³⁷. Правда, это различие проводится не очень последовательно. Оно сохраняется лишь в окончаниях мягких именных основ мужского и женского рода (учитѣла, пѣта, плаѣ). Однако, замечает Цонев: «И сами древнеболгарские памятники сохраняют большей частью именно это различие, в то время как в других группах слов *ѣ* и *ѥ* употребляется безразлично. Прототип этой школы мы видим в Супрасльском сборнике, где *ѥ* употребляется главным образом для обозначения мягких именных окончаний» ³⁸. Анализируя с этой точки зрения рукопись служебника XIV в. Софийского народного музея № 163, Цонев отмечает в этом памятнике, кроме регулярного обозначения мягких окончаний через *ѥ* (господѣ, пѣта, царѣ, жизньѣ, дѣла, памѣта, кзѣдрѣста), еще другую особенность, общую с Супрасльским сборником: группа *лѣ* между согласными почти всюду передается как *лъ* (плаѣта, плаѣтскимѣ, кзѣлаѣца ѣа, безѣмѣлѣмо, дѣлѣгодѣтѣскоу жѣца), в то время как *рѣ* сохраняется.

³⁶ Б. Цонев. История на български език, т. 1. София, 1919, стр. 202. — Этой классификацией мы и будем пользоваться в дальнейшем.

³⁷ Б. Цонев. Классификация. . . , стр. 55.

³⁸ Там же, стр. 56.

Цонев насчитывает около десяти памятников, относящихся к этимологической школе. К их числу, кроме упомянутого выше служебника, он относит ряд рукописей, хранящихся в болгарских библиотеках ³⁹, и предположительно также Норовскую псалтырь, о которой пишет: «Норовская псалтырь по описанию Востокова и Срезневского, среднеболгарская рукопись XIII в. 267 л. 4 (перг.), вывезенная Норовым из Палестины. Судя по описанию Срезневского, я бы заключил, что этот памятник достаточно регулярно следует этимологическому правилу употребления ъ: *огна*, *пѣта*, *гоуѣтеле*, *господа* ⁴⁰.

В своей «Истории болгарского языка» Цонев уже не упоминает Норовской псалтыри, очевидно, вследствие недостатка данных об этом памятнике, который считается потерянным.

Писец Норовской псалтыри употребляет оба ера, что является характерным для восточноболгарских памятников. Можно, пожалуй, отметить тенденцию употребления ъ и ѣ в конце слов согласно этимологическому правилу: в большинстве случаев ѣ сохраняется в окончаниях существительных, имевших в старославянском мягкость, ъ в существительных, оканчивающихся на твердый согласный, например: *смѣрта* 149—3; *сѣта* 205—3, 230а—11; *пѣта* 233а—14; *жалостѣ* 148а—16; *милостѣ* 55—15, 153—15; *сѣрѣта* 52—4; *прѣмѣдростѣ* 62а—4; *шгедѣрѣтеле* 184—10; *сѣдѣтеле* 148—9; *мысѣла* 174—16, 17; *дѣна* 52—3; *конѣ* 55—12; *гѣда* 111а—1; *жѣда* 111а—2; *лѣжа* 55—12; *гѣ* 56—3, 239а—2 и т. п.; *покрѣжѣ* 173—9; *прѣстога* 147а—7; *часѣ* 64а—14; *оумѣ* 80а—3; *мирѣ* 217—9; *сѣжа* 161—9, 136—14; *дѣжѣ* 21а—12; и т. п. Однако имеется не малое количество отступлений. Например: *вѣра* 34а—6, наряду с *вѣра* 35—3; *огнѣ* 148а—15 и *огна* 173—10; *помѣшѣта* 147—1; *любѣжѣ* 67—2; *сѣдѣлостѣ* 150а—9; с другой стороны: *кѣ* глада 55—17; *гласѣ* 51а—3; *дыма* 61а—12; *сѣна* 220—9 (сон), *сѣна* 193—12 (сын); *лѣжа* мѣдена 34а—7; *ѣзыка* 59—17. В ряде случаев ѣ представлен на месте ъ и в других категориях слов, например: *дѣла* рѣжѣ нашиѣ 150а—10; *кѣ* оуѣтѣхѣ моуѣхѣ 55а—9; *сѣ* мноѣжѣ 55а—12; *оупѣлахѣ* 55а—7; *слѣшаѣхѣ* 50а—8; *зѣбѣвѣна* вѣхѣ ѣко мѣратѣвѣца сѣрѣца 50а—5, 6; *зѣтворѣла* 50—9; *ѣза* же ниѣца сѣма и оуѣбога гѣ приѣта ли 71а—6—8; *ѣ* рѣжѣхѣ кражиѣ 50—10; *спѣсѣхѣ* сѣи ѣ вѣда 50—8. Скорее можно признать, что ъ и ѣ употребляются безразлично. Например: *спѣсѣ* сѣи вѣ наѣ ѣ сѣжѣжѣцѣниѣхѣ наѣ 75—4. В сочетании с плавными в середине слова ѣ встречается не только с л: *изпѣлни* 219—4,

³⁹ Б. Цонев. История. ., т. 1, стр. 199.

⁴⁰ Б. Цонев. Классификация. ., стр. 57.

младниж 237а—5, испана 54а—3; но и в сочетаниях с р: мрѣтѣцѣ 50а—6; грѣнѣ 52—5; шдрѣмѣжж 52—3 см. Ѡкрѣженѣ 51а—1 и т. п. Однако и в том, и в другом случае возможен и ѣ: сѣззѣ 91а—9 (р. мн.), грѣдына нхѣ 120—8; Ѡкрѣзошж сѣ 183а—2, оутѣрѣдих сѣ 114а—9.

Относя этимологическую школу к восточноболгарскому ряду, Цонев не приурочивает ее к какому-то определенному центру письменности. В классификации среднеболгарских памятников, предложенной в «Истории болгарского языка», он и другим восточноболгарским школам дает наименования не по территориальному признаку, выделяя так называемую смешанную и фонетическую школы, из которых первая характеризуется безразличным употреблением еров (с преобладанием ѣ), а вторая попыткой нормализации их употребления согласно определенному фонетическому принципу: ѣ — для обозначения звука, ѣ — для обозначения знака.

К смешанной группе относятся памятники, которые происходят из восточной Болгарии, главным образом из Тырнова. Б. Цонев относит к этой школе 25 известных ему среднеболгарских памятников⁴¹. Среди них: Тырновское, или Михановичево, ев. XIII в., 247 перг. 4° Загребь, «Писано в Тырново во времена царя Константина Асеня (1258—1277), и как видно из приписки, хотя дата и не видна достаточно хорошо, но, вероятно, 1273 г.»⁴². Эту дату принимает и Валявец, исследовавший памятник⁴³; Ватиканский сборник или Манасиева иллюстрированная хроника 1345 г. Сборник написан в Тырнове для царя Ивана Александра 205 перг. л. В сборник включен рассказ о троянской войне, так называемая «Троянская притча», переведенный с хорватского на язык, очень близкий к тогдашнему народному говору^{43а}. Четвероевангелие И. Александра 1356 г. хранится в Лондоне. Написано в Тырнове для царя Ивана Александра. 287 перг. л. с иллюстрациями⁴⁴, Ловчанский сборник второй четверти XIV в. (1337—1355) 183 л. 4. из собр. А. И. Яцимирского инв. кат. № 15-й⁴⁵. Написан в Ловече. Теодосиева Лествица 340 бум. л. 8°. Хранится в Рыльском монастыре № 44. Перевел с греческого шнок Теодосий в 1364 г. кѣ мѣстѣ ѣстѣи при трѣнѣхъ грѣдѣхъ.

К этой группе памятников относятся и известные списки произведений и переводов патриарха Ефимия.

⁴¹ Б. Цонев. Классификация. ., стр. 63—65.

⁴² Б. Цонев. История. ., т. 1, стр. 214.

⁴³ Загребский Starin, XX и XXI: Trnovsko Tetraevandjelje, priobćio M. Valjavec, 1889; Arch. XIII, 241—248.

^{43а} Б. Цонев. История. ., т. 1, стр. 231, 232.

⁴⁴ Там же, стр. 235.

⁴⁵ А. И. Яцимирский. Из славянских рукописей тексты и заметки. М., 1898, стр. 144—151.

Безразличным употреблением обоих еров с преобладанием ъ или ѣ характеризуются некоторые памятники, не принадлежащие к тырновской школе, например Погодинская псалтырь, которую В. Н. Щепкин относит к Охридской школе ⁴⁶.

Смешанным употреблением ѣ и ъ характеризуется Боянское евангелие ⁴⁷. В. Н. Щепкин относит его к памятникам македонского происхождения (конец III разряда) ⁴⁸. Это подтверждается как будто наблюдениями С. М. Кульбакина о близости Боянского евангелия с отрывком четвероевангелия Григоровича XIII—XIV вв., в котором явно преобладает написание ъ вместо ѣ ⁴⁹.

Ненормированное употребление ѣ и ѣ с преобладанием ѣ характеризует Добрейшево и Врачанское евангелия, памятники, имеющие, по определению Б. Цонев, северо-западное происхождение ⁵⁰.

III (VI) Фонетическая школа. Ъ пишется там, где произносится звук на месте ѣ или ъ, ѣ — там, где не произносится. К этой группе памятников принадлежит Пирдопский Апостол, Кюстендилское четвероевангелие, Габровская псалтырь (Соф. нар. библ. № 9), служебник Ефимия и многие влахоболгарские памятники. Это самая молодая из всех школ, не имеющая прототипа в старославянском (по употреблению ѣ и ѣ к ней можно отнести и псалтырь Томича, памятник XIV в., хранящийся в Историческом музее в Москве).

Первоначально Цонев считал эту школу школой влахоболгарского правописания, возникшей после XV в. Однако после обнаружения им Кюстендилского четвероевангелия, памятника XIII в., по палеографическим и языковым данным близкого к Пирдопскому апостолу, Цонев приходит к выводу, что фонетическое правописание было известно ранее и на собственно болгарской территории. По употреблению Ѧ на месте Ѧ в начале слова и другим признакам Цонев определяет происхождение этих двух памятников как юго-западное ⁵¹.

Более типичным для македонской письменности является, однако, одноеровое правописание, т. е. употребление какого-то одного знака для обозначения как ѣ, так и ъ. Преимущественное

⁴⁶ В. Н. Щепкин. Боловская псалтырь. СПб., 1906, стр. 71, 72.

⁴⁷ С. М. Кульбакин. Материалы для характеристики среднеболгарского языка, I. «Изв. ОРЯС», 1899, IV, кн. 3—4, стр. 808.

⁴⁸ В. Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 74, 75.

⁴⁹ С. М. Кульбакин. Материалы для характеристики среднеболгарского языка, II. «Изв. ОРЯС», 1900, т. V, кн. 3, стр. 886, 918 и след.

⁵⁰ Б. Цонев. Добрейшево четвероевангелие среднобългарски паметник от XIII век (Софийска нар. библиотека № 307 и Белградска нар. библиотека № 214). София, 1906. «Български старини», кн. 1, стр. 264; Опже. Врачанско евангелие. Среднобългарски паметник от XIII век. (Соф. нар. б-ка № 19). София, 1914, стр. 6.

⁵¹ Б. Цонев. Кюстендилско четвероевангелие. Среднобългарски прототип на VI правописна школа. «Периодическо списание на бълг. книж. др-во в София», кн. 66, св. 5—10. София, 1905, стр. 543.

употребление одного или другого знака разделяет Охридскую и Злетовскую школы. Юго-западная Охридская школа ведет свое начало от XII в. В памятниках этой школы употребляется преимущественно знак ѣ как на месте ѣ, так и на месте старого ѡ. Эта школа представлена такими памятниками, как Болонская псалтырь, Охридский апостол, Паремийник Григоровича, Слепченский апостол⁵² вместе с Пловдивскими апостольскими листками. Другая македонская школа Злетовская характеризуется предпочтительным употреблением ѡ. К этой школе (V) принадлежат памятники, происходящие из северной Македонии или из областей косавско-моравских говоров. Центром был Лесновский монастырь. Это сербская правописная школа. Она существовала одновременно с Охридской. К ней относятся Добромирово ев., Белградский Октоих, Дечанская псалтырь, Ловчанский октоих, Струмилинский апостол, Софийский паренесис, Берлинский сборник и др.⁵³

12.2. Хронологической характеристике среднеболгарских памятников большое внимание уделяет В. Н. Щепкин в своем исследовании Болонской псалтыри.

Наиболее ранние среднеболгарские памятники представлены македонской письменностью. Это памятники так называемого I и II разряда болгарской письменности, по Щепкину⁵⁴, относящиеся к XII в.: I разряд (Добромирово ев. и листки Ундольского), и первой половине XIII в.: II разряд (Болонская псалтырь, Охридский апостол и другие памятники Охридской школы времен Асеня II (1230—1241 г., когда Охрида была во владении болгар).

Б. Цонев называет эти памятники переходными. В них не полностью проведена мена юсов, употребляется ѣ вместо ѡ, употребляется знак ѡ для обозначения ѡ, отдельные слова и фразы написаны глагольным, К переходным памятникам, кроме указанных выше, Цонев относит триодь Григоровича, Добрейшево евангелие, Ловчанский октоих, Пражские евангельские листки.

В памятниках первой половины XIII в. Щепкин отмечает некоторые признаки падения флективного строя: появление несклоняемой формы *ракне* из *ракно*, совпадение локатива с творительным в прилагательных и местоимениях (*рскомъмъ*, *блзгаръктымъ*), смешение родительного и винительного единственного числа в словах женского рода на *-а*. «Это явление, — замечает Щепкин, — результат совместного действия фонетических причин и грамматической аналогии: последнее, как мы видели, принципиально предполагает флективный строй в склонении⁵⁵.

⁵² Иначе думает Г. А. Ильинский, отнеся Слепченский апостол к восточно-болгарским памятникам («Слепченский апостол XII века». М., 1912 г., стр. LVII, XC, XCI).

⁵³ Б. Цонев. История... т. 1, стр. 201.

⁵⁴ В. Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 68.

⁵⁵ Там же, стр. 68.

Три указанные черты являются, по мнению Щепкина, новым шагом в развитии книжного языка по сравнению с памятниками XI—XII вв.

Со второй половины XIII в. начинается III разряд среднеболгарской письменности. По определению В. Н. Щепкина, «его составляют памятники с поколебленными: графикой, правописанием, фонетикой и флективным строем»⁵⁶. Особое положение занимают здесь лишь памятники восточноболгарской тырновской школы. Если XII и первая половина XIII в. представлены только памятниками македонского происхождения Охридской и Злетовской школы, и может быть северо-западной (если относить к этому разряду Добрейшево евангелие), то от второй половины, вернее с конца XIII в., известны уже памятники восточноболгарского происхождения, представляющие Тырновскую школу. Эти памятники по своим фонетическим особенностям и графике представляют значительно меньшие изменения, чем соответствующие им по времени рукописи, отражающие македонские и северо-западные говоры. Характеризуя орфографию восточноболгарского разряда, Щепкин пишет: «Восточноболгарское *ѣ* не смешивалось с *е*, *ѣ* почти никогда не переходил в *о*, и следовательно, такого перехода не приходилось маскировать на каждом шагу. Поэтому, может быть, не возникала мысль маскировать *е*, полученное из *ѣ*, манера фиктивных полугласных не развилась. ... В Восточной Болгарии, по-видимому, не возникла упрощенная одноюсовая орфография; лишняя полугласная не выбрасывалась, а получила новую функцию: тенденции сделать *ѣ* знаком новоболгарского глухого *ѣ*, а *ѣ* сохранить в качестве безгласного знака, сказывается уже в конце XIII в., а в XIV в. она очень ясна еще до Евфимия, в школе царя Иоанна Александра»⁵⁷.

Наиболее ранними из известных восточноболгарских памятников среднеболгарского периода являются Тырновское евангелие 1273 г. и Норовская псалтырь, которую В. Н. Щепкин также относит к концу XIII в.⁵⁸

Шире представлены памятники XIV в. Один из них евангелие Иоанна Александра, или Лондонское евангелие, 1356 г., подробно описанное Р. Шолвиным⁵⁹, мы рассмотрели с интересующей нас точки зрения.

В плане относительной хронологии истории склонения данные восточноболгарских памятников XIII—XIV вв. представляют более ранний этап в разрушении надежных флексий, нежели памятники III разряда Македонской и северо-западной письменности, которые характеризуются значительными сдвигами в об-

⁵⁶ В. Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 72.

⁵⁷ Там же, стр. 157—158.

⁵⁸ Там же, стр. 36.

⁵⁹ R. Scholvin. Einleitung in des Johann—Alexander—Evangelium. «Archiv für slavische Philologie», B. 7. Berlin, 1884, стр. 1—56, 161—221.

ласти фонетики и орфографии и соответственно возникновением новых типов синкритизма падежных форм. Характеризуя орфографию данного разряда, Щепкин отмечает следующее: а все чаще встречается вместо ж после согласных твердых. В одноюсовых памятниках — а, а не ж; уже с начала разряда ж (или его замены) смешиваются с ъ (ь), а — с ѣ, в других говорах ж смешивается с а, а с е; ѣ смешивается с е в одних говорах, с а (после џ и з) в других; ы смешивается с и ⁶⁰. Эти особенности орфографии приводят к смешению падежных форм.

12.3. Аналогические процессы, ведущие к преобразованию болгарского склонения XII—XIII вв., с наибольшей полнотой рассмотрены И. Дуридановым, который собрал и систематизировал большой материал из памятников и описаний памятников, относящихся к разным центрам среднеболгарской письменности XII—XIV вв. —

В связи с определением задачи своего исследования И. Дуриданов пишет: «Существенное значение имеет здесь вопрос о характере этих процессов, каково их направление — к сохранению синтетических элементов языка или к их разрушению, к подрыву системы склонения. До нынешнего времени исследования по истории болгарского языка обыкновенно толковали эти процессы как незакономерные «смещения» различных основ и падежных окончаний, обусловленных постепенной утратой чувства различия флексивных показателей как средства выражения синтаксических отношений имени, другими словами, эти процессы квалифицировали как беспорочное свидетельство разложения склонения» ⁶¹. Дуриданов обращает внимание на два важные обстоятельства: 1) закономерный, не случайный характер этих процессов в пределах унаследованной падежной системы и 2) сходные явления в других славянских языках, не приведшие, однако, к утрате склонения.

Характеристике этих общих с другими славянскими языками процессов аналогических изменений форм и посвящен обзор И. Дуриданова. Он прослеживает отмирание непродуктивных типов склонения и формирование новых парадигм единственного числа, объединяющих слова по родовому признаку, а также ликвидацию родовых различий в парадигмах множественного числа. В процессе формирования этих общих парадигм некоторые флексии заимствуются и у непродуктивных классов.

Наблюдения Дуриданова (в плане поставленной им задачи определения направления процесса: к сохранению синтетических элементов языка или к их разрушению) могут быть, по нашему

⁶⁰ В. Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 73.

⁶¹ И. Дуриданов. Към проблемата за развоја на бълг. език от синтетизъм към аналитизъм. «Годишник. . .», т. LI, ч. 3. София, 1956, стр. 153, 154.

мнению, существенно дополнены анализом данного материала с точки зрения истории падежного синкретизма, который показывает, что «смешения различных основ и падежных окончаний» вели как правило к освобождению от падежного синкретизма, унаследованного от праславянской эпохи или возникшего вновь в результате фонетических изменений, происходящих в языке данного времени.

Нетрудно убедиться в том, что в среднеболгарских памятниках находят отражение все аналогические процессы, направленные на избавление от синкретизма падежных форм, отмеченные в старославянский период, и как правило они получают более интенсивные развитие.

12.4. Процессы, направленные на освобождение от синкретизма форм именительного падежа с косвенными падежами.

12.4.1 Синкретизм форм именительного и дательного, именительного и локатива был представлен в именах существительных с флексией *-и*. В старославянских памятниках замена этой флексии в именительном падеже флексии *-ѣ* (*ѣ*) отмечалась только в именах собственных. В среднеболгарский период эта флексия проникает и в другие существительные⁶². И. Дуриданов, связывая этот процесс с формированием единой парадигмы, существительных женского рода на *-а*, приводит следующие примеры: а) от основ на *-iĭa* *мѣниѣ* Добром. ев. 96а—7; *мѣниѣ* Добрейш. ев. 33—2; *мѣниѣ* Боян. ев. 96а; *мѣниѣ* ев. Ив. Ал. Мт. 24, 27, 28, 3; *мѣниѣ* Хр. Ман. 193, 11, 217, 19, Праж. ев. Мт. 24, 27; *мѣниѣ* Добрейш. ев. 39—2; *мѣниѣ* Хр. Ман. 44.24; *сѣниѣ* Боян. ев. 104а, ев. Ив. Ал. Лук. 15.58; *сѣниѣ* Мт. 5.25; *мѣниѣ* Хр. Ман. 186.17; б) от основ на *-yn'a*: *рѣниѣ* Струм. ап. 19а; *рѣниѣ* Пловд. ев. 67б; *рѣниѣ* Верк. ев. 105б; *милостѣниѣ* Пловд. ев. 49б; *милостѣниѣ* ев. Ив. Ал. Мт. 6, 4. Аналогичные изменения появились в причастиях и прилагательных женского рода⁶³.

Данный список можно пополнить примерами из Охридского апостола, Врачанского евангелия, Синайского Златоуста XIII—XIV вв., Бухарестской псалтыри, Хлудовской псалтыри и др. Например: братиѣ имѣаше прѣваа скинѣа Охр. ап. 74об.; имѣаше прѣваѣ скинѣи Ен. ап. 28—4, Мт. VI. 4; да бѣѣта мѣстѣнѣ коѣ въ таинѣ Врач. 103а—4 (милостыни Сав. 71 об.); сѣдѣна ѡсѣжѣныѣ тако осѣжѣна сѣдѣнѣ сѣдѣнама въ погребѣнѣ дѣж- (Златоуст XIII—

⁶² «Очень рано, — отмечает К. Мирчев, — в развитии болгарского языка имена с окончанием именительного падежа *-ъни* и *-иш* (сюда относятся и некоторые имена мужского рода) заменяют их окончаниями *-ъниш*, *-иш*. Формы типа *рабъниш*, *млаъниш*, *ладниш* обычны в среднеболгарских памятниках» (К. Мирчев. Историческая грамматика на български език. София, 1958, стр. 155).

⁶³ И. Д у р и д а н о в. Указ. соч., стр. 141.

XIV вв.)⁶⁴ в м. сждин осжженъ гр.: хрѣтѣс ахрѣтос. Например, в Супр: сждин осжженъ ѣко и осжжена сждинѣ сждинамъ къ погребенію диетъ Супр. 453—8.

В соответствии со старыми формами Болонской псалтыри грядѣнии во оу бѣ не оудзкарѣтъ са Бол. 35.12а ком. в Бухарестской псалтыри употреблена форма грядѣниа; вместо старой формы: прѣтъз пѣлатомъ во стѣстѣше праведнѣи сждин ка^се^моу мироу Бол. 38, 2с ком: в Бухарестской соудѣниа.

В Хлудовской псалтыри, по наблюдениям Е. Русека, старое окончание именительного падежа отмечено три раза (стъѣни 46^а—4; рабѣни 107^а—11; самарѣ^тнини 37^а—23). Новое окончание -ѣ, -а или -а в словах типа поу^стъѣни, маз^нни, сждин стало преобладающим⁶⁵.

12.4.2. Освобождение от синкретизма форм именительного—творительного падежей в парадигмах множественного числа (флексия -и) шло двумя путями, наметившимися уже в старославянский период: заимствованием у *i*-основ флексии творительного падежа -ми, например: Ев. И. Ал. црѣ^ми Мк. 13, 9; оу^кро^им^ии И, 11, 44. Ман. хр.: црѣ^ми 22.5, 73.27, 148.10, 181.27, го^ка^дар^ми 71.14, мжж^ми 27.21, 90.16, 114.29, 115.6 пасты^рм^ии 71.14; и, что получило особенно широкое развитие, изменением формы именительного падежа за счет заимствования флексии -не, -е и -еке. Распространению этой флексии могло способствовать также, как полагает И. Дуриданов, появление омонимии форм этих падежей с винительным вследствие перехода ѣ в и.

Формы именительного множественного на -не и -е получили широкое распространение в памятниках различных диалектных областей и школ письменности. Западноболгарские памятники: 1. Охридская школа. Болонская псалтырь: црѣ^{не}, 67—30, 71—10, 118—1; клѣ^{сте}не 32—4; дрзж^{ате}не 113—4; елѣ^{не} 24, 2; ж^ице 30.2; Охридский апостол: ню^де^{не} 2 об.⁶⁶; Слѣпченский апостол: црѣ^{не} 102^v; оуч^ите^{не} 90^v; мжж^е 4^v, 8^v (п), 71, 76^v; прѣ^да^{те}не 4, оуч^ите^{не} 1^v (II), 4 (с), 85; за^ко^но^уч^ите^{не} 75^v; дѣ^ла^{те}не 50^v; сл^оу^жи^{те}не 51 bis; свѣ^дѣ^{те}не 4, 12^v; га^ла^{те}не 55^v⁶⁷; Злетов-

⁶⁴ V. J a g i ć. Bericht über einen mittelbulgarischen Zlatoust des 13—14 Jahrhunderts. «Sitzungsberichte kais. Akademie der Wissenschaften in Wien». Philosoph.-histor. cl. B. CXXXIX, стр. 23.

⁶⁵ Je. Rusek. Deklinacja i użycie przypadków w trójdzie Chłudowa. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1964, стр. 24.

⁶⁶ С. М. Кульбакин. Охридская рукопись апостола конца XII века. София, 1907, стр. 110.

⁶⁷ Г. А. Ильицкий. Слѣпченский апостол XII века. М., 1912, стр. LXXX. — Приводятся аналогичные формы из других среднеболгарских памятников.

ская школа. Добромирово евангелие: мѣгарне 396.12, 56а.1; црѣ 70а.8, 1106.12⁶⁸. Четвероевангелие Григоровича XIII—XIV вв.: юдене 21а bis, 76, 116, 126, 15а, 17аб, 186, 14а, 25а, 35а⁶⁹, Струмилинский апостол XIV в.: юдене 33а, 33б; юдее 62а; нерене 6а; садѣее 6а; архьерее 8а; мѣжжне 2а, 26, 3а, 36, 86, 96 и др. Берлинский сборник: юдене 92б; пастырие 19а; зикдигеме 26; скраштитеме 16а.

Хлудовская триодь XIII в.: жителне 100б; клаетелне 33—16; клзтыскателне 53а—3; клоржжителне 165—29; дѣлателне 13—2; жителне 72а—4; красителне 163а—1; оучителне 88—20, 164—4, 165—29, 172—5, и другие существительные на -тель; мѣжжне 63—6, 123а—30, 32; 124—2, 9; 124а—5, 130а—25, 33; 131—3—4, 16, 38; 181а—26, царне 61а—21—22, црне 4—25; 6—33; 31—25; 117—38, 122а—35; 128—20, 133—25, 184а—24; кое 125а—28, корабне 122а—31; пастырие 93а—26, 97—24, 162—29, 164а—3—4, 172—26, 187—25; ратане 128а—10. Существительные на -еи; архьерене 97а—2—3; 109а—18, 110—3, 112—8, 22, 112а—16, 113а—17, 133а—17, 115—2, 26, 115а—12, 23 евреие 145а—28; ерене 20а—9, нерене 128а—11; юдене 46а—27, 80—4, 103а—12; юдене 102а—28; фарисене 88—32, 35, 110а—24⁷⁰. Северо-западные памятники. Врачанское евангелие: (и)юдене 6^б, 9^б, 16^а, 18^а, 20^б, 21^а, 23^а, 24^а и пр., фарисене 22^а, 32^б; дѣлателне 88^б; архьерене 33^а; мѣжжне 71^а⁷¹. Добрейшево евангелие: кождне 7¹, 20²; црѣ 11², 65^б; пастырие 23^б, 24^а; рѣбаре 31^а; мѣгарне 38¹, 27^а, 51^б; фарисене 7¹, 78^а; мѣжжне 67^а, 68^б, юдене 85^а, архьерене 114^б, коние 28²⁷².

Широко представлены эти формы также и в восточноболгарских памятниках Тырновской школы. Евангелие Иоанна Александра 1356 г.: мѣжжне Мт. 14—35, 17; 11—32; 22—63; пастырие Л. 2—8, 15, 20; црне Мт. 17—25; Л. 10—24 (-не), 22, 25 (-не); дѣлателне Мк. 12—7, Л. 13—27; дѣлателе Мт. 21—35, 38. Л. 20—10, 14; мѣгаре Мт. 5—46; 9—10; 21—32; Мк. 2—15; Л. 3—15; 15—1; рѣбаре Л. 5—2; клаетеле Л. 22—25; жжителе Мт. 13—39; законооучителе Л. 5—17; скдѣттеле Л. 24—48; корабле Мк. 4—36;

⁶⁸ И. Д у р и д а н о в. Указ. соч., стр. 130, 131. (дает наиболее полную выборку форм).

⁶⁹ С. М. К у л ь б а к и н. Материалы для характеристики среднеболгарского языка, II. Отрывок четвероевангелия Григоровича XIII—XIV вв. «Изв. ОЛЯ», т. V, кн. 3. СПб., 1900, стр. 914.

⁷⁰ Ј е. Р у с е к. Указ. соч., стр. 14.

⁷¹ Б. Ц о н е в. Врачанско евангеле. София, 1914, стр. 55.

⁷² Б. Ц о н е в. Добрейшово четвероевангеле, средноболгарски памятник от XIII век. София, 1906, стр. 86.

архѣрне Мт. 27—1, 6, 12; юудне І. 5—16⁷³. Тырновское ев.: пастырие Л. 2—8 и 20, дѣлателе Мт. 21—35; Хроника Манасии: архѣрне 113.5, пастырие 236 bis, 24а; пастырие 37.15; дѣлателе 15.46, 192.11; жителе 40.27; жжтеле 35.11; евреие 82.13; белко-дѣлателе 222.2; казателе 148.23; монастыре 150.27 М; обрѣтателе 192.11; обычае 174.24; притателе 185.20; прѣродителе 211.23; пѣломне 31.13 М; халдене 22.1; чрзтохранителе 154.6; царѣ 33.3, 148.28, 221.17; ерзбле 137.11; кралѣ (31); кое 200.19; 201.5; коне 91.10, 196.26; птице 6.4⁷⁴. Троянская притча: корабле 56.10, 57.13, 66.9 и 28; кемжже 58.13, 64.6; китези 49.13; царѣ 64.6⁷⁵. Употребляются формы на -ие и -е также в Норовской псалтыри, например: црѣ 109—8, 116а—17, 117—2 и др.; мжжѣ 91а—5; мече 243а—11. Отмечены эти формы в Кюстендилском евангелии, которое Цонев считает прототипом фонетической влахо-болгарской правописной школы: «Мне бросились в глаза, — замечает Цонев, — формы именительного падежа множественного числа: фарисене 13⁶, 14^а, 15^а; фарисение 14⁶; прѣмьбодѣне 46⁶; архѣрне 51⁶»⁷⁶. Дуриданов, кроме этих форм, приводит: мѣтарне 39б; архѣрне 50а; архѣрне 58а, 59а; дѣлателе 36а, 50б, 51а; фарисене 39б, 42б; мжжѣ 13б; мжжѣ 57б; црѣ 55б.

И. Дуриданов приводит примеры образования подобных форм из целого ряда других среднеболгарских памятников: Пловдивского, Среchenского, Боянского, Пражского евангелий, Копитаровой триоди и грамот. Г. А. Ильинский указывает, кроме того, примеры из евангелий Верковича и Шафарика, Венских листков, Македонского апостола и отмечает, что особенно употребительна эта форма в болгарских грамотах⁷⁷.

Аналогичные примеры можно привести из Хлудовского паремийника: кое 35 об.; жителе 26 л.; ржгтеле 29 об.; мжжѣ, 68 об.

Если флексию -ие и -е получали преимущественно многосложные существительные, главным образом существительные личного значения, а позднее также неличные и неодушевленные существительные, то флексия -ове -еве стала принадлежностью главным образом односложных существительных: джждек Берл. сб. 75б; кождек Берл. сб. 50а; змѣнке Ман.

⁷³ R. Scholvin. Einleitung in das Johann—Alexander—Evangelium. «Archiv für slavische Philologie», т. 6. Berlin, 1883, стр. 171.

⁷⁴ И. Дуриданов. Указ. соч., стр. 130, 131.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Б. Цонев. Кюстендилско четвроевангеле..., стр. 550.

⁷⁷ Г. А. Ильинский. Слепченский апостол..., стр. LXXX.

хр. 219/220; веплече 42.21, 113.8; мечеке 87.7, 132.9; нъбреке 217.7 и 9; плачеке 113.8, 118.8; птицеке 93.19⁷⁸.

В западноболгарских памятниках встречается окончание именительного множественного *-еви (-ови)* как результат кантонизации флексий *-и* и *-еве*: *брачеки* Бол. пс. 251.6; *днѣки* Струм. ап. 176, *кназѣки* Вирг. гр. 3 и др.

12.4.3. Синкретизм именительного единственного, родительного множественного в существительных мужского рода ликвидировался благодаря широкому распространению окончания *-овъ (-евъ)* в родительном множественного числа, который находим во всех группах памятников. Хлуд. триодь: *дрѹгокѣ* 133а—14; *грѣхѹкѣ* 17а—6, 18—14, 41—22, 43—26, 81—17, 91—22а; *юдокѣ* 77—13; *юдокѣ* 133—20, 138а—35.⁷⁹

Търн. ев.: *грѣхѹкѣ* Лк. 24.47, И. Ал. ев. Мт. 26.28, Мк. 1, 4; *брачѣкѣ* Търн. ев. Мк. 5.26; И. Ал. ев. Мк. 5.26; *градокѣ* И. Ал. ер. 14.13; Ман. хр.: *класѹкѣ* 21.5; *крагѹкѣ* 30.9, 215.23; *гласѹкѣ* 198.29, 219.17; *громѹкѣ* 114.3; *дворѹкѣ* 83.8; *длѣгѹкѣ* 157.6; *дрѣгѹкѣ* 40.6, 218. 24; *дрѹмоуѹкѣ* 171.21; *дѣждѹкѣ* 146, 12; *дѣдоуѹкѣ* 207.12; *зѣбѹкѣ* 32.21; *листоуѹкѣ* 11.22; *сѣноуѹкѣ* 24.20, 37.3; *ножѹкѣ* 6.9; *нѣрикѣ* 176.3; *потоуѹкѣ* 106.22, *трѣдоуѹкѣ* 43.27; *оудоуѹкѣ* 87.30, 130.3; *цѣтѹкѣ* 7.26, 168.8; Троян. пр.: *оуруѹкѣ* 62.25⁸⁰; Нор. пс.: *вогѹкѣ* 137—16.

Аналогичные формы приводит И. Дуриданов из Пирдопского апостола, Пражского евангелия, Слѣпченского апостола, Софийского октоиха, Берлинского сборника и других.

12.5. Синкретизм форм винительного—творительного и родительного—творительного в парадигмах множественного числа основ на *-о* мужского (*рабѹи*) и основ на *-ѹо* среднего рода (*знамении*) преодолевался в результате аналогического изменения форм творительного падежа. Под влиянием основ на *-и* и основ на *-ѣ* эти существительные приобретали флексию творительного падежа *-ми*. Существительные мужского рода: Ман. хр. *дарми* 19.21, 100.21, 120.27, 166.17, 209.11; *грѣхѹми* 46.4, 80.2; *овразми* (122.23); *строупми* 173.15; Бол. пс. *дарзми* 247, 4; *грѣхѹми* 40—4; 80—2; Среч. ев. *сѣждѹми* (Лк. 21.5); Берл. сб. *цѣтѹми* (35а); Коп. тр. *вѣсѹми* (17) и др.⁸¹ Часто эти формы встречаются в триоди Хлудова, например: *агѹми* 144а—8, 153а—1; *дарми* 64а—5, 173—23, 174а—5; *сѣ дарзми* 59а—9, 10; *законми* 166а—28; *грѣхѹми* 2а—4, 21а—30, 148а—10, 175а—5⁸².

⁷⁸ И. Дуриданов. Указ. соч., стр. 128, 129.

⁷⁹ Je. Rusek. Указ. соч., стр. 11.

⁸⁰ И. Дуриданов. Указ. соч., стр. 129.

⁸¹ Там же, стр. 133.

⁸² Je. Rusek. Указ. соч., стр. 12.

Новые формы творительного зафиксированы и в Норовской псалтыри: и тебѣ мож дѣш прѣставляѣ жже осквернѣхъ грѣхми и помышленми неподобными Нор. 246—1.

Существительные среднего рода также образуют формы па -ми: И. Ал. ев. знаменми Мк. 16.20; Маѣ. хр. благодѣан'ми 126.2, благоуханми 3.21, вѣтменми 183.21, дѣланми 12.3, зренми 90.14, искоушенми 103.1, наведенми 164.8, обѣщанми 140.6, озасовленми 164.4, поношенми 38.14, прободенми 217.17, прѣцненми 25.25, 39.5, 122.1, 173.6, раждизанми 213.25, разгорѣнми 213.26, страхобанми 37.2, стражленми 37.22, съплетенми 7.17, съплѣтан'ми 40.29, оумышленми 104.16; Охр. ап. знаменѣми 86, знаменми; Праж. ев. Мк. 16.20; Струм. окт. вѣстан'ми, съгрѣшенми 176; Зогр. гр. иман'ми 7; Бор. син. славословенми 1, съписан'ми 8, писан'ми 24⁸³; Хлуд. триодъ пѣнми 15—24, а часто -ими, например: прѣгрѣшенми 11—24; омрачен'ми 150а—27, один случай помышленми 168а—29.

Широкое распространение в некоторых среднеболгарских памятниках получила флексия родительного множественного -еи вм. -ии, что также способствовало освобождению от синкретизма форм родительного — творительного падежей в склонении слов среднего рода основ на -ѣо. Систематическое употребление этих форм представлено в Болонской псалтыри.

12.6. Изменения в области форм единственного числа дательного—родительного и локатива (§ 10.6).

Взаимодействие существительных мужского рода основ на -о и основ на -и в парадигмах единственного числа характеризуется теми же явлениями, которые отмечены уже в древнеболгарском. В родительном падеже укрепляется флексия -а, которая распространяется как на одушевленные, так и на неодушевленные существительные. Эти формы отмечены в памятниках различных групп: Ев. И. Ал. сѣна (часто), кола Лк. 13.15, краха Лк. 8.14, И. 2.7; Маѣ. Хр. кола 124.2, 157.1; Добрейш. ев. на сѣна. 44б; Бол. пс. мѣда 27.1, 201.1; Слѣпч. ап. сѣна 95^v, 96—3, раза 96^v; Хлуд. триодъ: сѣна 80—35, до краха 87—11, но только домоу, стану, полю⁸⁴; Пирдоп. ап. сѣна 82а.4, 78а.19, мира 43а.18, 42в.5, кола 58а.11. Эти формы отмечены также и в других памятниках: Зогр. гр. сѣна 38, душа 33.

Параллельно с этим у существительных *м*-основ наблюдаются формы дательного падежа с флексией -оу: Добрейш. сѣноу 7а; ев. И. Ал. домоу; Лк. 10.5, 15.25, 19.9; полю Мк. 10.1;

⁸³ И. Дур'идапов. Указ. соч., стр. 133.

⁸⁴ Је. Русек. Указ. соч., стр. 15—16.

сноу, Мт. 8.31, Л. 33, Й. 3.15 и др. Нор. пс. сноу 42а—7; Пирдоп. ап. сноу 72в.3, чиноу 70в.10, домоу 61а.15, 74в.14, 77в.22, 79а.20; Бол. пс. сноу 71—1а; Зогр. гр. домоу 26—27. Только форма -оу отмечена в дательном падеже этих существительных в Хлудовской триоди: домоу 64а—21, 130—21 bis, 130.26, 27 bis, 157—6; сноу 19а—37, 38а—13, 58а—28, 59—13, 75—35, 36, 77—24; 79—19, 29; 80—38, 80а—3, 146а—22, 165—23.

В локативе появляются формы с флексией -ѣ не только у одушевленных, но также у неодушевленных существительных: ев. Й. Ал. ѣнт М. 9.12, Лк. 18.31, Й. 14.13 и др.; Хр. Ман. домѣ 217.4; Нор. пс. къ станѣ 176а—15; Пирдоп. ап. мирѣ 40в.1, 43а.19; Слєпч. ап. ѣнт 96 (3 раза).

Формы родительного и дательного падежей *jo*-основ проникают в склонение существительных мужского рода старых основ на -ѣ: «кроме существительных *господа* и *сгна*, — пишет И. Дуриданов, — которые еще в ранних древнеболгарских памятниках образуют формы по *o*- или *jo*-основам, позднее подобные формы встречаются от следующих существительных»⁸⁵: *пжтѣ* Род.: *пжтѣ* Добром. ев. 131а.18, Хлуд. тр. 21а, Дат.: *пжтѣ* Добрейш. ев. 59б, 16б; *пжтрѣ* 13а, 52а, 59б; *пжтѣ* Струм. ап. 24а; от *огна* — род. п. *огнтѣ* Бол. пс. 106.3; Ман. хр. 166.31; дат. п. *огнѣ* Ман. хр. 129, 29, 130.4, *огнѣ* Пирд. ап. 118а.25; от *гостѣ* — род. п. *гостѣ* Берл. сб. 120б, от *гратѣ* — род. п. *гратѣ* Кап. тр. 18; от *зктѣ* — *зктѣ* Ман. хр. 138.8, 139.15, 179.11, *зктѣ* 89.22, 126.17, 187.14, *тѣтѣ* 187.1, род.-виш. *медѣ* 207.15.

Появление этих форм в склонении *ѣ*-основ дает возможность избавиться от синкретизма форм родительного — дательного падежа в этой категории слов.

Параллельно с изменением флексий у существительных *ѣ*-основ и *и*-основ по типу *o*-основ наблюдается и обратный процесс проникновения флексии дательного падежа -овѣ в склонение *o*-основ. Новым по сравнению с древнеболгарским, как отмечает И. Дуриданов, является то, что данная флексия захватывает не только существительные личного значения, но появляется и у существительных неодушевленных: Бол. пс. *ѣки* 8.4, 45.4; *дѣкѣ* 25.3, *кѣсарѣ* 54.4, *ѣцѣ* 44.2, *ѣрѣ* 73—3, *ѣковѣ* 44.2; Слєпч. ап. *ѣки*, *дѣки*, *законѣ* 17 bis, *грѣхѣ* 22^v bis, *изѣбрагѣ* 47, *мироѣ* 21.42^v, *петроѣ* 54 bis и т. п.; Охр. ап. *ѣковѣ* 36 об., *грѣхѣ* 69л, *законѣ* 39⁸⁶; Хлуд. триодь:

⁸⁵ И. Дуриданов. Указ. соч., стр. 127, 128.

⁸⁶ С. М. Кульбакин отмечает: «формы *ѣковѣ* и *законѣ*, кажется, древнеболгарскими памятниками не датируются. Форма эта проникает и в существительные среднего рода, например, *игоѣ* Бол. пс. 2.2, *дѣковѣ* Охр.

братови 30—34, $\overline{\text{АХ}}$ ски 150—7, 163а—30, $\overline{\text{крѣ}}$ ски 4а—1, $\overline{\text{правѣ}}$ ниски 110—17, $\overline{\text{скѣ}}$ ски 3а—12, $\overline{\text{демон}}$ ски 68—22, $\overline{\text{бѣ}}$ (часто), $\overline{\text{ѣ}}$ брамоски 31—15, 162а—11; $\overline{\text{ѣ}}$ дамоски 38а—10, 55—30, $\overline{\text{ѣ}}$ носки 117—10, $\overline{\text{ѣ}}$ сакоски 162а—11, 12, $\overline{\text{ѣ}}$ сски 37а—19, 115—33, $\overline{\text{ѣ}}$ оски 72—32, $\overline{\text{ѣ}}$ стоски 33а—23; $\overline{\text{Хѣ}}$ 70а—13, 102—13, 138а—4, 172а—28, $\overline{\text{ѣ}}$ расоски 66—9, 125—11, 16, 126—12⁸⁷; Ев. И.—Ал. $\overline{\text{ѣ}}$ сифоски Мт. 1—18, $\overline{\text{ѣ}}$ ски Мт. 8—34, Мк. 11—7, Л. 19—35, 23—42, I. 12—22, 19—9, 39, 21—21; $\overline{\text{ѣ}}$ оски Мк. 9—27, 14—12, $\overline{\text{бѣ}}$ Мт. 22—21, Мк. 12—17; Л. 20—25, 21—4, $\overline{\text{ѣ}}$ петроски Мт. 26—40, 72, Мк. 14—37, 70, 16—7; 18—11, $\overline{\text{ѣ}}$ роски Мк. 6—18, $\overline{\text{ѣ}}$ мосеѣски Мк. 9—5; I. 9—29⁸⁸.

Еще чаще, отмечает Г. А. Ильинский, основы на -и передают свое окончание дательному имен на -jo, и эти и подобные образования встречаются почти в каждом среднеболгарском памятнике⁸⁹. Например: $\overline{\text{ѣ}}$ ггарски Соф. окт. 33, 34, Пирдоп. ап. 73а; 11; $\overline{\text{мѣ}}$ ски Ман. хр. 74, 10; $\overline{\text{мѣ}}$ жжски, $\overline{\text{кѣ}}$ сарски, $\overline{\text{гѣ}}$ и, $\overline{\text{ѣ}}$ сранлски, $\overline{\text{ѣ}}$ андрѣски ев. И. Ал.⁹⁰ Проникает это окончание в основы на -ѣ и в основы на согласный: Ман. хр. $\overline{\text{пѣ}}$ тски 147.1; Пращ. ев. $\overline{\text{ка}}$ менски 164б; Пирдоп. ап. $\overline{\text{ѣ}}$ гнески 116в. 6; Ман. хр. $\overline{\text{ѣ}}$ снески 45.6 и 26, 96, 9, 115.9, 132.15, 140.5⁹¹.

12.7. В существительных основ на -ѣ и основ на согласный появление этого окончания в дательном падеже ведет также к избавлению от синкретизма форм дательного — родительного падежей. В основах на согласный этот синкретизм возникал в силу прошикнувания флексии дательного -и в родительный падеж. Подобные формы наблюдались еще в старославянских памятниках. В среднеболгарский период они получили широкое распространение, особенно в македонских памятниках.

Существительные основ на согласный всех родов под влиянием склонения $\overline{\text{ѣ}}$ -основ ($\overline{\text{пѣ}}$ тъ, $\overline{\text{кѣ}}$ тъ) получают в родительном и локативе флексию -и (примеры приводятся по книге Дуриданова).

Родительный падеж $\overline{\text{нѣ}}$ си Охр. ап. 108 об., $\overline{\text{нѣ}}$ си Врач. ев. 15а; Добром. ев. 107а—13, Охр. ап. 36 об., 43; $\overline{\text{нѣ}}$ си Врач. ев. 15 а.б.; $\overline{\text{нѣ}}$ сѣси Срѣч. ев. Мт. 21.25; Берл. сб. 16а; $\overline{\text{нѣ}}$ сѣси Соф. окт. 13 б.;

ап. 88 об. Она принадлежит уже среднеболгарской эпохе и указывает на очень слабое различие тем» («Охридская рукопись апостола»... стр. СХ).

⁸⁷ Је. Русек. Указ. соч., стр. 10.

⁸⁸ R. Scholvin. Указ. соч., стр. 172.

⁸⁹ Г. А. Ильинский. Слепченский апостол, стр. LXXX.

⁹⁰ R. Scholvin. Указ. соч., стр. 172.

⁹¹ И. Дуриданов. Указ. соч., стр. 125 и след.

тѣлеси Охр. ап. 54 об.; Соф. окт. 9с; тѣлеси Врач. ев. 26; словеси Врач. ев. 60а, 69 б. Верк. ев. 5а, Праж. ев. Мт. 15.23, 19.11; словеси Слепч. ап. 87v; имени Врач. ев. 66а, Тырн. ев. Лк. 21.12, Берл. сб. 50б; врѣмени Добром. ев. 81б13.

Локатив: неси Добром. ев. 4а.16, 72а.4, 89а3, Слепч. ап. 32v, 62, 128v; И. Ал. ев. Мт. 6.10 и 20; 24.30; 28.18. Лк. 11.2, 15; 7, 19, 38, И 3.13; неси 102б3; неси 129а11, Сrech. ев. Мт. 19.21, 24.30, Праж. ев. Мт. 6.20; очеси И. Ал. ев. Лк. 6.41, Праж. ев. 52а19, Тырн. ев. Лк. 6.41 и 42; словеси И. Ал. ев. Мт. 18.23 и 24; 25.19, Мк. 10.22, Лк. 1.29; 20.20, И 8.31, Слепч. ап. 5, 3vП, 36.59, 61, 74, 78, 1vС, 88, 127, Пирдоп. ап. 40а.24, 51а, 25; 58.9, 63в.10; тѣлеси Слепч. ап. 22, 23, 37, 37v, 100v, 102. Пирдоп. ап. 83в8, И. Ал. ев. Мт. 6.27, Лк. 12.25; камени И. Ал. ев. часто, Тырн. ев. Мт. 21.44 и др., Праж. ев. 53а.15, 102б.19, 104а.20, 106б.14, Слепч. ап. 44, Пловд. ев. 9а, Соф. окт. 11d; корени И. Ал. ев. Мт. 3.10. Лк. 3.9; пламени Ив. Ал. ев. Лк. 16.24; Тырн. ев. Лк. 16.24, Хлуд. пар. 152; матери Ман. хр. 177.9; азици 101.26 и др.; имени Тырн. ев. Мк. 9.39, Лк. 10.17; И. Ал. ев. Мк. 9.39, Л. 9.49, 10.47, Слепч. ап. 7v, 8v (2 раза), 57v, 74, 89, 103v, Пирдоп. ап. 36а13, имени Слепч. 4v, писмени Слепч. ап. 44; врѣмени И. Ал. ев. Мт. 25.19, Лк. 18.4, Ман. хр. часто; сѣмни Охр. ап. 53 об.; 94 об.; жрѣбати И. Ал. ев. И 12.15, 4а6, 118а, 136б.22, 196а; сласти И. Ал. ев. 4а6, 213б.10, 249б; отсрочти И. Ал. ев. Мт. 2.8, Лк. 2.17, Праж. ев. Лк. 2.17.

Преодолению синкретизма этих форм способствовал, однако, процесс взаимодействия основ на согласный с основами на -о, засвидетельствованный среднеболгарскими памятниками. Это появление в родительном падеже существительных среднего рода флексий -а или -ѣ, а в дательном флексии -оу. При этом основы на -с утрачивали суффикс и склонялись как обычные существительные среднего рода на -о.

Родительный падеж: тѣла Добр. ев. (В. Ягич., 1, стр. 60), Охр. ап. 36об, Пирдоп. ап. 10а12, 33а17; 43в2, Слепч. ап. 2М, 17v, 37 (3 раза), 50, 66, 71, 81, 81v, 121, Сrech. ев. Лк. 24.3; И. Ал. ев. Мт. 27.58, Мк. 15.43, И2.21; слова Зогр. гр. 61, Рил. гр. 68.73, слова 46.

Дательный падеж: Слепч. ап. тѣлоу. 1vК, 34, 37, 37v, 62v, 69v, 3С, 122v, Соф. окт. 14d, И. Ал. ев. Мт. 6.22, Лк. 11, 34 и 174б; тѣла Пирд. ап. 1а.25; словоу Соф. окт. 4а; нбоу Сrech. ев. Мк. 13.27; нбоу И. Ал. ев. Лк. 12.5б; 16.17.

Локатив: тѣла Охр. ап. 36 об., Слепч. ап. 58, 66 (2 раза), 69v, 87, Пирдоп. ап. 10а.9; сѣт Добр. ев. 52б.1, 5, 6, Пловд. ев. 8а, Тырн. ев. Лк. 6, 42 (2 раза), Бан. ев. 109б, Верк. ев. 22б (2 раза). И. Ал. ев. — Мт. 7.3 (2 раза), 7.4, Лк. 6.42 (2 раза), Врач. ев.; ѡцѣ 47б, Сrech. ев. Лк. 6. 41, Кюст. ев. 17б.

Окончания *о*-основ (*jo*-основ) присоединялись иногда к расширенной основе. Это встречается в существительных с основами *-n* и *-t*. Дуриданов приводит такие формы из хроники Манаси и некоторых других памятников.

Родительный падеж: *сѣмѣнѣ* Ман. хр. 85.21; *оуаѣта* 115.5; *ѡ мала вѣмѣна* Боян. ев.; *оуаѣта* Коп. тр. 47; *кѡрата* Ор. гр. 32; *коуѣта* Рил. гр.

Дательный падеж: *Ман. хр. племѣню* 35.19, *вѣмѣню* 25.4; *вѣмѣню* 77.6 М.; *вѣмѣню В*; по *вѣмѣнѣ* Стам. ев. Мт. 2.16; *ашѣ ѡтѣрѣчатѣ* Мт. 2.20; *имѣню* Рил. гр. 34, Сб. 1345 г.; *дѣтѣтѣу* Берл. сб. 26.

Эти формы, однако, имели распространение в ограниченном круге памятников.

Имена мужского рода основ на *-n* также получали флексии *о*-основ.

Родительный падеж: *каменѣ* Вирг. гр. 20, *Ман. хр.* 219.9М; *корѣнѣ* Ман. хр. 99.27; *дѣнѣ* там же 2.12, 4.12—13М, 6.27.

Дательный падеж: *дѣню* Ман. хр. 78.21; *каменю* 207.17, *племѣню* 152.7.

Локатив: Берл. сб. *корѣнѣ* 77а и др.

Таким образом, процесс аналогического преобразования системы склонения в среднеболгарский период действует в направлении ликвидации синкретизма форм родительного и дательного падежей. В отличие от древнеболгарского, где наблюдалась тенденция освобождения от синкретизма форм в одушевленных существительных и усиление синкретизма форм этих падежей в именах неодушевленных, в среднеболгарский период процессы освобождения от синкретизма форм распространяются и на неодушевленные существительные.

12.8. Нам осталось рассмотреть соотношение форм именительного—винительного и винительного—родительного падежей единственного числа. В старославянский период обозначилась тенденция ликвидации синкретизма форм именительного—винительного падежей одушевленных существительных за счет развития синкретизма форм винительного—родительного в этой категории слов и противоположная тенденция сохранения и возникновения новых случаев синкретизма форм именительного—винительного падежей неодушевленных существительных в склонении мужского рода (§ 10.7).

В современном болгарском винительно-родительная форма с флексией *-а* сохраняется в книжном языке только у существительных мужского рода личного значения. Однако формирование этой категории личного подвида относится, видимо, к более позднему времени. В среднеболгарских памятниках мы не видим отражения единого постулательного процесса, ведущего к формиро-

оригинала, не испытывая потребности использовать формы, отличные от именительного падежа.

Аналогичное явление отмечает Б. Цонев и во Врачанском евангелии, высказывая известное удивление по поводу того, что при большом количестве синтаксических новшеств в памятнике писец сохраняет эту архаическую черту. Цонев пишет: «При наличии таких синтаксических неправильностей мне кажется несколько странным старинное употребление именительного падежа вместо винительного личных имен, это выглядит так, словно встречается старое с новым: *рѣ^ѣтъ слово на сѣ^ѣ члвчкыи 55^а, а иже рѣ^ѣтъ слово на дхъ стѣи 55^а, приобращиши брата твою 45^б, помлоуи сѣ^ѣа мои 58^б, приидошѣ емоу дзжннкѣ едины 60^б, посла сѣ^ѣа свои 62^б, оузрѣ^ѣше сѣ^ѣа его 62^б, изношахѣ оумераши сѣ^ѣа единогожды мри свои 73^б, призри на сѣ^ѣа мои 82^а, прииди ми сѣ^ѣа твои 82^б, приидоха сѣ^ѣа свои 109^б, посла ангѣ^ѣа мои 169^а, 8зрѣ^ѣте сѣ^ѣа члвчкы грѣ^ѣши на облацѣ 100^б»⁹⁵.*

Любопытно, что по употреблению старых форм винительного одушевленных существительных мужского рода Врачанское евангелие более архаично, чем Саввина книга. Сопоставление Врачанского евангелия с Саввиной книгой позволяет привести ряд случаев, когда родительно-винительным формам древнеболгарского текста соответствует старый винительный в тексте среднеболгарском, например: *аще ти послоншахѣ приобращиши брата своего* Сав. 29. Мат. XVIII, 15. Во Врачанском — старый винительный: *аще тебѣ послоншахѣ приобращиши брата твоей* л. 45^б и *абие приидоша емоу ослабена на одрѣ лѣжаща* Сав. 37 Мат. IX 2; и *се приидошѣ емоу ослабена жилами на одрѣ лежща* Врач. 53^б; *поими съ собож единого ми* в Сав. 29 Мт. XVIII, 16; *поими пакѣ съ собож едины или два* Врач. л. 45^б; *оучителю моуж ти съ призри на сѣ^ѣа моего* Сав. 55 Л. IX 38; *призри на сѣ^ѣа мои* Врач. л. 82^а.

В местоимениях и субстантивированных прилагательных множественного числа наблюдаются аналогичные соотношения. В этой категории слов в Саввиной книге употребляются довольно часто наряду со старым винительным формы, совпадающие с родительным падежом. Во Врачанском евангелии им как правило соответствуют старые (в местоимениях — краткие) формы винительного падежа. Например: *блжете клнжцихъ казѣ* Сав. 30 Мф. V, 44; *блжете клнщахъ кы* Врач. л. 46^а;

⁹⁵ Б. Ц о н е в. Врачанско евангелие..., стр. 63.

и вѣхъ болашихъ ицѣм Сав. 34 Мо. VIII, 16; и еса незрѣвы ицѣм Врач. л. 506 (108); по мнѣ гради остаки мрѣткѣа погрѣти скоихъ мрѣткѣх Сав. 34 Мо. VIII 22; грады по мнѣ и остаки мрѣткѣмъ погрѣти скож мрѣткѣа Врач. 506.

«Следует отметить, — замечает Цонев, — что Врачанское евангелие почти регулярно употребляет и, а не его»⁹⁶.

12.8.2. Оценка процессов формального взаимодействия винительного и родительного падежей в среднеболгарский период осложняется тем, что между этими падежами наблюдается в это время не только формальное взаимодействие (заимствование форм родительного падежа винительным), но одновременно идет интенсивный процесс нейтрализации противопоставления этих падежей в функциональной сфере и вытеснение родительного падежа в ряде его функций. Так, например, заменяется винительным родительный при отрицании: *ѣко же безъ мнѣ не можете творити ничтоже* Врач. л. 40а; Сав. *ничтоже* 27. I. XV, 5; *не кажеди наѣ ка искушение* Врач. л. 1036, М. VI.13; Сав. *наѣ* л. 72. Винительный прощиает на место родительного после предлогов, например: *ѣа же кама ѣко мнози ѿ кѣстока и запада придаѣа* Врач. 516 в соответствии с древним: *отъ кѣстока и запада* Сав. 35, Мо. VIII, 11; см. также: *истѣна ѿ каменѣ* Врач. 13⁶.

Родительный при сушине вытесняется винительным с-инфинитивом, например, вместо: *и послаѣ на село свое пастѣа скнии* Сав. 67 Л. XV, 15 во Врачанском находим: *и посла и на село свое пастѣи скнииа* Врач. 976. Винительный вместо родительного появляется при степенях сравнения: *не дѣа ли еѣта болаши пица и тѣло одежѣ* Врач. 496 Мат. VI 25. При некоторых глаголах, ранее употреблявшихся с родительным, также находим винительный. Например: *ѿ оца исплѣна бѣѣта истиннымъ* Врач. л. 1а I. I.14; *сице ѿкѣѣѣста родитѣлѣ его ѣко боѣѣта са* ѡне л. 316, I. IX 22.

Приведенные выше примеры не являются равноценными, одни из них отражают закономерные синтаксические изменения книжного языка (замена сушина инфинитивом), другие, видимо, проникновение синтаксических конструкций живого языка и язык памятника (винительный при отрицании и при предлогах), наконец, третьи (как винительный при глаголе исполнити) являются искусственным образованием, ошибкой и по отношению к живому, и по отношению к книжному языку. Наконец, ви-

⁹⁶ Б. Цонев. Врачанско евангеле. ., стр. 56.

пительный—именительный *пѣца*, *одежж* — результат фонетического совпадения *ж*, *а* и *а*⁹⁷.

Конструкцией, закономерно вытесняющей беспредложный родительный, в данном употреблении, является конструкция с предлогом *отъ*, также представленная во Врачанском евангелии. Например: *ти коленъ еси ѿ ѿца ншого иакоа Врач. 24^а, I. IV, 12;* и *прѣма гжеж испана ѿ ѿца* Врач. 131а, Мат. XXVII, 48; *испана ѿца* Сав. 119.

В некоторых памятниках наблюдаются попытки искусственной нормализации употребления родительного падежа, попытка закрепления за ним определенного круга глаголов, иногда отличных от тех, при которых он употреблялся ранее. Такое положение наблюдается, в частности, в Норовской псалтыри — восточноболгарском памятнике конца XIII в. В Норовской псалтыри родительный падеж последовательно употребляется при глаголах *забѣти*, *посмѣти* и *оусмѣти*. Столь же последовательно он заменяется винительным в отрицательных конструкциях и некоторых других случаях. Сознательность этой замены выражается иногда в том, что писец намеренно употребляет форму старого винительного вместо формы, совпадающей с родительным. Таков один из возможных путей искусственной архаизации форм одушевленных существительных, равно как и появление форм родительного неодушевленных после глаголов, которые в древнеболгарском управляли винительным падежом.

В памятниках, возникших в разных диалектных областях и отражающих нормализацию разных школ письменности, функциональное взаимодействие винительного и родительного падежей могло складываться по-разному. Поэтому вопросы нейтрализации противопоставления форм винительного—родительного падежей в том или ином памятнике не могут рассматриваться без исследования функционального взаимодействия этих падежей.

С другой стороны, «прекращение» развития старославянской традиции разграничения одушевленных и неодушевленных существительных в образовании форм винительного падежа единственного числа, «возврат» к старым формам винительного, совпадающий с именительным, наблюдаемый в некоторых среднеболгарских памятниках, связан, видимо, с новыми тенденциями развития синкретизма форм именительного—винительного падежей в других категориях слов и усилением процесса формирования общей именительно-винительной падежной формы. Не случайно «архаизация» винительного падежа единственного числа одушевленных существительных мужского рода наблюдается в северо-западных памятниках, где формы именительного и винительного

⁹⁷ Б. Ц о п е в. Врачанско евангеле..., стр. 34.

падежей начинают смешиваться и в существительных женского рода.

Закономерность данной параллели подтверждается наблюдениями над Хлудовской триодью, памятником, относящимся к III разряду македонской письменности.

По наблюдениям Е. Русека, в этом памятнике также отмечается немало примеров употребления личных существительных мужского рода в старой форме винительного падежа единственного числа, например: да кззъмъши гъ бгъ ткои ксѣмъ

срѣцъмъ ткоимъ и ксѣж дѣжъ ксѣж и ксѣмъ разоумомъ ксѣимъ Хл. тр. 86а, 25—27. В Мариинском евангелии: да кззъмъши гъ гъ ткоиго Мѡ. XXII, 37; пидатъ же сзъшакъ тдъ словеса изкѣде конъ ѿгъ Хл. тр. 115а, 5—6; изкѣде конъ ѿгъ Мар. Io. XIX, 13⁹⁸.

Русек отмечает при этом, что «старая форма винительного отмечается в примерах, в которых более ранние памятники, в том числе и самые древние переводы евангелий, имеют форму винительно-родительного»⁹⁹. Русек считает, что это не сохранение старых форм, а нововведение, явление так называемого гиперисправления.

Существительные мужского рода, означающие животных, употребляются в Хлудовской триоди в старой форме винительного: и посла голѣба по нѣмоу 1а—16 (вместо: и посла голѣба Хл. пар. 60); и посла крана видѣти аште ѿ отѣтѣиа кода 1а—14 (и посла крана Хл. пар. 60); и другие примеры на стр. 143.

Вместе с тем в триоди Хлудова Русек отмечает более 60 примеров употребления формы винительного падежа женского рода основ на *-а*-, *-ја*- в функции именительного¹⁰⁰ и 40 примеров употребления именительного падежа женского рода в функции винительного¹⁰¹.

12.9. Рассмотрев на материале среднеболгарских памятников судьбу аналогических изменений падежных форм, которые наметились в древнеболгарском языке, можем сделать заключение, что в среднеболгарский период в падежной системе продолжают действовать тенденции освобождения от унаследованного из праславянского синкретизма форм. Многие из этих тенденций получают более интенсивное развитие, чем это наблюдалось в древнеболгарском. Вместе с тем в среднеболгарский период ослабляется противопоставление одушевленного и неодушевленного подклассов. В ряде случаев процесс освобождения от син-

⁹⁸ Je. R u s e k. Указ. соч., стр. 140, 141.

⁹⁹ Там же, стр. 142.

¹⁰⁰ Там же, стр. 80.

¹⁰¹ Там же, стр. 139.

кретизма форм, наблюдавшийся ранее только или преимущественно у одушевленных существительных, распространяется и на категорию неодушевленных существительных. Закономерности взаимодействия падежных форм и контекста в разграничении падежей как будто перестают действовать. Писец стремится везде, по возможности, опираться на различие форм. А там, где это невозможно, падежи начинают смешиваться как это можно проследить на новых случаях синкретизма.

13. Возникновение новых типов синкретизма форм в результате фонетических изменений, происшедших в среднеболгарский период, коснулись соотношений форм винительного—родительного и творительного падежей единственного числа существительных женского рода основ на -а, а также соответствующих указательных и личных (3-го лица) местоимений, винительного—творительного падежей женского рода основ на -а, именительного—винительного—творительного падежей множественного числа существительных мужского рода. Фонетические процессы, следствием которых явились эти изменения — среднеболгарская мена юсов, стяжение гласных, утрата звука *ы*, носят общеполгарский характер. Кроме этого, имелись изменения, носящие диалектальный характер и отразившиеся не во всех памятниках. Это различия, обусловленные различной вокализацией юсов. Например в рассмотренном выше Врачанском евангелии *ж* и *а* смешивались с *а* и *ѣ*, *ѣа*, что также повлекло за собой возникновение новых случаев синкретизма форм.

13. 1. Новые случаи синкретизма падежных форм, отразившиеся во всех среднеболгарских памятниках, связаны главным образом со среднеболгарской меной юсов. Фонологической сущностью мены юсов является превращение *ж* и *а* из самостоятельных фонем, какими они являлись в древнеболгарском языке, в позиционные варианты одной фонемы, определяемые качеством предшествующего согласного. Обычно *ж* на месте *а* появляется после отвердевших согласных *ш*, *ж*, *ц*, *ѣ*, *ѣз*, иногда *ч*, а *а* вместо *ж* после смягченных согласных *л'*, *р'*, *н'*, *п'*, *б'*, *в'*, *м'* (соответственно *пл'*, *бл'*, *вл'*, *мл'*), иногда *ч* и свистящих аффрикат *ѣ*, *ѣз*, в говорах, где они сохраняют мягкость. В большинстве памятников наблюдается параллелизм между изменением этимологических групп *л'ж*, *р'ж*, *н'ж*, *п'ж*, *б'ж*, *м'ж* в группы *л'а*, *р'а*, *н'а*, *п'а*, *б'а*, *в'а*, *м'а* и сужением *ѣа* после указанных смягченных согласных, т. е. переходом *ѣа* в *'а* (*л'ѣ*, *р'ѣ*; *н'ѣ*, *п'ѣ*, *б'ѣ*, *в'ѣ* или *бѣ*, *вѣ*, *пѣ*, *мѣ*). Наоборот, параллельно сочетаниям *ша*, *жа*; *ѣа* идет изменение сочетаний *ша*, *жа*, *ѣа* в группы *шж*, *жж*, *ѣж*.¹⁰²

«Только очень немногие памятники, — отмечает Кульбакин, —

¹⁰² С. М. Кульбакин. Материалы и заметки по славяноведению. — ЖМНП, 1904, июль, стр. 27.

представляют этот параллелизм неполным, затемненным»¹⁰³ (например, Добромирово и Боянское ев.). «Должно признать верной, — добавляет он, — мысль о делабиализующем влиянии данных полумягких согласных на последующий носовой, которую принимает и Милетич¹⁰⁴, отвергнув его предположение о количестве и ударении»¹⁰⁵. В качестве проверки внутренней связи изменений *а* и *ж* с качеством предшествующего согласного Кульбакин приводит сочетания *ча—чж*, судьба которых в разных памятниках отражена различно. В одних памятниках отмечены параллельные изменения *чѣ→чѣ* и *чж→чѣ*. Очевидно, *ч* в говоре писца было сильно смягченным. В числе таких памятников Кульбакин приводит евангелие Верковича, (Паремийник Григоровича, Боянское ев., библия кон. XIV в. Имп. П. Библ. Г 1—461, сборник Венской б-ки № 137, евангелие Софийской нар. б-ки № 18, евангелие Белградской нар. б-ки № 438, четвераевангелие Григоровича XIII в, Хлудовскую триодь, описанную Милетичем и др.

Более редким является обратное изменение старого *а* в *ж* после *ч*. Оно отмечено в Охридском апостоле, Болонской псалтыри, Дечанской псалтыри, октоихе Софийской нар. б-ки № 2897 (см. Б. Ц о н е в «Классификация»... стр. 18), в оригинале Берлинского сборника, триоди XIII в. Белградской б-ки № 78.

Фонетической основой замены *а* через *ж* в начале слова и после гласных, свойственной большинству памятников, является, видимо, утрата йота. Колебания употребления юсов в этой позиции, наблюдаемые в отдельных памятниках, должны объясняться непоследовательностью утраты *j*.

Однако, как это убедительно показал Кульбакин¹⁰⁶, не всегда мена юсов обусловлена фонетическими причинами. В ряде случаев она может быть истолкована как графическое явление. Так рассматривает Кульбакин явления мены юсов в I почерке Охридского апостола и в Златоусте XIII в., изданном Ягичем. В этих памятниках *ж* по своему звуковому значению был равен *ѣ*, а *а* = *е*. Между тем *ж* встречается вместо *а* после смягченных согласных, например, *земѣж*, *кѣѣж* асс. *pl.*, где он не имеет фонетического значения *ѣ*.

«В Орх. ап. (I поч.) имеем ѿ земѣж, гнѣж асс. *pl.* Эти факты проще всего и естественней рассматривать как результат графической замены писцом через *ж* *а* своего оригинала».¹⁰⁷ Возможности такой замены Кульбакин дает следующее объяснение: «Писец находил в своем оригинале *а* иногда в тех случаях,

¹⁰³ С. М. Кульбакин. Охридская рукопись апостола., стр. XXXII.

¹⁰⁴ Л. Милетич. Периодическо. Сп. XVI, 1899, стр. 104. «Следы среднеболгарской замены носовых в повоболгарских наречиях». София, 1906.

¹⁰⁵ С. М. Кульбакин. Охридская рукопись апостола., стр. XXXII.

¹⁰⁶ Там же, стр. LXI.

¹⁰⁷ Там же, стр. XXIV.

когда в языке звучал ѣ: *ходѣтъ, жѣтъ* — в первом случае в силу морфологического уравниения (*несѣтъ — ходѣтъ*), во втором — в силу фонетического изменения, в силу известного качества согласного. Он находил также в своем оригинале ж в соответствии звуковому ѣ, а также может быть и в соответствии звуковому е: после смягченных *р', л', н'*. В его сознании при малограмотности, при отсутствии твердого усвоения определенных традиций, правил, школы, не могло быть строгой границы между ж и ѣ, в языке были ѣ и е, на письме ж и ѣ, не всегда соответствовавшие разным звукам. Известное смещение было вполне естественно; предпочтение одного знака — дело случая». ¹⁰⁸

Для целей нашего анализа важен сам факт замены, приводящий к совпадению флексий разных падежей. Будет ли это совпадение результатом появления флексии винительного падежа в родительном, как паходим в примере Охридского апостола: по *всѣмоу* ^ѣлицоу *зѣмѣ* или, наоборот, появление флексии родительного падежа в винительном, как представлено в примерах из Слѣпченского апостола: *кѣ зѣмѣ, сѣтворити боѣмѣ тѣмѣ*, наряду с родительным *сѣмѣ зѣмѣмѣ* *сѣмѣмѣ*, и в том и в другом случае результатом будет совпадение форм винительного и родительного падежей.

Рассмотренные выше явления общebolгарской мены юсов обусловили первую стадию изменений в области синкретизма форм. Эта стадия отражена в памятниках Охридской школы первой половины XIII в. а также восточноболгарских памятниках XIII—XIV вв. Мы рассмотрим следствия мены юсов для развития синкретизма падежных форм на материале двух памятников, представляющих эти группы — Болонской и Норовской псалтырей. (Частично используется материал и других псалтырей.) Мы постараемся также проследить, как преодолевался синкретизм форм и каковы были его последствия в переосмыслении падежных функций.

13. 2. Совпадение форм винительного и родительного падежей единственного числа в словах женского рода с основой на -а.

После смягченных согласных плавных и носовых в Болонской и Норовской псалтырях представлен ѣ на месте ж, в результате чего винительный падеж соответствующих слов получает флексию родительного, например: не *шрѣжнемѣ* бо *сѣомѣ* *наслѣдишѣ* *зѣмѣмѣ* Бол. 43—4а; не *кѣ* *шрѣжи* *бѣ* *сѣомѣ* *наслѣдишѣ* *зѣмѣ* Нор. 74а—9 (Син. — *зѣмѣмѣ*, Соф. — *зѣмѣмѣ*). Крѣстѣи же *наслѣдѣтъ* *зѣмѣмѣ* Бол. 36—11; *крѣстѣи* же *наслѣдѣтъ* *зѣмѣ* Нор. 61—5, 6 (*зѣмѣ* Пог., *зѣмѣмѣ* Син.); *шѣи* *сѣои* *положишѣ* *оуклони* *на*

¹⁰⁸ С. М. Кульбакин. Охридская рукопись апостола. ., стр. XXVII.

зема Нор. 30—11 (на зема^а — Бол. 16—11; зема^аж — Син., зема^а Бух., на зема^а Том. 24а).

Родительный падеж: и ѿ бездѣн^а зема^а вѣзвѣн^а есѣ мѣне Нор. 115а—16, и ѿта вѣзвѣн^а зема^а древлѣ вѣзвѣде^а ма Бол. 70—20с (вѣздѣн^а зема^а Син.).

Винительный падеж: и еже творити сѣ искрѣпнѣмъ вѣдѣстѣна и мѣвѣж Бол. 36—3 ком. совпадает с родительным: вѣдѣстѣна тѣо(ѣ)ж ради Бол. 24—7с; соответственно и в других словах: еже стажа ги стѣна Нор. 249а—7, Бол. Cant. 1—7а; — кѣвѣж стѣна тѣо(ѣ)ж Нор. 220—3; кѣвѣж стѣна тѣо(ѣ)ж Бол. 131—8;

После шипящих ж, ш, ц, ч, а также свистящих аффрикат ц и ѳ в Болонской псалтыри представлен ж на месте а. В Норовской псалтыри после ч употребляется а, после ж и ц оп также может сохраняться, а иногда встречается и обратная замена ж на а. Например: пропинаж и нѣо ѣко кѣжа Нор. 168—7, 8; пропинаж нѣо ѣко и кѣж Бол. 103—2б. Однако ж в винительном может сохраняться и в Норовской псалтыри, например: глашж лѣжж Нор. 95—14; Бол. 57—4б. После ц в Норовской может быть ж на месте а например: колѣница бѣа тѣмоуоуоуѣна тѣсѣж говѣоуѣнѣж Нор. 108—11, 12 (тѣсѣж Бол. 67—18а; тѣсѣж — Син.). Однако а может и сохраняться, например: потѣкомъ пища тѣо(ѣ)ж напоиши нѣж Нор. 60—4; и потѣкомъ пиштѣж тѣо(ѣ)ж напоиши ж Бол. 35—9. ж после ц и ѳ находим в винительном единственного: настаки ма на стѣжж заповѣдѣни тѣо(ѣ)ж ѣко тѣж вѣсѣхѣтѣ Нор. 199а—11; настаки ма на стѣжж заповѣдѣнѣ тѣо(ѣ)ж ѣко тѣо(ѣ)ж вѣсѣхѣтѣж Бол. 118—35; простѣла си дѣсѣнѣжж сѣо(ѣ)ж Нор. 249—3; простѣла дѣсѣнѣжж сѣо(ѣ)ж Бол. Cant. I, 12. В родительном единственного: извѣди из тѣмѣнѣжж дѣжж мо(ѣ)ж Нор. 233—2, Бол. 141—8а (тѣмѣнѣжж Бол., Соф., Бух.) Си извѣди дѣсѣнѣжж кѣшнѣго Бол. 76—11б. Однако, если в Болонской псалтыри ж как флексия родительного падежа может безусловно рассматриваться как явление фонетического характера, для Норовской псалтыри нельзя сделать такого утверждения, так как в других случаях а после свистящих во флексиях может сохраняться. Так, оп обычно сохраняется в формах винительного множественного числа. Например: слаба тѣвѣ питажи пѣтѣца нѣбесѣмъж Нор. 125а—16; еже наказати кѣаса его ѣко сѣбе и старѣца его ѳпрѣмѣдрити Нор. 172—4—6; да наоучитѣ кѣазж его ѣко и сам сѣ и старѣцѣж его оумѣдритѣ Бол. 104—22 (кѣназѣж, старѣца — Син.). Как и в Болонской псалтыри ж последовательно представлен в Норовской псалтыри в форме дѣжж, например: тѣ кѣси дѣжж дѣжж мо(ѣ)ж Нор. 126а—1; и не дастѣ боу ... цѣнѣж извѣкѣнѣ дѣжж

скож. Нор. 83—8; то же в Болонской: цѣны избавлениа дѣшъ съ ъж 48—9а; (Син. избавленѣ дѣша скожа). Та же форма в винительном: тако погна врагъ дѣшъ мож Нор. 233—13, Бол. 142—3а.

Синкретизм форм винительного—родительного падежей мог способствовать переосмыслению формы родительного падежа как формы винительного, особенно в приглагольном употреблении. Три стадии этого процесса можно проследить на следующем примере: I да постыдаѣтъ сѧ и посрамѣѣтъ сѧ въкупѣ ѡсуждени дѣша моего изаѣти ѡ Син; II да посрамѣѣтъ сѧ въкупѣ ѡсуждени дѣшъ моего Бол. 39—15а; III да постыдаѣтъ сѧ и посрамѣѣтъ сѧ ѡсуждени дѣшъ мож Нор. 71—13, 14.

Аналогичное соотношение в примерах: II нѣ къискажи дѣша моего Пор.; и нѣтъ къзыискажи дѣшъ моего Бол. 140—5с; III и нѣ къзыискажи дѣшъ мож Нор. 232—10, 11.

Следует отметить, однако, что в Норовской псалтыри представлено не просто фонетическое совпадение формы родительного падежа с винительным, но полное переосмысление этой формы, как формы винительного падежа, так как в этом памятнике при глаголах искази, къзыискажи вообще употребляется винительный, а не родительный, например: къзыискажиимъ закѣтъ его и скѣдѣниа его. Нор. 44—9, 10; къзыискажиимъ закѣтъ его и скѣдѣниа его Бол. 24—10б.

Пример, соответствующий III стадии можно привести и из Болонской псалтыри, где глаголы искази, къзыискажи употребляются с родительным, как это было в древнеболгарском, и где, следовательно, переосмысления падежного значения формы нет, а есть только фонетическое совпадение. Например: в соответствии с Синайской: крѣпци къзыкаша дѣша моего, в Болонской находим: и крѣпции искашъ дѣшъ мож 53—5б; в Норовской то же: и крѣпци къзыкашъ дѣшъ мож Нор. 89а—1, 2. Однако в Норовской это винительный, в то время как в Болонской еще родительный. Форму мож в Болонской псалтыри также возможно рассматривать как вариант родительного, возникший в результате смены юсов и выпадения гласного е, ср. например: кукотъ стѣна ткож Бол. 131—8.

Аналогичный пример можно привести и в конструкции с отрицанием тако не ѡстакиши доушъ мож къ дѣтъ Бол. 15—10а (дѣша моего Син.). Та же форма представлена в псалтыри Томича: тако не ѡстакиши дѣшъ мож къ дѣтъ Том. 23а. В Бухарестской псалтыри — с дальнейшим изменением — доушъ мою. В Норовской псалтыри: тако не ѡстакиши дѣшъ мож къ дѣтъ Нор. 29—8. Из всех этих памятников только в Норовской винительный при отрицании употребляется систематически. В остальных винительный

при отрицании явление сравнительно редкое, поэтому нет оснований сомневаться в том, что данная форма результат фонетического совпадения, а не синтаксической замены.

13.3. В результате мены юсов в данной категории слов возникает синкретизм форм не только в пределах парадигм одного числа, но также в формах одного и того же падежа разных чисел — винительного единственного женского рода и множественного числа мужского и женского рода. В результате этого может возникнуть двусмысленность текста, например: и оукло-ниаъ еси стѣцѣ нашѣ ѿ пѣти твоего Бол. 43—19b (вм. стѣцѣ наша Син.) или: творѣштѣ ꙗкоже ꙗзъ ꙗвилъ ꙗхъ законъ ꙗкоже пошлѣхъ Нор. 161—17. Бол. 100—3b (вместо творѣштѣ ꙗкоже ꙗзъ ꙗвилъ ꙗхъ законъ ꙗкоже пошлѣхъ Син.) и по-ношение не приѣтъ на ближнѣаѣ ꙗкоже Нор. 28—8; и поношениѣ не приѣтъ на ближнѣаѣ ꙗкоже Бол. 14—3b (ближнѣаѣ ꙗкоже Пог., ближнѣа ꙗкоже Том. 22).

Преодоление синкретизма форм винительного единственного и множественного числа характеризуется следующими фактами. От существительных со свистящими аффрикатами в основе образуются формы винительного падежа множественного числа по твердым основам, т. е. с помощью флексии *-ы*¹⁰⁹. Так в соответствии с приведенным выше примером из Болонской пс. (стзцж нашж) в Норовской находим: и оукаонилз їси стззы нашж ѿ пжти твоїго Нор. 75а—13; и ты позна стззы мож Нор. 232а—4; стжжж мож Бол. 141—4 (стзза Пог.). Подобный случай зафиксирован и в Болонской: познахъ вьса птицы небьзыж Бол. 49—11а (Син. — птица небьыа, Соф., Пог.: птица; то же Норовская — 85—5.). Одзжди на на іако прахъ пзати и іако пѣсокъ морзскыи птицы пернатты Бол. 77—27. В Норовской: птица пернаты 130—5. Винительный падеж множественного числа субстантивированных прилагательных и причастий в Норовской псалтыри в ряде случаев представлен новой формой, заимствованной у родительного. Например: оудиви милости твоѡ спѣажи оупокажциихъ на та ѿ протикациихъ са дєници твоѡ Нор. 29а—15—17; в Болонской — старый винительный: оудиви мѡсти тѡ ж спѣж оупѣажжж на та ѡта протикациихъ са дєници твоѡ Бол. 16—7аb (милости твоѡ Син. спѣа оупакажщѣа Син.).

Возможно, стимулом к распространению новых форм вишительного множественного послужило желание избавиться от синкретизма форм, часто отмечаемое, например у писца Норовской псалтыри. О таком ходе процесса может свидетельствовать следующий любопытный пример: *сѣверѣти ѹмоу прѣподобныѹ* его *зѣвѣцашиныхъ зѣвѣти* его о *жрѣтцахъ* Нор. 84а—5—8, где несинкретичная форма (*прѣподобныѹ*) не заменена, а синкретичная

¹⁰⁹ Род. пад. ед. числа данных слов с флексией *-и* не зафиксирован.

форма винительного падежа заменена новой формой, не синкретичной единственному числу (ср. в Болонской — *закѣцаѣцѣж* *закѣтъ* *ѣго ѡ жрътѣхъ* 49—5b).

Следующий этап можно видеть в распространении новых форм и на твердые основы: *поѣмлетъ гъ кзѣтъхъ* *низпадаѣцѣи* и *кзводитъ ксѣхъ* *низкрѣженнѣхъ* Нор. 239a—2—4; чему в Болонской соответствует: *подѣмѣтъ гъ ксѣ* *низпадаѣцѣж* и *кзводитъ ксѣ* *низкрѣженѣж* Бол. 144—14 (ксѣ, -цаѣ, -нѣа Пог.).

Колебания в употреблении юсов отмечены в Норовской псалтыри не только после шипящих, но также после *ј* в начале слова. В падежных формах это находим в винительном местоимения 3-го лица единственного числа женского рода, которое встречается не только в форме *ж*, например: *сѣтрѣилъ еси зема* и *сѣмѣте ж* Нор. 98—2, но чаще в форме *а*: *тѣ'* и на *морѣхъ ѡснокала ж* *ѣтъ* и на *рѣкахъ ѡготокиа а ѣтъ* Нор. 41a—8, 9; *постѣилъ еси зема* и *оупон а* Нор. 104—17. В Болонской это местоимение представлено формами *ж* или *ѣж*: *тѣи на морѣхъ ѡснокал ж* и на *рѣкахъ оуготокала ж ѣтъ* Бол. 23—2a, b; во втором примере — *зем а*, *ѣж* Бол. 64—10a; *Разоумъ же благъ кзѣтъмъ* *творашгимъ а* Нор. 189—9 (*ж* Бол., *ѣж* Син. 110—106).

То же колебание в Норовской находим в относительном местоимении женского рода: *кзвѣрадоуѣтъ сѣ оуѣтнѣ мои* и *дѣша моа аже еси избавилъ* Нор. 116—9; и *тѣѣ мож дѣшъ прѣставляѣж* *жже оскрѣнихъ грѣхми* Нор. 246—1. В Болонской псалтыри последовательно *жже* или *ѣжже*: *кзвѣрадоуѣтѣтъ сѣ ѣстанѣ мои...* и *дѣша моа ѣжже еси избавилъ* Бол. 70—23b (Соф. *аже*).

Эти формы и в Норовской и в Болонской псалтырях совпадают с формами винительного падежа множественного числа. В Болонской псалтыри регулярно употребляется форма *ж* в значении винительного множественного, например: *и кз хѣдожѣтъ рѣкоу скою настакиа ж ѣтъ* Бол. 77—72b. В Норовской этой форме обычно соответствует *ихъ*, например: *и кз разоумѣхъ рѣкоу скою настакиа ѣе ихъ* Нор. 133—11, 12. Единичные примеры старой формы винительного множественного представлены в вариантах *а*, *ж*: и *ѡпоуѣстихъ а* по начинани *сѣрѣцъ ихъ* Нор. 137—2; и *ѡтѣпоуѣстихъ ж* по похотѣмъ *сѣрѣцъ ихъ* Бол. 80—13 (Син. *ѣж*); *разкрѣзе море* и *прѣкѣде ж* Нор. 129—14 (Бол. 77—13). Форма относительного местоимения винительного множественного: не *потрѣбишъ азыки аже рече гъ имъ* Нор. 178—5, 6; не *потрѣбишъ жѣкъ жже рече гъ имъ* Бол. 105—34. Кроме того, в Норовской псалтыри находим формы женского рода *а* и *аже*, образованные

по аналогии с соответствующими формами множественного числа среднего рода: и праѣда ѿго на снѣхъ снѣхъ хранаѣнимъ закѣтѣ ѿго и поминаѣнимъ заповѣдѣ ѿго еже творити ѿ Нор. 167а—7; чему в Болонской соответствует: и поминаѣхъ заповѣдѣ ѿго творити ж Бол. 102—18с. (Син. ѡ, Соф. ѡ). ты бѣхъ кѣси также къ мнѣ сѣкрѣвныѣхъ стѣрати Нор. 126—16.

Таким образом, если писец Болонской псалтыри мирится с синкретизмом форм, то писец Норовской стремится его преодолеть, заменяя формы винительного множественного, совпадающие с винительным единственного женского рода, формами, отличающимися от них. Этой цели, может быть, служит и замена форм личного местоимения указательным, которые иногда находим в Норовской псалтыри в соответствии с 3-м лицом единственного числа личного местоимения женского рода в Болонской и других псалтырях. Например: сѣ слышахъ оумъ тѣхъ къ ѿфран'ѣхъ оверѣтохъ оумъ тѣхъ къ поли дѣбракъ Нор. 220—14—16; сѣ слышахъ оумъ къ ѿфран'ѣхъ оверѣтохъ къ поли дѣбракъ Бол. 131—6 (Син. ѡж, слышахъ оумъ ѡж Пог.). и да оукѣдаѣхъ ѿко рѣжа твоѣ сѣи и ты ги сѣткорилъ еси тѣхъ Нор. 185—14—16; и ты ги стѣкорилъ ж еси Бол. 108—27б (Син. ѡж, Пог. ѡж, Соф. ѡж, Бух. ѡж).

В соответствии с синкретичными формами Болонской псалтыри: къ зем'ѣи ѡснока ж къ вѣкъ 77—69б; постави ж къ вѣкъ вѣкъ Бол. 148—6, в Норовской находим: на земѣи ѡснока тѣхъ къ вѣкъ Нор. 133—4; постави та къ вѣкъ и къ вѣкъ вѣкоу Нор. 242а—7, 8.

13.4. После гласных в Норовской псалтыри, как и в Болонской, употребляется ж. Например: прими вѣж и тож ради оущедри миръ ѡчаанъ Нор. 152а—7, 8; ѿко сѣтры врата мѣднѣи и кертѣж вѣчныѣхъ сломи Нор. 180—15, 16; ѿко скроуши врата мѣднѣи и кертѣж желѣзныѣхъ сломи Бол. 106—16 (кертѣж желѣзныѣхъ — Син., Пог.); оскѣтишъ мѣднѣи ѿго къселенъж Нор. 158а—4, 5; Бол. 96—4; (мѣднѣи — Соф.), вѣселни мѣднѣи и разжениши и Нор. 237а—5. Синкретизм форм именительного—винительного множественного и винительного, родительного, творительного единственного имен существительных женского рода частично преодолевается благодаря формам согласованных имен прилагательных (вѣчныѣхъ, желѣзныѣхъ) или глагола (оскѣтишъ).

Однако формы согласования не всегда могут помочь. Например: вѣселни мѣднѣи твоеѣи и ражденши ж Бол. 143—6а, где обе формы являются синкретичными формами именительного—винительного мн. ч. и винительного, родительного, творительного ед. ч.

Иногда неправильно понятая форма имени прилагательного влечет за собой изменение формы имени существительного, например: *посла на ни пѣиѣ моуѣхъ и посладе нѣхъ и жавѣ и разгѣла нѣхъ* Нор. 131—14, 15 вместо: *посла на на пѣиѣ моуѣхъ и пѣашѣ ж и жавѣ и погоуѣ ж* Бол. 37—45а, в. (*пѣсла* Син., *жѣбѣ* Син.).

Синкретизм форм родительного и творительного единственного числа *тѣж*, *ѣж*, *тѣсѣж*, стяженные формы тех же падежей (*тѣкож*, *сѣкож*), совпадающие с винительным, служат источником смешения падежей и переосмысления падежных форм. Например: *тѣж ради* может быть моделью для *милости ради*, что находим в Болонской и Бухарестской псалтырях: *и спаси ма милости /ж/ тѣкож ради* Бол. 6—5; *ма тѣи ради тѣсѣж* Бух., *милости тѣсѣ* Сип. В Норовской псалтыри: *спси ма ради милости тѣсѣж* Нор. 17—10, 11. Не исключено здесь влияние смысловой близости предлога *ради* и творительного причины: *спаси милости /ж/ ради милости*.

Нейтрализация противопоставления родительного и творительного падежей как по форме, так и по значению представлена в следующих примерах: *гнѣ земѣ и испанненіе ѣж* Нор. 41а—6; *ѣжже не испанни рѣкы сѣсѣж жанжи* Нор. 319—4; *ѣжже не испаннигъ рѣкы сѣкож жанжи* Бол. 128—7а (*сѣсѣ* — Син., Пог., — *ѣж* Соф.). Форма *ѣжже* может означать здесь как родительный, так и творительный падеж, так как оба они возможны при данном глаголе в функции второго объекта. В притяжательных местоимениях *сѣсѣ* (Син.) *сѣсѣж* (Нор.) *сѣкож* (Бол.) как и в предыдущих примерах *тѣсѣ*, *тѣсѣж*, *тѣкож*, представленных в этих памятниках, можно наблюдать три стадии изменения формы родительного падежа — исходную, промежуточную и конечную, представляющую полное совпадение с формой винительного единственного и винительного — именительного множественного.

В последнем примере из Болонской псалтыри форма *рѣкы сѣкож* может быть переосмыслена как винительный множественного числа.

13.5. В существительных женского рода твердых основ в единственном числе совпадение формы творительного падежа с формой винительного возникает вследствие утраты интервокального *j* и стяжения гласных. Например: *кѣси кѣдашии ма порѣгашѣ ми сѣ глашѣ оусти ми покыкашѣ главахъ* Нор. 39—4, 6 *глашѣ оустѣнами покыкашѣ главами* Бол. 21—8в. (*оустѣ* *сѣсѣ* Син., и *покыкаше главоу* Бух.). Встретившиеся в Болонской и в Норовской псалтырях случаи связаны с затемнением и изменением смысла. Так, творительному падежу в Норовской: *умножиши ма кѣ дши мои сѣсѣж тѣсѣж* Нор. 228—8, в Болонской соответствует: *умножиши кѣ дши мои сѣсѣж* Бол. 137—3б; *азъ же*

мѡлѣтѣкож мѡеж к тѣбѣ ги Нор. 110—10, 11; — азъ же мѡтѣж мѡеж к тѣбѣ ги Бол. 68—14а (мѡлѣтѣкож мѡеж Син.).

В соответствии с творительным непракѡж в церковнославянской псалтыри, в Норовской и Болопской находим стяженные формы, затемняющие смысл: сѣ волѣт непракѡж зачѡта бѡлѣзнѣ и роди безаконне Нор. 18—11; сѣ волѣт непракѡж зачѡтѣ волѣзнѣ и роди безаконне Бол. 7—15.

В некоторых среднеболгарских памятниках стяженные формы творительного падежа представлены шире. Так, например, в Хлудовской триоди конца XIII в. Е. Русек обнаружил следующие формы творительного с флексией — ж¹¹⁰: правѡж тѡкож избѡи ма Хл. 14—26; непракѡстанѡж мѡтѣж базарѡжаннемѡ баперимѡ дѡшѡ нашѡ на бѣстѣнѡж ѡмѡко Хл. 26—14—15; ѡко агнеѡз приѡдимѡж сѡимѡж хотѣнемѡж, гвоздѡми приѡвѡжѡемѡж... и гѡбѡж напоимѡж истѡчѣи мѡнѡж Хл. 108а—7; сѡдѣтѣ бѡ ерѡсѡимѡж дѡндежѡ обѡлѣчѣтѣ сѡ сѡлож сѡбѡшѣ кѡ кѣкѡ истинѡж повѣдѡж Хл. 152а—35—36; после предлогов: снѡде кѡ ѡтарѡж и окропитѡж сѡ ѡмѡывѡлницѡж и всѡ цѣкѡж Хл. 101а—21; нѣсѡж же сѡтакѡ прѡтѡ ковѡкож Хл. 110—1; и вѡзвѣдѣ мѡисѣи мѡди кѡ срѣтѣние вѡжне ѡстанѡу и сѡтѡж подѡ горѡж Хл. 99—11; и сѣдѣ подѡ смѣтѡкѡж Хл. 183а—6 сл.

В этом памятнике представлено и дальнейшее развитие процесса морфологического смешения этих падежей — появление форм с флексией —ож в винительном падеже. Например: крѣтѡ тѡкож ги имѡще сѡлож крѣтѡ и застѡпленне кѡ напѡстѣ Хл. тр. 28а—29; ниѡцѡ тѡ оумѡ оѡстѡкѡлѡши Хл. тр. 39—17; бѡгѡтѡчноѡ зѡтѡдѡо кѡдѣкѡши кѡлѡски Хл. тр. 51а—1; Аналогичные формы Е. Русек отмечает и в других памятниках, например в Загребской и Пловдивской триодах XIII в.¹¹¹

13.6. Совпадение форм винительного и родительного падежей в триоди Хлудова представлено в основах женского рода на -ѣа как результат среднеболгарской мены юсов: после палатальных согласных м', л' и ч, как правило а, после отвердевших ш, ж, ц и ј — ж¹¹².

В склонении твердых основ женского рода отмечены случаи смешения форм винительного и родительного падежей. Формы с флексией -ж зафиксированы в функции родительного: после

¹¹⁰ Je. Rušek. Указ. соч., стр. 22.

¹¹¹ Je. Rušek. Указ. соч., стр. 23. — Мы цитируем по памятнику с более широким контекстом. Одна форма приведена Русеком ошибочно s slavq, 149а—4. Нужно читать: из негоже сѡ слаѡж вѡскрѣ Хл. 149а—24. Ошибка объясняется тем, что буква о в конце строки иногда закрывается корешком отрезанного листа, ж на новой строке.

¹¹² Там же, стр. 24.

предлогов — стъз тѣпѣж 103а—34, ѿ канѣж 114а—250, и в именном употреблении зачало вѣсѣтѣж тѣж 173—29—30; реже обратное явление — флексия -ы в винительном падеже: и поспѣлѣ прѣстѣж глагы скож 90—34. Смешение этих форм в памятнике объясняется смешением букв ы — ж — ѣ, имеющих равное звуковое значение в говоре писца¹¹³.

13.7. Рассмотренная нами омоимия форм винительного, родительного и творительного падежей в некоторых памятниках осложняется смешением этих падежей с именительным. Это находим в памятниках, отражающих говоры, в которых ж по звучанию приближается или совпадает с а. Так, во Врачанском евангелии представлено смешение форм именительного и винительного падежей единственного числа в существительных женского рода, например, вместо: кидѣ тѣцѣж емоу лежѣж и болацѣж Сав. 34 Мө, VIII, 14; во Врачанском ев. находим: пришла їсѣ ка дома петрока кидѣ тѣца емо лежѣца огньма жегома Врач. л. 50б ицѣла ксакз нежѣж и ксакж азж ка мюдѣхз Сав. 32, Мө, VII, 23; їсѣ... ицѣлаж ксѣкаї нежѣж и ксѣка жза ка мюдѣхз Врач. л. 48б.

Наряду с употреблением форм именительного падежа вместо винительного, широко представлена обратная замена: употребление форм винительного па -ж вместо именительного, например: е грѣдѣга годнѣж XVI 32; Врач. л. 42а. аце оубо скѣта иже ка тѣвѣ тѣмж вѣтѣ /то тѣма колами/ Врач. л. 49б. В Саввиной кн.: аце ли скѣта иже ка тѣвѣ тѣма етѣ то тѣма колами Сав. 33, Мө, VI, 23; за не, тѣорига ми трѣда к'докицѣ сиѣ да мацѣж еж Врач. 93б, в соответствии с чем в Саввиной читаем: зане тѣорига ми трѣудз к'докица си да мацѣж еа Сав. 65, Лук. XVIII, 5; да не чюг(ти) шѣницѣ тѣож что тѣорига дѣсницѣ тѣож Врач. л. 103а Мө, VI, 3. В Саввиной шѣца тѣога; дѣсница тѣога (л. 71).

Аналогичные явления наблюдаются и в ряде других памятников. Так, И. Дуриданов приводит подобные примеры из Битольской триоди, Загребского октоиха, Хлудова паремийника, Добрейшева евангелия, Банского евангелия, Орбельской триоди XIII в., Хлудовской триоди, Синайского патерика и нек. др.¹¹⁴.

Смешение форм именительного и винительного падежей при переходном глаголе может создавать двусмысленность, например: іако же бо розгж не можѣга стѣориги о сѣвѣ аце не вѣдѣга на лозѣ Йо. XV, 4, Врач. л. 138а (174), вместо: іако же бо розга не можѣга плода тѣориги о сѣвѣ аце не вѣдѣга на лозѣ Сав. 27.

Смешение форм именительного и винительного падежей во Врачанском евангелии отчасти является результатом звукового

¹¹³ Там же, стр. 22; Л. М и л е т и ч. Интересен среднобългарски наметник от XIII век. — ПС, 1905, т. LXVI, св. 1—4, стр. 106.

¹¹⁴ И. Д у р и д а н о в. Указ. соч., стр. 240—243.

совпадения ж и а в говоре писцов, что нашло отражение в смешении соответствующих букв. Данное смешение представлено не только в формах именительного—вишительного падежей единственного числа, но также в других категориях слов, например, в 1-м лице глагола настоящего времени: десатинѣ аѣа кѣсего елико прѣтажѣ Врач. 94а; десатинѣ аѣа кѣсего елико прѣтажѣ Сав. 65, Л. XVIII, 12. Как отмечает Б. Цонев, «посовой ж так часто заменяется а или ѣа, что почти на каждой странице встречается по несколько примеров»¹¹⁵.

Смешение форм именительного и вишительного падежей Цонев не рассматривает, однако, как чисто фонетическое явление. «Эта замена, — пишет он, — подкреплялась синтаксическим смешением падежей, начало которого относится еще к XIII в., и именно употреблением вишительного падежа единственного числа существительных женского рода а-основ вместо именительного, т. е. генерализацией вишительного падежа. Значительное число замен между ж и а или ѣа, как и между а и ѣа обязано именно этой генерализации; так объясняются особенно те случаи, где ж замещает а под ударением у существительных женского рода: изыде краѣа и коѣа 173^а, понеже цѣнѣа краѣе ѣ 151^б, ѣнѣ аѣа мож кѣз'мѣти са 34^а, бѣдѣа бо бѣдѣа бѣанѣа на зѣмѣ 100^а, та изѣа (аѣа) ничѣа же не можѣа изѣти 100, бѣ же пѣцѣрѣа и каменѣа 114^а. Этой же синтаксической заменой объясняются примеры: нѣбо и зѣма мѣмонѣдѣа 66^а, 100^б, 173^б, зѣмаа потрѣа са 131^а, 156^б, зѣмаа зѣклонѣа вместо зѣклона (-зѣкоулона), зѣмаа нѣфта-лимаа, где опять среднеболгарская флексия вишительного -а заменяет среднеболгарскую флексию именительного -ѣа»¹¹⁶.

Аналогичные явления характерны для группы памятников, примыкающих к Врачанскому евангелию по судьбе ж и а¹¹⁷.

¹¹⁵ Б. Цонев. Врачанско евангеле. ., стр. 23. — Там же и на след. стр. приведены примеры этой замены в разных категориях слов. «Замена посовых чистыми гласными в столь многочисленных случаях, как это можно видеть из приведенных выше примеров, — замечает Б. Цонев, — не может быть объяснена иначе, как тем, что переписчик Врачанского евангелия не произносил их как посовые, а приравнивал в своем произношении к наиболее близким чистым гласным а и ѣ (-'а). Эта замена была особенно легкой в безударных слогах, какими... являются крайние слоги у существительных, прилагательных и у глаголов» (Врачанско ев. ., стр. 39, 40).

¹¹⁶ Б. Цонев. Врачанско евангеле. ., стр. 40; Он же. История. ., т. 1, стр. 40.

¹¹⁷ По поводу перехода ж — в а в западноболгарских говорах Цонев пишет следующее: «нет сомнения, что она (вторая вокализация. — Е. Ч.) появляется в болгарском языке через несколько веков после первой, а письменно засвидетельствована только с конца XIII в. Не следует сомневаться в том, что вторая вокализация является свойством самого болгарского языка, а не отражением сербского влияния, как это полагает Вукчевич (Vukčević. Jezik u Kerečkom s udiljnim obzirom na opće macedonizme. «Rad», кн. 145, стр. 119). Г-н Вукчевич не учел того, что вторая болгарская вокализация касается главным образом звука ж, который в

В их числе Б. Цонев называет Михановичев Октоих из Загребской Академии, описанный Ягичем, и Лобков или Хлудов Паремийник. В отрывках, приводимых Срезневским из Хлудова паремийника читаем: написа са книгѣ сиа рѣкож многогѣшнож.

Приведем еще несколько примеров из первых пятнадцати листов рукописи Хлудовского паремийника № 142 на употребление формы именительного вместо винительного. простѣрта же монси рѣка на море л. 8; рѣ же гѣ ка монси простѣрти рѣка тѣко на море л. 8; хоцеш ли да ти призож женѣ допаница ѿ екрен л. 12 об.; сиа моа келикаа жже послѣха на кы л. 15 об.; казѣтѣти ка жѣцѣхѣ сѣа его л. 14. и прижѣ нѣна мѣлоа скоа и сѣа л. 10; После предлогов: и оудари кѣ кода и растѣпи сѣа сѣдоу и сѣдоу л. 10 об.; ѿтѣди ка земаѣ бытиа тѣкого л. 12 об.;

Флексия именительного -а на месте родительного -а зафиксирована после ц. Например: Ис чѣрка прѣжде денница роди л. 5 об; и напѣната гоумна пшеница л. 15 об.; Переходной ступенью могут быть ж на месте а после ц и соответственно форма винительного вместо родительного, например: да изидѣ женихѣ изѣ ложницѣ скоа л. 15.

Впрочем, ж вместо а после ц в памятнике появляется не регулярно, например, и да оустроит сѣа кода и да покриетѣ египтѣни и колесница же и казѣдники 7 об. Это позволяет допустить и синтаксическое объяснение появления форм именительного на месте родительного падежа, т. е. предположить, что в памятнике отражен говор, в котором именительный падеж вытесняет винительный в роли общей падежной формы. Об этом свидетельствуют колебания в употреблении форм винительного и именительного падежей. Например, паряду с формой винительного множественного колесница в том же примере находим: и да оустроит сѣа кода и покриетѣ египтѣни и колесници же и казѣдники л. 8, где форма колесници является поздней, аналогически развившейся формой именительного множественного. Формы именительного вместо винительного множественного встречаются в памятнике и в существительных мужского рода, например: и казѣдама кама за лѣтаа жже поташе рѣзѣи и хрѣстоке л. 15 об.

Очевидно, смешение форм винительного и именительного падежей также не может найти исчерпывающего объяснения в предполагаемом звуковом совпадении форм. Мы вернемся к этому вопросу в связи с рассмотрением изменений в функционировании винительного падежа в среднеболгарский период.

одном сербском говоре не проявляется в а, и что, кроме того, ни один сербский говор не соприкасается с нашими центральными говорами, чтобы оказать на них влияние» (Б. Цонев. История. ., т. 1, стр. 502—503).

Часть II

ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ ФУНКЦИИ МЕЖДУ ПАДЕЖАМИ В СРЕДНЕБОЛГАРСКИЙ ПЕРИОД

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Во II части книги рассматривается история отдельных падежей. В центре внимания стоят вопросы падежного синтаксиса, изменения в употреблении падежей, приведшие к утрате родительного, творительного и локатива в среднеболгарский период и изменению функций сохранившихся падежей дательного и винительного.

Утрата падежей родительного, творительного и локатива относится к среднеболгарскому периоду, так как в языке новоболгарской письменности эти падежи как живые уже не функционировали. Задача исследователей сводилась к тому, чтобы проследить, как утрата этих падежей в живом языке писцов отразилась в текстах церковнославянских памятников, и на основе этих наблюдений сделать возможные заключения о стадиях и хронологии этого процесса. Имеется две большие работы, в которых сделана попытка ответить на эти вопросы. Это исследование К. Мейера 1920 г.¹ и И. Дуриданова — 1956 г.² В этих работах с достаточной полнотой рассмотрены соображения и теории по данному вопросу, высказанные языковедами ранее, что освобождает нас от необходимости давать специальный исторический обзор.

Работа К. Мейера — первое специальное исследование данного вопроса, рассматривающее большой материал разночтений евангельских и псалтырных текстов старославянского и среднеболгарского периодов. И хотя автору, по признанию критиков, не удалось дать убедительного ответа на основной вопрос, который более всего занимал умы ученых в то время и позднее — вопрос о причинах перехода от синтетизма к аналитизму, тем не менее

¹ К. Н. Мейер. Der Untergang der Deklination im Bulgarischen. Heidelberg, 1920.

² И. Дуриданов. Към проблемата за развоја на българския език от синтетизъм към аналитизъм. «Годишник на Софийския университет», т. LI, ч. 3. София, 1956.

труд его и до сих пор не утратил своего значения, так как автор впервые проследил и показал на большом материале ряд важнейших изменений, происшедших в синтаксисе падежей церковнославянского языка среднеболгарского периода.

Если в этих изменениях и нельзя видеть «непосредственный толчок, который привел к потере склонения в болгарском языке»³, то не менее важно другое: они, несомненно, характеризуют основные синтаксические процессы, в русле которых происходит преобразование болгарской падежной системы. Это, во-первых, развитие предложного употребления падежей за счет беспредложного. Именно этим путем и шло в основном вытеснение локатива и творительного. Правда, предложное употребление падежей развивалось и в других славянских языках, но, вероятно, не столь интенсивно, а, главное, там оно не сопровождалось другими процессами, прослеженными К. Мейером в среднеболгарском, а именно, утратой различия падежей места и направления (что нашло проявление в первую очередь в смешении локатива и творительного с винительным при предлогах локального значения). Другая тенденция, также определившаяся в среднеболгарском, — это тенденция победы винительного, что открыло ему путь к проникновению в предложные конструкции с другими значениями и с другими падежами.

Хотя не все эти положения являются открытием К. Мейера, заслуга его заключается в том, что он проследил эти процессы на большом количестве однородных текстов, что придало убедительность его материалу, и изложил все это в определенной системе. Свои положения автор иллюстрирует материалом из обследованных текстов, которые полностью приводятся в книге. Полное приведение материала дает читателю возможность самостоятельно судить о степени обоснованности каждого положения автора, а также использовать этот материал для проверки собственных наблюдений. Вместе с тем книга дает ясное представление о синтаксических процессах, характеризующих определенный круг памятников, т. е. кладет начало систематическому исследованию среднеболгарских памятников, которое является необходимым условием воссоздания подлинной истории склонения в болгарском языке.

В работе И. Дуриданова привлекается более разнообразный круг источников, однако материал из них извлекается лишь выборочно. Правда, благодаря широкому привлечению источников, Дуриданову удалось показать, что рассматриваемые процессы находили в среднеболгарских памятниках повсеместное отражение, а также рассмотреть ряд явлений, особенно в области образования форм, которые в евангельских и псалтырных текстах дают

³ И. Дуриданов, Указ. соч., стр. 102.

значительно меньше отклонений в сторону живого произношения, чем в других памятниках.

Считая существенным недостатком книги К. Мейера то, что он «ограничился задачей проследить прежде всего процесс расширения предложного употребления падежей в болгарском языке XII—XV вв., не показав, как общая форма вытесняет падежи в отдельных случаях их употребления»⁴, И. Дуриданов пытается восполнить этот пробел. Кроме того, он прослеживает связь между древнеболгарским и среднеболгарским языками, показывая, что начало многих изменений, широко представленных в среднеболгарских памятниках, можно наблюдать в виде отдельных примеров и в древнеболгарских текстах.

В целом же работа И. Дуриданова носит обзорный характер, так как автор пытается рассмотреть весь круг проблем, связанных с переходом от синтетизма к аналитизму. Подытоживая все, что сделано в этой области до него и дополняя уже известные факты рядом собственных наблюдений, он излагает этот материал в свете своей концепции о внутривидовых противоречиях как движущем факторе, обусловившем переход от синтетизма к аналитизму.

Работа И. Дуриданова показывает, что наука располагает известным количеством фактов, позволяющим составить общее представление о ходе процесса. Однако дальнейшее продвижение вперед в разработке данного вопроса невозможно без привлечения новых материалов и направления внимания исследователей на новые стороны проблемы. Так, до сих пор не обращалось внимания на диалектные различия. Дальнейшая конкретизация истории падежной системы в среднеболгарский период требует исследования диалектных особенностей, отраженных в памятниках, в первую очередь, изучение различий памятников, принадлежащих двум большим культурным центрам того времени, Охридской и Тырновской школам.

В 1964 г. вышла книга молодого польского лингвиста Е. Русека, посвященная описанию падежной системы в Хлудовской триоди XIII в. Его исследование показало, какой богатый и подчас неожиданный материал таят в себе рукописи среднеболгарского периода. Эта работа является убедительным подтверждением того, что воссоздание истории болгарского склонения нуждается не только в новой интерпретации уже известных фактов, которую в той или иной мере дает каждый новый исследователь, но прежде всего в привлечении новых материалов, которые пока еще далеко не исчерпаны.

В соответствии с основной задачей, поставленной в нашей работе, — проследить историю падежного синтаксиса в языке восточноболгарских памятников, исследование истории косвенных

⁴ И. Дуриданов. Указ. соч., стр. 101 (17).

падежей — дательного, локатива, творительного и родительного строится на материале Супрасльской рукописи, Саввиной книги и Норовской псалтыри, текст которой последовательно сопоставляется с текстом Болонской псалтыри. Таким образом, в этих главах (I, II и III) отражено также состояние падежного синтаксиса в памятнике Охридской школы первой половины XIII в. Круг привлекаемых материалов расширяется в IV главе, посвященной винительному падежу, который в истории болгарского склонения выступает как падеж, вытесняющий другие падежи. В этой главе наблюдения предшествующих глав, сделанные на материале псалтырей Тырновской и Охридской школы, рассматриваются в аспекте судьбы винительного падежа и сопоставляются с материалом памятников, отражающим другие диалектные особенности. В Норовской и Болонской псалтырях нет смешения форм именительного и винительного падежей, поэтому они не дают достаточного материала для рассмотрения вопроса о формировании общей падежной формы.

Норовская псалтырь отражает говоры, где смешения форм винительного и именительного падежей в существительных женского рода, видимо, вообще не было. До сих пор в районе Тырнова и прилегающих областей существуют говоры, различающие в существительных женского рода формы винительного и именительного падежей⁵. Болонская псалтырь отражает говоры, в которых смешения этих форм в первой половине XIII в. еще не было. В более поздних памятниках юго-западного происхождения (Хлудовская триодь конца XIII—XIV вв., Орбельская триодь второй половины XIII в.)⁶ эта черта уже наблюдается. Для рассмотрения вопроса о формировании общей падежной формы привлечен материал неизданных рукописных памятников XIII—XIV вв.: Евангелие Верковича Qп 1—23, Синайский Златоуст Qп 1—56, Орбельская триодь Гп 1—102, хранящиеся в Ленинграде в б-ке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Хлудовский паремийник № 142, хранящийся в б-ке Исторического музея в Москве.

Основным объектом нашего исследования является Норовская псалтырь (Уваровское собрание № 285 Исторического музея в Москве). Псалтырь написана на пергамене, в четверть, уставом и полууставом (прибавления) XIII в. болгарского письма, 267 л. Состав текста: л. 2—12, Псалмы избранные. С 13 л. текст псалтыри. Норовская псалтырь — псалтырь следованная. Псалтырь разделена на кафизмы. После каждой кафизмы помещены тропари и молитвы. На л. 1 полууставом пасхальные числа, л. 1 об. запись по-сербски 1701 г., л. 2 киноварью: «Псалмы избраны стихи вину имущу когаждо праздника». Внизу страницы надпись, сделанная

⁵ Български диалектен атлас, II. София, 1966, карты № 114—120.

⁶ Дата Орбельской триоди определена В. Н. Щепкиным («Болонская псалтырь»). СПб. 1906, стр. 59, 60).

А. С. Норовым: «Псалтырь приобр. в монаст. Св. Савы в Палестине 1835 апр. 16», л. 13. Заставка красками с изображением (в кругу) двух зверьков. Под ней киноварью и вязью: «Давида пророка и царя пѣснь». Заглавная буква фигурная (красками) заглавные буквы у всех псалмов киноварные⁷.

Сличение текста Норовской псалтыри с Болонской представляет интерес еще и в том отношении, что прототипом Болонской псалтыри являлся, по мнению В. Н. Щепкина, восточноболгарский оригинал начала XIII в., принадлежащий Тырновской школе.

«Болонская псалтырь, — пишет В. Н. Щепкин, — должна быть отнесена к возрождавшейся Охридской письменности времен Асеня II: она возникла в промежутке времени между Клокотницкой битвой и смертью Иоанна Асеня (1230—1241)».⁸ И далее: «Болонская псалтырь отражает в себе сравнительно кратковременную эпоху болгарского господства в Охриде. До нас дошли как бы два радиуса, которым центром служила Тырновская школа XIII в. Центр этот исчез для нас, но радиусы могут быть сведены только к нему»⁹. Итак, оригиналом Болонской псалтыри могла служить не сохранившаяся псалтырь Тырновской школы начала XIII в. Если это так, то архаические явления в синтаксисе падежей, отличающие Болонскую псалтырь от Норовской конца XIII в. были, видимо, свойственны и тырновскому оригиналу Болонской псалтыри. Таким образом, сопоставление двух памятников дает не только диалектную, но и хронологическую перспективу.

Оба памятника написаны грамотно, не содержат ошибок в образовании форм и тем не менее позволяют проследить большие сдвиги в употреблении падежей, совершившиеся в течение XIII в. Именно в этот период и произошли решающие изменения, определившие переход от синтетизма к аналитизму.

Сопоставление древнеболгарской падежной системы и системы падежей современного болгарского языка позволило выявить различия в функциях и употреблении сохранившихся падежей, а затем в перспективе этих изменений рассмотреть факты среднеболгарского языка.

⁷ Лео н и д. Описание рукописей гр. Уварова, т. 1, стр. 8—9 (рукопись).

⁸ В. Н. Щ е п к и н. Указ. соч., стр. 7.

⁹ Там же, стр. 51.

ИЗМЕНЕНИЯ В УПОТРЕБЛЕНИИ И ФУНКЦИЯХ ДАТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

1. Первая наша задача состоит в выяснении различий в функционировании и значениях дательного падежа в шестипадежной системе древнеболгарского языка и в трехпадежной системе современного болгарского языка. Мы попытаемся определить, как эти различия связаны с наличием еще трех объектных падежей в древнеболгарской падежной системе, а также с той особенностью современного болгарского языка, что в нем падежная форма представлена только в местоимениях.

Мы рассмотрим далее, какие из этих изменений зафиксированы уже в памятниках среднеболгарского периода, в первую очередь в Норовской псалтыри — восточноболгарском памятнике XIII в.

Мы начнем наше рассмотрение с тех условий употребления дательного падежа, которые являются общими для древнеболгарского и современного болгарского, а именно с употребления его в синтагматическом противопоставлении именительному и винительному падежам.

Данный порядок рассмотрения вполне целесообразен и с точки зрения решения других задач исследования, так как здесь будет рассмотрено соотношение дательного с падежами, которым он в системе древнеболгарского склонения наиболее четко противопоставлен по форме. Вместе с тем дательный в древнеболгарском наиболее часто употребляется именно в синтагматическом противопоставлении обоим этим падежам или одному именительному. Таким образом, мы начнем свой анализ с наиболее типичных случаев употребления дательного падежа.

1.1. В современном болгарском языке позиция противопоставления дательного падежа именительному и винительному, представленная при переходных глаголах, является позицией максимального противопоставления падежей. В этой позиции именительный всегда выступает в функции субъекта действия, винительный — в функции объекта действия, дательный — в функции воспринимающего объекта. Дательный воспринимающего

объекта при переходных глаголах в зависимости от значения глагола может иметь значения адресата или предназначения. Функция воспринимающего объекта со значениями адресата или предназначения известна также и древнеболгарскому языку.

Как и в современном болгарском языке, дательный адресата может обозначать в древнеболгарском адресат предоставления, адресат сообщения и адресат причинения¹.

1.2. Адресатом предоставления является объект, которому действующий субъект вручает или предоставляет что-либо. Например: и прѣлома дастъ оученикомъ хлѣбы а оученици народомъ (Сав. 39, Мѡ. XIV 19); даде еси его брашно людемъ еѡтопско Нор. 121—5; они же принесоша емѸ пѣназа Сав. 46, Мѡ. XXII, 19; кзнесеж тебѣ кѡзы съ кѡзлы Нор. 106—2.

В отличие от современного болгарского языка, где в роли воспринимающего объекта, обозначенного дательным падежом, всегда выступает предмет одушевленный, в древнеболгарском возможен здесь и неодушевленный, хотя конструкции с неодушевленным существительным встречаются значительно реже. Например: огню прѣдати ѿ поклѣ Супр. 213—14; да бы.. посладеа земли ихъ азъжъ Супр. 529, 27—29; и прѣдаде градоу скоты ихъ и нмѣние ихъ ѡгнеки Нор. 131а—3, 4; ѡгню Бол. 77—48.

Однако и в древнеболгарском дательный является преимущественно личным падежом. По поводу этого А. Б. Правдин замечает: «Одной из особенностей дательного падежа в функции приглагольного дополнения, давно уже отмеченной в языкознании, является то, что в нем стоят в большинстве случаев имена существительные, обозначающие лиц, или личные местоимения. Дательный падеж — личный падеж»².

А. Б. Правдин отмечает дательный предоставления в старославянском при глаголах даяния: дати, вѣдати, кздати, издати, подати, прѣдати; при глаголах предоставления, вручения, передачи: кзбратити, дарзѣткѡвати, оставити (кзъа дѣгъ тѡи оставихъ тебѣ Сав. 44 Мѡ XVIII, 32), отъпустиити, поуѣтити, (тѣгда прѣстиша ѡмоу три сѣта зѡгичъ Супр. 518, 11—12); при глаголах, значение которых связано со значением пространственного передвижения, например: нести, принести, привести, слати, поможити и т. п. Объект действия при этих глаголах может быть

¹ Эти значения подробно описаны А. Б. Правдиным в статье «Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках» («Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. 13, 1956). Материал современного болгарского языка был рассмотрен нами в работе «Падежи и предлоги в современном болгарском литературном языке», а также в статье «Дательный падеж в современном болгарском языке и синонимичные предложные конструкции» (сб. «Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов». София, 1957, стр. 47—56).

² А. Б. Правдин. Указ. соч., стр. 25.

выражен как неодушевленным, так и одушевленным существительным. То же и при глаголах со значением поручения, подчинения: *поръчити, обръчити, обхътигати*.

Нам кажется спорным отнесение к адресату-предоставления примеров с дательным падежом при глаголах пожелания, намерения, например, *хотѣти: мы не хощемъ твоѣ зла* Супр. 259—3; *не хотанъ смърати гѣхъшномуу* Гр. Б. л. 277—2; а также при глаголах отрицания: *стѣти, отрѣшати* (подробнее об этом в разделах о дательном причинения и предназначения).

В литературе о дательном неоднократно отмечалось, что значение адресата предоставления является наиболее устойчивым значением дательного падежа, почти не имеющим конкурирующих конструкций с предлогами или другими падежами.³

А. Б. Правдин справедливо замечает, что «дательный падеж адресата предоставления сохранился в современном русском языке и в других славянских языках как один из основных типов приглагольного дательного падежа»⁴. Это в полной мере относится и к современному болгарскому языку.

1.3. Дательный адресата сообщения, обозначающий лицо, которому адресовано какое-либо сообщение, также относится в древнеболгарском, как и в современном болгарском языке и в других славянских языках к числу «основных типов приглагольного дательного падежа»⁵.

Однако в отличие от дательного адресата предоставления дательный адресата сообщения имеет более богатую синонимику. В древнеболгарском это в первую очередь конструкции с предлогом *къ*, в которых, по справедливому замечанию А. Б. Правдина, «дательный с предлогом *къ* используется в полном соответствии с беспредложным дательным адресата сообщения»⁶. Например: *епискоупъ же синини оучаше глагола къ христовомъ рабомъ* Супр. 221—1; *помоли сѧ оубо за ма къ богоу* Супр. 222—15; *вѣхъжъ во мнози молаште сѧ о нѣю къ богоу* Супр. 6—5. Правдин отмечает дательный с предлогом *къ* при старославянских глаго-

³ «Форма дательного падежа — основное и, в сущности, единственное грамматическое средство обозначения лица, которому нечто предоставляют. . . , — пишет А. Б. Правдин. — Поэтому синонимика дательного падежа адресата предоставления в старославянском и древнерусском языках весьма небогата. Из средств падежного синтаксиса, способных выражать близкие значения и заменять в известных случаях дательный падеж адресата предоставления, можно указать лишь на сочетание этого же падежа с предлогом *къ*» (указ. соч., стр. 49). А. Б. Правдин объясняет это тем, что «пространственный и объектный оттенки значения при глаголах доставления сближаются: лицо, которому предоставляют что-либо, вместе с тем бывает часто и лицом, пространственная близость к которому достигается в результате действия предоставляемым предметом» (указ. соч., стр. 50).

⁴ А. Б. Правдин. Указ. соч., стр. 52.

⁵ Там же, стр. 56.

⁶ Там же стр. 54.

лах глаголати, рѣшати, вѣствовати, възпити, отвѣщати, възвѣстити⁷. В современном болгарском языке конструкции с предлогом *към* в данном значении не употребляются.

А. Б. Правдин указывает дательный адресата сообщения при глаголах сообщения (устного письменного, неопределенного): благовѣстити, глаголати, извѣстити, възвѣстити, отвѣщати, сказати, възскажѣти, писати, повѣдати, проповѣдати, исповѣдати, рѣшати (прорѣшати, прѣрѣкати), вѣствовати, сѣлзгати, изсѣжѣти, (ежекоже ми аште вѣсѣжѣти бога Супр. 299, 19—20), наставѣти (дѣлакоз наставѣтиз ѿмоу отъчаанѣ помысли Супр. 523, 17—18), советѣвати, възпомѣнѣти, показати, обличити 'разъяснить', отвѣрити.

В отличие от А. Б. Правдина мы рассматриваем как адресат сообщения также дательный и при глаголах поощрения и припятствования: келѣти, пожелѣти, възбранити, бранити, заповѣдати, запрѣтити, прѣтити, зарѣшати, поскольку значение повеления или запрещения характеризует содержание сообщения, и лицо, которому оно адресовано, должно воспринять приказание прежде чем его выполнить.

В связи с этим выделение значения дательного адресата поощрения или припятствования в отдельную рубрику нам представляется излишним⁸.

Далее, мы не можем не согласиться с Р. Мразеком, который пишет: «В случаях типа *понтѣ нам ꙗко г(оспо)да ѿж Клоц. 7а.27*, где уже отсутствует момент сознательной передачи информации, имеем дело с дательным предназначения (*commodi*)»⁹.

Дательный адресата сообщения всегда представлен одушевленным существительным, преимущественно лицом. Винительный падеж при глаголах сообщения образован от неодушевленных существительных. Это может быть существительное, указывающее форму или содержание высказывания. Например: и никтоже ѿмоу можеше откѣпати слоко Сав. 47. Мѡ. XXII 46; и аз истинѣ камаз глѣз Сав. 105. Іо. XVI, 7; мати же ѿго... иде... повѣдати ѿмоу своѣз вѣдѣз Супр. 43—29; Крѣпостѣ дѣла своѣ възвѣстити людемз своѣмз Нор. 188а—12.

При глаголах, рассчитанных на зрительное восприятие, это может быть конкретный предмет, например: и покажѣ камаз мѣсто Супр. 145—22, ги покажи намз оца Сав. 100, Іо. XIV, 8.

⁷ А. Б. Правдин. Указ. соч., стр. 53.

⁸ Трактовка примеров с глаголом *попущити* как дательного препятствования: *многѡмоу трудоу предѣжити са попущити* Супр. 529, 7—8; является ошибочной, так как дательный относится к глаголу *предѣжити* са, а не к глаголу *попущити*, и дательный выступает здесь в функции субъекта. То же и в русских примерах, то же в примерах с глаголом *благовословити*: *и ѿзъ томоу священнику не благовословѣти сѣужити в своей архиепископѣ* (А. Б. Правдин. Указ. соч., стр. 45).

⁹ Р. Мразек. Дательный падеж в старославянском языке. — Сб. «Исследования по синтаксису старославянского языка». Прага, 1963, стр. 239, примеч.

При глаголах, обозначающих запрещение, повеление, винительный падеж указывает на действие, подлежащее запрещению, например: *се заповѣдаѣ камъ да любите дрѣга дрѣга* Сав. 103, Io. XV, 17, *аще ли хощѣши ино похѣти намъ* Супр. 37—19; ...*елико же имъ запрѣцаетъ...* Сав. 77 Марк. VII, 36; и *принеси за очищение твое еже похѣтъ мои къ създѣтелство имъ* Сав. 75, Марк. I, 44.

Содержание сообщения может передаваться не только винительным падежом. А. Б. Правдин отмечает, что «винительный падеж прямого дополнения при этом нередко отсутствует; то, что сообщают лицу, выражается здесь сочетанием местного падежа с предлогом *о* или винительного с предлогом *про*, или же дополнительным придаточным предложением»¹⁰.

1.4. Дательный адресата причинения обозначает лицо, которому в результате данного действия что-либо причиняется. Как и в современном болгарском языке, в древнеболгарском при переходных глаголах возможны три ситуации, создающие значение адресата причинения.

1) При глаголах *творити*, *сътворити* с винительным внутренне-го объекта отвлеченных существительных. Например: *къжъ свѣдѣ намъ сътворѣхше тако мѣниши* Супр. 50—5; *послаа юго заповѣдаѣ ни единому мимондѣшнихъ пѣтѣмъ пакости сътвори* Супр. 558—15; *не оубоѣ сѧ что сътворитъ мнѣ члѣкъ* Нор. 94а—1, 2 (Бол. 55—12).

Синонимом подобного сочетания глагола с винительным может быть иногда переходный глагол, например, *творити вѣдѣ* — *вѣдити кому* и т. п.

Это подтверждается разночтениями, например: *іако гѣ добро створи тебѣ* Бол. 114—7b; *іако гѣ, благоуствѣсѣ тебѣ* Нор. 192а—10, 11; *Іако же кѣгда ѡни ѡгавѣ творѣхъ ми ѡблѣчахъ сѧ въ вѣтѣште* Бол. 34—13; *ако же кѣгда ѡни ѡгавѣстѣвати мѣ ѡблѣчахъ сѧ вѣтѣще* Нор. 58—7, 8.

2) При глаголах, выражающих какие-либо действия, направленные на часть тела данного лица, обозначенную винительным внешнего объекта. Например: *аще оубо оумѣхъ азъ камъ нозѣ гѣ и оучитель* Сав. 94, Io. XIII, 14; *сказавше имъ рѣцѣ и нозѣ похѣтиа поуѣтити къ странѣ срацинѣстѣ* Супр. 57—20; *ако да тѣмъ оумола, ѡчѣтити ми скверниѣ срадечнѣ* Нор. 64а—1, 2; *кзсѣтаки ми оудѣ...* и *жикотвори ми дѣшѣ* Нор. 66а—12, 13; *тѣмъ же свѣршила еси мнѣ* Нор. 70а—8.

Значение адресата причинения создается здесь благодаря отношению органической принадлежности, связывающей объект действия и воспринимающий объект.

¹⁰ А. Б. Правдин. Указ. соч., стр. 36.

3) Третий случай адресата причинения находим при так называемых глаголах отнимания, действие которых направлено на предмет, принадлежащий лицу, обозначенному дательным падежом. Например: *нѣстѣ доврѣ отати хѣба чадомъ и покрѣсти пакомъ* Сав. 66. Мѡ., XV, 26; *не покорикъшемъ сѧ отзати погасы и кониастко* Супр. 73—27.

Как во втором, так и в третьем случае воспринимающий объект и объект действия связаны отношениями принадлежности. Лицо, обозначенное дательным падежом, становится адресатом причинения в силу того, что действие либо направлено на часть его тела, либо лишает его предмета, ему принадлежащего¹¹. Последний тип дательного причинения в современном болгарском развит шире, чем в древнеболгарском, где с ним конкурировал родительный с предлогом *отъ* или с предлогом *у*¹².

В Норовской псалтыри отмечен пример дательного причинения третьего типа при глаголе *лишити* в соответствии с родительным в других текстах псалтыри: *гѣ не лишитѣ блага хощащѣмъ къ незлобѣ* Нор. 140—3—5; *гѣ не лишитѣ доврѣ хощащѣхъ незлобѣ* Бол. 83—12с.

1.5. Таким образом, все типы дательного адресата, имеющиеся в современном болгарском языке, представлены и в древнеболгарском. В значении дательного адресата выступает обычно одушевленное существительное, в то время как прямой объект выражен чаще неодушевленным существительным. Можно установить зависимость разнородности дательного адресата от характера прямого объекта. Существительные с отвлеченным значением выражают прямой объект либо в конструкциях с адресатом сообщения (обозначение содержания высказывания), либо в конструкциях с адресатом причинения (обозначение эффекта вредного или полезного действия).

Предмет, обозначенный прямым объектом, находится в различном отношении к адресату в конструкциях с дательным предоставлением и дательным причинением: в первом случае данный предмет в результате действия поступает во владение или распоряжение адресата, во втором — предмет, который подвергается действию, является принадлежностью адресата.

2. Все три рассмотренные значения адресата дательный падеж может иметь в противопоставлении одному именительному падежу, как при переходных, так и при непереходных глаголах.

2.1. Дательный адресата предоставления в противопоставлении одному именительному употребляется реже, чем в противопоставлении двум падежам. При переходных глаголах это могут

¹¹ Близость этих типов справедливо отмечалась Р. Мразеком (указ. соч., стр. 238).

¹² См.: К. И. Ходова. Система падежей старославянского языка. М., 1959, стр. 86.

быть случаи, когда дополнение выражено глаголом; например: *дадите кы имъ исти* Сав. 39 Мө. XIV, 16.

При непереходных глаголах на *са* предоставляемый в распоряжение адресата предмет обозначен именительным падежом, например: *да не рекътъ... намъ прѣдалъ са ей* Нор. 65—3; *дастъ са ёмоу ѿ злата аррабийска* Нор. 117—13; *сего ради оставитъ чакъ оца и мѣръ и приложитъ са ей* Сав. 42 Мө. XIX, 5.

Нетрудно обнаружить параллели конструкций с дательным адресата предоставления при переходных глаголах и образованных от них непереходных с частицей *са*, например: *на кѣакъ дѣа великъ окъчаи кѣ гемону отапуцати народоу съказана, егоже хотѣхъ* Сав. 116, Мө. XXVII, 15; *отапуцайтъ ти са грѣси твои* Сав. 48, Лук. V, 20; *иънаа ёси людемъ своимъ жестока* Нор. 98—4, 5; *приждъ и ѿблаа са лицуу вноу* Нор. 72а—16.

Иногда в качестве адресата предоставления и здесь возможно неодушевленное существительное, например: *и отаждѣ оуже прѣдати са мѣкамъ* Супр. 70—6. Ср. при переходном глаголе: *не покинуйтѣ са же са горѣкамъ и различанамъ мѣкамъ прѣдати* Супр. 255—8.

2.2. В отличие от адресата предоставления, дательный адресата сообщения чаще встречается в конструкциях, где он противопоставлен одному именительному падежу, например: *отъкѣштакъ же епискоупѣ глагола имъ шъдѣше поклѣдиге комитоу каше-моу* Супр. 222—21, 22; *да испокѣдат са гки мѣти ёго ѿ чоудеса ёго своимъ члвческимъ* Нор. 179а—12; *и рѣгахъ са ёмоу народи* Сав. 53 Лук. VIII, 53; *рече господѣи застѣпникъ мои иеси тѣ* Супр. 70—21.

Содержание сообщения может быть выражено при этом инфинитивом, например: *и поскѣтъ ѿ народѣ казлеци на земли* Сав. 40, Мө. XV, 35; конструкцией с частицей *да*: *и молихъ са оученикомъ твоимъ да иждѣйтъ* Сав. 55, Лук. IX 40; придаточным предложением: *казѣтѣиша же имъ видѣвшии како спѣ са въсыгы* Сав. 54, Лук. VIII, 36; *И нѣю съвѣдѣтелствуюжъ тебѣ яко бѣ твои есмъ азъ* Бол. 49—7bc.

Содержание высказывания может быть выражено также конструкцией локатива с предлогом *о*, например: *да никомуже не глѣтъ о немъ* Сав. 78, Марк. VIII, 30.

Дательный адресата сообщения в противопоставлении одному именительному возможен также при глаголах, обозначающих действия, рассчитанные на зрительное восприятие, например: *идѣте покажете са иересомъ* Сав. 61, Лук. XVII, 14; *В оное чакъ единъ пристѣпи къ коу и поклони са ёмоу* Сав. 42, Мө. XVII, 14.

А. Б. Правдин характеризует дательный падеж при глаголах, обозначающих жесты и знаки (псманжти, псмакати, потрасати, кикати, махати, лигати) как объект общения. Мы не считаем нужным выделять эти случаи в особую рубрику и рассматриваем действия, обозначенные этими глаголами, как знаки, выражающие определенное сообщение, которое должно быть воспринято зрительно. Иногда эти глаголы требуют обязательного присутствия творительного, например: *потрасъ имъ ржкож* Супр. 35, 12.

Мы рассматриваем как адресат сообщения, также и другие случаи, которые А. Б. Правдин относит к дательному общению, например, дательный при глаголах: *вожити ѿ, корити ѿ, роугати ѿ, жаловати ѿ, клати ѿ, можити ѿ, отозвати ѿ, отпартити ѿ, печаловати ѿ* 'ходатайствовать', *плакати ѿ* 'обращаться с мольбой' и подобные¹³.

2.3. Дательный адресата причинения в нашем толковании отличается от толкования А. Б. Правдина, который относил к этой рубрике сравнительно небольшую группу случаев дательного при переходных глаголах с прямым дополнением, выраженным отвлеченным существительным со значением «понятия, связанного с человеческими ощущениями (преимущественно отрицательного порядка: досада, боль)».¹⁴ Мы отнесли к названию «лица, которому что-либо причиняют», также прилагольный дательный, обозначающий лицо, которому принадлежит предмет, подвергаемый действию, вследствие чего данное действие и вызывает определенную реакцию адресата.

Известную параллель дательному причинения при переходных глаголах представляет дательный при глаголах на *ѿ*, образованных от этих переходных глаголов, например: *и абие истрѣби ѿ емоу проказа* Сав. 33, Мө. VIII, 3.

Мы считаем возможным распространить понятие адресата причинения также на аналогичные случаи дательного при непереходных глаголах, которые трактуются А. Б. Правдиным, а вслед за ним и К. И. Ходовой, как «дательный падеж пользы и вреда».¹⁵

Дательный здесь обозначает предмет, которому приносится польза или причиняется вред, обычно это лицо, которое и воспринимает данное действие как полезное или вредное для себя.

Например: *азъ же жаръ богу моему ѿ хѣсу и томуу единому ѿбгоуж* Супр. 148—3, 4; *ли единомуу ѿгодитъ* Сав. 33, Мө. VI, 24; *ржкъ вѣ моа, ѿзастжитъ емоу* Нор. 147—5, 6; *ржкъ во мѣ псмѣжетъ емоу* Бол. 88—22а.

Следующие старославянские глаголы «пользы или вреда», приводимые А. Б. Правдиным, управляют, по нашему мнению,

¹³ А. Б. Правдин. Указ. соч., стр. 86—88.

¹⁴ Там же, стр. 34.

¹⁵ Там же, стр. 59; К. И. Ходова. Указ. соч., стр. 72.

дательным причинения: помощи и производные, благотворити, жарити, облагчавати, ослабити 'облегчать', приати 'оказывать услуги', работати, слоуговати, оугодити, воинствовати, враждовати, досаждати, запати 'препятствовать', 'мешать', напастасковати, наснаскати, сѣтжжити 'беспокоить', 'вредить', одолѣти, сждити¹⁶.

Дательный причинения иногда может быть выражен неодушевленным существительным. Например: и томуоу злооу одолѣти иматъ сѣтин кононъ Супр. 36—3, 4; и вѣсти его что сѣтворитъ лѣдоу Супр. 261—11; аще мѣдъ възскжѣ оуныкажши грѣхоу работаеши Нор. 152—8, 9.

2.4. В современном болгарском языке, как и в древнеболгарском, представлены все три значения дательного адресата в контекстах, где дательный противопоставлен одному именительному падежу.

Круг непереходных глаголов с адресатом предоставления более ограничен, чем круг переходных глаголов, требующих дательного предоставления. Это глаголы *остана*, *падна*, непереходные глаголы движения, глаголы с *се*, обозначающие присоединение, отделение.

Если употребление дательного предоставления при непереходных глаголах уже, чем употребление его при глаголах переходных, то употребление дательного сообщения является, пожалуй, более типичным для глаголов непереходных. Именительный падеж при этом обозначает субъект действия. Дательным падежом обозначено воспринимающее лицо, например: *Ти говори ли ѿ по онзи въпрос?* (Л. Стрелков).

Дательный адресата причинения находим при глаголах, обозначающих действия, совершаемые субъектом в пользу или во вред данному лицу (*помагам*, *преча*, *угодждавам*, *служба*, *вредя*, *бъркам* и т. п.), например: *Е, на тебе не може да ти угоди човек, право* (Даскалов). *И ако имаше нещо, което най-много да го успокоява и да му действува ободрително, това беше гласът на младия човек* (И. Мартинов).

Таким образом, принципиальных изменений по сравнению с древнеболгарским в употреблении дательного адресата не произошло. Изменения коснулись лишь отдельных глаголов, которые либо вышли из употребления и были заменены новыми (например: запати, сѣтжжити, воинствовати, благотворити, приати и т. п.) или изменили управление (нападати, наснаскати, одолѣти).

3. Чтобы закончить рассмотрение значений дательного воспринимающего объекта, которые он может выражать в противопоста-

¹⁶ Примеры приведены у А. Б. Правдина (указ. соч., стр. 59 и К. И. Ходовой (указ. соч., стр. 72—73). Дательный при глаголах *благодарити*, *пожтити* 'угрожать', *понесити*, *запѣкити*, *бранити*, *ожгати се* рассматривается нами как адресат сообщения.

влении двум падежам именительному и винительному, мы должны остановиться на дательном предназначения, известную параллель которому в позиции противопоставления одному именительному представляет дательный заинтересованного лица.

Дательный предназначения и дательный заинтересованного лица характеризуется так называемой слабой связью с глаголом.

3.1. Характеризуя дательный предназначения в старославянском и древнерусском языках, А. Б. Правдин пишет: «К дательному предназначения относятся вообще случаи употребления дательного падежа при глаголах, при которых обозначаемое ими действие легко может быть представлено вне связи с каким-либо косвенным объектом-адресатом, т. е. при глаголах, значение которых полностью выявляется и при отсутствии дополнения в дательном падеже»¹⁷. К. И. Ходова также считает эту черту важнейшим признаком, отличающим дательный предназначения от дательного адресата, указывая на семантическую неопределенность круга глаголов, с которыми этот падеж может быть употреблен: «Спорадически примеры дательного предназначения в старославянских текстах можно встретить при самых разнообразных переходных глаголах, обозначающих действие, результаты которого предназначены для какого-либо лица»¹⁸.

В качестве признака дательного предназначения отмечается также его соответствие предложной конструкции.

Наряду с этим отмечалась в ряде случаев зыбкость границ дательного адресата предоставления и причинения, с одной стороны, и дательного предназначения, — с другой¹⁹.

Между тем границы этих значений легко определяются путем дополнительного анализа различий реальных связей между предметом (В) и воспринимающим лицом (Д). В самом деле, дательный предназначения, как и дательный предоставления, мы находим в конструкциях с переходным глаголом, действие которого направлено на реальный предмет, не принадлежащий адресату, например: *кононъ тѣшгааше сѧ оуготоуити имѧ трепезѧ приносѧ имѧ вино* Супр. 38—16.

Сходство значений этих конструкций состоит также в том, что лицо, обозначенное дательным падежом, должно стать владельцем подвергающегося действию предмета.

Различие этих конструкций состоит в том, что в дательном предназначения (*оуготоуити имѧ трепезѧ*) отсутствует направленность действия к адресату, в то время как обязательным признаком в конструкциях с дательным предоставлением (*приносѧ имѧ вино*) является реальное движение предмета к воспринимающему лицу и предполагает обязательное наличие воспринимающего лица.

¹⁷ А. Б. Правдин. Указ. соч., стр. 99.

¹⁸ К. И. Ходова. Указ. соч., стр. 85.

¹⁹ См. напр.: А. Б. Правдин. Указ. соч., стр. 34, 99 и след.

Таким образом, если значение адресата создается взаимодействием значений глагола и падежа, то на предназначение указывает только форма падежа.

Отсутствие реального движения предмета, обозначенного винительным падежом, к воспринимающему лицу объединяет дательный предназначения и дательный причинения. Различие, однако, состоит в том, что в конструкциях с дательным причинения предмет, на который направлено действие, является частью тела воспринимающего лица или его собственностью, которой его лишают, что и делает его «адресатом причинения». В конструкциях с дательным предназначения предмет, над которым производится действие, является посторонним для лица, обозначенного дательным падежом. Поэтому дательный падеж в примере и откразѣ еи оугста Сав. 41 Мѡ. XVII, 27 должен рассматриваться как адресат причинения, а дательный в примере канонѣ же... откразѣ нмѣ дѣбри Супр. 38—10 — является дательным предназначения.

Дательный предназначения возможен и при непереходных глаголах: при глаголах на сѣ, образованных от переходных, например: тѣцѣтѣ и откразѣтѣ сѣ камѣ Сав. 31, Мѡ. VII, 7; да обрѣжѣтѣ сѣ тѣбѣ грозѣ зѣрѣнѣ Гр. Б., л. 107 при глаголах непереходных: свирахѡмѣ камѣ не плакасте плакахѡмѣ камѣ и не рыдасте Зогр. Мѡ. XI, 17; и скѣтитѣ клѣтѣмѣ иже въ храмѣнѣ сѣтѣ Зогр. Мѡ. V, 15.

Дательный предназначения широко употребляется и в современном болгарском языке²⁰.

3.2. В отличие от современного болгарского языка, в котором дательный предназначения может обозначать только лицо²¹, в то время как предназначение для неодушевленного предмета выражается с помощью предлога *за*, в древнеболгарском языке дательный предназначения образуется и от неодушевленных существительных. Например: оуготокаѣ нѣчѣго кечѣри Сав. 64, Лук. XVII, 8.

В среднеболгарских псалтырях дательный предназначения от одушевленных существительных употребляется правильно. В среднеболгарских псалтырях, как и в Синайской, находим: оуготокаѣ скѣтилникѣ христу моѣму Нор. 221—9, 11; и ненакидаѣни ны разхѣштѣхѣ сѣбѣ Нор. 75—11, 12; положишѣ грѣшници сѣтѣ мнѣ Нор. 205—3, 4.

Однако наряду с правильно употребленным дательным предназначения от неодушевленных существительных: Бѣго ѣстѣ ѣже

²⁰ Е. В. Чешко. Падежи и предлоги в современном болгарском языке. «Вопросы грамматики болгарского литературного языка». М., 1959, стр. 23.

²¹ Не только дательный местоимения, но также его аналитический эквивалент — конструкция с предлогом *на*.

испекѣдати сѧ г҃и ѡ ꙗ́кѣи ѡимени твоѣмоу въспѣхши Нор. 153—13, 14. Сѣѣга оуботокашѣ ногама моѣма Нор. 95—9; в Норовской и Болонской псалтырях отмечены отступления и ошибки. Так, в соответствии с каноническим текстом: въспож и пож слава моѣи Сип. 56—8, в Норовской псалтыри находим: въспож и пож въ слава моѣи Нор. 95—14; в Болонской пож и въспожъ въ слава моѣи Бол. 56—8.

Часто в Норовской псалтыри представлен внимательный падеж вместо дательного предназначения от отглагольных существительных: положишѣ бо ма страстнаго порадованіе въскоке без прѣстаниа на ма въстаѣще Нор. 80а—7—10; И азъ въѣхъ поношеніе ѡма Нор. 185—10; вместо: И азъ въѣхъ поношению ѡма Бол. 108—25; Положила еси насѧ въ пригѣла въ азыѣ помыканіе главы въ людехъ Нор. 75а—3, 4, 5; положила ны еси въ пригѣчѣ въ жыѣцѣхъ помыканію главы въ людехъ Бол. 43—15; Въѣхѣмъ поношеніе създѣомъ нашимъ подражаніе и поржаніе еже скръѣ насѧ Нор. 133а—9, 10; Въѣхѣмъ поношению създѣомъ наши подражаніе и поржаніе съцимъ шкрѣ насѧ Бол. 78—4.

3.3. Конструкцией, близкой к дательному предназначения, является дательный заинтересованного лица. Это находим при условии, когда дательным падежом обозначено лицо, которому «принадлежит» в данный момент предмет, являющийся субъектом действия, например: чакѣу единомуу богѣу оубокази сѧ нѣла Сав. 57, Лук. XII, 16; ꙗко ази ѡночама болѣше ѡмоу Сав. 52, Лук. VIII, 42.

Здесь так же, как в дательном предназначения, действие совершается вне зависимости от лица, обозначенного дательным падежом, что определяется свободной связью данного падежа с глаголом. Однако здесь нет оттенка предназначенности действия для заинтересованного лица. Процессы, происходящие с субъектом, обычно не являются преднамеренными действиями субъекта. В конструкциях с переходным глаголом оттенок предназначения создается в силу того, что там имеется субъект, сознательно совершающий действие с целью создать или видоизменить объект. Поэтому дательный здесь и воспринимается как лицо, для которого совершается это действие.

Можно провести параллель между дательным заинтересованного лица и дательным причинения при переходных глаголах. И в том и в другом случаях предмет, претерпевающий какие-то изменения в результате совершающегося действия, является «принадлежностью» лица, обозначенного дательным падежом. Однако в конструкциях с дательным причинения имеется субъект, направляющий действие на предмет, принадлежащий воспринимающему лицу.

Отсутствие направленности действия на объект отличает конструкции с дательным заинтересованного лица от конструкции с адресатом причинения. Разновидностью дательного заинтересованного лица является дательный в конструкциях с глаголом *бѣти* в значении 'иметься'. Например: *аще бѣдетъ единскому чакѣу ꙗкоѡ ꙗкоѡ Сав. 29. Мѡ. XVIII, 12; и аще любите любашаа къ каѡ каѡ хваѡ естѡ Сав. 48, Лук. VI, 32.*

Эти конструкции представляют известную параллель и дательному адресата предоставления, например: *гѣ нѣмаа достѡнѡ да ми подѡ кроѡ каѡидеши Сав. 35, Мѡ. VIII, 8.*

Различие состоит в том, что в дательном предоставлении находим направление предмета во владение адресату, а в конструкциях с дательным заинтересованного лица — констатация нахождения предмета во владении данного лица. Поэтому в конструкциях с будущим временем от глагола *быти* в значении 'иметь', дательный падеж может рассматриваться и как адресат предоставления, как это и делает А. Б. Правдин, например: *ты оубо аще поклонили сѧ прѣдѡ мноѡ бѣдѣтъ тебѣ вѣстѣ Мар. Лк. IV, 7.*²²

Подобные параллели имеются и в современном болгарском, например дательный адресата предоставления: *О, нека ми падне само в ръцете!* (Кр. Кюлявков) и дательный заинтересованного лица *тя ми е в ръцети* (Л. Стрелков).

Дательный заинтересованного лица находим также при глаголе *бѣти* в значении 'случаться'. Например: *что ѡбо намѡ бѣдетъ Сав. 31, Мѡ. XIX, 27; и вѣ разорение еѣ бѣме зѣло Сав. 32, Мѡ. VII, 27* и при других глаголах с близким значением, например: *различана оунынаѡ раждаѣтъ сѧ празникѡтъоужигѡмѡ Супр. 492—20, 21.*

3.4. Как разновидность дательного заинтересованного лица можно рассматривать и так называемый дательный этический. В древнеболгарском языке в этом значении А. Б. Правдин отмечает только краткую форму дательного падежа. Местоимения 1-го л. ед. ч., которое указывает на некоторую заинтересованность говорящего лица в действии. Например: *ты же ми сѧ мотри оученикѡ любашѡа истинѡ Супр. 440—12, 13.*²³

4. При непереходных глаголах дательный падеж, кроме функции воспринимающего объекта, может выступать и в других функциях — функциях субъекта и объекта восприятия и отношения.

4.1. Дательный объекта восприятия и отношения находим при глаголах, обозначающих так называемые психические движения — проявления мыслительной деятельности субъекта, а также его отношение к объекту и связанные с этим эмоции. Сюда относят следующие глаголы: *кѡнати, кѡнимаги* 'слушать', 'обращать вни-

²² А. Б. Правдин. Указ. соч., стр. 74.

²³ Там же, стр. 102, 103.

мание', вѣровати, завидѣти, позакидовати, заварѣти 'осудить', еждити, хотѣти, рачити, разоумѣти, трапѣти, гноушати сѧ, дикити сѧ, надѣлати сѧ, радокати сѧ, оужасати сѧ, смѣтати сѧ, чюдити сѧ, насладити сѧ и подобные. Например: оупѣка на бѧ да изба-
вѣтъ ꙗзыци аще хоцетъ емоу Сав. 119, Мѡ. XXVII, 43; да възв-
радоуѣтъ сѧ ꙗ възвеселатъ сѧ хѡтаци правдѣ мѡей Нор. 59—4сп.;
хѡтаще правдѣ мѡей Бол. 34—27а (хѡтащен Сп.); да тѣхъ ли
ради вѣсѣмъ крѣстианомъ зазираете Супр. 127—20; ꙗ не гноуша сѧ
кажѣтемъ сѧ имъ Супр. 110—10; ꙗ аще изѣзещи изъ сѣни безъ
крѣда вѣроуемъ отъ тебе проповѣдаемоуоумоу боу Супр. 540—21.

Действия, обозначающие движения субъекта, не рассчитаны
на их восприятие объектом. Поэтому объект при этих глаголах
часто представлен неодушевленным предметом, например: да аще
не начнете вѣровати хѡѣтъ вѣрѣ да сѧ възвѣстѣтъ въ пѣшѣ
Супр. 540—26, 27; ꙗ оумирающе сѧ словесемъ ѡего Супр. 192—18.

При этих глаголах в современном болгарском языке также
представлен дательный объекта восприятия и отношения. В значе-
нии объекта отношения выступает дательный падеж при глаго-
лах, обозначающих действия субъекта, служащие проявлением
известного отношения к объекту, однако, ему не адресованные.
Так, дательный объекта отношения представлен при многих гла-
голах, выражающих «разнообразное проявление покорения,
подчинения и согласования или, напротив, сопротивления воле
субъекта»²⁴, например, покинутѣ сѧ, покориѣти сѧ; възвѣстѣковати,
послѣдовати, равновати, подражати, ослоушати; протикати сѧ,
оукѣштати сѧ, радити 'заботиться', тѣшѣти сѧ 'стремиться'.
Например: ꙗ запѣвѣди кѣсарѣтъ и вѡлѣвѣтъ не покину сѧ Супр. 104—
17, 18; аще ли ослоушаетъ имъ рѣци цѣрки Сав. 29, Мѡ. XVIII, 17;
Рече гѣ вѣдѣте не родите единомъ сѣхъ малѣхъ Сав. 29, Мѡ. XVIII,
10.

Дательный объекта восприятия и отношения при переходном
глаголе зафиксирован в выражениях лѣти, имати, вѣрѣ (или вѣры)
кому или чему, например: коемоу вѣрѣ имъ правдоуоумоу ли или
вѣтороуоумоу реченоуоумѡ Супр. 238—5; ꙗ не имъ же имъ вѣры
комѣтъ Супр. 234—12, 13; ꙗ ꙗкоже не ꙗ вѣры дѣвѣци Супр. 241—
30.

Сочетание лѣти вѣрѣ эквивалентно по значению глаголу вѣро-
вати. Писец Норовской псалтыри предпочитает и здесь, как
и в глаголах причинения (тѣкорити благо—благодѣкорити), пользо-
ваться простой глагольной формой. Так, в соответствии с Болон-
ской: ꙗ вѣрѣ жшж словеси его Бол. 105—12а, находим и вѣрокашѣ

²⁴ Р. М р а з е к. Указ. соч., стр. 235. Примеры там же.

слокеси его Нор. 176а—6; іако заповѣдемъ твоимъ кѣрѣжъ жхъ Бол. 118—66b; іако заповѣдемъ твоимъ кѣрѣжъ Нор. 201—16;

В отрицательной конструкции: Не жхъ кѣрѣжъ слокеси его Бол. 105—24а представлена любопытная параллель с винительным падежом при глаголе кѣрѣжати: не кѣрѣжавшъ слоко его Нор. 177а—1.

Появление винительного падежа при глаголе кѣрѣжати вместо ожидаемого дательного можно объяснить тем, что в оригинале, которым пользовался писец, был употреблен оборот не ахъ кѣрѣжъ, т. е. отрицание с родительным падежом, в соответствии с которым писец Норовской и поставил винительный, который он регулярно употребляет при отрицании.

В утвердительной конструкции глагол кѣрѣжати с винительным беспредложным не зафиксирован. Однако при некоторых других глаголах восприятия и отношения встречается винительный, употребленный параллельно дательному или, наоборот, дательный в соответствии с винительным Болонской псалтыри.

В Норовской псалтыри нам встретились следующие примеры: Пастаки ма на стѣзѣхъ заповѣдий твоихъ іако тѣхъ възхотѣхъ Нор. 199а—11; настаки ма на стѣзѣхъ заповѣдей твоихъ, іако тои възхотѣхъ Бол. 118—35; да възвеличитъ сѧ гѣ хвѣташии мирѣ рабоу его Нор. 59—4—2сп; хоташгни мироу рабоу емоу Бол. 34—27с (хоташен мироу рабоу его Пог.); іакоже штедритъ ѡцѣ сны оуштедѣи іе гѣ воццинимъ сѧ его Нор. 167—9—11; іакоже милоуетъ ѡцѣ сны и помилоуетъ гѣ воццѣхъ сѧ его Бол. 102—13; (воццѣхъ — Сив). ѡ погоубиши възѣхъ стѣжѣхъ твоихъ дѣшъ мож Нор. 234—9, 10; И погоубиши всѧ стѣжѣхъ твоихъ дѣшъ мои Бол. 142—12.

При глаголах взимати, слышати также возможно параллельное употребление дательного и винительного, например: гласоу моемоу, слыши ги Нор. 207а—12; гласъ мой оуслы(ши) ги Бол. 118—149; ги оуслыши гласоу моемоу Нор. 219—11; ги оуслыши гла мой Бол. 129—2а; то же соответствие — Нор. 91—3, 4, Бол. 54—18; взыми къ мѣтѣхъ моихъ іако смѣрихъ сѧ зѣло Нор. 232а—14, 15; взыми мѣхъ мож іако смѣрихъ сѧ зѣло Бол. 141—7а; взыми гласъ мѣтѣхъ моихъ вѣгда възвѣдати ми к тебѣ Нор. 231а—5, 6; взыми гла молитвы моеѣ егда възвѣхъ къ тебѣ Бол. 140—1b.

Дательный объекта отношения широко представлен в предикативных определениях обычно с глаголом быти, выступающим в роли связки. Дательным падежом обозначается объект, в отношении которого сделано данное определение. Например: іако

старшина въхъ кораб'никомъ Супр. 119—30; повѣдига и мѣнѣ
вѣдѣжъ ѣже глаголетъ вѣдѣжъ и азъ общитникъ башимъ словесемъ
Супр. 474—28, 29; блаженъ ёмоуже бѣ іакѡбъ помощникъ ёмоу
Нор. 240—17, 240а—1.

Именной частью сказуемого может быть имя прилагательное,
причастие или наречие. Например: ашти бо не вѣста, то ни та
хотѣхъ имъ вѣрана быти Супр. 442—18; также еде вѣхомъ
искоушени малокръмѣнаоуоумоу цроу такожде поташтимъ еа искъ-
шени обрѣсти еа боу кемкоуоумоу цроу Супр. 72—12—15; близъ
гъ сѣкроушенныйма срѣемъ Нор. 56а—12, 13; вѣе ты мѣтивъ выка-
аше имъ Нор. 106а—5, 6.

4.2. При глаголахъ оучити, наоучити (еа), пооучити (еа) кого
чему представлен дательный изъяснительного объекта, например:
и ако оучитъ словеси истинаноуоумоу Супр. 236—19; еже пооучати еа
словесемъ ткойма Нор. 207а—11; азъ же законъ твоемоу пооучихъ еа
Нор. 202—9, 10; ѡ наоучи ма шпракданнемъ ткоимъ Нор. 207—1, 2.

Первый объект, выраженный винительным падежом, обозна-
чает обычно лицо, подвергающееся обучению, например: и оуча
а инои кѣрѣ Супр. 155—6; наоуча безаконныхъ пѣтемъ ткоимъ
Нор. 87—6, 7; аште ли ѣже о страсти тѣхъ не вѣси томоу та
наоучъ Супр. 476—5.

Дательный изъяснительного объекта в современном болгарском
языке не известен. Это можно объяснить тем, что падежные формы
представлены в современном болгарском языке главным образом
в личных местоимениях, которые в этой функции не употребляются.
Обычно в этой функции выступают или отвлеченные существи-
тельные, или относительные и указательные местоимения с предло-
гом *на*, например: *на добро ще го научи* (Караславов), *кой ги е на-
учил на това* (Калчев).

Эти конструкции в качестве синонимов встречались и в дре-
внеболгарском, но редко. Например: Наоучахъ рѣцѣ мои на шпра-
чение прѣстѣи моѣ на вранъ Бол. 143—1вс.

Однако утрата дательного в функции изъяснительного объекта
зафиксирована памятниками среднеболгарского периода, когда
дательный имен существительных еще не вышел из употребле-
ния. Писец заменяет дательный падеж винительным, видимо,
под влиянием греческого текста. Один пример мы отметили
в Болонской псалтыри: Наоучъ чѣка нѣкѣи пѣсни также ѡ прише-
ствии благодѣтанѣ и тѣмъ еиже оученикѣи наоучѣа еста спѣ
Бол. 39—4а ком.

В XIII в., как об этом свидетельствует Норовская псалтырь,
эта замена начинает принимать регулярный характер, во всяком
случае форма винительного встречается гораздо чаще, чем

дательный, как при переходных, так и при непереходных глаголах, что заставляет рассматривать эту форму как общий падеж. Например: И ꙗзыкъ мои поучит сѧ правдѣ твоѣ Нор. 59—17; 116—10, 11; и ꙗзыкъ мои поучит сѧ правдѣ твоѣ Бол. 34—28, 70—24а; оуѣста праведнаго поучат сѧ прѣмудростѣ Нор. 62а—3, 4; оуѣста праведнаго поучат сѧ прѣмудрости Бол. 36—30а; и наоуча сѧ заповѣди твоѣ Нор. 202—1; (здесь, видимо, форма винительного множественного, а не дательного единственного, о чем свидетельствует параллель из других псалтырей: и наоуча сѧ заповѣдемъ твоимъ Бол. 118—73b) Бѣго мнѣ ꙗко смѣрилъ ма ѣси ꙗко да наоуча сѧ оправданіа твоѣ Нор. 202—11, 12; да наоуча сѧ оправданіемъ Бол. 118—71b.

При переходных глаголах: оправданіа твоѣ наоучи м^а Нор. 201а—11; оправданіемъ твоимъ наоучи ма Бол. 118—64b; ѡригнетъ оуѣстнѣ мои пѣниѣ егда наоучиши ма оправданіи твоѣ Нор. 209—14, 15; егда наоучиши ма оправданіемъ твоимъ Бол. 118—171b;

и сѣдѣи твоѣ наоучи м^а Нор. 204а—17; и сѣдѣемъ твоимъ наоучи ма Бол. 118—108а; бѣ мои ꙗже наоучилъ ма ѣси ѡ юности моеѣ Нор. 115а—3; Бже мои имже наоучи ма ѡ юности моеѣ Бол. 70—17а (моѣа — Син.).

Подобные замены встречаются и в других среднеболгарских памятниках XIII в., например в Орбельской триоди, памятнике хронологически более раннем, чем Норовская псалтырь, относящаяся, видимо, к третьей четверти XIII в.: Ѹста же смѣренныхъ ѹчат сѧ прѣмудростѣ 79 I, 17—19; Ѹчита помавание престома 59 II, 8.

5. Дательный субъекта восприятия и отношения представлен в противопоставлении именительному падежу или в так называемых безличных конструкциях.

В личных конструкциях именительный падеж обозначает предмет пассивный, воспринимаемый субъектом и подвергающийся оценке с точки зрения субъекта. Например: кзладнша ми сѧ божна слока акъ сѣтъ медкнзи Гр. б. л. 211б; тѣма на бо ти истина сѧ мнѣтъ прѣмѣтъ же сѣтъла Супр. 104—13; да насла-
дит сѧ емоу вѣтъда мо Нор. 170а—4, Бол. 103—34а.

Редкие в древнеболгарском языке конструкции этого типа очень широко употребляются в современном болгарском языке, где они образуются со многими глаголами, выражающими отношение к воспринимаемому объекту (например, *харесва се*, *домилява ми*, *омръзява ми*, *доотягам* и др.) или степень достоверности восприятия (*струва ми се*, *чиня ми се*, *видя ми се*, *не ми се вярва*). Например: *не му харесваха на дяда Гергя тия хора* (Йовков).

... на него тази мома му се видя безкрайно мила и привлекателна (Караславов).

Дательный падеж в этих конструкциях А. Б. Правдин определяет как дательный падеж ощущающего лица и рассматривает его как переходную ступень от дательного объекта к дательному субъекта²⁵, относя к последнему только дательный в безличных конструкциях.

Мы не видим оснований к подобному разграничению, так как значение дательного субъекта определяется значением глагола, выражающего восприятие данного лица и его отношение к предметам, явлениям и действиям. Параллельно личным конструкциям с теми же глаголами возможны и безличные, например: *отъ многинѣхъ сказано ꙗкоже манѣ сѧ манитъ нѧ не по истинѣ* Супр. 345—14; *безъ дѣла словеса мога мръзѣхъ имъ* Бол. 55—6а; и *разнѣка сѧ ꙗростиѣ ꙗ на люди скоѣ ꙗ ѿмръзе ѣмоу достоѣннѣ егѡ* Нор. 178а—2, 3, 4; *неправдѣ възненаидѣхъ ꙗ мръзѣ ми* Нор. 208а—12.

Личные и безличные конструкции образуются и с другими глаголами, при которых дательный падеж имеет значение субъекта восприятия и отношения, например, глаголами, выражающими возможность, необходимость и достаточность чего-либо для субъекта: *докалѣти 'быть достаточным', достсити 'подобать', 'следовать', подобати, прѣдежати, слѡучити сѧ и подобныя*²⁶. Например: *докалѣтъ намъ си* Супр. 102—18; *докалѣтъ во дни засѧ сѧ* Сав. 34, Мѡ. VI, 34; *покажи намъ оца и докалѣтъ намъ* Сав. 100 Ио. XIV, 8; *ѣдно отъ дѡю прѣдежитъ намъ или жързше всѣмъ въ санѣ и въ чѣсти достономъ вѣити или не покоривше сѧ отъати живота и воинство* Супр. 70—1—5; *ꙗко тѣбѣ подоваатъ слава* Супр. 110—13; *жена сѣшти стѣди сѧ ꙗкоже подоваатъ женамъ* Супр. 13—15; и *ѣспѣдѣша бѣса вѣстѣмъ ꙗже сѧ слѡучи имъ* Супр. 40—2; *ѣще и манѣ нѣнѣ слѡучи сѧ възмѣѣненнѣ* Супр. 343—14; *како се слѡучи сѧ намъ да разоумѣемъ* Супр. 312—19.

Часто безличные формы данных глаголов сопровождаются инфинитивом, обозначающим действие, которое данный глагол предписывает лицу, обозначенному дательным субъекта. Например: *не тако ли подовааше пострадаѣти хѡу* Супр. 477—27; *ѣже етъ отъ оца много въ тѣхъ достѡитъ ми вѣити* Сав. 145, Лук. II, 49; *подоваетъ во вѣмѣ сѧмѣ вѣити нѧ не тогда вѣдетъ кончина* Сав. 86, Мѡ. XXIV, 6; *слѡучи сѧ мжжѡу сестрѣи ѣго марѧ... стрѡити рамѣнаскѡ властѣ* Супр. 281—20; *видиши ли ко-*

²⁵ А. Б. Правдин. Указ. соч., стр. 114.

²⁶ См.: К. И. Ходова. Указ. соч., стр. 42.

лико множество крѣстианъ пожръша бѣи ѿда тѣхъ мнѣтъ ти сѧ
бѣти доврѣшюу Супр. 106—27; довлѣетъ бо ѿмоу беззаконни-
комъ и прѣстѣпникомъ звѣати и Супр. 214—3. Намъ же прѣдз-
лежитъ не о ѿдиномъ мѣченицѣ чоудити сѧ ни о дзбоу Супр. 82—13.

Дательный субъекта находим также в конструкциях с без-
лично-предикативными словами, выражающими оценку предпо-
лагаемого действия для субъекта. Например: то мѣпо имъ ѿстѧ
дождати анеуѣата Супр. 137—1; мѣпо же бѣи камъ ѿиномъ по-
карѣти сѧ оучѣмоу вѣшмоу омироу Супр. 126—11—13; оуне бо
ти ѿстѧ отзкрѣтити сѧ бога своѣго Супр. 265—26.

Синтаксические конструкции, в которых дательный падеж
при безличном глаголе или безлично-предикативном слове является
одновременно и субъектом инфинитивного действия мы называем
безлично-инфинитивными конструкциями.

5.1. Безлично-инфинитивные конструкции могут рассматри-
ваться как переходная стадия к собственно инфинитивным с да-
тельным субъекта, или, как их принято называть, *dativus cum
infinitivo*, широко распространенных в древнеболгарском языке.

Структурное отличие этих последних от безлично-инфини-
тивных состоит в том, что дательный субъекта перестает здесь
быть падежом с двойной зависимостью, например: мнози же
момѣхъ и прити ѿмоу къ домъ ихъ да помолитъ сѧ богоу за
на Супр. 206—3; моли сѧ спѣти сѧ намъ Нор. 196—4, 5. Это
обусловлено тем, что глагол, управляющий инфинитивом, уже
не управляет дательным падежом субъекта, так как не яв-
ляется безличным. Сравним, например: ѿда тѣхъ мнѣтъ ти сѧ
бѣти доврѣшюу, где дательный субъекта имеет двойную зави-
симость «мнѣтъ ти сѧ» и «ти бѣти доврѣшюу тѣхъ» 'тебе ка-
жется, что ты лучше тех', и предложения с личными формами
того же глагола, например: ѿмоуже мѣниши бѣти безъ отца
Супр. 239—11; 'ты думаешь, что он не имеет отца', манѣлъ ли
ѿси стѣхъты оубоити сѧ намъ Супр. 176—15 'не думал ли ты,
что мы испугаемся страхов' (дословно 'пугаемся страхами'),
где дательный субъекта относится только к инфинитиву, а лич-
ный глагол имеет другой субъект, соответственно обозначающий
другое лицо.

Рассмотрим примеры этих двух типов с одним и тем же
глаголом в форме инфинитива: поклѣтитъ намъ коѣго бога подо-
баатъ нама отзкрѣтити сѧ нескзскааго ли или земзнааго Супр.
258—5—7; не бѣди то еже отзкрѣтити сѧ намъ нескзскааго црѣ
Супр. 59—21, 22.

В первом примере дательный нама выступает как субъект
при безличном глаголе подобаатъ, дополнением которого яв-
ляется инфинитив отзкрѣтити сѧ, обозначающий действие, субъек-

том которого является субъект безличного глагола. Во втором примере дательный субъекта относится непосредственно и только к инфинитиву.

Отсутствие двойной зависимости дательного субъекта обуславливает большую самостоятельность инфинитивного оборота, приобретающего статус придаточного предложения и соответственно возможность присоединяться к главному с помощью союзов *іеже, іако, іакоже* и др., что представляет собой следующую стадию обособления инфинитивного оборота, когда инфинитив уже перестает быть дополнением к глаголу главного предложения. Однако связь субъекта и действия продолжает сохранять модальный характер, обусловленный содержанием главного предложения.

Модальный оттенок долженствования в конструкциях дательного субъекта при инфинитиве мог развиваться и в результате обособления объектного инфинитива при глаголах повеления, запрещения: *покаѣша ... прѣѣйти ѿмоу на мѣѣ каѣж нсѣѣ* Супр. 261—9, 10. Такой путь развития конструкций *dativus cum infinitivo* описан А. Б. Правдиным: «дательный падеж начинал обозначать лицо, которое должно совершить то или иное действие. Отсюда — потенциальная возможность употребления безлично-инфинитивных конструкций с модальным значением долженствования и дательным падежом субъекта совершенно вне какой-либо зависимости от личных глагольных форм, управляющих дательным падежом: *Пискоу по всен старинѣ жити*»²⁷; и до *нѣнѣѣшаго имѣти намѣ памѣта оучениѣа іего* Супр. 124—20; *житіѣ чисто ка покаѣни ми стажати да оуѣмыѣж и азѣ каѣго ти глаѣа* Нор. 195а—10, 11; *се же что ѣаѣро ли что каѣсо нѣ еже жити бѣратіѣ ка коуп* Нор. 221—15.

Таким образом, логической основой субъектного значения дательного при инфинитиве является употребление его в значении лица, которому надлежит выполнить какое-то действие, в силу ли адресованного ему приказа (дательный адресата), его собственного намерения или констатации необходимости выполнения данного действия (дательный субъекта при безличных глаголах модального значения, также управляющих инфинитивом).

Основные случаи употребления в старославянском дательного субъекта в инфинитивных конструкциях описаны А. Б. Правдиным²⁸. В старославянском это преимущественно конструкции с модальным значением, где дательным обозначено лицо в его отношении к совершению действия: желательность, необходимость или неизбежность совершения или несовершения действия, сомнение в необходимости его совершения (вопросительные конструкции).

²⁷ А. Б. Правдин. Указ. соч., стр. 113.

²⁸ Там же, стр. 108—112.

Часто дательный субъекта представлен в инфинитивных конструкциях, зависящих от глаголов чувствования, говорения, просьбы, что, помимо указанных модальных оттенков, может обозначать сомнение в реальности совершения действия. Например: *хъ кашъ егоче глаголетъ бы крастиани быти богу...* не отъ жены ли роди еа Супр. 8—17—19; Следует отметить еще дательный субъекта при инфинитиве в предложениях цели, например: *сѣткоритъ ми хъзыниж сѣсти ми ка ни* Супр. 204—1, 2; *якоже се поле сѣткорено въ конемъ тишти* Супр. 90—5, 6.

Единственной группой примеров, в которых действие, обозначенное инфинитивом, может выступить как реально совершившееся, являются предложения следствия с союзами *яко* или *еже*. Например: *и лице юмоу пакы сѣтъло и благодѣла чоудна* *якоже крастианомъ оутвѣрадити еа паче кѣрож* Супр. 142—9—11; *понишъ затвори очи* *якоже народоу мнѣти* *и издѣша* Супр. 141—15, 16; *и не отъѣца имъ ни ка единомуже глаголю* *яко дикити еа глаголю* зѣло Сав. 116, Мѡ. XXVII, 14.

Правда, уже в Супрасльской рукописи можно найти ошибки в употреблении дательного субъекта при инфинитиве в придаточном следствия. Так, в продолжении примера 142—9, 11 читаем: *некрѣпни же кзвѣсѣхъши еа и сѣтъниж имъшти кз стѣраѣ* *отити* Супр. 142—12—14, где именительный *некрѣпни* представлен вместо ожидаемого дательного при инфинитиве *отити*.

5.2. О судьбе этих конструкций в среднеболгарском известно мало. Иван Дуриданов отмечает лишь, что в письменных памятниках разрушение дательной конструкции с инфинитивом отражено слабо, и приводит один пример из Врачанского евангелия: *яко пскрѣкати еа корабаа възнами* (Мт. 8.24), Зогр. корабля²⁹.

Е. Русек приводит некоторые подобные примеры из Хлудовской триоды XIII в. например: *аште мѣсиа въ прити* 146—35; *слоко дрекле въти* 164—37, и др. Кроме того, имеются случаи опущения инфинитива, замены его отглагольным именем существительным или опущение дательного субъекта, например: *егоже кзкоушающе и жжж(а)юще чи(с)таа и сѣмѣниж стѣ(с)ти изабавити еа* 66а—36—38, где пропущено местоименное *намъ*. Это позволяет автору сделать вывод о том, что *dativus cum infinitivo* был чужд языку авторов памятника. Встречаются ошибки в употреблении этого оборота и в других памятниках (см. стр. 272).

²⁹ И. Дуриданов. Към проблемата за развоя на българския език от синтетизъм към аналитизъм. «Годишник на Софийския ун-т, филол. фак-т», т. LI, ч. 3. София, 1956, стр. 238.

Интересный материал для истории этого оборота дает Норовская псалтырь и ее сопоставление с Болонской и другими псалтырями, различия которых приведены в издании И. В. Ягича. В отличие от других псалтырей оборот с дательным субъекта при инфинитиве употребляется в Норовской псалтыри довольно часто; и его употребление имеет ряд особенностей, отличных от старославянского. Однако наряду с этим имеется ряд примеров с ошибками, а также примеры, которые могут быть оценены как злоупотребление данным оборотом. Ошибки в конструкции состоят в употреблении именительного падежа вместо дательного субъекта при инфинитиве. В параллельном тексте Болонской псалтыри представлена личная форма глагола: ѿ кѣкѣѣ стѣоуж ѡждаѣ, кѣнегда стѣжати крагоу кѣнегда сѣкроушати сѣ кости моѣ, поношаѣ ми кѣзи мой Нор. 73а—6—9; кѣкѣѣ стѣоуж ѡждаѣ ѿ печали крага моего. Егда сѣ(р)оушаѣ сѣ кости моѣ поношаѣ ми кѣзи мои Бол. 41—10, 11 (мнѣ — Син. мѣнѣ — Соф.). Очевидно, в Норовской именительный кости моѣ употреблен ошибочно вместо дательного субъекта; ѿ помышленіѣмѣ тѣоимѣ, нестѣ кѣо дѣподобити тѣ сѣ Нор. 70а—3, 4, 5; и помышленіѣмѣ тѣоимѣ нѣстѣ кѣто оуподобитѣ тѣ сѣ Бол. 39—6b. Форма именительного кто в первом примере употреблена ошибочно вместо дательного субъекта. Аналогичная ошибка в примере: ѡзѣ же кѣнегда ѡни ѡгакѣтѣкѣати мѣ, ѡблѣаѣ сѣ кѣтѣице Нор. 58—7, 8. кѣнегда ѡни ѡгакѣи тѣорѣаѣ ми. Бол. 34—13.

В двух других примерах формы дательного субъекта нарушены частично: кѣнегда разѣилати небесноуемоу цѣра на неи Нор. 108—3, 4; егда разѣилѣтѣице небесны цѣрѣ на неи Бол. 67—15; кѣнегда сѣбрати сѣ людемѣ кѣ коупѣ ѿ цѣрѣе ѣже работати гѣи Нор. 165а—12, 15; егда сѣберѣт сѣ люде кѣкоупѣ и цѣри работѣи гѣи господѣи Бол. 101—23 (в Син. работѣи гѣи).

В следующем примере нарушено согласование в предикате: кѣнегда бѣти ѣмѣ числомъ, мѣлы немногы, ѿ пришеѣца кѣ неѣ Нор. 171а—1; зане ихѣ бѣ маломѣ числомѣ немнози пришеѣци кѣ неѣ Бол. 104—12.

В следующем примере, видимо, пропущена возвратная частица сѣ при инфинитиве, что создает бессмыслицу: ѿ кѣзыдетѣ ѡзѣ тѣѣниа жѣѣ мой кѣ тѣѣтѣ гѣ бѣ мой кѣнегда ѡтѣѣзѣти ѿ мене дѣи мои, гѣ помѣнѣхѣ Нор. 258—3—6.

Ошибки употребления дают право думать, что оборот *dativus cum infinitivo* был не совсем понятен писцу, что, может быть, относится в первую очередь к самой форме инфинитива,

которая передается писцом Норовской псалтыри обычно с частицей еже, вероятно, из стремления быть ближе к греческому подлиннику. Можно привести целый список примеров, в которых объектному инфинитиву Болонской псалтыри, т. е. инфинитиву, дополняющему глагол или отглагольное существительное, в Норовской псалтыри соответствует инфинитив с еже. Например: *даа еси вождимъ сѧ тебе знаменанне еже ѡбѣжати ѡ лица ажкоу* Нор. 98—6—8; *даа еси вождимъ сѧ тебе знаменне ѡбѣжати ѡта лица ажка* Бол. 59—6; *смагнѣтъ грѣшныи праведнаго и ищетъ еже оумрети егѡ* Нор. 62—6—8; *смагнѣтъ грѣшныи праведнаго и ищетъ оумрети и* Бол. 36—32 (грѣшникъ на праведнаго — Син.).

Иногда оборот «еже + инфинитив» соответствует конструкции с «да + личная форма» в Болонской псалтыри, например: *не вѣхѡуть разоумѣти еже ѡблажити* Нор. 59а—9; *не изколи разоумѣти да ѡблажитъ* Бол. 35—4; *еже познати на земли пѣтъ тѡй* Нор. 106—17; *да познаемъ [на земли пѣтъ тѡй]* Бол. 66—3; *и благо приемиша вѣдѣти еже вѣдѣти* Нор. 154—14, 15; *и добро приемиша вѣдѣти да вѣдѣтъ* Бол. 91—16а.

Иногда конструкция «еже + инфинитив» соответствует супину, например: *и вѣхѡждаше еже вѣдѣти* Нор. 72—6, 7; *и вѣхѡждаше вѣдѣти* Бол. 40—7; *и вѣхѡждаше вѣдѣтъ* — Син; *прѣзвѣтъ небо, горѣ и зема еже разсѣдѣти люди скож* Нор. 84а—4, 5; *Прѣзвѣтъ небо сѣкъше и земаа расѣдѣтъ люди скож* Бол. 49—4.

Конструкция «еже + инфинитив» может предшествовать предлог *въ* или *на*, например: *гдѣ на еже помощи ми потащи сѧ* Нор. 71—12, 13; *гдѣ на помощи моѣ призри* Бол. 39—14в; *Бже въ помощи моѣ вѣдѣти гдѣ въ еже помощи ми потащи сѧ* Нор. 112а—3, 4; *Бже къ помощи моѣ вѣдѣти гдѣ помощи мѡи потащи сѧ* Бол. 69—2; *простѣтъ рѣкъ скож въ еже вѣдѣти* Нор. 91—10, 11; *простѣтъ рѣкъ скож на вѣдѣние* Бол. 54—21а. В Болонской этим оборотам соответствует инфинитив или отглагольное существительное с предлогом.

Нетрудно проследить связь между объектными и субъектными инфинитивными конструкциями с еже. Переходную ступень к собственно инфинитивным конструкциям с дательным субъекта представляют конструкции с объектно-субъектным инфинитивом, например: *и ѡбидѣ ѡтара тѡй гдѣ еже слышати ми гласъ хвалы твоѣѣ* Нор. 45—4, 3 *сн.*; *единого просиша ѡ гдѣ того казашѣ еже, жити ми въ домоу гдѣи въ дни живота моѣгѡ,*

еже зрѣти ми красотѣ гѣа и постѣати храмъ стѣи егѡ Нор.
46—7—11.

Появление дательного субъекта при объектном инфинитиве способствует отделению его от управляющего глагола и осмыслению данной конструкции как самостоятельного инфинитивного предложения с союзом *еже*, который имеет чаще всего целевое значение. Приведенные выше примеры и являются такими переходными случаями. В этих и подобных примерах, где дательный субъекта при инфинитиве представляет то же самое лицо, что и субъект личного глагола, управляющего инфинитивом, или личного глагола главного предложения, форма дательного субъекта выступает как своеобразный плеоназм. Например, *изколихъ примѣтати сѧ къ домоу бѧ моего бѣаче, неже жити ми къ селѣхъ грѣшничихъ* Нор. 139a—16, 17; 140—1.

В этом случае дательный субъекта мог бы быть опущен без ущерба для смысла, что мы и находим в Болонской псалтыри: *паче неже ли жити къ селѣхъ грѣшничѣхъ* Бол. 83—11с.

Возможно и обратное соответствие — в Норовской дательный субъекта отсутствует, а в Болонской он представлен, например: *Тако къ стѣмъ ѡбихъ сѧ тебѣ, еже видѣти сѧж твоѣ и сѧжж твоѣ* Нор. 102a—2, 3; *Тако къ стѣмъ ѡбихъ сѧ тебѣ видѣти ми сѧж твоеж и сѧжж твоеж* Бол. 62—3.

В следующем примере уже полностью отсутствует объектная связь между инфинитивом и личным глаголом главного предложения, однако дательным субъекта обозначено лицо, являющееся субъектом главного предложения: *Почижъ къ дѣмъ печали моеѣ, еже възвѣсти ми на люди пришедешиа моего* Нор. 256—6, 7.

Инфинитивное предложение выступает в роли придаточного со значением цели, о чем свидетельствует соответствующее место в Болонской псалтыри, где находим конструкцию «*да + личная форма глагола*» со значением цели: *Почижъ къ дѣмъ печали моеѣ да възвѣдъ къ люди пришедешиа моего* Бол. Cant. III, 16e, f.

Та же конструкция может соответствовать дательному субъекта при инфинитиве, представляющего одно и то же лицо с объектом главного предложения. Например: *И на высокаѣ набедегъ ма, еже повѣдѣти ми къ пѣсни егѡ* Нор. 256—18, 19.

Здесь дательный субъекта не является уже избыточной формой. Однако конструкция «*да + личная форма глагола*» может заменить и этот оборот: *И на възискаѣ набода ма да повѣдѣжъ къ пѣснехъ его* Бол. Cant. III, 19b.

Данные соответствия интересны в том отношении, что показывают один из путей, которым шло вытеснение инфинитивных конструкций с дательным субъекта в истории болгарского языка.

Текст Норовской псалтыри представляет в этом отношении более архаичную стадию развития языка, чем текст Болонской псалтыри, где обычно в соответствии с дательным субъекта при инфинитиве представлены личные глагольные формы или причастия. Анализ соответствий дает возможность более объективной интерпретации значения данного оборота и возможных путей его развития.

Помимо союза еже инфинитивные предложения цели образуются в Норовской псалтыри с союзами тако еже и такоже. Так, при глаголе хотети главного предложения представлены придаточные инфинитивные всех трех типов: *хощещи бѣ гѣ еже спѣти сѧ ѿ кѧ разоумѧ истинны прити, кѧ съмѧ чѧкомъ* Нор. 222—12—14; *не хѣта сѧмрѣти грѣшника, ꙗко еже кѧзвратити сѧ и жи-коу быти емоу* Нор. 174—14, 15; *кѧдѣ кѧко, ꙗко не хѣтнемъ хѣщещи сѧмрѣти грѣшнику, нѧ ꙗкоже кѧзвратити сѧ емоу ѿ жи-коу быти* Нор. 196а—14, 15.

Кроме значения придаточных цели, в Норовской псалтыри дательный субъекта при инфинитиве широко представлен со значением придаточных времени с союзами прѣжде еже и особенно широко с союзом кѧгда. Эти конструкции выражают часто следственно-временные или условно-временные связи. Как правило этим конструкциям в Болонской псалтыри соответствуют конструкции с личными формами глаголов.

Дательный субъекта с инфинитивом употребляется с союзом прѣжде еже для обозначения действий, в какой-то мере являющихся следствием других действий, которые произошли ранее их: *прѣжде еже сѧмрѣти сѧ мнѣ, азѧ прѣгрѣши* Нор. 201а—17, 202—1, чему в Болонской псалтыри соответствует глагол в форме 1-го лица: *прѣкѣ даже не сѧмрѣхъ сѧ азѧ прѣгрѣшихъ* Бол. 118—67а; *Прѣжде еже гѣрамъ быти ѿ сѧздати сѧ земли ѿ кѧселени и ѿ кѧка ѿ до кѧка ты еси* Нор. 149а—1, 2, 3; *Прѣжде даже горѣ не възшѧ и сѧзда сѧ земѣ ѿ кѧселени и ѿ кѧка ты еси* Бол. 89—3.

Таким образом, дательный выступает в этих конструкциях в значении субъекта действия, которое к началу действия главного предложения еще не было осуществлено. В параллелях с личными формами ему соответствует отрицаемое действие или утверждение, что в данный отрезок прошедшего времени, который определен союзом прѣжде еже, действие, выраженное инфинитивом, не произошло.

В значении субъекта еще не осуществленного действия выступает дательный при инфинитиве в большей части предложений с союзом *кзнегда*. Инфинитивные предложения с этим союзом представляют собой основной по численности тип инфинитивных конструкций с дательным субъекта в Норовской псалтыри. Они встречаются иногда и в Болонской псалтыри. Например: *аште не гз кї была кз насз кзнегда кзстати чакмз на ны, оубо жыкы вышж пожрли насз* *Бзнегда прогнѣкати сз іарости его на ны, оубо кѡда би потопила насз* Нор. 216—14—17; 216а—1, 2; *іако аще не гз би възлз кз насз* *Бзнегда кзстати чакмз на нзї Жикзї оубо пожрли нѣ вышж. Бзнегда прогнѣкати сз іарости нхз на нзї* *Бода оубо потопила нзї би* Бол. 123—2, 3, 4.

Временные соотношения инфинитивного и условного предложений здесь те же, что и в рассмотренных выше случаях с союзом *прѣжде* *еже*, т. е. действие, о котором повествуется в условном предложении: *аште не гз кї была кз насз*, должно было уже совершиться к тому времени, когда должно было произойти действие инфинитивного предложения: 'Если бы не господь был с нами, когда должны были встать на нас люди (когда людям предстояло встать на нас), нас бы пожрали живыми'.

В большинстве случаев инфинитивные предложения с союзом *кзнегда* относятся к плану будущего или вневременному плану. В главном предложении им соответствуют повелительное наклонение или будущее время, например: *не ѡкрззї мене кз крѣма старости Бзнегда скончати сз крѣпости моєи, не ѡстакї мене* Нор. 114а—17, 115—1; *радї сего не оубоим сз кзнегда сзжжати сз земли* Нор. 78—2, 4.

В Болонской псалтыри в соответствии с этими инфинитивными предложениями представлены личные глаголы: *Не ѡкрззї мене кз крѣма старости. Іегда изнамагаєтз крѣпостз моя не ѡстакї мене* Бол. 70—9; *Сего ради не оубоимз сз, егда сзжжаетз сз земли* Бол. 45—3а;

Чаше, чем формы несовершенного вида, в Болонской псалтыри представлены, в соответствии с инфинитивными конструкциями Норовской, личные формы глаголов совершенного вида.

Например: *кзими гласз молиткы мож кзнегда кззыкати ми к тебѣ* Нор.

231а—5, 6; *кзизми гла молиткзї моеж егда кззѡкж кз тебѣ* Бол. 140—1б; *кзнегда приближити сз лѣтѡмз познаєши сз* Нор.

254а—11, 12; *Іегда придетз крѣма, тѣшиш* Бол. Cant. III, 2д;

Тѡгда не постыждж сз кзнегда призрати ми на кзсз заповѣди

ткѡж Нор. 197а, 8—10; Тѡгда не постѣждѡ сѧ, егда призрѧ на кѧ запѡкѣди ткѡж Бол. 118—6 (призрѣж — Син.); кѧнегда потрѣбѣлѣти сѧ грѣшникума, оузрѣши Нор. 62а—13, 14; Егда потрѣбѣлѣтѧ сѧ грѣшници, оузрѣши Бол. 36—34с (потрѣбѣлѣтѣж — Син.).

Конструкции «кѧнегда+inf.+Д» может соответствовать причастие настоящего времени: Ико не кѧнегда ли оумираѣти емоу ѡставиѣтѧ кѧѣтѣ; Нор. 84—2, 3; Иде оумираѣж не ѡставиѣтѧ ли кѧсего Бол. 48—18а (нигде оумираѣи — Син.).

Оборот «дательный субъекта при инфинитиве» с союзом кѧнегда может сочетаться с главным предложением, действия которого выражены формами аориста. Например: земѣт оубѡа сѧ и оумлаѣа кѧнегда вѣстѣти на сѣдѣз боу еже спѣти кѧсѧ кроткѣж земли Нор. 123—5, 7; И сѣрце мое сѧмѣте сѧ кѧ мнѣтѣ ико сѣнѣз кѧнегда оуклонитѣ сѧ ѣи Нор. 185—3, 4; и вѣзѣашѣ кѧ гоу кѧнегда скрѣѣти имѣз Нор. 180—7, 8.

Исходя из значения дательного падежа, следовало бы толковать смысл этих оборотов следующим образом: 'земля убоялась и замолчала, когда пришлось богу встать на суд, чтобы спасти всех кротких земли'; 'сердце мое смутилось во мне, как тень, когда ей приходится отклониться'; 'и воззвали к господу, когда случилось им скорбеть', т. е. данные обороты можно рассматривать как безлично-инфинитивные конструкции с опущенным безличным глаголом.

Однако в Болонской псалтыри им соответствуют личные конструкции с разными временными формами: с формой будущего времени: Земѣт оубѡа сѧ и оумлаѣа кѧнегда вѣскрѣснетѣ на сѣдѣз бѧ да спасетѣ кѧсѧ кротакѣж земли Бол. 75—10; и сѣрце мое кѧсѣмѣте сѧ кѧ мнѣтѣ ико сѣнѣз егда оуклонитѣ сѧ Бол. 108—22, 23; с формами имперфекта — И вѣзѣашѣ кѧ гоу, егда кѧсѣтѣжѣж Бол. 106—13а; или аориста, например, в следующей параллели: кѧнегда ѣзѣти емоу ѣзѣа земѣ егѣпетѣскѣж Иѣзыка егоже не знѧ оубѣлѣша Нор. 136—16, 17; 136а—1, 2; Егда ѣзѣде ѡ земѣ егѣпетѣскѣ жѣзѣка егоже не знѧ оубѣлѣша Бол. 80—6b, c. и даже причастия прошедшего времени: Тѧмо сѣдѡхѡмѣ и плахѡмѣ кѧнегда пѣмѣнѣти ны сиѡна Нор. 227—1, 2; тоу сѣдѡхѡмѣ и плахѡмѣ сѧ Помѣнѣжѣше сиѡна Бол. 136—1.

Это заставляет предположить, что писец механически ставит оборот дательного субъекта при инфинитиве каждый раз, когда встречается союз кѧнегда, даже там, где речь идет о конкретных последовательных, реально совершившихся в прошлом действиях. Например, текст: Кѧ гоу, егда кѧскрѣѣтѣжѣ, кѧсѣхѣж и оубѣлѣша ма Бол. 119—1, писец Норовской псалтыри передает

следующим образом: Кз гсѹ канегда скръѣтити мѣ, кззкахъ и оуслыша ма Нор. 214—14, 15; тексту Болонской: И кидѣ гз егда кзѣтжжншж и оуслѣша мѣ кж ихъ Бол. 105—44, в Норовской соответствует текст с двумя инфинитивными конструкциями: и кидѣ гз канегда стжжити йма канегда ёмоу оуслышати мѣнткы ихъ Нор. 178а, 13—16.

Видимо, писец ошибочно отнес к придаточному предложению с егда вторую часть сложносочиненного предложения и оуслѣша мѣ кж ихъ, в результате чего получилась бессмыслица: 'и увидел господь, когда ему услышать их молитву'.

Глаголы, требующие дательного адресата, могут употребляться в инфинитивных оборотах с дательным субъекта и дательным объекта адресата, например: канегда глати йма мѣнт на кѣтка дѣа гдѣ ѣстѣ бѣ ткой Нор. 73а—10; егда глаахъ мѣнт на кѣтко крѣма кдѣ естѣ бѣ ткои Бол. 41—11b; возможно, разумеется, употребление и без дательного адресата, например: и кзкжж стѣоуж хожаж канегда стжжати крагоу Нор. 74—5, 6 и кзкжж стѣоуж хожаж егда стжжаега ми крага Бол. 42—2b. Однако употребление при союзе канегда инфинитива только с дательным адресата без дательного субъекта, как мы видим это в следующем примере: канегда глати сѣ мѣнт на кѣтка дѣа, гдѣ ѣстѣ бѣ ткой Нор. 72—3; (егда глаахъ мѣнт на кѣтка дѣа кдѣ естѣ бѣ ткои Бол. 41—4b); является недоразумением, свидетельствующим о том, что писец механически строит данный оборот «союз + инфинитив + дательный падеж», не отдавая себе полного отчета в смысле написанного.

Еще более грубо эта ошибка проявляется в следующем примере, где писец, обнаружив в придаточном предложении союз канегда и дательный мѣ, ставит глагол в форме инфинитива, забывая при этом убрать именительный субъекта: аза же канегда ѡни ѡгакѣткѣати мѣ ѡблачахъ сѣ крѣтище Нор. 58—7, 8, чему в Болонской соответствует: канегда ѡни ѡгакне ткорѣхъ ми Бол. 34—13.

В следующем примере ошибочно употреблен родительный вместо дательного при инфинитиве: да не кззхоуеши гѣ еже оуѣзкити сѣ раба тѣоѣго ѡ пѣзз тоужднхъ Нор. 236—4—6.

Вероятно, допущена ошибка и в следующем тексте, где, судя по соответствующему месту Болонской псалтыри, должна быть либо личная форма глагола, либо дательный при инфинитиве: канегда ѣтѣзати ѡ мене дѣхъ мои и ты позна стѣзѣ мож Нор. 232а—3, 4; егда ицазааше ѡга мене дѣхъ мои и ты позна стѣзж мож Бол. 141—4а (стѣзѣ моя — Сип.).

Ошибки в формах и гиперизмы позволяют предполагать, что писец Норовской псалтыри употреблял оборот *dativus cum infinitivo* чисто механически после союза *кзнегда* даже там, где смысл передаваемого этого не требовал, и ставя инфинитив после союза *кзнегда*, забывал соответствующим образом изменить форму падежа, не чувствуя, видимо, значения инфинитива.

В современном болгарском языке дательный субъекта при инфинитиве не употребляется, как отсутствует и сам инфинитив. Однако сфера дательного субъекта не стала уже, чем в древнеболгарском, так как развился новый тип безличных конструкций, не известный старославянскому. Это конструкции типа: *не ми е работи, мене ми се яде*, выражающие отношение субъекта к действию, его желание или нежелание совершить данное действие.

6. Болгарским языком был утрачен также дательный самостоятельный. Этот оборот в старославянском хорошо изучен. Ему посвящен капитальный труд словацкого ученого Яна Станислава³⁰, который исследует структуру данного оборота, его функции, а также детально рассматривает вопрос о его происхождении. В работе приведен исчерпывающий перечень примеров дательного самостоятельного из старославянских текстов.

Мы рассмотрим дательный самостоятельный в аспекте его связи с основными функциями дательного падежа, сделаем попытку расположить различные типы дательного самостоятельного в порядке постепенного ослабления его связи с дательным адресата, что может представлять известный интерес как своеобразная реконструкция этапов возможного развития дательного самостоятельного из дательного объекта на славянской почве. На эту сторону вопроса обращали внимание русские ученые, видя в этом одно из возможных доказательств органичности возникновения дательного самостоятельного в старославянском.

Вслед за А. Потебней, Н. К. Грунский предполагает самостоятельное возникновение данного оборота в старославянском языке путем «постепенного отделения дательного зависимого». В пользу такого предположения свидетельствует, по мнению Грунского, употребление дательного субъекта при инфинитиве, где также приобретает известная самостоятельность дательным падежом. Возможность отделения этого падежа в самостоятельный оборот Грунский объясняет тем, что дательный падеж «не представляется так тесно связанным с глаголом как падеж винительный»³¹.

К такому же взгляду склоняются Г. Лер Сплавинский и Чеслав Бартула, которые считают, что хотя и допустимо предположение, что дательный самостоятельный возник под влиянием греческого,

³⁰ J. Stanislav. *Dativ absolutný v starej cirkevnej Slovančine*. «Byzantinoslavica», V, 1933—1934, стр. 1—112; VI, 1935—1936, стр. 372—375.

³¹ Н. К. Грунский. Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, т. 2, Юрьев, 1910, стр. 155.

как соответствие обороту с родительным самостоятельным, имеющимся в этом языке, но более вероятной является мысль о самостоятельном развитии этого оборота первоначально из дательного зависимого, например, конструкция *sъxodeštemъ že imъ съ gory, zaprēti imъ* М. Мс. 9.9 могла возникнуть из: *zaprēti imъ съxodeštemъ съ gory*. В дальнейшем дательный самостоятельный распространился и на другие случаи.³² Не касаясь вопроса о происхождении дательного самостоятельного, мы должны обратить внимание на смысловые связи данной конструкции с основными функциями дательного падежа и объяснить обусловленность ее появления в языке общим значением дательного падежа. В нашу задачу входит также проследить историю употребления и развития данной конструкции на протяжении древнеболгарского периода, что также может пролить известный свет на сущность данной конструкции.

По этому поводу Н. К. Грунский замечает следующее: «В истории развития дательного самостоятельного, бесспорно, должны быть намечены различные стадии. Нужно определить как бы первоначальные элементы этого оборота, самый первоначальный оборот и затем его распространение. И в этом случае историческое изучение оборота должно оказать существенную помощь»³³.

6.1. Анализ оборотов дательного самостоятельного действительно показывает их несомненную связь с основной функцией дательного падежа — функцией воспринимающего объекта и отдельными частными значениями в пределах данной функции — значением адресата и заинтересованного лица. Вместе с тем в языке реально существуют те переходные фазы, из которых мог развиваться дательный самостоятельный. Это случаи такого типа предложений, в которых дательный выступает одновременно адресатом действия личного глагола и субъектом действия, обозначенного причастием в дательном падеже. Обозначим эти конструкции — тип I.

1. да пришадзашю и тазкнжезашю абиѣ отъразжѣ са емоу Сав. 59 Лук. VII, 36; 2. пришадзашю же емоу ка хранинѣ припадога слѣпца Сав. 38 Мс. IX 28; 3. пригбожденоу же емоу бѣзвѣщѣ пакы димѣши рече покаи са Супр. 141—3; 4. отънемогшемѣ же са слоугамѣ поклѣ снати и и кѣсти ка темницѣ Супр. 116—27.

Обособлению причастных оборотов с дательным падежом могли способствовать, с одной стороны, большая самостоятельность причастий, часто употреблявшихся в старославянском в роли второстепенного сказуемого, с другой, — способность дательного падежа выступать в функции субъекта инфинитивных конструкций, также обладающих известной самостоятельностью.

³² T. Lehr-Splawinski, Cz. Bartula. Zarys gramatyki języka staro-cerkiewno-słowiańskiego na tle porównawczym. Wrocław—Kraków, 1959, стр. 137.

³³ Н. К. Грунский. Указ. соч., стр. 150.

6.2. В тех случаях, когда причастие распространено дополнительными членами, обычно появляется второй дательный, обозначающий то же самое лицо, но уже специально в функции адресата. Таковы предложения II типа: *зачыняшю же емоу сзрицати саско прикеде сѧ емоу единз дзжзникз тамѣ таланатз* Сав. 43 Мо. XVIII, 24. Иногда дательный адресата усилен предлогом *кз*, например: *еще не дадече сжцю емоу позла кз немоу друзгѣа сзтаника* Сав. 50 Лук. VII 6.

Если дательный самостоятельный обозначен именем существительным, дательный адресата может быть выражен местоимением, например: *сѧкшѣма же сѧнѣма прѣдз кзнаѣма рече кз нѣма* Супр. 182—25.

Появление двух форм дательного вместо одной, связанной двойной зависимостью, приводит к формальному обособлению причастного оборота, который выступает теперь в функции придаточного предложения времени (как в примерах, приведенных выше) или причины, например: *и не имажю емоу что кзздати покеѣт емоу гѧ продати сѧ* Сав. 43 Мо. XVIII, 25; реже это придаточные с другими значениями. Подобного типа конструкции известны в древнегреческом языке, например: *εἰσελθόντι τοῖ Ἰησοῦ εἰς καπερναοὺν προσήθεν αὐτῷ ἐκατόνταρχος κηλαδισσοῦ καὶ ἰσοῦ κз Капернаоумз и пристоупи кз немоу сзганикз* (Остр. Ев. Мо. VIII, 5).

Некоторые исследователи считают, что данные конструкции ни в старославянском, ни в древнегреческом не являются дательным самостоятельным³⁴. Н. К. Грунский, полемизируя с данным мнением, отмечает: «Эти примеры тем именно ценны, что показывают случаи дательного самостоятельного в греческом языке, эти случаи были немногочисленны, потому что в греческом языке был другой оборот для выражения того же, для чего здесь в силу особенностей предложений явился дательный падеж. Мне думается, что в этих греческих примерах лишнее доказательство справедливости мнения Потебни о возможности возникновения дательного самостоятельного из дательного зависимого»³⁵.

Если под «самостоятельностью» дательного падежа понимать его независимость от глагола, то вряд ли правильно рассматривать примеры II типа как вполне развившийся дательный самостоятельный. Это скорее плеонастическое употребление дательного падежа, вызванное тем, что дательный адресата слишком далеко отстоит от глагола, выражающего адресованное ему действие. Тем не менее, если бы переводчик не осознавал обособления дательного с причастием в самостоятельный оборот, выражающий отношения

³⁴ И. Белоруссов. Дательный самостоятельный падеж в памятниках церковнославянской и древнерусской письменности. «Русский филологический вестник», 1899, № 1—2, стр. 73—74.

³⁵ Н. К. Грунский. Указ. соч., стр. 149—150.

времени или причины, была бы невозможна следующая ступень развития данной конструкции, уже не имеющая точного соответствия в греческом. Речь идет о предложениях с глаголами, которые в греческом управляют дательным, а в славянском требуют другого управления. Примеры с подобными несоответствиями приведены в работе Н. К. Грунского³⁶. Это примеры типа: *κλῆζιστοῦ ἐμοῦ* кз корабля по немз ідоша оученици его Зогр. Мө. 8, 24; чему в греческом соответствует конструкция типа II с повторением дательного падежа: *ἐμβάντι αὐτῷ εἰς τὸ πλοτοῦ ἡκλοῦθησαν αὐτῷ οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ*.

6.3. Конструкции данного типа (тип III) широко распространены в старославянском и могут не иметь греческих соответствий с дательным. «Если бы дательный самостоятельный был оборотом только искусственно привитым и не имевшим никакой почвы под собою в самом славянском языке, — пишет Н. К. Грунский, — тогда представлялось бы странным, зачем понадобилось при переводе передавать этим оборотом подобные места: *καὶ εἰσελθόντα αὐτόν εἰς οἶκον, οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ ἐπ' ἡρώτων αὐτόν*. Мр. 9. 28. Совершенно свободно, не нарушая требований строя славянского языка, переводчик мог бы довольно близко передать эту форму. Между тем передача такова: *ї кзшадшюмоу кз домз оученици его кзпрашахъ* и»³⁷.

В конструкции данного типа (тип III) представлено еще большее обособление оборота с дательным самостоятельным. Так как глагол главного предложения не управляет дательным падежом, объект при личном глаголе, хотя и обозначает то же лицо, что и дательный самостоятельный, оказывается выраженным другим падежом. Например: *εὐερανόμενз же φαρисεомз кзпреси* ихз їс Сав. 47 Мө. XXII, 41. Кз оно *εὐ^{зо}* дацю *їсоу* *εὐ* горы *εὐ^рте* і народз *многз* Сав. 55 Лук. IX 37; *κλῆζιστοῦ* же *πῶνιо* кз *темницѣ* *їединз* *от'* *воинз* *оудари* и по *главѣ* Супр. 139—6; *εὐ*стак'ши же *їени* на *мѣстѣ*... и *абїе* *аг'гелз* *гнѣ* *прѣдзста* *прѣдз* неж Супр. 3—1; и *пришедзши* *їени* кз *сждїиштѣ* *кнѣткз* *їж* *паулз* Супр. 4—28.

6.4. Дальнейшую ступень разобщения дательного самостоятельного и объекта личного глагола главного предложения представляют примеры (тип IV), в которых идентичность обозначаемых ими предметов нарушается в отношении их числа. Множественному числу дательного самостоятельного соответствует единственное число в объекте личного глагола, т. е. лицо, обозначенное объектом личного глагола, входит в число лиц, обозначенных

³⁶ Н. К. Грунский. Указ. соч., стр. 313.

³⁷ Там же, стр. 312.

дательным самостоятельным. Например: *обѣдоуѣхшема же имѣ
вѣдаше патриарха третіаго на десѣте сѣдаша на краи стола.*
Супр. 121—22, 23.

Возможно обратное соотношение, лицо, обозначенное дательным самостоятельным, входит в число лиц, обозначенных объектом главного предложения, например, *рекшѹ же пакы пионію
ѣко вогома кашимѣ не слоугоуемѣ... прикѣдоша ихъ на сѣдѣж.*
Супр. 129—20.

6.5. V тип представлен предложениями, в которых дательный самостоятельный и объект главного предложения обозначают разные лица или предметы. Например: *и се рекшѹ емоу авіе
отидѣ проказа: отъ него Сав. 75, Мрк. I, 42; ещѣ же глѣцѹ емоу
покраже ꙗко бѣсѣ трагѣ Сав. 55 Лук. IX, 42.*

Нарушение реального тождества между обозначаемым объекта главного предложения и дательного самостоятельного делает возможным следующий шаг — появление безобъектных конструкций в главном предложении — тип VI: *и изгнаноу бѣсѹ прогѣ глагоухѹ
Сав. 38 Мѣ. IX, 33. Здесь дательный не является адресатом, так как речь обращена не к данному лицу: и калѣзашѹ емоу кѣ
корабѣ оумѣже кѣтрѣ Сав. 41 Мѣ. XIV, 32; иждикшѹ же емоу кѣ
выстѣ глѣдѣ крѣпкѣ на странѣ тоі Сав. 67, Лук. XV, 14; текѣ
же тѣорациѹ милостынѣ да не чюетѣ шѣнца тѣоѣ что тѣоритѣ де-
ница тѣоѣ Сав. 71, Мѣ. VI, 3.*

Объединяющим центром обеих частей сложного предложения является дательный самостоятельный, который обозначает лицо, заинтересованное (или не заинтересованное) в действии, выраженном в главном предложении, или, как в последнем примере, лицо, к которому относится «предписание», выраженное главным предложением. Создается известная параллель дательному заинтересованного лица или дательному предназначения, представленных в конструкциях типа: *чакоу ѣдиномоу
богатоу оугобѣзи сѣ нѣка Сав. 57 Лук. XII, 16; а прочимѣ кѣ притѣ-
чахѣ да вѣдаѣ не вѣдаѣ и слышаѣ не слышатѣ и не разоумѣютѣ
Сав. 49 Лук. VIII, 10.*

6.6. Если модальные связи двух частей предложения с дательным самостоятельным создаются значением самого дательного надежда, то, временные связи выражены формами причастий: причастие прошедшего времени указывает на следование действий, причастие настоящего на их одновременность. Например: *и при-
шедшѣма имѣ на мѣсто иде же бѣша сѣбѣзрѣли сѣ исплани же сѣ
вѣсе то мѣсто Супр. 125—26. Кѣ полоумѣсти же молашѣма
сѣ скатѣима просятѣ сѣ скѣтѣ великѣ кѣ темници о нѣо Супр.
182—1—3.*

Если причастие в дательном падеже обозначает действие, которое может служить причиной последующего действия, связь между двумя частями предложения утрачивает чисто временной и приобретает причинный характер, например: *сѣмоу же вѣзра-
стоу сѣрзѣноу вѣвѣшоу родитѣлю сѣвѣшгаста са жениги* Супр. 24—27; *дѣромомъ же сѣвѣшомъ на многы часы теченне
крѣпкое отъ стѣнхъ тѣлѣхъ ихъ исхождаше* Супр. 179—27.

Приведенные выше предложения характеризуются нерасчлененной причинно-временной связью, однако можно привести примеры, где причинные и временные отношения будут расчленены, например: *слоугамъ же дѣржшамъ ѿ нъ хѣсоу облагчабашгоу
мжкы не чюуаста сѣтата болѣзни* Супр. 183—14, 5 (святые не чувствовали боли в то время как слуги их били, потому что Христос облегчал муки).

Разрыв связи между дательным самостоятельным и глаголом главного предложения, по отношению к которому дательный выступал в функции воспринимающего объекта, закрепляется в оборотах, где в функции дательного самостоятельного выступает неодушевленное существительное. Это могут быть существительные со значением отрезка времени, например: *многую же
часоу минжашоу поклѣ изати и из крѣтишга* Супр. 112—5; *дани
оуже пришадзашоу поклѣ вѣса кѣсти а вѣ темницѣ* Супр. 104—24; *вѣвѣшоу же такокоуоумоу дани ка наже прѣдѣлѣз ануопатъ
къ народѣ поклѣ прикѣсти рабѣ хѣсоу на сѣдншгѣ* Супр. 99—2—5. Это могут быть иногда отвлеченные существительные, обозначающие действия, или даже конкретные существительные. Например: *гонению сѣштоу декиа цѣсара къ змурѣнѣ аги вѣшѣа пионни
прѣзкутерѣ и сѣбини испокѣдница* Супр. 124—24—26; *прошадзашоу же
мжкоу обоими мироу балѣсша кѣли людѣе къ градѣ* Супр. 540—10; *принесеномъ же вѣвѣшемъ дѣржомъ и крѣжомъ (к)гладзше(мъ) пионнѣ за-
твори очи* Супр. 141—13, 14; *вѣмъ реченомъ вѣвѣшемъ вѣдоша
а вѣ темницѣ* Супр. 133—4; *страхоу же многую сѣштоу къ градѣ
крѣстѣансма... оки оубо вѣжаахъ къ горы* Супр. 98—6.

В рассмотренном типе конструкций связь двух частей сложного предложения осознается как чисто временная.

6.7. Осознание значения данного оборота как формального средства выражения временной последовательности действий, не равных по своей значимости для повествования, позволяет употребить дательный самостоятельный в предложениях, представляющих собой прямую противоположность исходным стадиям употребления данной конструкции, которые характеризуются идентичностью предмета, обозначаемого дательным самостоятельным и объектом главного предложения, выступающим в синтаксической

функции дополнения. Конструкции VII типа характеризуются тем, что идентичность обозначаемого предмета объединяет дательный самостоятельный не с дополнением, а с подлежащим главного предложения, выступающим в функции субъекта действия при действительном глаголе или объекта действия при страдательном, например: *кѣшѣдѣшеѣ же имѣ обрѣтоша сѣѣ кеселашѣ сѣ и излѣзше сѣ страхомѣ*. Супр. 182—20; *плѣкамѣ дѣгѣкамѣ сѣшѣтамѣ судѣѣ кѣтрѣмѣ стѣногѣѣ сѣ* Супр. 127—25.

Н. К. Грунский рассматривает примеры данного типа как злоупотребление дательным самостоятельным. В связи с выяснением соотношения между славянским дательным самостоятельным и греческим родительным самостоятельным он пишет следующее: «Греческим родительным самостоятельным передаются придаточные обстоятельственные предложения времени в том лишь случае, если подлежащее этих предложений (т. е. родительный в данном случае падеж) не встречается в главном ни в качестве подлежащего, ни в качестве другого члена предложения. Между тем славянским дательным самостоятельным передавались такие случаи: не дошедшюу же емоу острова приде на рѣку. Приведенный пример, бесспорно, один из тех многочисленных примеров, которые явились результатом злоупотребления данных оборотов»³⁸.

Таким образом, употребление дательного самостоятельного в старославянском значительно шире употребления родительного самостоятельного в древнегреческом.

6.8. Н. К. Грунский отмечает еще одну существенную черту славянского дательного самостоятельного: «Особенность, которая отчасти характеризует славянский дательный самостоятельный в отличие от греческого родительного самостоятельного, это употребление дательного самостоятельного для обозначения независимого предложения»³⁹. Таковы предложения, в которых «дательный самостоятельный соединен с последующими предложениями посредством соединительных или противительных союзов (*погемѣ же кѣсѣу преобравившусѣ въ образ конина шедѣ ко князю*)»⁴⁰. Например: *и быстѣ идѣшеѣ имѣ и очистиша сѣ кѣи* Сав. 61 Лук. XVII, 14.

Другой тип независимого употребления дательного самостоятельного, по мнению Грунского, еще более важный, когда «дательный самостоятельный присоединяется к другому предложению (уже высказанному) при помощи этих союзов (*азѣ... преклонихѣ... и одному же рѣку положишю...*)»⁴¹. К данному типу можно отнести следующий пример из Супрасльской рукописи: *кам же ѿ жидѣѣ*

³⁸ Н. К. Грунский. Указ. соч., стр. 150, 151.

³⁹ Там же, стр. 152.

⁴⁰ Там же, стр. 153.

⁴¹ Там же, стр. 152.

мѡуѡси ꙗко кеанѣ аште видѣши о҃сла кра҃га ꙗко҃го паѣѡша паѣз
вѣременѣ не минуѡи нѣз вѣзѣта вѣзѣта и ꙗко҃же же и солѡмонѡу
гла҃голѡѡштоу аште паѣѣтѣ кра҃гѣ тѣон не порадоуѡи сѣ Супр. 126—
18, 19.

Число таких случаев возрастает в среднеболгарских памятниках. К. Мирчев видит в них проявление упадка данной конструкции, утрату чувства типичных особенностей дательного самостоятельного у писца. Он приводит следующие примеры: ѡрѣшаа-
щема же има жрѣба и рѣша Кюстендильское ев., Лук. XIX, 33; наводню же бѣкшоу и припаде рѣка храмѣнѣ тон, там же, Лук. VI, 48; пришашоу же емоу кѣ домѣ и пристѣпиѣта слѣпаѣа, Врачанское ев., Мт. IX, 27. Эти примеры свидетельствуют о переходе дательного самостоятельного в самостоятельное предложение⁴². Целый ряд подобных примеров приводит Е. Русек из Триоди Хлудова XIII в.⁴³

Встретился подобный случай в Норовской и Болонской псалтырях: ꙗѣще вѣрашню сѣщюу кѣ ѡустѣхъ ѡхъ, ꙗ гнѣкѣ бѣжѣи вѣзѣде на нѣхъ ꙗ ѡубѣи, кѣ множайшѣхъ нѣхъ Нор. 130—11, 12; единаче сѣщюу вѣрашнюу кѣ ѡустѣхъ нѣхъ и гнѣкѣ бѣн вѣзѣде на на и ѡубѣи множайшѣхъ кѣ нѣхъ Бол. 77—30, 31.

6.9. Разрушение дательного самостоятельного связано главным образом с процессом перехода склоняемых причастий в деепричастия. Это проявлялось в том, что причастие в дательном падеже заменялось неизменяемой формой на -ѣе (-ѣи), -ше (-ши). Отдельные случаи такой замены исследователи отмечают уже в старославянских памятниках. И. Дуриданов и К. Мирчев приводят отдельные примеры из Зографского и Мариинского евангелий и Супрасльской рукописи⁴⁴. Например: онѣмѣ молаште сѣ ꙗемоу сѣмоу гла҃голѡѡштоу ꙗемоу... александѣ рече Супр. 130—21, 22.

В среднеболгарских памятниках количество подобных примеров возрастает. Указанными авторами приводятся примеры из Охридского и Струмилинского апостолов, Добрейшева, Драгуйнова евангелий. Большое число случаев утраты причастием формы дательного падежа отмечено в Хлудовской триоди⁴⁵. Встретился нам подобный пример и в Норовской псалтыри: (и)

⁴² К. Мирчев. Историческа граматика на български език. София, 1958, стр. 260.

⁴³ Je. Rusek. Deklinacja i użycie przypadków w Triodzie Chłudowa Studium nad rozwojem analityzmu w języku bułgarskim. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1964, стр. 136.

⁴⁴ И. Дуриданов. Указ. соч., стр. 236; К. Мирчев. Указ. соч., стр. 260.

⁴⁵ Je. Rusek. Указ. соч., стр. 136.

шгезостѣ ѡчи мой въ слово твоѣ глашати когда оутѣшиши ма Нор. 203—5, 6; чему в Болонской и Синайской псалтырях соответствует текст с причастием в дательном падеже: *Исконзачастѣ сѧ ѡчи мои-въ слово твое глаголающе* когда оутѣшиши ма. Бол. 118—82а. в (глашати — Син.).

В триоди Шафарика XII в. К. Мирчев отмечает один пример полного распада конструкции: праздник законны прѣположише, в соответствии с церковнославянским — *празникъ законномъ прѣположиши сѧ*⁴⁶. Тот же пример отмечен и в триоди Хлудова: *празника законна прѣположише кѣт(х) творца владыкѧ сѧщимъ глаголаше х(рист)е* 147—4, 5; чему в триоди BWK 479 соответствует: *празникоу законному прѣположишоу сѧ кѣтхѧ творче и вѣко*. В триоди Хлудова примеры замены дательного абсолютного «нормальным предложением» не единичны.⁴⁷

В Норовской псалтыри дательный самостоятельный встречается очень редко. Мы отметили только два случая с временным и уступительным значением: *дѧкшоу тебѣ ѡмѧ съберѣтъ ѡкрышоу тебѣ рѣкѧ, кѣтческѧ испланѧ сѧ благости ѡкрышоу же тебѣ лице възмѧтъ сѧ* Нор. 170, 4—9; *ѡко мнѣ млѧчаюу, ты вѣси нѣхѧ* Нор. 64—2, 3.

Слѣдует отметить, что временные соотношения действий, близкие к дательному самостоятельному, могут передаваться в Норовской псалтыри дательным субъекта при инфинитиве с союзом *кѡгда* в сочетании с формами прошедших времен в главном предложении, например: *кѡгда възвратити гоу плѧна сѧиѡнѧ, възѡмѧ ѡко оутѣшени* Нор. 217—10, 11: *Ѣгда възвратитѧ гѧ плѧна сиѡнѧ възѡмѧ ѡко оутѣшени* Бол. 125—1 а. в. В Синайской и Софийской псалтырях в соответствии с будущим временем *възвратитѧ* более правильно употреблена форма аориста *възврати*.

7. С утратой болгарским языком конструкций *dativus cum infinitivo* и *dativus absolutus*, дательный падеж утратил способность выражать комбинаторную функцию объекта действия, так как именно в этих оборотах дательный падеж мог выступать в этой семантической функции. Например: *тои пакѧ глѧнѧнѡмѧ възнимѧ глѧнѧчарѡмѧ сътворѣнѣ быти* Супр. 396—20: *извѣтѣ ше тѣлѧ сѧтиѡнѧ покѣзѡша на възсѧнѧнѧхѧ странахѧ ѡкоже изѣденомѧ быти ѡмѧ отѧ пѧсѧ* Супр. 538—26; *обличени же... прѣмѧкоша отѧ прѣстѧна затворѡмѧ възѡмѧ оустѡмѧ нѣхѧ истинѡмѧ* Супр. 185—28, 186—1; и тому оутѧ аггѧлѧсѧ обѧчѧнѧ обличѡу възѡшоу кѧзѧсти ѡи глагола Супр. 299—13—15.

⁴⁶ К. Мирчев. Указ. соч., стр. 260.

⁴⁷ Је. Русѧк. Указ. соч., стр. 136, 137.

В этих примерах субъект действия выражен творительным падежом или родительным с предлогом *отъ*. Проанализируем один из примеров: *Атоу бѣкзшоу етоуоумоу петроу конны аже вѣаше послалъ цѣсара диоклитіана на суженіе его и вѣрзжену бѣкзшоу къ темницѣ вѣтъа по обычаю молашгоу са ъмоу къ по-лоуношти вѣдѣти юношѣ красна стоаша прѣда нима* Супр. 186—27—30, 187—1—4.

Функция объекта действия, которую выполняет дательный *петроу* в конструкции с дательным самостоятельным *Атоу бѣкзшоу етоуоумоу петроу конны* обусловлена контекстом, а именно наличием страдательного причастия со связкой *Атоу бѣкзшоу*, отношение которого к данному объекту выражено посредством творительного субъекта действия *конны*, т. е. теми же условиями, что и функция объекта действия именительного падежа в страдательной конструкции. Сам дательный падеж в выражении данной функции участия не принимает. Он употреблен здесь, как мы видели выше, для указания на связь с последующим контекстом.

8. Итак, главные функции дательного падежа, свойственные современному болгарскому языку, сохранены и унаследованы от языка древнеболгарского. Некоторые комбинаторные функции, известные дательному падежу в древнеболгарском языке, а именно функции изъяснительного объекта и объекта действия в современном языке утрачены, что в значительной степени сократило невозможность употреблении дательного падежа для обозначения неодушевленных предметов. Дательный падеж оформляется в современном болгарском языке преимущественно как личный падеж. Это отразилось и на сохранившихся функциях. Так, в отличие от древнеболгарского языка, дательный предназначения употребляется только для указания на одушевленное существо, которому предназначено что-либо. В противном случае употребляется только предлог *за*. Дательный падеж при глаголах движения может обозначать только лицо, к которому направляется движущийся предмет. При указании движения к неодушевленному предмету дательный падеж не употребляется. Напротив, предлог *към* в отличие от языка древнеболгарского утрачивает способность образовывать дублетные конструкции со значением дательного адресата. Он выражает чисто пространственные отношения⁴⁸.

Процессы, с которыми связано формирование дательного падежа в болгарском языке как падежа личного, происходили, видимо, уже в среднеболгарский период, что нашло отражение

⁴⁸ О соотношении дательного падежа и конструкций с предлогами *към* и *за* см.: Е. В. Чешко. Дательный падеж в современном болгарском языке и синонимичные предложные конструкции. «Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов». София, 1957, стр. 47—56.

в памятниках письменности. Так, в Норовской псалтыри ошибки в употреблении дательного падежа от неодушевленных существительных зафиксированы во всех объектных функциях. Дательный предназначения, например: положила еси насъ поношениѣ сзѣдѡма нашимъ подражаніе и порѣганіе сѣцима ѡкрѣта насъ Нор. 75—17, 75а—1—3; положила ны еси поношению сѣдѡма нашимъ подрѣжаніе и порѣганіе сѣцима ѡкрѣта насъ Бол. 43—14; И възмѣнихѡмъ сѣ тако оца заклениа Нор. 3а—5.

В среднеболгарских памятниках отмечаются примеры порчи или замены форм дательного неодушевленных существительных. Так, в соответствии в правильным текстом Норовской псалтыри: положила еси тѣрзаѣ его, стѣрахъ Нор. 148—15, 16, в Болонской находим Положила еси тѣрзаѣ его стѣрахъ Бол. 88—41b, чему в Погдинской соответствует кѣ тѣрзаѣ. Правильному употреблению дательного падежа в Погдинской псалтыри в примере: дондеже положи крагаѣ твоѣя подножию ногѡма моима Пог. 109—1b в Норовской и Болонской соответствует винительный: дондеже положи крагаѣ твоѣя подножие ногѡма твоѡма Нор. 187а—15, 16. Пример этот встречается с винительным падежом и в более древних текстах. Например, в Енишском апостолѣ: еже положи... крагаѣ [т]воѡ... іе ногѡма твоѡма Еп. ап. 8б—12; также в Охридском: положи крагаѣ твоѣя подножие ногѡма твоѡма Орх. 60л—17. Дательному предназначения Енишского апостола: бласудѣте же еда како властѣ си ваша прѣтѣканію вѣдетѣ немощныма Еп. 3а—15, 17, в среднеболгарских апостолах соответствует именительный: бласудѣте же еда како властѣ ваша си прѣтѣканіе вѣдетѣ немощныма Орх. ап. 55л.—4. То же в Хлудовском апостолѣ № 35, XIV в: како властѣ ваша си прѣтѣканіе вѣдетѣ немощныма л. 14б—14, 15.

Обратное соотношение наблюдаем в следующей параллели из Енишского и Охридского апостолов: тѣло же не мѡбѡдѣніе нѣ бѣ и гѣ тѣлоу Еп. ап. 2б—2, 3; тѣло же не мѡбѡдѣнію из гоу и гѣ тѣло Орх. 54 л., 9, 10.

Наряду с дательным неодушевленного существительного при глаголе сообщения (да исповѣда сѣ имени твоѡму великомоу іако страшно і сто естѣ Нор. 160—6—8), в Норовской псалтыри встретились примеры с ошибочным употреблением родительного падежа на месте дательного: Изведи изъ темницѣ дѣшѣ моѣ, еже исповѣдати сѣ имени твоѡго Нор. 233—2—4. В Болонской этому соответствует: изведи изъ темницѣ дѣшѣ исповѣдати сѣ имени твоѡмоу Бол. 141—8а, б. Встретился вместо дательного пример и с именительным-винительным: се сѡстѣи мой не възвѣра ги, Нор. 70а—16 вместо: се сѡстѣанама моѡма не възвѣрана Бол. 39—10 б, с (сѡ-

ством моимъ не възражъ Син.). Дательный изъяснительного объекта также заменяется винительным, приобретающим значение общего падежа, например, *пакѣж наоучите сѧ жикѣщей на земли... въсѣкъ ѿже не наоучитъ сѧ пакѣж на земли истинны не сътворитъ* Нор. 256а—3—6; и *благостижъ тѣѣж наоучи мѧ оправданнѧ тѣѧ* Нор. 202—3, 4 и *благостижъ тѣѣж наоучи мѧ оправданнемъ тѣомъ* Бол. 118—68 (тѣомъ Пог.; *благостѣжъ тѣомъ* Син., Соф. Бух.); *благостѣ ѿ наказаннѣ и разоумѧ наоучи мѧ*, Нор. 201а—14; *благости и наказаннѣ и разоумѣ тѣомѣ наоучи мѧ* Бол. 118—66 а, в.

Таким образом, основные изменения функций дательного падежа, отличающие современный болгарский язык от древнеболгарского, наблюдаются уже в памятниках среднеболгарского периода, и Норовская псалтырь дает нам убедительные примеры.

9. Нам остается рассмотреть еще один важный вопрос в истории дательного падежа, для которого дает некоторый новый материал Норовская псалтырь. Это вопрос о проникновении конструкции с предлогом *на* в сферу значений дательного падежа, приведшем к полному вытеснению флективных форм дательного падежа в именах существительных и формированию аналитической формы дательного падежа. Болгарские ученые считают этот вопрос центральным вопросом истории дательного падежа. В их трудах приводится немало примеров из старославянских и среднеболгарских памятников, свидетельствующих о возрастании функциональной близости дательного падежа и конструкций с предлогом *на*. Однако для решения поставленного вопроса материал пока собран недостаточный ⁴⁹.

Разночтения Норовской и Болонской псалтырей позволяют пополнить количество примеров, в которых дательный падеж представлен параллельно конструкции с предлогом *на*. Разночтения представляют собой примеры, в наибольшей степени отвечающие требованию сопоставления функционально близких конструкций. Эту необходимость понимали все, однако критерии функциональной близости каждый понимал по-своему. Мы сделаем попытку провести данные сопоставления в пределах функций и значений дательного падежа, различаемых в нашей работе. Разночтения одного и того же текста разных псалтырей дают известную гарантию идентичности значений параллельно употребленных оборотов. Однако и здесь не всегда можно определить, являются ли они дублетными или только синонимичными.

Параллели дательного падежа и конструкции с предлогом *на* отмечены в функции объекта восприятия и отношения, в функции

⁴⁹ Характеризуя состояние данного вопроса в науке И. Дуриданов пишет: «Несмотря на то, что вопрос этот поставлен нашими исследователями истории болгарского языка, он все еще полностью не изучен и не выяснен. . . вопрос этот требует специального изучения на обширном материале старых письменных памятников» (см.: указ: соч., стр. 226).

воспринимающего объекта (объекта адресата и предназначения), а также в приименном употреблении.

К. Мирчев в «Исторической грамматике болгарского языка» отметил, что первые замены дательного падежа конструкцией с предлогом «*на* + винительный падеж» представлены в Болонской псалтыри. «Нет сомнения, — отмечает он далее, — что в течение среднеболгарского периода употребление конструкций винительного падежа с предлогом *на* вместо дательного падежа непрерывно возрастало в болгарских народных говорах. Но они с трудом проникали в памятники». ⁵⁰

Учитывая это, мы рассматриваем все параллельные употребления подряд, независимо от того, в каком из памятников они представлены.

9.1. В функции объекта восприятия и отношения отмечаются следующие параллели: *ѣко рѣхъ ѣда когда порадоуѣтъ ми сѧ крази мой* Нор. 68а—1, 2; Бол. 37—17. Однако в комментариях к этому месту Болонской псалтыри читаем: *Ѣи рѣхъ сего ради приде да не порадоуѣтъ сѧ на чѧка въси* Бол. 37—17 ком. (другие примеры с этим глаголом приводятся К. Мирчевым, Ист. грам., стр. 259); *бѣгоколитъ гѣ на вождиихъ сѧ его ѡ на ѡупокажѣиихъ на матъ его* Нор. 241а—7—9; *бѣгоколитъ гѣ на вождѣхъ сѧ его и на ѡупокажѣхъ на мѣстѣи его* Бол. 146—11а, б. (цѣла — Пог.). С дательным падежом глагол этот отмечен в Погодинской и Бухарестской псалтырях: *ѣко бѣгоколитъ гѣ людемъ своимъ* 149—4а, чему в Норовской и Болонской соответствует текст с предлогом «*въ* + локатив»: *ѣко бѣгоколитъ гѣ къ людемъ своимъ* Нор. 243а—4, 5.

В Саввиной книге этот глагол употреблен с предлогом *о*: *се естъ сѧз мой къзвѣбѣтъ о немѧ же бѣгоколитъ* Сав. 148 Мѡ, III, 17; ... *о тебѣ бѣгоколитъ* (ὑποβόησα) Сав. 148 Мк. I, 11. Однако глагол *бѣгоколити*, которым в другом месте переведен тот же греческий глагол (εὐδοχεῖν) употреблен с предлогом «*на* + локатив»: *се отрокъ мой ... на немѧже бѣгоколитъ дѣла мои* Сав. 142 Мѡ. XII, 18 (в Остромировом ев. ... *на на же бѣгоколитъ дѣла мои*).

Возможно, управление данного глагола предлогами *на* и *въ* обязано своим происхождением влиянию греческого *ἐν*.

Глагол *надѣхати сѧ* представлен в Норовской псалтыри с предлогами *на* и *о*, например: *бѣжени къси надѣхѣи сѧ на на* Нор. 14а—8; Бол. 2—13; *нѣ надѣхъ сѧ на цѣдрѣтъ тѡжъ* Нор. 214—2; *надѣхѣи сѧ ѡ сѧхъ своимъ* Нор. 83—3, 4; чему в Болонской соответствует: *надѣхѣи сѧ сѧхъ тѡсемъ* Бол. 48—7а; *засвидѣтель-*

⁵⁰ К. Мирчев. Указ. соч., стр. 259.

ствован глагол *надѣати* *сѧ* и с творительным падежом: *надѣжцаго сѧ тѡсѡж матиѡ и тѡимъ матинымъ прѣстѣлѣзѣтѡмъ* Нор. 264а—4—6.

Параллель дательного и конструкции с предлогом *на* представлена в тексте Болопской и Погодинской псалтырей: *Ѳзъ же милости тѡсѡи надѣахъ сѧ* Бол.; *Ѳзъ же на милости тѡж надѣахъ сѧ* Бол. 12—6а; в Норовской псалтыри и псалтыри Томича XIV в. в этом стихе употреблен глагол *оупокахъ*: *азъ же, на милости тѡж оупокахъ* Нор. 27—3, 4; Том. 20а;

И. Дуриданов считает, что глагол *надѣати* *сѧ*, который в старославянском обыкновенно употреблялся с дательным падежом, получил новое управление под влиянием своего синонима *оупокати*, который употреблялся главным образом с предлогом *на*⁵¹. В Норовской псалтыри глагол *оупокати* управляет как правило предлогом *на* с винительным падежом: *и оупокай на на, и тѣ сѣтѡкоритъ* Нор. 60а—9; то же в Болопской: *и оупокаи на-на и тѡи сѣтѡкоритъ* Бол. 36—5, чему в Погодинской в данном случае соответствует творительный: *и оупокаи имъ и тѣ сѣтѡкоритъ*.

Встретилось в Норовской также управление предлогом «о + локатив»: *и ѡ ги оупокажъ* Нор. 45—3, 4.

Таким образом, глаголы *надѣати* *сѧ* и *оупокати* в среднеболгарских памятниках имеют параллельное управление с предлогами *на*, *о*, а также с творительным беспредложным. В старославянском глагол *оупокати* отмечен и с дательным падежом⁵².

Конструкция «*на* + винительный падеж» употребляется при глаголе *разоумѣти*. Например: *Блѣжна разоумѣкажи на ница и дубѡга* Нор. 71а—11, 12; Бол. 40—2а (*разоумѣкаа* — Син.); *сѣздакый едина срѣца ихъ разоумѣкажи на всѣ дѣла ихъ* Нор. 55—7, 8.

В старославянском этот глагол управляет чаще всего винительным падежом, но встречается также с родительным и дательным. Например: *да разоумѣемъ бжнѡ таниѡ* Супр. 449—16, 17; *разоумѣвши своего зѣла* Супр. 43—23; *а чюдодѣанию сѣпага не разоумѣтъ* Супр. 396—28.

В Норовской зафиксирован пример с родительным падежом: *грѣхѡпадания кто разоумѣтъ* Нор. 36а—10.

В следующем примере параллельно употреблены при одном и том же глаголе желати конструкции «*на* + винительный» и «*къ* + дательный»: *Ѳма же правоѡма желѣтъ елена на источникъ кѡдизѣ,*

⁵¹ И. Дуриданов. Указ. соч., стр. 229, 230. Он отмечает, впрочем, что древнейший пример зафиксирован в Зографском кодексе: *къ естерѡмъ надѣжшѣмъ сѧ на сѧ* Л. 18.9.

⁵² К. И. Ходова. Указ. соч., стр. 76: *не бо ми ѡсть оупѣати ѡдѣмъ рѣчемъ* Супр. 501—4.

также желаетъ дѣла моѣ к тебѣ бже Нор. 72а—11, 13; параллельно глаголу желаетъ в Погдинской псалтыри употреблен глагол жадаетъ: ꙗкоже жадаетъ еленъ на источники водныѣ тако желаетъ... Пог. 41—2. Эта параллель показывает, что данная конструкция имеет объектное, а не обстоятельственное значение, подобно тому как: кзжажда на та дѣла моѣ Бол. 62—2b, чему в Норовской соответствует винительный беспредложный: кзжажда та дѣла моѣ Нор. 100—16; но возможна здесь также и конструкция «къ + дательный». Эта параллель при глаголе жадати представлена в примере из Болонской псалтыри, который приводится К. Мирчевым в Исторической грамматике болгарского языка: ꙗкоже ждаетъ еленъ на источники водныѣ тако ждаетъ дѣла моѣ къ тебѣ бже Бол. 41—2⁵³, кзжажда дѣла моѣ къ боу крѣпкому и жѣкому Бол. 41—3а.

Вероятно, приемлема параллель следующих конструкций с предлогом на и с дательным отношения: ѿ оуми ѿ на раба ѿкож Нор. 150—16; или и оумоленъ вѣди на рабѣ ѿкож Бол. 89—13b; с другой стороны, и мѣтика ми ѿ благоуѣтѣлика створи твоѣго ѿна Нор. 246—12, 13; т. е. 'стань милостив к рабам своим' и 'сделай милостивым ко мне твоего сына'. Из Хлудовской триоды XIII в. Е. Русек приводит следующий пример: м(на)ста ткож г(спод)и створи на на(ѿ) 61а 10, 11⁵⁴, выражающий аналогичное отношение с помощью предлога на.

Таким образом, при глаголах радокати ѿ, благокомити (благоизкомити), надѣкати ѿ, оупокати, разоумѣти, желати, жадати, оумилити ѿ объект восприятия и отношения может быть выражен параллельно дательным падежом и конструкцией с предлогом на. К этой же группе примеров относится и следующее соответствие: К тебѣ оутѣрздих ѿ ѿ жтробы Нор. 114а—9; на та ѿтаѣрздих ѿ ѿта жтробы Бол. 70—6а (жтробы Син. Соф.).

9.2. Вторую группу составляют глаголы, выражающие враждебное отношение и соответствующие действия, вызванные этим отношением. Параллельное употребление дательного падежа и предлога на для выражения объекта этих действий обусловлено тем, что дательный в значении адресата причинения (дательный пользы или вреда) в ряде своих употреблений был близок к выражению одного из значений предлога на, утраченного им впоследствии в болгарском языке, а именно значения направленности действия против кого-то. Например: кззакнигѣ рѣцѣ

⁵³ К. Мирчев. Указ. соч., стр. 261.

⁵⁴ Је. Русек. Указ. соч., стр. 125.

тѣой на грьдына ѿхъ къ ко Нор. 120—7, 8; къзгладш на ма жѣкомъ лѣстикомъ Бол. 108—2б.

Выражение подобного отношения видит Б. Цонев в примере из Добрейшева евангелия: что же стѣкоръ на нѣа нарицаемого Ха Мт. 27. 22., чему в других евангельских текстах (Сав. кн., Врач. и Среч. ев.) соответствует дательный падеж. Дуриданов считает, что на основании такого неверного толкования Б. Цонев неосновательно оспаривает вероятность толкования этого примера как заместителя дательного падежа. Он считает, что предлог *на* в этот период должен был уже утратить значение 'против, срещу' ⁵⁵. «В XIII веке, когда перед дательным падежом начинает плеонастично употребляться предлог *на*, последний, по всей вероятности, не сохранял уже старой своей функции выражения отношения враждебности» ⁵⁶.

Материал Норовской псалтыри этого не подтверждает. В ней встретился ряд примеров, где параллельно тексту Болонской «*на* + винительный» употреблен «*на* + синкретичная форма дательного» — местного падежа, со значением 'против'. Например: *ѿста грѣшника ѿ ѿста лѣстикаго на мнѣ ѿбръзашъ сѧ* Нор. 183а—1, 2; *ѿста грѣшника и ѿста лѣстикаго на ма ѿтбръзашъ сѧ* Бол. 108—2а; *ѿ раширишъ на мнѣ ѿста скоѧ* Нор. 58а—14; *раширишъ на ма ѿста скоѧ* Бол. 34—21 (*рашириша на ма* Син. и др.).

Нам представляется, однако, что наличие у предлога *на* значения 'против, срещу' не могло препятствовать смысловому сближению с дательным падежом, так как последний тоже мог выражать аналогичные отношения. Это подтверждается примерами их параллельного употребления при глаголах, выражающих враждебное отношение и действия.

Конструкция с предлогом «*на* + винительный» отмечена при глаголе *помышляти* зла: *на ма помышляхъ злаа мнѣ* Нор. 72—11, 12, Бол. 40—8. Наряду с этим в том же значении адресата при глаголе *мыслити* употреблен один дательный: *да казвѣдѣтъ сѧ каспа и да постыдѣтъ сѧ мыслящій мнѣ зла* Нор. 57а—1; Бол. 34—4. При глаголе *кзѣтати*: *кзѣтаѣщій ми, да постыдѣтъ* Нор. 185а—1; *кзѣтаѣщій на ма постыдѣтъ сѧ* Бол. 108—28б; *кзѣтаѣше ми съкѣдѣтеле непрекѣдни* Нор. 58—2; *кзѣтаѣшши на ма съкѣдѣтели непрекѣдни* Бол. 34—11; предложное управление при этом глагоде встречается и в Норовской псалтыри, например: *положишъ ко ма стѣастнаго, порадованиѣ въское без престаниѧ на ма кзѣтаѣще* Нор. 80а—7—10; характерно, что предложная конструкция употреблена в тексте, где писец был невнимателен и допустил

⁵⁵ И. Дуриданов. Указ. соч., стр. 234.

⁵⁶ Там же, стр. 234.

ошибки в употреблении дательного падежа. Там, где он старается писать правильно, он употребляет при глаголе *кѣсѣти* дательный падеж, что возможно является своеобразным гиперизмом, так как и в старославянском этот глагол употребляется с предлогом *на*. Например: и *авѣе кѣсѣтъ на правѣднаго вѣдѣнѣмъ* кѣмоу нападе вѣсомъ Супр. 521—6, 7.

Глагол *напасти*, который в древних памятниках употребляется с дательным, также возможен с предлогом *на*: и *страхъ смѣрти* нападе на ма Нор. 90—6. Ср. в Саввиной кн.: *моштѣж дѣте* о *напастьскѣжцихъ* камъ Сав. 30, Мө. V 44. При глаголе *поносити* в Норовской отмечен только дательный *кѣсоу* *поносишъ* *дѣи* мое Нор. 57a—8; то же в Болонской 34—7 и других; *поношаахъ* ми *крази* мои Бол. 41—11b (мнѣ — Сип. мѣмѣ — Соф.); наряду с дательным в Болонской псалтыри возможна, однако, конструкция с предлогом *на*: *поношаахъ* ко вѣси на чѣка *кѣгда* *глаголю* Бол. 41—4b. ком. (чѣкоу Пог. Соф. Бух.).

В соответствии с дательным падежом в Болонской псалтыри *доколѣ* господи *поноситъ* *кразъ* Бол. 73—10a, находим в Норовской чистую звательную форму: *доколѣ* *бже* *поноситъ* *кразъ* Нор. 120a—11. В комментарии: *поносага* *рече* *крази* *Богоу* Бол. 73—10a. Иногда дательный падеж в среднеболгарских псалтырях соответствует конструкции с *на* в Синайской: *да не порадоуѣтъ* ми *са* *кражоуѣщий* ми *без* *правды* Нор. 58—9, 10; *да не порадоуѣтъ* ми *са* *краждоуѣщии* *мнѣ* *безъ* *правды* Бол. 34—19 (краждоуѣщени мене *без* *правды* Пог. — *ижи* на *мѣ* *без* *правды* — Сип.). В Супрасльской рукописи находим также *краждоуѣщии* *намъ* Супр. 406—26. Таким образом, параллельное употребление дательного падежа и конструкции с *на* при глаголе *краждѣти* относится к числу древнейших соответствий.

Конструкции с *на* отмечены и в других случаях, где мог бы быть употреблен дательный падеж: и *ѡмѣштахъ* на *кѣсѣ* *начинанѣ* ихъ Нор. 160a—7; и *мѣщахъ* на *кѣсѣ* *начинанѣ* ихъ Бол. 98—8с (ср. в старославянском: и *празднѣстѣкоу* *сѣбѣганоуѣмоу* *отѣмѣшгажѣ* Супр. 396—27, 28); не *оуспѣтъ* *кразъ* на на Нор. 147—7, 8; *ничесоже* *оуспѣтъ* *кразъ* на-на Бол. 38—23a; ни *диакolz* по ни *жидоке* не *оуспѣшъ* *ничесоже* на *хѣ* *вѣкъшее* Бол. 38—23a ком.

В дальнейшем конструкция с предлогом *на* могла распространиться на дательный причинения, не выражающий адресата вредного действия. Например: и *да вѣдетъ* *скѣтѣлѣтъ* *га* *ба* *нашего* на *насъ* и *дѣла* *рѣжъ* *нашихъ* *изпраки* на *насъ* Нор. 150a, 9—11, Бол. 89—17b.

9.3. Третьей группой глаголов, способствовавших сближению функций дательного падежа и предлога *на* были глаголы, обозначающие движение.

К сожалению, мы не располагаем здесь примерами разночтений. В Норовской псалтыри дательный беспредложный представлен при глаголах движения достаточным числом примеров: *приѣдѣтъ сѧ црю дѣмъ кѧ сѧтѣмъ ѣж* Нор. 77а—5, 6: *тебѣ ги кѧзкоу дѣмъ сѣце* и *помышленіе тебѣ кѧзкоу кѧзкоу мое чюу кѧзкоу* Нор. 80а—2—5; *азѧ кѧсѣю кааннѧ, припадаѣтъ твоемоу благоутрѣбію* и *благодѣтели да не прѣданѣ бѣдѣ ѡбидѣшимъ мене* Нор. 64а—12—15.

Однако часто близкие отношения передаются предлогом *на*, например: *не бѣу кѧси когдѧ на тѧ приѣдетъ гласъ гл҃ацій, сѣ женихъ твоѧ* Нор. 210—12; *сѧдѣннѧ нѧхъ ми зѧ помышлѣѣтѣ неѡудѣнѧ* на *твоѣ прѣвѣтѣ* щедрыты Нор. 42а—3, 4; *не кѧ иномоу прѣвѣтѣ нѧхъ кр҃ачю* Нор. 65а—3, 4; *воѣзѧ и трепетъ приде на мѧ* Нор. 90—8 (Бол. 54—5b, 6a) *да придеѣтѣ же смѣртѣ на нѧхъ* Нор. 90а—14 (на на Бол. 54—16a).

Параллельное употребление дательного и конструкции с *на* находим в Норовской псалтыри в следующих примерах с глаголомъ *навести*: *и кѧсѣ ѣмѧ наведе намъ, кѧ истиннѧ сѧдѣ сѧтворилѧ ѣси* Нор. 258а—15; *в истинѣ и сѧдомъ, наведе ѣси сѧ кѧсѣ на ны, грѣхъ ради нашихъ* Нор. 258а—4—5; с глаголомъ *приложить* (сѧ): *Щто дастѣ сѧ тебѣ и что приложитъ сѧ тебѣ кѧ ѧзыкоу азѣстикоу* Нор. 214а—1, 2; (Бол. 119—3) *да приложитѣ гѣ на кѧ, на кѧ и на сны кашѣ* Нор. 192—3, 4 (Бол. 113—22).

Конструкции с *на* в Норовской — *приложи безаконіе на безаконіе нѧхъ* Нор. 111а—15, 16; в Болонской соответствует «*къ* + дательный»; *приложи безаконіе кѧ безаконію нѧхъ* Бол. 68—28.

Наконец, встретились примеры употребления предлога *на* при глаголах *кѧздати* и *послати*: *ѧко ѡдѣное на мѣрѣ сѧко* *ѧко кѧздѧси на дѣшѣ моѣ* Бол. 130—2с; *ѧко ѡдѣное на мѣрѣ сѧко*, *ѧко кѧздѧси на дѣшѣ моѣ* Нор. 220—1; *послѧ вѣгѣ твоѣ... на дѣшѣ моѣ ѡкадѣнѧго* Нор. 43—11, 12. Аналогичный пример из Хлудовской триоды XIII в.: *твоѣ мѣтѣ послѧ на мѧ* 21а—7 сп.

Рассмотренные нами конструкции с предлогом *на* при глаголах *кѧздати*, *послати*, *навести*, *прѣвѣтѣти*, *приложить*, употребляемые параллельно дательному падежу, выражают отношение аналогичное адресату, к которому обращена просьба (на *твоѣ прѣвѣтѣ* щедрыты выражает отношение близкое к *припадаѣтъ твоемоу благоутрѣбію*). Адресат сообщения выражается параллельно дательным падежом и конструкцией с предлогом *на* и при глаголе *зѧдати*, *кѧздати*: *нѣ дѣзѧнѣмъ на чѧкомѣнѣ твое зѧѣ*

Нор. 30а—14—15: да келнѣмъ глагома зокж ти Нор. 63а—4; помилуй ма ги факѣ к тебѣ възвѣж кеса дна Нор. 142а—2, 3 (Бол. 85—3) възвѣжъ тѣбѣ спси ма Нор. 207а—5, 6; възвѣжъ кз тебѣ спси ма Бол. 118—146: Возможно, и здесь проявляется тенденция употребить конструкцию *на* в случаях, когда адресат представлен неодушевленным существительным. Сравним, например; и кзси сжди твон истинани и сжбѣ истинѣ сзтворима еси, по възѣ ꙗже наведе нама и на градъ стѣий еже ѡца нашихъ, іерлм' Нор. 258а—1—3; тако глѣ га на дома іакокле Хл. тр. XIII в. 19—14.

9.4. Список этих примеров может быть пополнен конструкциями с предлогом *на* в функции изъяснительного объекта, употребленным параллельно дательному падежу. Например; наставитъ кротакыж на сждз насѹчитъ кротакыж пжтема своѣмъ Нор. 44—6, 7; наставитъ кротакыж на сждз наставитъ кротакыж пжтема своѣмъ Бол. 24—9; глагол *наставити* употребляется также с конструкцией «*кз* + дательный»: тѣ ми прѣдпостави свѣта агла наставкажцаг ма к тебѣ Нор. 103—1—3; набуцаж ржцѣ мой на бранз Нор. 34а—6.

9.5. Сближение конструкций с предлогом *на* и дательного падежа происходило также в сфере значений предназначения и цели. Конструкции с *на* в значении цели известны старославянскому. Например: из печалю нма юстѣз іако на благодѣние члѣкомъ и на сзпачение доушамъ приде Супр. 396—24—26. Пример из среднеболгарского: іак дама еси животвораци крѣта твон нама на поклонение Хл. тр. XIII в. 9а—30, 31: и іако на на придоша на помощта стѣаго конопа Супр. 51—1; възмѣнихомъ са іако ѡбца заколениду Нор. 76—6, 7; възмѣнишж ны іако ѡбцаж на заколение Бол. 43—23b. (заколению Пог., Бух., възмѣниша ны, ѡбца, заколеніе Спн).

Эти конструкции могли восприниматься как приименные, о чем свидетельствует замена дательного родительным: и възмѣнишжъ са іако ѡбца заколеніа Нор. 3а—5.

9.6. Приведенный обзор параллельного употребления дательного падежа и конструкций с предлогом *на* в среднеболгарских псалтирях позволяет заключить, что эти параллели наблюдаются во всех или почти во всех объектных функциях дательного падежа. В отличие от современного болгарского они возможны, однако, не при всех, а лишь при некоторых глаголах, в первую очередь, таких, при которых возможно было синонимичное употребление конструкции с *на* и дательного падежа. Таким образом, материал, которым мы располагаем, дает возможность лишь уточнить ту основу, на которой происходило сближение конструкции с пред-

логом *на* и дательного, приведшее к последующему вытеснению дательного имен существительных. Поскольку наиболее часто замена дательного винительным, конструкцией с предлогом *на* или с предлогом *въ* представлена в именах неодушевленных, можно предположить, что в этот период дательный неодушевленных существительных уже не был свойствен языку писцов. Не были свойственны живому языку также конструкции дательного самостоятельного и дательного при инфинитиве, о чем также свидетельствуют ошибки в их употреблении. Таким образом, различия в функциях дательного падежа современного болгарского языка и языка древнеболгарского определились уже в среднеболгарский период.

УТРАТА ЛОКАТИВА И ТВОРИТЕЛЬНОГО

Утрата локатива и творительного шла параллельно и во многом аналогичными путями. Мнения К. Мейера и И. Дуриданова несколько расходятся, главным образом, в определении хронологии процесса, поэтому мы изложим общую картину развития этих падежей по работам этих двух авторов.

10. Замена беспредложного управления предложным. Для локатива, как отмечает К. Мейер, процесс этот закончен уже в древнеболгарский период¹. Рассматривая морфологическую систему падежей древнеболгарского языка, мы могли убедиться в том, что беспредложный локатив, хотя и употребляется при некоторых глаголах, однако уже не является членом морфологической системы падежей и заменен в этой системе предложной конструкцией «о+локатив». Развитие предложного употребления самого локатива К. Мейер рассматривает как первый фактор, ведущий к его утрате. Это, безусловно, необходимая, хотя далеко не достаточная предпосылка утраты падежа, так как он может продолжать нормально функционировать в своих предложных формах, что и наблюдается в других славянских языках.

Помимо предложного употребления самого локатива, наблюдается вытеснение беспредложного локатива другими беспредложными падежами: дательным, родительным и винительным. Этот процесс можно наблюдать уже в старославянском, где ряд глаголов, управляющих беспредложным локативом, параллельно употребляется и с другими падежами. И. Дуриданов приводит список таких примеров с глаголами *прикоснѣти* сА (Р. Д.), *приложити* сА (Д, *къ+Д*), *прихѣтити* сА (Д, *къ+Д*) *належати* (Д), *напасти* (В), *приставаѣти*² (В). В памятниках среднеболгарского периода

¹ К. Мейер. Der Untergang der Deklination im Bulgarischen. Heidelberg, 1920, стр. 86.

² И. Дуриданов. Към проблемата за развоя на българския език от синтетизъм към аналитизъм. «Годишник на Софийския ун-т, филол. фак-т», т. LI, ч. 3. София, 1956, стр. 182.

число таких замен возрастает. Появляется дательный или родительный падеж вместо беспредложного локатива обстоятельства времени, т. е. беспредложный локатив вытесняется из наиболее устойчивой его функции³. Например, в соответствии с локативом в Саввиной книге: *иже бѣ архіереи тома лѣтѣ*, представлен дательный в Зографском, Ассеманиевом и Врачанском евангелиях; *томуу лѣтоу*, и родительный в Добрейшем: *лѣта того*. Неправильное употребление падежных окончаний (формы локатива вместо творительного; формы дательного и родительного вместо локатива) свидетельствует, по мнению Дуриданова, об утрате чувства местного падежа⁴.

Замену беспредложного локатива конструкцией с предлогом *въ* находим в следующем примере: не придетъ к тебѣ зло и рана

Замена локатива дательным после предлога *по* отмечена в Болонской псалтыри: и *разкаа са* по оумножений многоти своѣж. Нор. 179—1, 2; по оумножению Бол. 105—45b.

3 К. М е у е р. Указ. соч., стр. 35.

1, 2; и глаголъ ѿ скѣдѣннѣхъ тѣснѣхъ прѣдъ цр҃и и не стѣдѣхъ сѧ Бол. 118—46 (скѣдѣннѣ Соф., Бух.).

Обратная замена родительного формой локатива отмечена в примере: и обѣдѣтъ ѿ морѣ до морѣ и ѿ рѣкѣ до концѣхъ вселенныѣ. Нор. 116а—14; и ѿгѣ рѣкы до конца вселенныѣ Бол. 71—3б (конца Син., концѣ Соф., Бух., вселенны Син.).

Смешению этих падежей содействуют синкретичные формы притяжательных местоимений.

10.2. Широко отражен в Норовской псалтыри другой важный процесс, характеризующий язык среднеболгарского периода — утрата чувства различия между падежами места и направления. Этот процесс, по мнению Дуриданова, начался еще в древнеболгарском, о чем свидетельствуют sporadические случаи смешения винительного и местного падежей после предлогов *въ* и *на*, что находило, видимо, опору в народном языке того времени⁵. Смешение локатива и винительного после предлогов *въ*, *на*, реже *о*, *объ* широко представлено в среднеболгарских псалтырных и евангельских текстах⁶. По наблюдению Мейера, отмечается либо употребление того или другого падежа в соответствии с греческим текстом (отличное от древнеболгарского), либо употребление, отличающееся и от греческого, и от древнеболгарского. Выбор падежа в последнем случае определялся тем, какой падеж при данном предлоге оказывался более устойчивым.

Примеры евангельских и псалтырных текстов, приводимые Мейером, показывают явную тенденцию вытеснения локатива винительным падежом (40 примеров, в то время как обратная замена зафиксирована в 23 случаях). Это относится к предлогам *на*, *въ*. Та же тенденция прослеживается Дуридановым на более широком круге памятников. Он заключает: «Более поздние болгарские памятники, особенно XIII—XIV вв. представляют многочисленные примеры вытеснения местного падежа после предлогов *въ* и *на* общей именительно-винительной формой»⁷. Общая форма вместо местного падежа появляется и после других предлогов *о*, *при*, *по*⁸. В начале XIV в. местный падеж не представлял уже живой категории в народном языке.

Материал Норовской псалтыри подтверждает изложенные выше наблюдения и позволяет пополнить коллекцию примеров, приводимую Мейером, рядом новых разночтений псалтырных текстов, показывающих, что в Норовской псалтыри, отражающей восточно-болгарские говоры конца XIII в., вытеснение локатива винительным падежом после предлогов представлено более определенно и последовательно, чем в Болонской псалтыри.

⁵ И. Дуриданов. Указ. соч., стр. 185, 187.

⁶ К. Меуег. Указ. соч., стр. 37—40, 45.

⁷ И. Дуриданов. Указ. соч., стр. 187.

⁸ Там же, стр. 190, 193.

Разночтения в употреблении локатива относятся чаще всего к замене локатива винительным после предлогов *въ* и *на* при глаголах, не обозначающих направления. В Норовской псалтыри винительный при обозначении места действия часто отмечен в соответствии с локативом в Болонской.

1. жикотнаа ткоа ѡбитажѣтѣ на на Нор. 107а—11; τὰ ζῳὰ σου κατοικοῦσιν ἐν αὐτῇ жикотнаа ткоа жикжѣга на неи Бол. 67—11а;

2. и еже жити ми въ дома гнѣ въ длаготѣ дни Нор. 41а—3, 4; В другом месте — локатив: ѣже, жити ми въ домоу гни кѣа дни жикота моего Нор. 46—8;

3. ѡ печали призвахъ гѣ и оуслыша ма въ пространѣство Нор. 193а—15; въ пространѣство Бол. 117—5а. b, кѣа пространѣтъ Соф. Καὶ ἐπήκουσέ μου εἰς πλατυσμόν;

4. не подкижитъ сѣ въ вѣка жикжѣи въ іерѣма Нор. 216а—15; жикжѣи въ іерѣмѣ Бол. 124—1b; οὐ σαλευθήσεται εἰς τὸν αἰῶνα ὁ κατοικῶν Ἱερουσὴμ;

5. іако тамо сѣдоуж прѣстоли на сѣдѣ прѣстоли въ домоу дѣдѣт Нор. 215—4, 5; іако тоу сѣдѣ прѣстоли на сѣдѣ Бол. 121—

5. Ὅτι ἐκεῖ ἐκάθισαν θρόνοι εἰς κρίσιν, θρόνοι ἐπὶ οἶκον Δαυὶδ;

6. хвалите йма гнѣ хвалите раби гѣ стоѣшѣтей въ дома гнѣ въ двортѣхъ домоу бѣ нашего Нор. 224—13, 14; се ниѣ вѣте гѣ въси раби гни стоѣщии кѣ храмѣ гни Бол. 133—1а. b. οἱ ἐστῶτες ἐν οἴκῳ Κυρίου;

7. да не мракъ мене пойметъ и ходаѣцъ кѣ на похытитъ ма ратникъ Нор. 235а—16, 17; 236—1;

8. топаза, камена сѣтѣла ѣ и блистаѣ сѣ кѣ кѣдѣнѣ кѣ гѣа індикийскій ѡбрѣтаемъ Нор. 206 на полях;

9. блѣзъ гѣ въсѣтѣскыймъ и цѣдроты его на въсѣ дѣла его Нор. 239—5, 6; и шѣдротѣи его на въсѣхъ дѣлѣхъ его Бол. 144—9; καὶ οἱ οἰκτιρμοὶ αὐτοῦ ἐπὶ πάντα τὰ ἔργα αὐτοῦ;

10. и раздѣлите тяжесть его іако да покѣте кѣ рѣдѣзъ дроугѣи Нор. 82а—3, 4; и раздѣлите дома его іако да покѣте кѣ родѣиномъ Бол. 47—14b; ὅπως ἂν διηγήσῃθε εἰς γενεὰν ἐτέραν;

11. жикжѣи кѣ поѣи кышнѣагѣ, кѣ крокѣ бѣ небеснаагѣ кѣдворитъ сѣ Нор. 150—15; жикжѣи кѣ помощи кышнѣаго кѣ крокѣ бѣ небеснааго кѣдворитъ сѣ Бол. 90—1.

Нам встретился лишь один пример, когда правильному употреблению локатива места в Норовской соответствует винительный в Болонской: прокедшѣмоу мѣди сѣожъ кѣ поуѣтъни Нор. 226а—2, 3; прокедшѣмоу мѣди сѣожъ кѣ поуѣтъна Бол. 135—

16а (кз поустыни Сип.,—ю Бух.). τῷ διαγαρόντι τὸν λαὸν αὐτοῦ ἐν τῇ ἐρήμῳ.

В четырех примерах представлено ошибочное употребление локатива при глаголах направления: и кзниде $\bar{\text{и}}\bar{\text{л}}\bar{\text{а}}$ кз егип'тѣ Нор. 172—6, 7; и кзниде $\bar{\text{и}}\bar{\text{л}}\bar{\text{а}}$ кзѣ-егуптѣ Бол. 104—23; Καὶ εἰσῆλθεν Ἰσραὴλ εἰς Αἴγυπτον; и кзнидѣ $\bar{\text{ѣ}}$ ко рѣка глѣ мой $\bar{\text{ѣ}}$ ко тѣча на тро-скогѣ, и $\bar{\text{ѣ}}$ ко $\bar{\text{и}}$ ниѣ на трѣкѣ Нор. 250—3, 5; $\bar{\text{ѣ}}$ ко тѣча на тро-скогѣ, $\bar{\text{ѣ}}$ ко $\bar{\text{и}}$ ниѣ на $\bar{\text{ѣ}}$ кно Бол. Cant. II, 2с; посла $\bar{\text{ѣ}}$ нгостѣ кз $\bar{\text{д}}\bar{\text{ш}}\bar{\text{а}}$ хѣ и Нор. 176а—13; Посла $\bar{\text{ѣ}}$ нгостѣ кз $\bar{\text{д}}\bar{\text{ш}}\bar{\text{а}}$ и хѣ Бол. 105—15b; ($\bar{\text{д}}\bar{\text{ш}}\bar{\text{а}}$ Сип., $\bar{\text{д}}\bar{\text{ш}}\bar{\text{а}}$ хѣ Бух.); ἐξαπέστειλε πλησμονὴν εἰς τὰς ψυχὰς αὐτῶν;

И призка глѣз на земѣ Нор. 171а—8; призка глѣ на земѣ Бол. 104—16а; Καὶ ἐχάλεσε λιμὸν ἐπὶ τὴν γῆν; не совсем ясен следующий пример: $\bar{\text{ѣ}}$ ко тлѣшгѣ земѣ прѣтѣ $\bar{\text{ѣ}}$ а на земѣ распышѣ $\bar{\text{ѣ}}$ а кѣтѣ и хѣ при $\bar{\text{а}}$ дѣ Нор. 232—9, 11; $\bar{\text{ѣ}}$ ко и тлѣща земѣ прѣтѣ $\bar{\text{ѣ}}$ а на земѣ, распышѣ $\bar{\text{ѣ}}$ а кѣтѣ и хѣ при $\bar{\text{а}}$ дѣ Бол. 140—7; ὡσεὶ πάχος γῆς ἐρράγη ἐπὶ τῆς γῆς.

10.3. Рассмотренные ошибки в употреблении локатива и винительного с предлогами *въ* и *на* показывают, что писец Норовской псалтыри уже не чувствовал различия падежей места и направления. Винительный падеж, как видим ниже, вытесняет локатив не только в значении места, но и в других функциях, в употреблении с отвлеченными существительными (наблюдаются и обратные замены).

Так, например, вместо локатива представлен винительный в функции обстоятельства образа действия, характеризующего состояние, субъекта во время совершения действия: $\bar{\text{а}}$ а поклѣна $\bar{\text{ѣ}}$ а кз цркви $\bar{\text{ѣ}}$ тѣй твоеѣ кз $\bar{\text{ѣ}}$ трахѣ твоеѣ Нор. 142—5, 6; и $\bar{\text{ѣ}}$ тма $\bar{\text{ѣ}}$ го кз $\bar{\text{в}}\bar{\text{а}}$ гѣкѣнѣ $\bar{\text{в}}\bar{\text{а}}$ ждѣтѣ Нор. 62, 10, 11; И $\bar{\text{ѣ}}$ тма $\bar{\text{ѣ}}$ го кз $\bar{\text{в}}\bar{\text{а}}$ гѣсѣкѣнѣ $\bar{\text{в}}\bar{\text{а}}$ ждѣтѣ Бол. 36—26. ($\bar{\text{в}}\bar{\text{а}}$ кѣнѣ Пог., кз $\bar{\text{в}}\bar{\text{а}}$ кѣнѣ Бух.). καὶ τὸ σπέρμα αὐτοῦ εἰς εὐλογίαν ἔσται. Обратный случай представлен в примере со значением обстоятельства цели, где употреблен локатив вместо винительного: $\bar{\text{ѣ}}$ ко $\bar{\text{ѣ}}$ нгѣ и $\bar{\text{м}}$ лѣтѣ $\bar{\text{м}}$ оѣ кз $\bar{\text{в}}\bar{\text{а}}$ гѣкѣлѣ $\bar{\text{и}}$ ни^х и хѣ Нор. 232—4, 5; $\bar{\text{ѣ}}$ ко и $\bar{\text{ѣ}}$ нгѣ $\bar{\text{м}}$ оѣ $\bar{\text{м}}$ ѣ кз $\bar{\text{в}}\bar{\text{а}}$ гѣкѣлѣнѣ и хѣ Бол. 140—5b (кз $\bar{\text{в}}\bar{\text{а}}$ гѣкѣлѣнѣ Пог.). ἐν ταῖς εὐδοκίαις αὐτῶν.

При глаголе кѣрѣкати наряду с дательным объект восприятия и отношения в старославянском мог быть выражен винительным с предлогом *въ*. На месте этого винительного встретился пример с локативом: и $\bar{\text{ѣ}}$ збранныѣ $\bar{\text{ѣ}}$ срѣкѣ $\bar{\text{з}}$ апагѣ кз кзѣтѣхѣ $\bar{\text{ѣ}}$ и хѣ, $\bar{\text{ѣ}}$ згрѣ-шѣшѣ $\bar{\text{п}}$ акѣ и не кѣрѣка кѣ $\bar{\text{ѣ}}$ оугѣ $\bar{\text{ѣ}}$ г Нор. 130, 14—16; καὶ οὐκ ἐπίστευσαν ἐν τοῖς θαυμασίοις αὐτοῦ; $\bar{\text{ѣ}}$ збранныѣ $\bar{\text{и}}$ ниѣ $\bar{\text{и}}$ лѣкѣмѣ $\bar{\text{з}}$ апагѣ

наѣзъ кѣѣмъ снми сзгрьшнхъ емоу па и не жххъ кѣрѣи чюдесема его Бол. 77—31—32.

В Норовской псалтыри конструкция «еъ + локатив» широко употребляется на месте творительного в самых разнообразных функциях (см. раздел о творительном падеже). Однако есть случаи, свидетельствующие о том, что и в этих конструкциях локатив заменяется винительным. Например, в соответствии с примером в Болонской псалтыри: Похвалитъ еѣ кѣѣкъ каѣны еѣ нмѣ Бол. 62—12b; в Норовской находим: похвалитъ еѣ кѣѣ каѣный еѣ кѣ нѣ Нор. 101—6, 7; ἐπαίνεθήσεται πᾶς ὁ οὐνύων ἐν αὐτῷ; гнѣкомъ люди низвѣнѣши Бол. 55—8b; кѣ гнѣкъ люди низвѣш Нор. 94—9; ἐν ὀργῇ λαοὺς κατὰξεις: Не рекноуи спѣшнгоуемоу пжтемъ скоимъ Бол. 36—7b не прѣрекнѣи ѿ спѣжшоу, кѣ пжтѣ скои Нор. 60a—12, 13. μὴ παραζηλώ. ἐν τῷ κατεδουμένῳ ἐν τῇ ὁδῷ αὐτοῦ. Как это видно из сопоставления с греческим текстом, винительный, представленный в Норовской, свидетельствует о том, что различия локатива и винительного писец уже не чувствовал и заменял локатив общей формой под влиянием живого говора.

Таким образом, в Норовской псалтыри смещение локатива и винительного представлено не только после предлогов, выступающих в конкретных пространственных значениях, но также в конструкциях, выражающих отвлеченные отношения. Однако все примеры смещения локатива и винительного относятся к конструкциям с предлогами *еъ* и *на*.

10.4. В конструкции с предлогом *о* локатив винительным не заменяется. (Обычно заменяется вся конструкция.) Возможно, это объясняется тем, что данный предлог не был свойствен живому языку и потому не имел соответствующей модели с винительным падежом. Конструкция «*о* + винительный» писцу Норовской псалтыри непонятна: часто в ней — предлог *о* заменяется предлогом *отъ*. Например: ѿ діѣколъ да станетъ ѿ деснѣхъ его Нор. 183—12; ѿ діѣколъ да станетъ ѿ деснѣхъ его Бол. 108—6b; ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ;

ѿѣко прѣд'ста, ѿ деснѣхъ оубога еѣже спѣти ѿ поганѣхъиѣхъ дѣшж мож Нор. 185a—9, 10; ѿѣко ста ѿ деснѣхъ оубогаѣго спѣти ѿтѣ гонаѣхъиѣхъ дѣшж мож Бол. 108—31; Рече гѣ гѣи моѣмоу, еѣди ѿ деснѣхъ менѣ Нор. 187a—13, 14; рече гѣ гоу моѣмоу еѣди ѿ деснѣхъ менѣ Бол. 109—1a.

В Норовской псалтыри довольно широко употребляются конструкции локатива с предлогом *о*. Часто им соответствуют в Болонской псалтыри конструкции с другими предлогами. Однако и в Норовской наблюдаются случаи замены предлога *о* предлогами *еъ* и *на*.

В следующих примерах представлен предлог *въ* в соответствии с *ω* в Болонской псалтыри и других: Не оуклони ^αс^αца моего кз ^αсло^αз^α а^αж^αк^αна^α еже не^αп^αц^αре^αк^αати к^αны кз ^αгр^αѣ^αх^αз^α сз чаккы дѣла^αж^αцими безаконие Нор. 231а—13, 16; не^αп^αш^αте^αк^αати к^αинз^α ω гр^αѣ^αх^α Бол. 140—4а; τοῦ προφασίζεσθαι προφάσεις ἐν ἀμαρτίαις; елика(λ)ж^αк^αвнока крагз кз ^αст^αмз тво^αмз Нор. 120—9, 10; иелико (λ)ж^αк^αк^αвнока крагз ω ^αст^αмз ско^αмз Бол. 73—3b; с^αтр^αс^αж^αт с^α кз н^αхз Нор. 255а—17; с^αтр^αс^αж^αтз с^α и ω немз Бол. Cant. III, 14b; σεισθήσονται ἐν αὐτοῖς; кзк^αк^αсел^α с^α ег^αипетз кз ис^αхо^αждени^α и Нор. 173—7; кз ис^αхо^αждение н^αхз Бол. 104—38а; о ис^αхо^αждени Син.; кз ис^αхо^αждени^α ^αх^α Пог.; кз ис^αхо^αждени^αхз Соф., Бух.

Имеются и обратные соответствия, когда предлог *о* представлен в Норовской, а предлог *въ* в Болонской, например: ἢ οὐνὰ ὦ μνѣ д^αхз мой Нор. 233—17; и о^αунз^α кз мнѣ д^αхз мой Бол. 142—4; ἢ ὠβλινι ὦ н^αхз ц^αра Нор. 171а—5; и ^αв^αлин^αи к^α н^αхз ц^αра Бол. 104—14b (о н^αхз ц^αра — Син.); ἢ ὁ ἰмени мо^αмз кзк^αк^αсел^α с^α р^αогз ег^αо Нор. 147—14; и к^αз^αи^αма м^αе кзк^αк^αсел^α с^α р^αогз ег^αо Бол. 88—25b (кз ^αи^αма мое Пог. к^αз^αи^αма Син.).

«О + локатив» в Норовской — «за + винительный» в Болонской: г^α кзздастз ὁ мнѣ Нор. 228а—3; г^α кзздастз за ма Бол. 137—8а; что кздамз г^αи ὁ кзс^αх^αз ^αх^αже кздаде мнѣ Нор. 193—3—5; что кздамз г^αи за кзс^αх^αз ^αже кздастз мнѣ Бол. 115—3 (г^αи Син.) Τί ἀνταποδώσω τῷ Κυρίῳ περὶ πάντων.

Соответствия «о + локатив» в Норовской — «на + винительный» в Болонской представлены при глаголах надѣ^αти с^α и оупокати: подовни ^αмз да в^αж^αтз т^αк^αр^αаш^αт^αи т^α и кзс^αи надѣ^αж^αш^αт^αи с^α ὁ н^αхз Нор. 191а—4—6; подовзни ^αмз да в^αж^αж^αтз в^αси (т^αк^αо)р^αаци^αи ж^α и в^αси надѣ^αж^αци^αи с^α на на Бол. 113—16.

Наряду с этим в Норовской отмечены, однако, при этом глаголе конструкции с предлогами *въ* и *на*: с^αнке же ч^αк^αч^αет^αни, к^α к^αр^αк^αз к^αр^αлоу т^αк^αо^αу надѣ^αж^αтз с^α Нор. 60—1, 2; с^αнке ч^αчи на к^αр^αк^αз к^αр^αлоу т^αк^αо^αу надѣ^αж^αтз с^α Бол. 35—8 (кз к^αр^αк^αт Пог., Бух., кз к^αр^αк^αз Соф.); ἐν σκέπῃ τῶν πτερύγων σου ἐλπίοι; в^αлго е^αстз надѣ^αти с^α на г^α, неже надѣ^αти с^α на ч^αв^αка Нор. 194—4, 5; до^αвр^αо Бол. 117—8.

Глагол оупокати, который обычно употребляется с предлогом *на*, три раза встретился с предлогом *о*: гд^α с^αж^αтз к^αws^αи н^αх^α ὁ н^αх^αже оупокаш^α на н^αхз Нор. 252а—12; кз н^αх^αже оупк^αаш^α на на Бол. Cant. II, 37а; ꙗко ὁ с^αж^αв^αхз т^αк^αой^αхз оупка^α, Нор. 200—13; ꙗко на с^αж^αв^αз^α т^αк^αо оупк^αаш^α Бол. 118—43b; ὅτι ἐπὶ τοῖς κρίμασι σου ἐπήλπισα; И ^αк^αц^αш^αж^α пон^αс^αл^αци^αи^αмз м^αи с^αло^αко, ꙗко оупк^αаш^αз ω с^αло-

кесе ткойхъ Нор. 200—9, 10, 11; отказѣжъ поносѣшимъ мнѣ слово
іако оуйкахъ на слокаса ткоа Бол. 118—42.

Соответствие «о + локатив» — «по + дательный» отмечено в при-
мере: не намъ ги не намъ нѣ имени ткоѣмоу дажда слажъ ѡ мѣти
ткоѣй ѣ истинѣ ткоѣи Нор. 191—7, 8; по милости ткоѣи (и) истинѣ
ткоѣи Бол. 113—9с. ἐπὶ τῷ ἐλέει σου καὶ τῇ ἀληθείᾳ σου.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что среди при-
меров «о + локатив», заменяемых синонимичными конструкциями,
в Норовской псалтыри нет конструкций с изъяснительным зна-
чением.

В других среднеболгарских памятниках встречаются примеры
смещения падежей после предлога о. Дуриданов приводит такие
примеры из Банского евангелия, Троянской притчи и других⁹.

Если в Норовской псалтыри предлог *отъ* встретился только
на месте о с винительным, то в Хлудовской триоди предлог о
вытесняется предлогом *отъ* и в локативных конструкциях. Лока-
тив при этом может сохраняться. Например: оужаѣнжт ѣа ѡ
тебѣ м(и)оуы 117 л. — 4 сн. вместо: іако оужаѣнжт ѣа мнози
о тебѣ BWK № 936, 37а¹⁰. Примеры, приводимые Е. Русеком,
показывают, что замена предлога о предлогом *отъ* наблюдается
не только в конструкциях с объектом восприятия, но также
в конструкциях с изъяснительным объектом, например: кзпрсите
ма ѡ ѣнокѣ мои и дьштерѣ мои Хл. тр. 47а—27, 28.

Иногда подобная замена создает двусмысленность, например:
с нами оубо прѣвѣкажѣе слышжѣи ѡ кѣѣ Хл. тр. 53—32, 33 вм.
о кѣѣхъ.

11. Сужение функций и утрата творительного беспредложного.
Сужение функций беспредложного творительного в языке средне-
болгарских памятников происходит прежде всего за счет замены
творительного беспредложного предложными конструкциями. Бес-
предложный творительный социативный был заменен конструк-
цией с предлогом с еще в древнеболгарский период. Творительный
субъекта в страдательных конструкциях уже в древнеболгарских
памятниках имел в качестве дублетной формы конструкцию роди-
тельного с предлогом *отъ*, которая в среднеболгарских памятни-
ках стала явно преобладающей. И. Дуриданов отмечает, что «при
страдательных формах творительный падеж не был живой кате-
горией в болгарском языке XIII—XIV вв»¹¹. В Норовской псал-
тыри также отмечена конструкция с предлогом *отъ* в соответствии

⁹ И. Дуриданов. Указ. соч., стр. 192.

¹⁰ Je. Rusek. Deklinacja i użycie przypadków w Triodzie Chłudowa. Stu-
dium nad rozwojem analityzmu w języku bułgarskim. Wrocław—Warszawa—
Kraków, 1964, стр. 179.

¹¹ И. Дуриданов. Указ. соч., стр. 199.

с творительным субъекта Болонской псалтыри: да рекъѣтъ из-
бавлени ѿ га Нор. 179—15; да рекъѣтъ избавлени гдѣмъ
Бол. 106—2а; Творительный субъекта в страдательных конструк-
циях встречается редко.

11.1. В области употребления творительного падежа в Норов-
ской псалтыри отмечаются, кроме того, следующие особенности.
По мере возможности ищесц избегает употребления творитель-
ного, заменяя его синонимичными синтаксическими конструк-
циями. Об этом свидетельствуют следующие разночтения. В соот-
ветствии с творительным в Болонской и других псалтырях
в Норовской представлены варианты с другим управлением. На-
пример: 1) и кзымъже соуестоѣ своеѣ Бол. 51—9с; и кзыни сѧ
ѡ соуѣтъстѣтъ коѡмъ Нор. 88—12, 13; 2) кзыбрани борацниимъ сѧ
сѧ мноѣ Бол. 34—1; кзыбрани бѡрацниимъ ма Нор. 57—9; 3) ни
же сзидетъ сѧ нимъ слава домоу его Бол. 48—18b. ни же сзиде-
тъ ёмоу сѧ ёго Нор. 84—4, 5; 4) трызпашни же га ти ѡблад-
аѣтъ земѣж Бол. 36—9b; трызпашни же га, ти насѣдствѣѣтъ
земѧ Нор. 61—2, 3; 5) и завѣри прѣдъ гонащниимъ ма Бол. 34—3;
и соуни ѡрѣжнѣ и завѣри ѧ прѣмо гонащниимъ ма Нор. 57—11—13;
6) и ждаѣхъ нике сѧ мноѣ поскрѣвѣтъ, и не вѣ и оутѣшаѣца и не
ѡбѣтъ Бол. 68—21b (со мноѣж Сип.); и ждаѣхъ сѧскрѣвѣца и не
вѣтъ и оутѣшаѣца, и не ѡбѣтохъ Нор. 111—16, 17; 7) внидъ
к домоу твою со всесъзжааемъимъ Бол. 65—13а (сѧ всесъзжааемъимъ
Сип.); внидъ къ домоу твою къ всесъзжений Нор. 105а—12—13;
8) кзыкрѣвѣхъ печалниж моеѣж и сѧмѣтохъ сѧ Бол. 54—3b; опечалнихъ
сѧ къ глаоумлений мѡѣмъ, и сѧмѣтохъ сѧ Нор. 89а—17, 90—1 (пе-
чалниж Сип., — чѣлнѣ, мѡѣл Соф.) 9) И брашъ сѧ сѧ мноѣ спыти
Бол. 108—3b; и брашъ ма тоуне Нор. 183а—5; 10) Множицеж
брашъ сѧ сѧ мноѣ ѡтъ юности моеѣ Бол. 128—1; Множицеж
брашъ ма ѿ юности моеѣ Нор. 218а—8, 9; 11) егда глаѣхъ имъ,
ворѣхъ сѧ сѧ мноѣ спыти Бол. 119—7; егда глаѣхъ имъ, ворѣхъ
ма тоуне Нор. 214а—11, 12; 12) с ними не гдѣхъ Бол. 100—5b;
сѧ, не сѧбѣаѣхъ Нор. 161а—7, 8; 13) и хвалаѣи сѧ мноѣ кзынѣхъ
сѧ Бол. 101—9b; И пѣваѣшгѣи мене, по мнѣ клѣнѣхъ сѧ
Нор. 165—1, 2; 14) Оуготовѣа еси . . . трапѣза прѣдъ стѣжжаѣщимъ
мнѣ Бол. 22—5а; . . . трапѣзж прѣмо стѣжжаѣщимъ ми Нор. 41—15.

Встречаются отдельные случаи соответствий творительного
предложным конструкциям «о + локатив» или «на + винительный»,
известные уже в старославянском: и попекъ сѧ ѿ грѣтъ моеѣмъ
Нор. 68а—7, так же в Болонской 37—19b, но в комментарии
творительный: и прѣка ко печѣахъ сѧ ѧкомъ Бол. 37—19b; И оупо-

бай на на и тѣ сътворитъ Нор. 60а—9; и упавши има и тѣ стко-
ритъ Пог. 36—5; (на на Бол. и др.);

11.2. Многочисленными примерами представлены разночтения, в которых творительному падежу Болонской псалтыри соответствует в Норовской при том же самом глаголе «въ+локатив». Подобные замены чаще представлены в существительных с отвлеченным значением, но иногда касаются и существительных с конкретным значением, выступающих в инструментальной функции, например: 1) не ка ѡржжи кѡ сѡемъ насѣдишъ зема Нор. 74а—8, 9; Не ѡржжиемъ ко сѡимъ насѣдишъ зема Бол. 43—4а; (орждаемъ Сип., жиѣмъ Соф.; земаѣ Сип., -ла Соф.); 2) Бже ка оушесѡхъ нашихъ слышахѡмъ. Нор. 74—3а; Ба оушима нашихъ оуслышѡмъ Бол. 43—2; (Бже Сип., слышахѡмъ Пог.); 3) и разнастѡка ка оустнахъ сѡихъ Нор. 178—4; и разна-
стѡка оустѣи сѡими Бол. 105—33b; 4) и настаки ѡхъ ка ѡблацѣ
дни и кзса поцѣ ка просѣхъгение огнѣ Нор. 129—6, 7; и кеде ж
ѡблакомъ ка дне и кзса поцѣ просѣхъгениемъ огнѣ Бол. 77—14а, b
(касиж Сип., ка просѣхъгение огню Сип.), просѣхъгениемъ огня Бух.;
огньны Соф.); 5) ка родъ и родъ кзвѣхъж истинъ тѡжъ ка оустѣхъ
моихъ Нор. 145а—6, 7; Ка родъ и родъ кзвѣхъж истинъ тѣ оустѣи
моими Бол. 88—2b; (тѡжа Сип., —а Соф., рѣсногъ Сип.); 6) ты
смѣришъ еси ꙗко ꙗзвѣна грѣдога ка мышци силы тѡежъ, разгнашъ
еси брагы тѡжъ. Нор. 146—10, 11, 12; тѣи смѣришъ еси ꙗко ꙗзвѣна
грѣдога и мышцежъ силы тѡежъ разгна брагы тѡѣ (Бол. 88—11а, b);
7) ка междорамни сѡей ѡстѣитъ тѣ Нор. 151—4, 5; плечема
сѡима ѡстѣитъ тѣ Бол. 90—4; 8) и оубиена бытъ земѣ ка крѣ
Нор. 178—16 и оубиена кзѣтъ земѣ крѣкзми Бол. 105—38с; (ихъ
крѣкзми Пог.); 9) испѡкъмъ сѣ гѣи зѣло ка оустѣхъ моихъ
Нор. 185а—6, 7; испѡкъмъ сѣ гѣи зѣло оустѣи мои Бол. 108—30а;
10) Паджтъ на нихъ жгме ка огни низложнши ѡхъ Нор. 231—9, 10;
огнемъ низсѣжнши ж Бол. 139—11;

Аналогичную замену встречаем в творительном инструментальном со значением вспомогательного материала, например: покрѣжъ сѣ ка крокъ крѣлоу тѡеѡу Нор. 99—4, 5; покрѣжъ сѣ кро-
комъ крѣлоу тѡеѡю Бол. 60—6а; (крокомъ Сип.).

В этом значении также могут выступать и отвлеченные существительные: 1) Оустѡважъ горы ка крѣпѡсти его прѣпѡсанъ
ка силѣ Нор. 104—9, 10; готовѣжъ горѣи крѣпѡстижъ сѡеѡжъ прѣпѡ-
саны сѣложъ Бол. 64—7; 2) И изѡда ѡкованныжъ ка мжжѣстѣ
Нор. 107—17; изѡда ѡкованѣжъ мжжѣстѡма Бол. 67—7b.

Значительно большим числом случаев представлены соответствия творительному отвлеченных существительных, выступающих в инструментальной функции: 3) кз истинѣ ткоѣи потрѣби ѣхз Нор. 89а—6, 7; Истинѣ ткоѣи потрѣби ѣх Бол. 53—7b. (ѣа Пог., Сип., рѣсногѣ Сип.); 4) кз доуѣт воуриѣ сзкроушиши кораваа ѣарисѣкаѣа Нор. 82—3; доуѣт воуриѣ сзкроушиши кораваа тарисѣзакѣх Бол. 47—8; (тарисѣзакѣх Сип.); 5) разжени и кз силѣ ткоѣи и раззроуши и Нор. 97—11, 12; разжени и силѣ ткоѣи и раззроуши и Бол. 58—12b. с. (ѣа Сип., а Соф.); 6) оублажи ги кз благоколени ткоѣмз сѣѣна Нор. 87а—2—4; 8блажи ги благоколени ткоѣмз сѣѣна Бол. 50—20 (благоколени ткоѣмз Сип.; сѣѣна Бух.); 7) извакигз кз мирѣ дшж. моѣ ѡ приближаѣщих сѣ мнѣ Нор. 91—4—6; 8) извакигз мирѣ доушж. моѣ ѡт приближаѣщих сѣ мнѣ Бол. 54—19; 9) сѣмѣтшж сѣ горы кз крѣпости его Нор. 78—7, сѣмѣтшж сѣ горы крѣпостиж его Бол. 45—4b (сѣмѣ сѣ, крѣпостиж Сип., иа Соф.); 10) кз правдѣ ткоѣи изваки ма и изми ма Нор. 114—14. правдож ткоѣи изваки ма, изми ма Бол. 70—2а; 11) И кз сѣкѣтѣ ткоѣмз наставиѣ ѣси мене и сз сѣлоѣж прѣѣтѣ ма Нор. 119а—1, 2; И сѣкѣтѣ ткоѣмз наставиѣ ма ѣси и сѣ сѣлоѣж ткоѣи прѣѣтѣ ма Бол. 72—24; 12) ты оутѣрѣдиѣ ѣси кз силѣ сѣоѣи мѣре Нор. 121—1, 2; ты оутѣрѣди силѣ ткоѣи мѣре Бол. 73—13а; 13) и накеде кз силѣ сѣоѣи лѣж Нор. 130—3; и накеде силѣ сѣоѣи лѣж Бол. 77—26; 14) и ѡ имени ткоѣмз вазрадоуѣт сѣ кѣсѣ деѣа и кз правдѣ ткоѣи вазкысѣт сѣ Нор. 146а—10—12; и правдож тѣж вазнесѣт сѣ Бол. 88—17b.; 15) кзѣт кз прѣмѣдрости сѣтворѣѣ ѣси Нор. 169а—11, 12 кзѣт прѣмѣдростиж сѣтвори Бол. 103—24b (прѣмѣдростиж Сип.); 16) ти же прогнѣкашж и кз сѣкѣтѣ сѣоѣмз Нор. 178а—11; ти же разгнѣкашж и сѣкѣтѣмз сѣоѣмз Бол. 105—43а; (сѣкѣтѣмз Пог. и другие); 17) сѣѣщѣи кз сѣззѣх кз радости пожѣнаѣтѣ Нор. 217а—5; сѣѣщѣи сѣззѣми кз радости пожѣнаѣтѣ Бол. 125—5; 18) кз правдѣ ткоѣи жиѣи ма Нор. 200—5; правдож ткоѣи жиѣи ма Бол. 118—40b (правдоа Пог.); 19) Покажетѣ ма правѣдникѣ кз мѣти, и ѡбличѣт ма Нор. 232—1, 2; мѣлѣстиж Бол. 140—5а; 20) кз мѣсти ткоѣи жиѣи ма Нор. 208—2; мѣлѣстиж ткоѣи жиѣи ма Бол. 118—159; 21) и помаза ма кз мѣти помазѣни сѣоѣго Нор. 244а—12, 13; и пѣмаза ма мѣстиж пѣмазѣни сѣоѣго Бол. 151—4; 22) кз мѣззѣстѣх сѣоѣх прогнѣкашж ма Нор. 251—8; мѣззѣстѣми сѣоѣми прогнѣкашж ма Бол. Cant. II 16b. (кз мѣззѣстѣх сѣоѣх. Пог., Бух.); 23) кз прѣщѣи,

оуманиши зема ѿ въ сирости низложиши азыки Нор. 255а—8, 9; прѣщениемъ оуманиши зем^а и сиростижъ низложиши жъки Бол. Cant. III 12а, b.; 24) ѿзѣкла еси въ оужастѣ главы сннѣкъ Нор. 255а—16; ѿзѣклаз еси оужасомъ главоу сннннѣхъ Бол. Cant. III 14а (главы сннннѣхъ Пог.); 25) не спсаетъ сѧ црѧ многоу снннѣ ѿ исполнѣ не спетъ сѧ въ можзастѣ крѣпости скоежъ Нор. 55—9—11; исполнѣ не спсаетъ сѧ можзасткомъ крѣпости скоежъ Бол. 32—16b. 26) възвѣси сѧ ги въ снѣтъ твоей Нор. 38а—5; възвѣси сѧ ги сннѣтъ твоежъ Бол. 20—14а; 27) гѧ въ гнѣтъ скоема сматетъ ѧ Нор. 38—13; гѧ гнѣтомъ своимъ сматетъ жъ Бол. 20—10b. (ѧ Пог., Син., а Соф., ихъ Бух.); 28) оутѣради срѣце мое въ скѣтъ твоихъ заповѣдий Нор. 80а—1, 2;

Переходным к творительному образа действия является так называемый творительный инструментальный образа действия. Разночтения представлены в следующем примере: кази азыци възплещате ржками възкликните боу въ гласѣ радости Нор. 81—4, 5; кази жыци възплещате ржками възкликните боу гласомъ радости Бол. 46—2b (ржкама Син.;-ми Соф., Бух., въсплещите Син.).

11.3. Большим числом примеров представлена конструкция «сѣ+локатив» в соответствии с творительным образа действия: 1) сѣди ми ги ѧко азъ въ незлобѣ моеи ходишъ Нор. 45—2, 3; ѧко азъ незлобожъ моежъ ходишъ Бол. 25—1а; (мож Син.); 2) азъ же въ незлобѣ моеи ходишъ Нор. 45а—8; азъ же незлобожъ мо' жъ ходишъ Бол. 25—11а; 3) ги въ коли твоеи, подаждъ добротѣ моеи сннѣжъ Нор. 49—6; ги колежъ твоежъ подаждъ добротѣ м'оеи сннѣжъ Бол. 29—8а; 4) двѣрѣ пойте емоу, въ възвѣщанѣ Нор. 54—17; добротѣ пойте емоу възвѣщанѣмъ Бол. 32—3b; 5) ѧко сѣтъгашъ въ едѣномышленѣи въкоупѣ Нор. 138—10, 11; ѧко сѣтъгашъ инѣномышленѣи въкоупѣ Бол. 82—6а; 6) гдѣ сѣтъ мѣти твоежъ древнаѣ ги ѧмѣже клѧтъ сѧ дѣвѣи въ истинѣ твоеи Нор. 149—5—7; 7) кдѣ сѣтъ мѣти тѣжъ древнаѣ ги ѧмѣже клѧтъ сѧ дѣоу истинѣ твоежъ Бол. 88—50а, b (рѣсногѣжъ Син.); 8) прѣдваримъ лице егѣу въ испѣданѣи Нор. 156а—5, 6; варимъ лице его испѣданѣемъ Бол. 94—2а (испѣданѣи Син.; въ испѣданѣи Бух.); 9) ѧко клѧтъ сѧ въ гнѣтъ моему Нор. 157—11, 12; ѧко клѧтъ сѧ гнѣтомъ своимъ Бол. 94—11; 10) въ домоу бѣи ходишѣ въ едѣномышленѣи Нор. 90а—12, 13; въ храмѣ бѣи ходишѣ едѣномышленѣемъ Бол. 54—15b (инѣмышленѣемъ Син.); 11) ѧко придетъ сѣдити земли сѣдитъ въ зеленѣи въ прѣдѣхъ ѿ мѣе въ истинѣ своен Нор. 158—11, 12; ѧко придетъ

сѣдѣти земли сѣдѣти вселѣти кѣ правдѣ и людемъ истинноѣ своеѣ Бол. 95—13; 12) ꙗко придетѣ сѣдѣти земли сѣдѣтъ кѣ вселѣти кѣ правдѣ и людемъ кѣ правдоѣ Нор. 159а—15—17; сѣдѣти вселѣти кѣ правдѣ и людемъ правдоѣ Бол. 97—9b, с (b правдоѣ Соф.).

В следующем примере писец Норовской псалтыри в цепочке однородных членов употребляет сначала локатив с предлогомъ въ, а затем переходит на творительный: 13) ѿпокоѣѣтъ тебѣ гдѣ въ мой кѣа грѣхы моѣ ꙗже сътворишѣ въ помышленийшѣ злышѣ и кѣ глѣхъ скверныхъ и кѣ мѣлодѣний и кѣ похвѣтехъ злышѣ и кѣ-клѣтъ-бахъ и кѣ дѣлѣхъ мнозѣхъ злы и кѣ гладанѣ неправеднѣ и кѣ ѿкушениѣ нечистѣ и кѣ ѡбонѣннѣ смрадѣ и ѡсѣаниемъ неподобнымъ и лѡбзаниемъ сквернымъ, и лѣстнымъ, еже кѣзвѣтиемъ тоуждаѣго Нор. 222а 1—14.

Конструкция «въ + локативъ» в соответствии с творительным причины: 1) ѿзѣ же кѣ мнозѣѣтъ мѣти твоеѣ, выидѣ кѣ домѣ твоѣ Нор. 16—17; 2) ѿзѣ же мнозѣѣтъ^омъ милосѣти твоеѣ выидѣ кѣ домѣ твоѣ Бол. 5—8а (твоеѣ Син.); 3) велика слава его кѣ спѣсѣнии твоеѣ Нор. 38—1; велика слава его спѣсѣниемъ твоимъ Бол. 20—6а; 4) Гдѣ кѣ силѣ твоеѣ кѣзвѣселитъ сѣ црѣ и ѡ спѣсѣнии твоеѣ кѣзвѣрадуѣтъ сѣ зѣло Нор. 37а—8, 9; гдѣ силѣ твоеѣ кѣзвѣселитѣ сѣ црѣ Бол. 20—2а; 5) ꙗко црѣ оупѡбаѣтъ на гѣ и кѣ милосѣти вышнѣго не подвижитъ сѣ Нор. 38—6, 7; ꙗко црѣ оупѡбаѣтъ на гѣ и милосѣти вышнѣго не подвижитъ сѣ Бол. 20—8 (милосѣти Син.); 6) смѣте сѣ кѣ ѿрѡсти ѡко моѣ Нор. 50—12, 13; смѣте сѣ ѿрѡстити ѡко моѣ Бол. 30—10b; 7) ꙗко ѡбѣждѣтъ кѣ волѣзѣи живѣтъ мой и лѣтъ моѣ кѣ стѣнаний Нор. 50—14—16; ꙗко ѡбѣждѣтъ вѣлѣзѣи живѣтъ моѣ и лѣтъ моѣ кѣзвѣдѣханиемъ Бол. 30—11а (волѣзѣи кѣзвѣдѣханиемъ Син., кѣ волѣзѣи, кѣзвѣдѣханийшѣ (безъ въ) Бух.); 8) просѣтитъ лице твое на раба твоеѣ, спѣи ма кѣ мѣти твоеѣ Нор. 50а—16; и спѣи ма милосѣти твоеѣ Бол. 30—17b; 9) не глѣбы да вѣждѣтъ оустны лѣстивыѣ глашѣтъ по праведнѣмъ безаконнѣ кѣ глѣбѣи, и оуниженіемъ Нор. 51—3—6; и глѣбы да вѣждѣтъ оустны лѣстивыѣ глашѣтъ по праведнѣмъ безаконнѣ глѣбѣи и оуниженіемъ Бол. 30—19; 10) ꙗко ѿтѣзоухомъ кѣ глѣбѣи твоеѣ и кѣ ѿрѡсти твоеѣ смѣтоухомъ сѣ Нор. 149а—13—15; ꙗко ѿконзѣахомъ сѣ глѣбѣи тѣмъ и ѿрѡстити твоеѣ смѣтоухомъ Бол. 89—7а, b; 11) ꙗко кѣси дѣние наши, ѿтѣзоухъ и кѣ глѣбѣи твоеѣ ѿтѣзоухомъ Нор. 150—23; ꙗко кѣси дѣние наши ѡбѣждѣшѣ и глѣбѣи твоимъ ѿконзѣахомъ сѣ Бол. 89—9; 12) дѣи ѿхъ кѣ злышѣ тѣашѣ Нор. 181—7, 8; дѣи ѿхъ зломъ

тааше Бол. 106—26b; 13) оуготокала еси кз блгости твоѣи ницоум бже Нор. 107a—10, 11; оготока блгостиж к°еж ниц°мѸ бѸ Бол. 67—11b.

Причинное значение имеет творительный, видимо, и в следующем примере: к правдѣ твоѣи избави ма и изми ма Нор. 49a—7; правдож тво°еж избави ма и изми ма Бол. 30—2; т. е. 'в силу своей справедливости'.

Иногда конструкцию «въ + локатив» находим и в Болонской псалтыри, например: и не изидеши ли бѣ кз силахъ нашихъ Нор. 98a—6, 7; и не изидеши бѣ кз силахъ нашихъ Бол. 59—12b. В комментарии этот пример трактуется следующим образом: ни ншеж во силож или правдож избрала еси на рѣшж жъци нж пакѸ батиж спсѧз нзѧ еси Бол. 59—12b ком.

«въ + локатив» в соответствии с творительным времени: гн бѣ спсѧта моего кз денз кзкѧ^х и кз ношги прѣ твож Нор. 144—9, 10; ношиж Бол. 87—2 (кз ношги Син. Соф. Бух. Пог.).

Возможно обратное соответствие: не оубожи са ѿ страха ношна и стрѣлы леташтжж днемз Нор. 151—8, 9; кз дни Бол. 90—5b; Постѣти насз кз спений твоѣмз Нор. 176—1; Постѣти насз спеннем твоимз Бол. 105—4b.

В следующих примерах конструкция «въ + локатив» употреблена в значении творительного ограничения: оустѣнѣ ластикѣ кз срци и кз срци гла зла Нор. 26—6, 7; оустѣны ластикыж срцемз и кз срци глашж злое Бол. 11—3b, (кз срци и кз срци. Бух., Том. 19a); ен ги бже мой богѧты кз мнѸстехъ и блгый кз цедрѸтахъ и блгз кз дѣлѣхъ застѣпи ма ѿ недѣга Нор. 80—8—11.

Творительному ограничительному могут соответствовать конструкции «въ + локатив», «о + локатив», например: что хкаши са кз зѧвѣ сианы Нор. 87a—11; то же в Болонской 51—3; в Софийской — зловож (ἐν κακίᾳ), ѿ зловѣ Бух. Зафиксирован случай «въ + винительный»: стѧ храмз твоѧ дикенз кз правдѧж Нор. 104—4, 5; в Болонской ему соответствует: скѧта црѧкви твоѧ дикѧна правдѣ Бол. 64—6a; в Синайской правдѧж, в Софийской и Бухарестской — кз правдѧ (-оу).

11.4. Отдельные примеры замены творительного конструкцией «въ + локатив» зафиксированы в функции объекта. Например: тоу кзкесемим са ѿ немз владѧщоумѸ кз силѣ скоѣн кѣкоу Нор. 105—12, 14; тоу кзкесемимз са ѿ немз обладаѧщимз силѸж скоѣнж кѣкоу Бол. 65—6с, 7a;

При глаголе изпѧнѧти са встретились три варианта: «въ + локатив», творительный и родительный; изпѧним са кз блгыйхъ

домоу твоего Нор. 104—3, 4; испазнимъ сѧ благоу твоего Бол. 64—5с. В Синайской — родительный падеж — благоухъ (ка благоухъ Бух.); испазнѣщаго къ благоухъ желаниѣ твое Нор. 166а—6, 7; испазнѣщаго благоуими похоти твое Бол. 102—5а; И похвалат сѧ ка тебѣ любящий има твое Нор. 16а—16, 17; И похвалатъ сѧ тобою любяще има твое Бол. 5—12с.

Вероятно, то же значение имеет конструкция с *въ* в следующем примере: да не хвалит сѧ прѣмждрый къ прѣмждрости своѣи и да не хвалитъ сѧ синый къ силѣ своѣи и да не хвалит сѧ богатый, къ богатѣствѣ своѣму Нор. 254, 14—17.

Правда, отвлеченные существительные могут здесь выражать и обстоятельство значение, указывая на состояние или образ действия. То же в следующем примере с глаголом прославити сѧ: десница твоѧ ги прослави сѧ къ крѣпости, Нор. 248—16, 248а—1. В Болонской — крѣпостиж Cant. 1—6а.

Конструкция «о+локатив» вместо творительного отмечена в примере: и ѿ множаствѣ богатѣства своѣго хвалѣще сѧ братъ не избѣжитъ Нор. 83—4, 5; множаствомъ богатѣства хвалѣще сѧ Бол. 48—7а.

11.5. Конструкция «*въ* + локатив» может употребляться в соответствии с творительным комитативным: канидѣте къ кратѧ ѿго къ исповѣданий къ двори ѿго, къ пѣний Нор. 161—2—4; къ пѣснѣхъ Бол. 99—4b. Однако в комментарии к этому стиху употреблен творительный с предлогомъ *съ*: брата во разоумѧ вѣни сѧтъ сѧ исповѣданемъ въходите Бол. 99—4b ком.; граждѣще же приидѣтъ къ радости-въземаѣще ржкожѣти своѣ Нор. 217а—9; граждѣнии же приидѣтъ радостижъ въземаѣще ржкожѣти своѣ Бол. 125—6b; да срациши хѧ къ елей маститѣ и дастъ ти възтога бѣствѣнии славы своѣж Нор. 210а—1—3; не ѿверати лица твоего ѿ мене и не оуклони сѧ ка гнѣвъ ѿ раба твоего Нор. 46а—7—9; не ѿтѣврази мене ѿ лица твоегъ и не оуклони сѧ гнѣвомъ ѿтѣ раба твоего Бол. 26—9а, b (ка гнѣвъ Син., Бух.).

Приведенный материал с очевидностью показывает, что для писца Норовской псалтыри конструкция «*въ* + локатив» оказывается дублетом творительного падежа, употребляемым в самых различных его функциях.

Выбор того или другого оборота может определяться соответствием с греческим текстом. Если предлог *ἐν* в греческом отсутствует, употребляется творительный, при наличии предлога — конструкция «*въ* + локатив».

11.6. Творительный и конструкция «*въ* + локатив» могут выступать в качестве однородных членов. Например: 1) кѣнѣащѣаго тѧ, къ мати и штедрѣтами Нор. 166а—5, 6; кѣнѣащѣаго тѧ

многостиж и цѣдротами Бол. 102—4b. Такое сочетание в Норовской псалтыри соответствует греческому: τὸν στεφανοῦντά σε ἐν ἐλέει καὶ οἰκτιρμοῖς; 2) И сѣдѣштѣжъ кѣ тѣмѣ ѿ сѣнѣ сѣмѣзѣтѣ ѡкобѣнѣжъ кѣ ништѣтѣ, и желѣзомъ Нор. 180—4; окобѣнѣ ништѣтѣжъ и желѣзомѣ Бол. 106—10b; πεπεδημένους ἐν πτωχείᾳ καὶ σιδήρῳ; 3) не гѣнѣкѣ да вѣдѣтѣ оустѣны лѣстѣкѣжъ глѣщѣжъ по прѣкѣднѣмѣ безаконнѣ кѣ гѣдѣннѣ ѿ оуничиженнѣмѣ Бол. 51—3—6; нѣмѣ да вѣдѣтѣ оустѣнѣ лѣстѣкѣжъ глѣщѣжъ на прѣкѣднѣмѣ безаконнѣ гѣдѣнѣжъ и оуничиженнѣмѣ Бол. 30—19a, b, c; τὰ λαλοῦντα κατὰ τοῦ δικαίου ἀνομίαν ἐν ὑπερηφανίᾳ καὶ ἐξουθενώσεϊ.

Нетрудно заметить, что эти сочетания в Норовской псалтыри являются калькой с греческого. Писец относит предлог только к первому слову, и поэтому второе переводит творительным. В следующем примере употребленные рядом конструкции «сѣ + локатив» и творительный выступают в разных функциях (в Болонской им соответствует два творительных). Например: кѣзкѣсѣннѣ ѿго кѣ радости сѣ лицѣмѣ тѣоѣмъ Нор. 38—4, 5; кѣзкѣсѣннѣ и радостижъ сѣ лицѣмѣ тѣоѣмѣ Бол. 20—7b, εὐφρανεῖς αὐτὸν ἐν χαρᾷ μετὰ τοῦ προσώπου σου.

Творительный с предлогом сѣ выступает в орудийном значении, творительный радостижъ (кѣ радости) может трактоваться как обстоятельство причины или образа действия.

11.7. Регулярный характер замены творительного отвлеченных существительных конструкцией «сѣ + локатив» позволяет делать обратные заключения при толковании синкретичных форм творительного—винительного. Например, в Болонской читаем запѣтѣждѣ бѣ сѣмѣжъ тѣоѣжъ Бол. 67—29a. Разночтений к этому примеру не указано, но в Норовской ему соответствует: запѣтѣждѣ вѣжѣ кѣ сѣмѣжъ тѣоѣжъ Нор. 109—5, что позволяет толковать форму сѣмѣжъ тѣоѣжъ как творительный. Это подтверждается комментарием этого места: ѿзѣтѣсѣи сѣмѣжъ сѣоѣжъ мѣстѣ на вѣтѣхѣ Бол. 67—29a; "Εὐεσίλει ὁ Θεὸς τῇ δυνάμει σου.

Прямое подтверждение находим в более поздней Хлудовской псалтыри № 2, где представлен нестяженный творительный запѣтѣждѣ бѣ сѣмѣжъ тѣоѣжъ Хл. № 2, 60a—7 сп.

В Норовской псалтыри отмечается синкретизм форм творительного—винительного в именах существительных жеп. рода склонения основ на -а и основ на -ја, благодаря стяжению гласных в формах творительного надежа кодожъ→коджъ, а также синкретизм форм творительного—родительного—винительного в местоименном склонении, который возникает в силу мены юсов, благодаря замене юса малого юсом большим в форме родительного надежа: еа→ежъ, тѣоѣжъ→тѣоѣжъ. Например: ѡсѣтѣ-

тишж мааніж ткож каселенжж. Нор. 3—3; каси киданіи ма, порж-
гашж ми са глашж оустнами, покыкашж глажж Нор. 39—5, 6.

Синкретичные формы творительного и винительного падежей, возможно, служат поводом к переосмыслению форм творительного как форм винительного падежа.

Так, в Норовской псалтыри встречаем следующие замены творительного беспредложным винительным: скрежеташж на ма зжбы скож Нор. 58а—3; скрзжаташж на ма зжбы скоими Бол. 34—16. О том, что это не описка, свидетельствует повторение данного примера: зазрѣта грѣшныи пражеднаго и поскрежецета на на зжбы скож Нор. 61—7—9; назираетъ грѣшныи пражеднаго и поскрежецета на — на зжбы скоими Бол. 36—12 (грѣшныи пражеднаго Син.).

Под влиянием греческого текста в значении творительного употребляются и синкретичные с творительным формы винительного падежа. Например: сего ради помѣза та бѣ бѣ ткои маго радости паче причастника ткоихъ. Нор. 77—3, 4, 5; сего ради помѣза та бѣ бѣ ткои шѣмъ радости паче причастника ткоихъ Бол. 44—8b (ошѣмъ Син., яеушма, Бух., причастника Син.); Прѣпосаши шржжне ткоѣ по бедрѣ ткой сианый красотож ткож и добротож ткоѣж Нор. 76а—9, 10, 11; прѣпосаши ма шржжнемъ ткоимъ по бедрѣ ткоим, сиане красотож ткоѣж и добротож ткоѣж Бол. 44—4а, b (прѣпосаши са шржжнемъ Син., шроужне кое Бол.).

Правда, отсутствие местоимения в винительном падеже в первом примере делает возможным толкование формы шржжне как винительный объекта. Однако в Бухарестской псалтыри наличие прямого объекта местоимения делает единственно возможным трактовать формы шроужне кое как инструментальный объект.

Винительный в функции творительного образа действия: кижда крагы можъ яко оумножишж са и ненавидѣне неправедно взнена-
видѣшж ма Нор. 44а—10, 11, 12.

Винительный вместо творительного можно, видимо, предполагать и в следующем примере, не имеющем соответствия в Болонской псалтыри: блжженнаа маріе блжтѣ ми свѣтъ покаданѣ, ка тамъ грѣхонѣ везоумно шдрзжимоу и ѣзави маитками скоими шгнѣ геѣниискаго и тамы нескѣталы. Нор. 63а, 6—13.

Возможностью употребления в Норовской псалтыри винительного беспредложного в функции творительного инструментального можно объяснить и следующие случаи: аза же канегда шни шгавстковати ми, шблачаахъ са крѣтице Нор. 58—7, 8; да шблѣкжт са стоудѣ и срама, велѣрѣчюужный на ма Нор. 59—11, 12.

В Болонской псалтыри и других глагол *шѣлѣкати* *сѧ* употреблен с предлогом «*въ* + винительный»: *азъ же кѣнегда ѡни ѡгавиѣ тѣорѣахъ мнѣ шѣлачаахъ сѧ кѧ крѣтиште* Бол. 34—13; *да шѣлѣкѣтъ сѧ кѧ стоудъ и кѧ сѣрама кѣлзрѣчюшѣти на ма* Бол. 34—26. (-ѣи Пог.).

Если в первом примере можно предполагать ассимиляцию предлога *въ* с начальным «в» следующего слова, то во втором примере фонетическая причина отсутствует, и пропуск предлога может быть объяснен только возможностью употребления винительного беспредложного в орудийном значении или может быть объяснен опущением предлога *сѣ*, что, впрочем, не имеет других подтверждений. Скорее всего здесь сказалось влияние греческого оригинала, где представлен винительный без предлога.

Встретился нам и один обратный пример, когда творительному в Норовской и конструкции с «*въ* + локатив» в Сипайской и Софийской в Болонской соответствует винительный без предлога: *кѧзѣлѣча ѣго хѣлениѣмъ* Нор. 112—4, 5; *кѧзѣлѣчъ и хѣлениѣ ѣго* Бол. 68—31b (*кѧ хѣлениѣ* Сип. -лениѣ Соф., и *хѣлениѣ* Бух., *кѧ хѣлени* Хл. № 2, 65a—5 сн.).

11.8. Ошибки в построении конструкций, заменяющих творительный падеж: 1) *кѧзѣахъ кѧ кѣтъмъ сѣрѣѣмъ моимъ* Нор. 21—10, 11 (соответствия в Болонской нет); 2) *Испокѣтъ сѧ тѣѣтъ гѣ кѧ кѣтъмъ сѣрѣѣмъ моимъ* Нор. 22—6, 7; *Испокѣтъмъ сѧ тѣѣтъ гѣ кѧ кѣтъмъ сѣрѣѣмъ моимъ* Бол. 9—2a.

В этих двух примерах представлен предлог *въ* с творительным падежом. Мы склонны объяснять эти ошибки недосмотром писца, который, заменяя творительный предложной конструкцией, забывает изменить форму местоимения. Следует заметить, однако, что употребление форм творительного падежа вместо локатива в прилагательных и местоимениях мужского и среднего рода было, по наблюдениям В. Н. Щепкина, характерной чертой памятников I и II разряда болгарской письменности, в том числе и Болонской псалтыри, т. е. было широко распространено в памятниках Охридской школы первой половины XIII в.¹² В Норовской псалтыри данного явления не наблюдается. Однако, может быть, не случайно все ошибки относятся именно к этому случаю. В третьем примере представлено субстантивированное прилагательное мужского рода: *ѣдиножъ клѧхъ сѧ кѧ сѣтъмъ моимъ аѣѣ дѣѣѣи сѣлѣжѧ* Нор. 148—3, 4; *ѣдиножъ клѧхъ сѧ сѣтъмъ моимъ аѣѣ дѣѣѣи сѣлѣжъ* Бол. 88—36 (*кѧ сѣтоѣ моѣ* Бух.).

Русек приводит подобный пример из Триоди Хлудова с притяжательным местоимением женского рода в творительном падеже: *и попрахъ жѣ кѧ гѣрости моѣжѣ* 156a—7 сн., что подтверждает наше

¹² В. Н. Щепкин. Болонская псалтырь. СПб., 1906, стр. 68.

предположение о происхождении данной ошибки, как результата замены творительного локативной конструкцией с предлогом *въ*.

Наконец, имеются случаи, когда конструкция «*въ* + локатив», соответствующая творительному, заменена конструкцией «*въ* + винительный».

Творительный обстоятельства места: не прѣрѣкнѣи ѿ спѣшѣюу кѣ пѣтѣ своѣ Нор. 60а—12, 13; не рѣкѣноуи спѣшѣюу пѣтѣмѣ своимѣ Бол. 36—7b (спѣшѣюу пѣтѣмѣ своимѣ Син.). Видимо, винительный здесь — явление вторичное, как и в других примерах, приводимых ниже. «*въ* + винительный», очевидно, вместо «*въ* + локатив» в инструментальной функции: оутѣрѣди ми срѣце бѣгѣи гѣи кѣ тѣси стѣра Нор. 66—5. Конструкция «*въ* + винительный» в соответствии с творительным зафиксирована еще в двух примерах: похѣлангѣ сѣ кѣсѣ клѣный сѣ кѣ нѣ. Нор. 101—6, 7; похѣлангѣ сѣ кѣсѣ клѣный сѣ имѣ Бол. 62—12b; кѣ гнѣкѣ люди низкѣш Нор. 94—9; гнѣкомѣ люди низбѣиш Бол. 55—8b (низбѣиш ѣ Син.).

Ошибочная замена творительного дательным представлена в примере: не ѿкрѣсѣ мене сѣ глашѣими тѣбѣ гѣи гѣи и не тѣо-рѣшѣишѣ кола тѣоѣ Нор. 126—8—10.

Испорченный текст, где можно предполагать родительный вместо творительного: кѣчѣрѣнаѣ пѣсна приносимѣ ти хѣ сѣ кадѣ-ломѣ и пѣснѣи дѣшѣкѣныхѣ Нор. 63—13, 14, 15.

11.9. Итак, сфера употребления творительного падежа в Новоровской псалтыри значительно сужена по сравнению с Синайской и Болонской за счет широкого употребления синонимичных конструкций локатива с предлогом *въ*; реже винительного с предлогом *въ* или беспредложного винительного. Чисто механический характер проводимых писцом замен творительного, обусловленный обычно влиянием греческого текста, позволяет сделать заключение о том, что в говоре писца ни сам творительный, ни наиболее частая его замена — локатив с предлогом *въ* не были уже живыми категориями.

Доказательство этого мы видим в следующем. В древнеболгарском конструкция с предлогом *въ* могла выступать как синоним творительного инструментального лишь в тех случаях, когда предмет, обозначенный творительным падежом, мог одновременно восприниматься как предмет, внутрь которого помещается или внутри которого находится объект, подвергаемый действию.

Положение в древнеболгарском принципиально не отличалось от соотношения существующего в современном русском языке, где словосочетания *крестить водою* или *взять рукою* могут иметь параллельные, близкие им по значению конструкции *крестить в воде* или *взять в руку*. Например: азъ ѿбо

крѣщаѣ кѣ кодоѣ Мат. III, 11. Мар. ев. 7⁰¹; азъ приѣзъ кѣ кодоѣ
крѣста Ио I, 31, Мар. 317²; ѣзкы кѣзглаголѣтъ нокы і кѣ рѣ-
каѣ змиѣ кѣзглаголѣтъ Марк. XVI, 18, Мар. 185³; і идѣ кѣ поуѣто
мѣсто корабаѣ Марк. VI.32, Мар. 137²⁹; і слышаѣ кѣ отидѣ от
тоудѣ кѣ корабаѣ Мат. XIV, 13; Мар. 49¹³.

Аналогичными являются отношения творительного орудия
и винительного с предлогом *въ*. Например: ѡдѣша хлѣмидѣ
чрѣзленѣж Син. евх. 49^b₂₅; кѣ рѣзѣ не облачаашѣ сѣ Лук. VIII, 27;
Мар. 229²²; тоѣ же мѣроѣ ... мѣригѣ Лук. VI, 38; кѣ нѣже мѣрѣ
мѣригѣ Марк. IV, 24 и т. д.

Синонимичность творительного и конструкций с предлогом *въ*
отмечалась также в ряде обстоятельственных значений, выражаю-
щих нахождение в каком-то состоянии, в пределах определенного
отрезка времени или пространства.

Как справедливо отмечает К. И. Ходова: «Для конструкций
с творительным собственно орудийным во всем их объеме в старо-
славянском языке не было синонимов. Лишь в отдельных случаях
существует возможность синонимических сближений творитель-
ного с разными предложно-падежными формами»¹⁴. Однако и
в этих случаях в инструментальной функции чаще выступал твор-
ительный, чем конструкция с предлогом *въ*. В Норовской псал-
тыри употребление данной конструкции в функции инструмен-
тального объекта — явление обычное.

Можно смело говорить о том, что творительный имеет дублет-
ную конструкцию даже в своей главной функции.

В Норовской псалтыри употребление конструкций с предло-
гом *въ* наблюдается во всех функциях творительного падежа, при-
чем замѣны эти производятся механически, часто искажая смысл
выражаемого творительным падежом отношения. Например, твор-
ительный причины дѣла ихъ зломѣ таашѣ Бол. 106—26b, вместо
ожидаемого в древнеболгарском соответствии отъ зла, передается
в Норовской псалтыри: дѣла ихъ кѣ злыхъ таашѣ Нор. 181—7, 8,
что является механической калькой с греческого: ἡ ψυχὴ αὐτῶν
ἐν κακῷ ἐστῆκετο, и может свидетельствовать о том, что писец
не понимал употребленного здесь творительного причины.

Творительный объекта: испанѣжащаго благѣями похоти тѣкож
Бол. 102—5a (похота тѣкож Син., желание тѣкож Бух.) в Норов-
ской представлен следующим соответствием: испанѣжащаго
кѣ благѣхъ желание тѣкож Нор. 166a—6, 7. Дословный перевод

¹³ Вопрос о синонимике творительного в старославянском подробно иссле-
дован К. И. Ходовой, примерами которой мы в данном случае и пользуемся
(«Система падежей старославянского языка». М., 1959, стр. 93, 94, 97, 103).

¹⁴ К. И. Х о д о в а. Указ. соч., стр. 93.

с греческого не отвечает нормам древнеболгарского синтаксиса, где возможным синонимом является в данном случае беспредложный родительный. Иногда нормы употребления конструкции с *въ* не нарушены, но возникают несоответствия смысла передаваемых отношений.

Так, в соответствии примеру из Болонской *ѡко клахъ сѧ гнѣкомъ моимъ* Бол. 94—11, конструкция с предлогом *въ*, употребленная в Норовской — *ѡко кла^х сѧ кз гнѣкѣ моѣмъ* Нор. 157—11, 12, *Ως ὥστε ἐν τῇ ὀρχῇ μου* существенно изменяет смысл: в первом случае творительный обозначает орудие клятвы — это творительный инструментальный образа действия, во втором, конструкция с предлогом *въ* обозначает лишь обстоятельство образа действия, характеризуя состояние, в котором находится субъект во время совершения действия.

Аналогичное соотношение находим и в примерах с творительным инструментальным, например: *сѣсткѧ еси оужакомъ глабѧ сиазвѣхъ* Бол. Cant. III, 14a; *сѣсткѧ ѣси кз оужастъ главы сѧнѣкѧ* Нор. 255a—16; здесь расхождение в смысле столь значительно, что трудно предположить сознательное изменение в значении текста. Параллель с другими псалтырями показывает, что писец употребляет конструкцию «*въ* + локатив» не в обстоятельном значении, а в орудийном.

О том, что, проводя замены творительного конструкции с предлогом *въ*, писец не осознавал изменений в значении текста, свидетельствует большое количество случаев употребления конструкций «*въ* + локатив» в соответствии с творительным орудия отвлеченных существительных таких, как *истиномъ, правдомъ, сномъ, ништетомъ, милостимъ, прѣмъдростимъ, гаростимъ, крѣпостимъ, мѣрзостѣми, прѣщениемъ, благословениемъ, мжествомъ, сѣсткомъ, оужакомъ, доухомъ*. Например: *и п^омаза ма мостимъ пмазанѧ сѧ^о его* Бол. 151—4 передается в Норовской текстом: *и помаза ма кз ма^{ти} помазания сѧ^оего* Нор. 244a—12, 13. В этом и подобных примерах очевидна невозможность переосмысления орудийного значения в обстоятельное. Следовательно, писец воспринимал конструкцию с предлогом *въ* как дублет творительного, выражающий все его значения, в том числе и главную функцию творительного падежа — функцию инструментального объекта.

Употребление конструкции локатива с предлогом *въ* в функции инструментального объекта еще более очевидно в контекстах, где эта конструкция образована от конкретного существительного, например: *испоктѧ сѧ гѣи зѣло сѣстѧи мои* Бол. 108—30a; *испоктѧ сѧ гѣи зѣло кз оустѣхъ моихъ* Нор. 185—6—7;

ба оушима нашіма оуслыш^хм Бол. 43—2; бже кз оушесѡхъ
нашихъ слышахѡмъ Нор. 74а—3.

Конструкция с предлогом *въ* может выражать значение инструментального объекта даже в том случае, если он не имеет ничего общего с собственным значением данной конструкции — значением нахождения внутри. Например: и мышцеж силы твоеж разгна крагы твоя Бол. 88—11а, б; кз мышци силы твоеж разгнаахъ еси крагы твоеж Нор. 146—11, 12.

Следующий пример из Норовской псалтыри представляет собой полную бессмыслицу, если конструкции с предлогом *въ* понимать в их буквальном смысле, а не в значении инструментального объекта: и настакн ихъ к ѡблацѣ дни и кзѡа ноща кз проскѣщение ѡгнѣ Нор. 129—6, 7. В Болонской псалтыри обеим конструкциям с предлогом *въ* соответствует творительный орудия: и кѣде ж ѡблакомъ кз дне и кзѡа ноща проскѣщениемъ ѡгнѣ Бол. 77—14а, б.

Конструкция «*въ* + локатив» как одна из замен творительного отмечалась исследователями и в других среднеболгарских памятниках¹⁵. Однако нигде не получила она такого широкого распространения, как в Норовской псалтыри. Можно без натяжки сказать, что синтаксис падежей этого памятника характеризуется тем, что творительный падеж имеет дублетную предложную форму «*въ* + локатив», которая может его заменять во всех объектных и обстоятельственных функциях. По происхождению форма эта является калькой с греческого. Она чужда живому языку писца точно так же, как и сам творительный падеж. Не случайно конструкции «*въ* + локатив» разделяют общую судьбу локативных конструкций в памятнике: они вытесняются предложной конструкцией с винительным. Например, в соответствии с текстом: не рекзюуи спѣхѡмѡу пжтемъ скоимъ Бол. 36—7б, ἐν τῇ ὁδῷ αὐτοῦ, в Норовской находим вместо ожидаемого кз пжти скоемъ — не прѣрекнѣи ѡ спѣхѡу кз пжта кой Нор. 60а—12—13; плещема скоима ѡскнѣтѣ тѣ Бол. 90—4; кз мѣждорамий кой, ѡскнѣтѣ тѣ Нор. 151—4, 5 и т. п.

Конструкция «*въ* + локатив» в местном значении тоже систематически смешивается с винительным, что также является свидетельством забвения собственного значения локативной конструкции в говоре писца.

¹⁵ Је. Русек. Указ. соч., стр. 177.

ИСТОРИЯ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

История родительного падежа — это один из центральных и наиболее сложных вопросов. Судьба этого падежа тесно переплетена с винительным и дательным падежами, которые впоследствии в значительной мере взяли на себя функции утраченного в болгарском родительного падежа.

Взаимодействие винительного и родительного падежей относится к сфере приглагольного употребления, а родительного и дательного главным образом — к сфере приименного. Мы сделаем попытку вскрыть предпосылки этого взаимодействия, заложенные в самой падежной системе. Для этого необходимо исследовать употребление родительного падежа в сопоставлении с дательным и винительным и определить черты, сближающие родительный падеж с каждым из этих падежей и отличающие его от них, а также исследовать условия распределения этих падежей относительно друг друга в потоке речи.

Морфологическое значение родительного падежа в древнеболгарском языке характеризуется его противопоставлением винительному и дательному падежам по признаку сигнализации о направленности действия от объекта, противопоставлением дательному, творительному и локативу по признаку центральности, и противопоставлением именительному и творительному по признаку пассивности. Какова же реализация этих признаков в синтаксическом и семантическом планах?

12. Родительный падеж, как известно, употребляется при глаголах в синтаксических позициях первого¹ и второго объектов². Мы рассмотрим зависимость каждой позиции родительного падежа от условий синтагматического противопоставления другим падежам и те семантические реализации, которые получает родительный падеж в данных условиях.

¹ К. И. Ходова. Система падежей старославянского языка. М., 1959, § 31—34.

² Там же, § 43, 45, 46.

В синтаксической позиции первого объекта родительный выступает в синтагматическом противопоставлении субъектным падежам — именительному, или редко одному дательному (например: ни *самому* *манж* *мироу* *камѣтити* *пишемыхъ* *ихъ* *книгъ* Сав. 28, Io. XXI, 25; не *вѣди* и *то* *иже* *отъкрыти* *са* *намъ* *небесъскаго* *црѣ* Супр. 59—22, *колико* *паче* *би* *оужасати* *са* *намъ* *хъ* *исоуса*. Супр. 149—2). Помимо именительного субъекта действия и родительного первого объекта, при глаголе действия может быть дательный или творительный падеж, или даже, что теоретически допустимо, оба одновременно в функции второго и третьего объектов (правда, примерами, иллюстрирующими последний случай, мы не располагаем). Противопоставление падежей по признаку периферийности находит свою реализацию прежде всего в размещении падежей относительно управляющего глагола. Так, в противопоставлении периферийным падежам дательному и творительному, родительный всегда занимает место, более близкое к глаголу, чем объекты, обозначенные этими падежами. В синтагматическом противопоставлении дательному падежу родительный занимает место первого объекта, находясь в отношениях взаимозамещения с винительным падежом. Это мы находим при глаголах с семантикой «даяния» или «изъятия», допускающих так называемую неполную объективацию. Например: *кздадите* *оубо* *црѣка* *црѣки* и *бжиа* *бѣи* Сав. 46, Мө. XXII, 21; *нѣтъ* *добро* *отати* *хѣба* *чадомъ* Сав. 66, Мө. XV, 26; в отрицательных конструкциях с глаголами различной семантики. Например: не *скрываете* *сѣбѣ* *скрокицъ* *на* *зѣми* ... *скрываете* *же* *сѣбѣ* *скрокица* *на* *нѣсѣхъ* Сав. 73, Мө. VI, 19, 20; *онъ* *же* *не* *отъкъца* *и* *слокиа* Сав. 66, Мө. XV, 23; не *твори* *ми* *трудоу* *оуже* *во* *дѣбри* *заткорны* *сѣтъ* Сав. 67, II. XI, 7; *аще* *ли* *не* *отъпоустите* *чѣкомъ* *сзгрьшениа* *ихъ* *ни* *бѣа* *вашъ* *отъпоуститъ* *камъ* *сзгрьшени* *вашихъ* Сав. 73, Мө. IV, 15; *вѣди* *да* *ти* *не* *сзбратитъ* *оустъ* *печалное* *мѣчине* Супр. 382—28, 29. Дательный выступает здесь в семантической функции воспринимающего объекта (в значениях объекта адресата или объекта предназначения).

В синтагматическом противопоставлении творительному падежу родительный также зафиксирован в функции первого объекта: при непереходном глаголе — *страшнѣихъ* *таннъ* *нашѣш* *таж* *са* *чистѣж* *сѣѣтитѣж* Супр. 446—22; при переходных глаголах в отрицательных конструкциях: *олѣомъ* *гладѣи* *моа* *не* *помаа* Сав. 130; II. VII, 46; *да* *не* *поперѣтъ* *ихъ* *ногами* *своими* Сав. 31, Мө. VII, 6; в утвердительных конструкциях при глаголах,

требующих родительного падежа: *пыта искахъ тебе-каменемъ поити иудеи* Сав. 81, Ио. XI, 8.

В этих противопоставлениях творительный падеж выступает в инструментальной функции, обозначая орудие или средство действия.

В синтагматическом противопоставлении беспредложному локативу родительный падеж не зафиксирован. Таким образом, по отношению к дательному и творительному падежам родительный выступает как центральный падеж. И только в синтагматическом противопоставлении винительному падежу родительный переходит на место второго объекта. Это мы находим при переходных глаголах с аблятивным значением. Например: *лишити ма хота слакы хъскы и цѣсарьства небеззнаго* Супр. 1—30; *честзнаго ти знамениѣ отъкръгыше ма* Син. евр. 78¹, а также при переходных глаголах с семантикой насыщения, наполнения: *и исплани дшж рака скюего ткоюа влагостына* Супр. 163—5; *ка жажж мсиж напоиша ма оцта* Супр. 478—20.

В противопоставлении винительному и творительному падежам родительный занимает место второго объекта, уступая место первого винительному падежу и отодвигая творительный на место третьего объекта, например: *разлжчаа доухомъ стъинамъ пакы пшеница* Супр. 143, 20—21.

Употребление родительного падежа в функции второго объекта является в древнеболгарском языке сравнительно редким и неустойчивым. Явно проявляется тенденция вытеснения его предложными конструкциями³. В отличие от этого употребление родительного в функции первого объекта — явление обычное и широко распространенное.

Глаголы, при которых в древнеболгарском может быть употреблен родительный первого объекта в противопоставлении одному именительному падежу, характеризуют восприятие и осознание объекта, реакцию субъекта на это восприятие и, наконец, поведение субъекта, являющееся следствием и внешним проявлением его отношения к объекту. Таковы глаголы, обозначающие действия органов чувств и человеческого сознания (*видѣти, сзмотрѣти, зрѣти, слышати, слосышати, послосышати, оуслышати, каинмати, чѣсти, знати, разоумѣти*); реакции субъекта на это восприятие, т. е. различные чувства, которые пробуждаются в субъекте в связи с восприятием и осознанием объекта и характеризуют отношение субъекта к объекту (*вззавѣити, ненавѣити, кззненавѣити, чѣтити, гноусати* — *са,*

³ См., например, наблюдения К. И. Ходовой (указ. соч., стр. 89); А. Б. Правдина («Аблятивные значения родительного падежа в старославянском языке» — КСИС, № 25, 1958, стр. 33, 37). Мы вернемся к рассмотрению данного вопроса ниже.

кззгнжшати сА, вшати сА, оустрашати сА, оужасати сА, трепетати, стгыдиги сА, постгыдиги сА, оустгыдиги сА, оусрамати сА, отзчати сА, покаати сА, хотѣти, акаати, жаждати, кззискати, искаати, чапати, трѣбювати 'быть пужным'; внешнее проявление чувств (плакати, трепетати).

Семантическая функция родительного падежа при этих глаголах может быть определена как функция объекта восприятия и отношения, так как эти глаголы либо непосредственно обозначают восприятие и отношение, либо действие и поведение субъекта, являющееся следствием и внешним проявлением данного отношения.

Имеется, кроме того, группа глаголов действия, при которых родительный также выступает в функции объекта восприятия и отношения. Это, с одной стороны, аблятивные глаголы со значением действий, направленных на уклонение от объекта или от контакта с объектом, например: вѣгати, оубѣжати, отзстжпиги, гонѣжжати 'избежать', оуклониги сА, оукрашати сА, сзкрашгати сА, оутанги сА, бяюсти сА, оукрыги сА, погрѣшиги 'избежать'; с другой стороны, в известном смысле, антонимичные им глаголы действия, устремленного к объекту, обозначающие уподобление, следование объекту, например: кзсѣдокати, подражати, сподобити сА, дзржати сА или ожидание, просьбу: просити, кзспросити, жидати, при которых семантика объекта приближается к объекту отношения (желаемый, ожидаемый, идеальный объект). Родительный при глаголах этой группы может рассматриваться как объект восприятия и отношения, с которым он сближается и по характеру синонимичных связей.

Родительный первого объекта находим далее при глаголах, обозначающих активные действия, направленные на овладение объектом или освобождение, отделение от объекта. Таковы глаголы, обозначающие действия создания объекта (ткорити, сзткорити, сзкрзшити, настѣати), приобретение (ѣати, отѣати, кззати и т. п., коупити, принести, отзымати сА, оуимати сА), часто глаголы, обозначающие определенную меру действия (кзкоупити, поцрѣти, напзити, напзжигити, насладити сА, насытити сА, оупити сА); глаголы с аблятивным значением, обозначающие активные действия, направленные на освобождение, отделение от объекта (отпасти, отѣати сА, сзклакати сА, изкразати сА, отзкразати сА, отзмѣтати сА), или удаление объекта (лишати сА, свободити сА, извакити сА, протгити сА 'освободиться', отымати сА и под.).

Поскольку данные глаголы обозначают действия, которые затрагивают объект физически, родительный выступает при них как объект действия.

Многим из входящих в эту группу глаголов с частицей *сѧ* соответствуют переходные глаголы без *сѧ* с аналогичным значением, при которых употребляется родительный второго объекта, например: *лишати сѧ—лишати, отѣлжчати сѧ—отѣлжчати, сѣлѣкати сѧ—сѣлѣкати, напѣлжити сѧ—напѣлжити* и т. п. Значения родительного при этих глаголах, переходных и непреходных, соотносительны.

Таким образом, приглагольный родительный является в древнеболгарском языке преимущественно падежом первого объекта. Круг его употребления в этой функции значительно расширяется за счет грамматических конструкций с суином и с отрицанием.

Винительный при сущине в евангельских текстах встречается редко. В Супрасльской рукописи Р. Вечерка отмечает винительный примерно в половине случаев употребления сущина. Он пишет:

«Винительный при отрицании употребляется почти только в особых случаях, мотивированных или семантически (§ 26), или синтаксически (§ 27), или же морфологически (§ 28).

Родительный, напротив, является самым обычным, нормальным и в синтаксическом и стилистическом отношениях нейтральным средством, используемым в ст.-сл. языке обязательно, и в абсолютном большинстве примеров; он появляется даже во всех типах предложений, в которых допустим также винительный»⁴.

Употребление родительного падежа в позиции второго объекта, хотя и является вполне закономерным, встречается редко при ограниченном круге глаголов, и интенсивно вытесняется конструкцией с предлогом *отъ*.

Преимущественное употребление родительного падежа в функции первого объекта объясняется его местом немаркированного члена в корреляции периферийности, которое он разделяет с винительным и именительным падежами. Этим объясняется и то обстоятельство, что винительный и родительный падежи чаще выступают как взаимозаменяющие или взаимоисключающие друг друга падежи. Соотношения этих падежей регулируются морфологическим признаком направленности от объекта, по которому они противопоставлены друг другу как маркированный (родительный) и немаркированный (винительный), члены корреляции.

13. Мы начнем свое рассмотрение с употребления родительного и винительного падежей при глаголах действия, где они наиболее четко противопоставлены по значению и выступают в семантической функции объекта действия. При некоторых глаголах родитель-

⁴ Р. Вечерка: Синтаксис беспредложного родительного падежа в старославянском языке. «Исследования по синтаксису старославянского языка». Прага, 1963, стр. 208, 210.

ный вступает в отношения взаимозамещения с творительным падежом. Затем мы рассмотрим родительный падеж при глаголах восприятия и отношения, при которых родительный и винительный падежи, там где они могут замещать друг друга, не противопоставлены по значению и где родительный падеж представлен иногда в позиции взаимозамещения с дательным падежом.

Хотя вопросы падежной синонимии подробно рассмотрены в указанных работах К. И. Ходовой и А. Б. Правдина, нам придется возвращаться к ним с целью выяснения обусловленности этих отношений морфологическим значением родительного падежа и специфики его употребления в восточноболгарских памятниках.

13.1. Позицией взаимозамещения родительного и винительного падежей является позиция при переходных глаголах. При этом различие в значениях родительного и винительного падежей проявляется при глаголах, допускающих так называемую «частичную объективацию» при условии, когда имя существительное, принимающее форму этих падежей имеет значение вещества, «которое может быть разделено на бесчисленные части без изменения своей сущности»⁵. В старославянских текстах встречаются слова вода, кино, киногорадъ, хлѣбъ, крѣвѣ, мѣтко, оцѣтъ, злѣча, пасха, бисѣръ, брашно и некоторые другие.

Таким свойством обладают также некоторые отвлеченные существительные. Например: добѣлѣтъ тѣ оубо ажѣ приатъ мѣкы Супр. 113—2; дати славы бѣи Сав. 61, Лук. XVII, 18, так как мера страданий, славы и т. п. тоже может быть отмерена.

В этих условиях родительный обозначает объект, который не в полной мере, а лишь в известной своей части подвергается действию. Например: ꙗкоже ꙗко кѣтъха абие хшѣтъ ꙗкоуоуоу Мар. 214₂₂, Лук. V, 39; они же даша емоу... отъ възелъ сътъ Мар. 311₂₅, Лук. XXIV, 42; ꙗкоуѣвѣше хлѣба и коды... Супр. 125—10.

Обращает на себя внимание преимущественное употребление родительного при глаголах, содержащих в своей семантике количественную характеристику действия. Так, по наблюдениям К. И. Ходовой, в старославянских текстах при глаголах ꙗкоуѣвити, наѣдати, почръати, проити, кѣати отмечен только родительный⁶. Однако при парных им глаголах несовершенного вида, где идея количественной ограниченности действия выражена менее ярко, в Супрасльской рукописи часто представлен винительный. Например: наѣдаатъ емоу отъчааныа помыслы

⁵ М. Богданова. Приглаголният родителен и винителен падеж в славянските езици. «Известия на семинара по славянска филология при Университета в София», 1911, кн. III, стр. 382.

⁶ К. И. Ходова. Указ. соч., стр. 58.

Супр. 523—17; *кряба* непокинанъ пролиахъ Супр. 528—11; *пришлы* бо бѣша такоже масло каляти. Супр. 445—2; то же в Саввиной книге: *потомъ же* каля божъ къ оумыкальницъ Сав. 93, Io. XIII, 5; Один раз встретился винительный и с глаголом *кзкоушати*; причем даже в отрицательной конструкции: *азъ бо* единъ *сѣждъ* *сидѣ* патъи дана не *кзкоушаа* брашно Супр. 170—9; В других случаях и несовершенный вид употреблен с родительным, а иже *кзкоушае*тъ *скрзбни* *господана* то не *прѣлиштаетъ* *са* ни-
комже Супр. 267—1.

Вообще следует заметить, что в отличие от евангельских текстов в Супрасльской рукописи родительный употребляется только там, где контекст содержит какие-то указания на количественное ограничение действия. Оно может быть заключено в глаголе, например: *оцѣта* напоенъ *бѣтъ* Супр. 474—9; *испаженъ* *иѣма* *бесамрътнаго* *брашна*. Супр. 19—13; и *кзкоу-
сикъше* *хлѣба* и *воды* ... *приде* к нимъ *полема*. Супр. 125—10; может быть выражено предикативными словами, например: *сѣждо* бѣше *воды* Супр. 549—10; *бѣза* *воды* *мало*. Супр. 3—23; *сѣждо*тъ *имѣа* *брашна*. Супр. 394—3; Правда и в этих случаях не исключена возможность употребления винительного, например: *протикъ* *силѣ* *питиѣа* *оучениоу* *почрапѣма* *кодъ* Супр. 312—29; *почто* *злѣзъ* и *оцѣтъ* *испажъ*. Супр. 484—9; *богатство* *дамъ* *ти* *много*. Супр. 60—28.

Вообще употребление винительного при глаголах так называемой частичной объективации представлено в Супрасльской рукописи исключительно широко. Его мы находим не только в тех случаях, когда объект принимает конкретно-предметное значение, например: *скома* *рѣкама* *самъ* *тѣ* *оставишъ* *кодъ* *пришедшимъ* к нему *страннимъ* *принесъ*. Супр. 549—27, но также там, где предметная ограниченность объекта контекстом не обозначена и речь, видимо, идет о веществе, от которого берется часть. Например: *поѣма* *масло* *отъ* *канѣла* *мазааше* *ему* *всѣ* *тѣло*. Супр. 567—12; *примѣма* *спасение* *свое* *примѣма* *масло* *ка* *сѣшѣта*. Супр. 378—10; *отъ* *того* *ждѣ* *канѣла* *взѣма* *масло*. Супр. 562—29; *игда* *исчѣтъ* *вино* *радоуѣтъ* *са* *зѣло* Супр. 267—17; *принѣса* *имъ* *вино*. Супр. 38—17; *подама* *же* *ему* *брашно* и *протеръ* *рѣкъ* *казѣма* *да* *пѣтъ*. Супр. 27—28; и *хлѣба* *прѣдложикъше* *момахъ* и *кзкоусити*. Супр. 523—23; *По-
келѣ* *же* *нѣкому* *отъ* *братѣа* *тешти* *къ* *паничи* и *пришедшимъ* *отъ* *пѣти* *жаднома* *сѣшѣма* *кодъ* *принести*. Супр. 549—24; *даа* *имъ* *много* *злато* Супр. 98—18, 19.

Среди наиболее употребляемых существительных с вещественным значением (вода, вино, виноградъ, хлѣбъ, крокъ, мѣтко, оцѣтъ,

языка, пахѣ, бисѣра) мы отметили только один случай употребления родительного падежа в контексте, где отсутствовало указание на частичную объективацию, и то в цитате из евангелия: *ѣко вѣсѣннаго бисѣра достоинъ бысть приати*. Супр. 543—14 (Ср. Клоц. 14^b₂₄₋₂₅).

Параллельно с беспредложным родительным падежом объект, подвергающийся частичной объективации, может быть обозначен конструкцией родительного падежа с предлогом *отъ*, например: *да тѣхъжъ вѣкусатъ отъ брашна нѣмоу*. Супр. 58—11. В Супрасльской рукописи этот способ применяется обычно в тех случаях, когда надо подчеркнуть «неполную объективацию» при глаголах, не заключающих в своей семантике указания на количественную ограниченность охватываемого действием вещества. Например: *дадите и намъ отъ масла кашево*. Супр. 369—7, 372—25, 373—5; и *отъ масла кандиннаго вѣзмъ* Супр. 562—15; *примѣта отъ прѣдлежащихъ прѣдъ кама брашна*. Супр. 182—12; 13; *идѣше оубо отъ вѣсего нѣ по малю зѣло*. Супр. 274—6. и *пѣи идатъ отъ крупницъ падающихъ съ трапезы гнѣ сѣкохъ*. Сав. 66, Мѡ. XV, 27⁷.

Конструкции с предлогом *отъ* вытесняют впоследствии приглагольный родительный неполной объективации в болгарском языке.

Рассмотренные примеры показывают, что в древнеболгарском языке, представленном в Супрасльской рукописи, винительный падеж выражает не только значение определенного или предметно-ограниченного объекта⁸, но довольно свободно заменяет родительный в контекстах, предполагающих отсутствие предметной ограниченности объекта, а именно там, где речь идет о веществе, от которого берется часть.

В Супрасльской рукописи при глаголах, допускающих неполную объективацию, но не фиксирующих внимание на количественной стороне охвата, родительный партитивный уступает свои позиции винительному. При глаголах, указывающих на количественную ограниченность охвата, позиции родительного падежа являются более прочными, но здесь с ним конкурирует конструкция с предлогом *отъ*.

13.2. Родительный неполной объективации представлен при глаголах на *ѣа*, выражающих насыщенность действием: *насладати ѣа*, *насытити ѣа*, *испазнити ѣа*, *напазнити ѣа*, *начрѣпати ѣа* и под. Например: *ѣкоже кидѣ'ши ѣи ѣго насладити ѣа ѣтаго*

⁷ Примеры из других памятников приводит К. И. Ходова (указ. соч., стр. 59).

⁸ А. И. Томсон. К синтаксису и семасиологии русского языка. Одесса. 1903; Он же. Приглагольный родительный в праславянском языке, «Изв. ОРЯС», 1908, XIII, кн. 3.

аггеласкаго житиѣ Супр. 559—14; и каѣи наслаждаѣщи ѿ чоудеса. Супр. 23—24.

В Супрасльской рукописи этот глагол представлен преимущественно с родительным падежом отвлеченных существительных, например слакѣ (63—2, 533—29), образа и глага (502—16), залога (512—16), молитѣ (560—18); монахъ сѣдохъ (506—26).

Встретился один случай употребления этого глагола с творительным падежом: ꙗко во всѣхъ мѣстахъ нашихъ немоще сподобимъ ѿ наслаждати ѿ вѣсѣгда благодѣѣѣи самого христоса Супр. 251—28.

В отличие от предшествующих примеров, где речь шла об однократных актах (ср. также: и иже би вѣлѣзъ по вѣзмѣштеннѣи коудѣ наслаждаше ѿ ицѣленѣи Супр. 496—12), в примере с творительным падежом речь идет о длительном, постоянном процессе, значение меры объекта заменяется значением средства или источника.

Глагол насытити ѿ зафиксирован с родительным падежом существительных вещественного значения и отвлеченных существительных, например: сице можемъ пространо насытити ѿ прѣди лежашѣа трепезы Супр. 424—4; и пиша народи и насытиша ѿ коудъ Супр. 568—20; и насытили ѿ цѣсарствѣа Супр. 384—5; да насытитъ ѿ доброты неа Супр. 135—5, (5—1); и насытити ѿ жизни сеа и скѣти сего Супр. 102—5.

В параллельной конструкции с творительным падежом представлено имя существительное с конкретно-предметным значением: да насытитъ ѿ товожъ сѣтворенными зданими. Супр. 109—27. Можно полагать, что при возвратных глаголах, где исключен винительный, его место в соотношении с родительным неполной объективации занимает творительный падеж.

Глагол исплнити ѿ в Супрасльской рукописи и в Саввиной книге употребляется преимущественно с родительным падежом отвлеченных существительных, например: и тако вѣлѣкоа пакости и вѣлѣкоа вѣды вѣса вѣсждоу исплнитъ ѿ Супр. 210—5; исплнитъ ѿ страха Сав. 48, Лук. V, 26. тебѣ вѣди скѣрничѣ тацѣхъ дѣла исплнитъшоу ѿ старѣшинъзѣтковати ѿ отцѣмъ твоимъ диаволомъ Супр. 166—5; см. также в Супр.: благодѣти (62—29), вѣсѣстѣи (74—26), радости (108—15, 111—14, 140—29); гарости (270—1, 257—5, 268—15), благодѣѣѣи (323—25) и, наконец, примеры с конкретными исчислимыми существительными: исплнитъ же ѿ вѣсе то мѣсто и вѣсходи и гораница еминъ и жидокъ. Супр. 125—28, 29, а небесаа жинитъа многыхъ сплѣсѣштитъ ѿ исплнитъ, Супр. 342—6.

В Саввиной книге отмечен пример с творительным падежом: и исплани са ахомъ стымъ елисаею-а. Сав. 124, Л. 1, 41; при тождественном характере имени существительного различие родительного и творительного менее очевидно, чем в рассмотренных выше примерах. В Супрасльской рукописи в аналогичном случае употреблен родительный падеж: сподоби ма кладыко: испланиги са стааго твоею аха. Супр. 103—12. Идея неполной исчерпанности объекта, характеризующая родительный падеж, в примере с творительным падежом отсутствует. Вместо этого творительный падеж вносит оттенок присущего ему значения вспомогательного материала.

Другие глаголы встретились лишь в единичных случаях, например: начрзпаимъ са оубо и мы ... небезнааго богатства. несытами пазоухами Супр. 327—8—9.

Глагол оупити са встретился один раз с творительным падежом и один раз с предлогом отъ: закистиж оупикши са зыбаахъ Супр. 398—26; и оупижта са отъ мжжъ и отъ люббе христокы Супр. 267—22.

Глаголы насытити са, испланиги са с предлогом отъ + родительный также встретились в единичных случаях; и жадаше насытити са отъ рожаца аже фдѣхъ еинии Сав. 69, Лук. XV, 16; отъ нухъже исплани са миръ калъ. Супр. 9—22.

В дальнейшей истории болгарского языка конструкции с предлогом отъ вытесняют беспредложный родительный.

Родительный неполной объективации сохраняет это значение в позиции синтагматического противопоставления винительному и творительному падежам, которые в других случаях выступают в конструкциях, синонимичных родительному падежу. Мы видели, что при глаголе насытити са родительный и творительный могут образовать синонимичные конструкции, выступая в функции первого объекта.

Если же при этом глаголе употреблены оба падежа, родительный и творительный, например: страшнѣхъ таниж насытгаж са чистѣжъ сакѣстѣжъ Супр. 446—22, место первого объекта занимает родительный, который не изменяет своего значения, в то время как творительный, отодвигаясь на место второго объекта, получает орудийное значение.

В синтагматическом противопоставлении винительному падежу, где родительный падеж отодвигается на место второго объекта, значение частичной объективации родительного также остается неизменным, например, толма же безбожани ти мѣгаша камене на пракаданика донѣже напланиша пѣштеръ камене. Супр. 216—28. И кастѣхъ калъ благныхъ насытитъ Супр. 29—24.

Заслуживает внимания следующее наблюдение К. И. Ходовой: «Родительный второго объекта никогда не взаимодействует в синонимическом плане с винительным падежом — типичной формой выражения первого объекта. Наоборот, источником синонимов и дублетов для родительного второго объекта служат как правило занимающие более периферийное положение по отношению к глаголу — падежи с предлогами»⁹.

Это правило, сформулированное К. И. Ходовой только применительно к родительному второго объекта отчуждения, относится и к случаям родительного второго объекта при глаголах наполнения, насыщения¹⁰. Однако здесь на ряду с предложной конструкцией возможен также «более периферийный» творительный падеж. Например: и исплани дшж раба ского ткоюа благостына Супр. 163—5; и сѣакз ожидаетъ... напланиги гоумно отъ малаго оноу неже кѣста. Супр. 266—7; также тѣмъ испланиги кѣшании мнрз. Супр. 533—23.

13.3. При переходных глаголах с аблятивным значением родительным падежом может быть обозначен объект, от которого отторгают что-либо, ранее составлявшее с ним единое целое, например: иже дѣлатель добрыи разлжчаа доухомъ стѣимъ пакъи пшеница Супр. 143—20; винительным падежом здесь обозначена отторгаемая часть вещества, а родительным — часть вещества, остающаяся за пределами действия, не охваченная действием. Винительный падеж может обозначать также отторгаемый предмет, составлявший ранее единое целое с объектом, обозначенным родительным падежом. Например: тж во одеждѣ ште кѣ сами не откържжегѣ никтоже ниъ кѣз не иматъ мошти сѣбѣшти Супр. 508—1, 2.

Примеры этого типа в старославянском крайне редки. Приводят обычно еще пример из Синайского требника: чѣстнаго знамениѣ откържжше ма Тр. 786¹¹.

Шире представлены примеры с родительным второго объекта, обозначающим предмет, от которого освобождают, избавляют объект, обозначенный винительным падежом, например: нынѣ и запада изъвакѣж ткоюа пакости Супр. 512—21, 22. Однако в отношении значения родительного эти случаи не представляют принципиального отличия от рассмотренных выше, так как и здесь предмет, обозначенный родительным падежом, остается за пределами объекта, охваченного действием.

Родительный второго объекта может быть здесь представлен существительным как отвлеченного, так и конкретного значения:

⁹ К. И. Ходова. Указ. соч., стр. 89.

¹⁰ Эти случаи рассматриваются К. И. Ходовой как варианты творительного в значении «вещества, которым наполняют или насыщают объект действия» (указ. соч., стр. 96—97).

¹¹ А. Б. П р а в д и н. Указ. соч., стр. 30.

проста ма котыгы лишисте Супр. 368—10, 11; идиомъ во отца ма лишикъ Супр. 366—25; лишити ма хота слакы хъсокы и цѣсарастка небеззнаго Супр. 1—30, 2—1; семуоу отца покажи ми да та проштж грѣха Супр. 241—4; народа скободихъ твою пакости Супр. 512—18, 19; аште и склаче ма отъ одежда нз оубо хъ въ негоже немъ облаченъ не имаша мошти склашти Супр. 50—14, 15; спасе насъ скръбаштихъ насъ Супр. 185—4.

13.4. Параллельно родительному второго объекта в старославянском языке широко употребляются конструкции с предлогом *отъ*. При этом следует отметить, что первый тип в большей степени подвергается вытеснению предложными конструкциями, чем второй. Этим и объясняется, видимо, малочисленность встретившихся примеров.

Часто при глаголах, где можно было ожидать первый тип родительного второго объекта, представлены только предложные конструкции. Так, при глаголах отаажити, отаажити на месте родительного второго объекта в Супрасльской рукописи представлены только предложные конструкции. Например: *са иста отаажити въ отъ небезакныхъ мѣста* Супр. 466—30, 467—1; и *скръбъ отъ еугы отаажити* Супр. 457—19; да никтоже касъ отаажитъ отъ мѣбаке христоскы Супр. 236—13 (см. также 49—6, 527—11), в страдательной конструкции: да вѣдетъ отаажченъ отъ слакы вожиа Супр. 187—18 (186—25). Глаголу *склашти* в первом значении соответствует конструкция с предлогом *съ*; *са сѣжъ ризоѣ и грѣхъ съ себе склашаште* Супр. 90—24.

В восточноболгарских памятниках, в частности в Супрасльской рукописи, конструкция с предлогом *отъ* довольно широко представлена и на месте родительного отторгаемого объекта. Например, иже можетъ насъ избавити рожъ сконхъ отъ твою ржкоу Супр. 50—17. В ряде случаев конструкция с предлогом *отъ* представлена даже там, где, по наблюдениям К. И. Ходовой, в старославянском родительный второго объекта является единственной формой, например, при глаголах *скободити*, *мишити*, *простити*. Так, при глаголе *скободити* в Супрасльской рукописи чаще представлена конструкция с предлогом *отъ*: да и разбонника скободитъ отъ належащтихъ немюу злаъ. Супр. 483—18, 19; да нѣса чловѣцко истѣстко отъ дѣвола прѣтѣстко съводинъ. Супр. 490—6; и мошти его да скободитъ и отъ страсти. Супр. 564—13. В страдательных конструкциях также возможны оба оборота: *памата дни того въ наже вѣздѣшанихъ вѣдъ скободени быша* Супр. 531—8; *сжигни въ адѣ скободени выкажѣ отъ жъз дѣвола*. Супр. 479—22, 23.

При глаголе *прости* в Супрасльской рукописи также зафиксирован пример с предлогом *отъ*: и доушж отъ жъз сѣмратънѣхъ *прости*. Супр. 311—17. Глагол *лишити* в действительных конструкциях зафиксирован только с беспредложным родительным, в страдательных же представлены оба типа: кз кздратѣ тѣлсѣ лишенѣхъ' Супр. 546—7; о мратѣкъ молж... отъ скоюа матере лишеноу. Супр. 455—20, 21. Таким образом, практически при всех аблятивных глаголах с родительным второго объекта возможна и конструкция с предлогом *отъ*, которая становится его дублетной конструкцией уже в старославянском.

При непереходных глаголах той же семантики родительный беспредложный более устойчив. А. Б. Правдин отмечает, что «При некоторых переходных глаголах употребляются предложные конструкции, не встречающиеся при соответствующих глаголах с возвратной частицей (*обнажити, омыти, прости, отрѣшити*)»¹². В Супрасльской рукописи глаголы *отъметати* сѣ, *отъкрѣтити* сѣ также употребляются только с родительным беспредложным. Семантика объекта, обозначенного родительным падежом, не изменяется и при непереходных аблятивных глаголах, где родительный падеж выступает в позиции первого объекта. При глаголах, обозначающих действия отделения, отторжения субъекта от объекта, как и в случаях с соответствующими переходными глаголами, родительный обозначает объект, от которого отторгается нечто, ранее составлявшее с ним единое целое, только этот отдаляющийся предмет является не объектом, а субъектом действия. Например: погрома краи отъпадажѣ тѣла Супр. 89—24; покори ми сѣ члокѣче и остаѣз сѣ крѣстианѣства сѣ нами ед'нако вѣди Супр. 60—26; иже отъкрѣжетъ сѣ мене при члокѣцѣхъ то и азъ отъкрѣж сѣ него при отъци моемъ небесѣстѣмъ Супр. 259—15; азъ...отъмещѣж сѣ вѣсѣхъ ихъ Супр. 260—28; и сѣстакѣу чиноу скоюго отъмещѣж сѣ Супр. 426—24; вѣлаце свѣта сѣвѣзъ сѣ Супр. 475—13; мѣла же тоу лѣтѣ шестѣ вѣсего житиѣ члокѣчѣска отълажѣчѣ сѣ Супр. 288—30.

В соответствии со вторым типом примеров (при переходных глаголах), родительный объекта отчуждения находим при непереходных аблятивных глаголах, обозначающих действия лишения, избавления от чего-либо. Например, тѣгда мѣжѣ да избѣдетъ члокѣкъ тѣ Супр. 42—24; аште ми напрасно отъмаретъ отидетъ избѣѣзъ сѣдинѣ ижѣданѣхъ. Супр. 88—13; тако и небесѣнѣа жизни погрѣши сѣ Супр. 93—13; единъ ариѣсѣ лишитъ сѣ слова Супр. 509—19.

¹² А. Б. Правдин. Указ. соч., стр. 37.

И здесь родительным падежом обозначен предмет, от которого субъект себя освобождает. Объект, обозначенный родительным падежом, затрагивается действием, но остается за пределами совершаемого действия.

Итак, при глаголах действия родительный в отличие от винительного и творительного обозначает такой объект, от которого берется часть вещества или отторгается что-либо, составлявшее с ним ранее единое целое. При этом сам объект остается за пределами действия, в результате чего и осуществляется направленность действия от объекта. Не случайно синонимом родительного при этих глаголах выступает конструкция с предлогом *отъ*, которая постепенно принимает на себя функции родительного при аблятивных глаголах и глаголах неполной объективации. С другой стороны происходит процесс вытеснения родительного части немаркированным винительным падежом. Этот процесс отражен уже в поздних старославянских памятниках, в частности в Супрасльской рукописи, но получает полное развитие в среднеболгарский период.

Если отсутствие признака периферийности делает сферу первого объекта нормальной сферой употребления родительного падежа, то признак направленности от объекта, проявляющийся в том, что объект, обозначенный родительным падежом, не полностью охватывается действием, остается за пределами действия, ставит родительный падеж на синтагматической оси между винительным и периферийными падежами. Винительный по отношению к данному признаку является немаркированным членом корреляции, и как таковой в синтагматическом противопоставлении с родительным не может выступать в значении, свойственном маркированному падежу, т. е. в значении неполной объективации, но обязательно выступает в значении, которое ему противопоставлено, т. е. в значении объекта, полностью охваченного действием. Естественно, что объект, полностью охваченный действием, теснее связан с действием, чем объект, затронутый действием лишь в какой-то своей части. Этим и определяется то, что при наличии винительного падежа родительный всегда уступает ему место первого объекта, а сам выступает в функции второго.

13.5. Определяемая признаком направленности действия от объекта менее тесная, чем у винительного падежа, связь с действием проявляется также в том, что родительный падеж может обозначать объект, которого действие только касается, что мы наблюдаем при глаголах коснѣти сѧ, прикоснѣти сѧ, касати сѧ. Здесь родительный выступает в позиции взаимозамещения с периферийными падежами — локативом, а иногда и дательным, причем различия в значениях не наблюдается. Например, родительный тѣмъжѣ косе сѧ ѿго пракадѣши. Супр. 561—28; и коснѣжѣ сѧ ѿго рѣжма Супр. 566—12; нашего рѣа касѣжѣти сѧ Супр. 430—6; и мѣжѣ

тѣса не прикасаѣтъ сѧ менѣ Супр. 164—1; локатив: коснѣхъ сѧ дѣрехъ. Супр. 297—18; а бы бѣла пророкъ разоумѣла бы кака нестѧ прикасаѣштина сѧ юмѧ. Супр. 393—3; дательный: касаше сѧ жгомыиѧ огнемѧ. Супр. 476—17.

Глаголы дрзжати сѧ, сподобити сѧ также выражают идею прикосновения, частичного приобщения к объекту, например: едно едного дрзжитъ сѧ Супр. 318—16; такъже же имѧ сѧ пѣти едѣжшгаго въ мирѧ шѣстѧ дрзжаше сѧ Супр. 527—23; Дръко жизни нестѧ вѣстѧ дрзжаштина сѧ юѧ Супр. 352—30. Параллельно возможна конструкция с предлогом *по*: подобаѣтъ вѣзвратѣвшоу сѧ манѣ дрзжат сѧ по свое дѣло вѣздрзжания Супр. 203—18, 19.

Глагол сподобити сѧ 'удостоиться' употребляется с родительным падежом отвлеченных существительных, например: какоу оубо славы сподобаѣтъ сѧ прѣбываѣштини къ запокѣдѣхъ него. Супр. 123—10; также чѣстанѣ живѣши сѧ ни и дара на вѣстѧ сподобити сѧ Супр. 518—3; и таѣхъ жде и болышихъ по покаании сподоби сѧ дарокъ. Супр. 522—18; сподобитъ сѧ блаженаѧ Супр. 544—17; и скатаго оскѣтѣния сподобѣхъ сѧ Супр. 186—7; И благодѣти сподоби сѧ о вѣстѣхъ и болѣзней вѣстѣхъ Супр. 171—12; о семъ бо чиноу вѣскасѣтѣмъ началѣмъ нѣмъ сѧ юшге сподобѣхъ благодѣти на сии дара паула нестѧ. Супр. 171—23. Реже встречается дательный: тѣмъже и равночаствоу вѣнцоу славы сподобиша сѧ Супр. 82—24.

14. Наконец, при некоторых глаголах действия родительный обозначает такой объект, который совсем не затрагивается действием и является лишь объектом, по отношению к которому совершается действие, т. е. объектом отношения. Таковы действия, направленные на уподобление, следование объекту или удаление, уклонение от объекта, от контакта с объектом.

14.1. Родительный при глаголах вѣстѣдокати, вѣстѣдѣстковати, подражати может быть определен как родительный идеального объекта, объекта к которому направлено стремление субъекта, выражаемое в данном действии, но который непосредственно данным действием не охватывается, например: аште хшѣтеши спастѧ сѧ то вѣстѣдоуи свѣта сего Супр. 283—1; излѣзоша же вѣтрѣе вѣнѧ црѣкѣе повѣстѣиѧмъ пракадника и вѣстѣдѣстковаша него Супр. 229—17. И с дательным: и се кѧ оставѣхомъ и вѣстѣдокѣхомъ тебѣ Супр. 547—6; закономъ кашиѧмъ послѣдоуѣте Супр. 138—5, 6; прѣподобѣнии еппи прѣидоша къ тѧ херсонаскѣи граѧ оучаште правокѣрно вѣстѣдѣсткѣюще стоѣоуѣмоу каинеѣоу Супр. 538—17; приде ..сѧ вѣстѣдѣсткѣоуѣштиниѧ тѣмъ вѣстѣислѣзѣиѧи кон Супр.

561—25; глагол этот может употребляться и с предлогом *вслѣдѣ*. Например: *каслѣдствокоста же каслѣдз юго дзка елени и шестз дикинхз козз*. Супр. 223—6. Родительный и дательный употребляются здесь без различия в значениях.

Глагол подражати 'подражать', 'усердно следовать', 'воспроизводить' употребляется с родительным падежом: не можаше *насытити сз* того подражаа жингиза Супр. 275—4; (см. также 340—20, 124—12); аште на то *сзтворимз владыкы подражали вѣдемз*. Супр. 379—11. Иногда и с винительным: *юнсша да тачники подражажтз* Супр. 95—26; ... *так юнокж подражажтша прѣлста*. Супр. 214—14. Различия в значении родительного и винительного падежей здесь не наблюдается.

Родительный при глаголе *мастити* 'защищать' обозначает действие, направленное на сохранение объекта... Например: *масти мене отз сзпаца моего* Сав. 64, Л. XVIII, 3; *зане тѣоритз ми троуыз вѣдокица си да мащз еа* Сав. 65, Л. XVIII, 5.

В Супрасельской рукописи этот глагол с родительным падежом не зафиксирован. Параллельно в близком значении отмечен дательный падеж: *твоемоу оумоу мастити хста прищазз нестз сзпацз* Супр. 336—13.

14.2. При аблятивных глаголах, обозначающих уклонение от контакта с объектом: *бѣгати*, *оубѣжати*, *отсѣстжпиги*, *гонѣзжиги*, *оуклонити сз*, *оукраштати сз*, *сзвраштати сз*, *оутанити сз*, *влясти сз*, *оукрыти сз*, *погрѣшити*. Родительным падежом обозначен предмет, который действием непосредственно не затрагивается, объект, по отношению к которому совершается данное действие. Например: *толико онз оуклангаше сз* юа Супр. 365—29; *также оубѣдѣз о нема не хстѣше сз* ними причастити сз *из гонезноути ихз хста* Супр. 440—28; *никтоже того мрѣжз гонезнж* Супр. 238—16; *иже вѣрж погоубикз и сзмрати не погрѣши шкатане* Супр. 66—17; *страхомз рѣста оубѣжикѣ зѣтри...* Супр. 472—2; *всѣзныж отзвѣжикѣ сзмратѣныа затѣры...* вѣжикѣ дрззостѣ архиренскы отзвѣжикѣ владычана оубиѣстѣныа ржкы Супр. 472—3—6; *оутанити сз* хошгж *силз небеззакныхз* Супр. 247—25; *сконого цѣлениа сзкратиша сз* Супр. 333—30 и т. п.¹³

14.3. Эти глаголы примыкают к группе аблятивных глаголов, непосредственно выражающих отношение: *всѣати сз*, *оуклонити сз*, *оустрашати сз*, *оужасати сз*, *гноушати сз*, *взгноу-*

¹³ О предложной синонимике см.: А. Б. П р а в д и н. Указ. соч., стр. 24, 25, 34, 38 и др.

шати сѧ, стыдѣти сѧ, постыдѣти сѧ, оустыдѣти сѧ, оуѣрам-
лѣти сѧ, дикѣти сѧ. Родительный здесь выступает в значении
объекта отношения. Например: вѣаше во сѧ тѣхъ мѣстѣ
Супр. 46—15; оубо сѧ величѣстка бога и великааго аполона доба-
вѣго. Супр. 115—6; оустрашимъ сѧ земныхъ жкъ и мѣсти
Супр. 148—27; глаго же слышима оужасаахъ сѧ кѣси Супр. 162—22;
почти си старостѣ и оуѣрамаи сѧ едина въсихъ Супр. 227—9;
стыждахъ во сѧ хѣа моего гѣа бѣ жикааго Супр. 13—20; нѣ стыждахъ
сѧ него зѣло Супр. 13—22; и кѣи покосѣшѣнии постыдите сѧ не
волѣзнааго ражданага Супр. 507—23, 24; толика знамени въша и
толика чоудеса и ничасоже сѧ отъ тѣхъ оустыдѣша жидове
Супр. 443—3.

С предлогом *отъ* в Супрасльской рукописи зафиксированы
глаголы оужасати сѧ, дикѣти сѧ, вѣати сѧ, оубѣати сѧ: но не
вои сѧ отъ мѣхъ Супр. 16—7; не имамъ оубѣати сѧ отъ бога ка-
шего Супр. 264—10; не оубѣите сѧ отъ оубикажштинихъ тѣлеса
Супр. 175—15, 16; оужаснѣша же сѧ кѣси отъ страха кѣзидѣше
же сѧ отъ чоудеса Супр. 33—17, 18. Но это пока только еди-
ничные случаи. Некоторые из этих глаголов наряду с роди-
тельным падежом могут управлять и дательным. Например:
дикѣти сѧ дакаца вѣагнихъ бога Супр. 285—20; дѣка сѧ пракадѣна-
аго Супр. 555—29; кѣтѣмъ дикѣти сѧ и оужаснѣти сѧ творенымъ
чоудесемъ Супр. 566—15; и того радѣма наипаче кѣтѣмъ дикѣти сѧ
прѣслакѣтѣ вѣкажшгѣмъ чоудесемъ отъ раба вѣка Супр. 565—11.

Родительный и дательный употребляются параллельно и
при глаголе гнѣшати сѧ: паче кѣтѣхъ стоуданѣихъ дѣла кѣли-
чанага гноушаатъ сѧ бѣ Супр. 545—12; гнѣшаетъ сѧ которѣнааго
глаго ихъ Супр. 510—4; но: и не гноуша сѧ кѣжшгѣмъ сѧ имъ
Супр. 110—10.

В дальнейшей истории болгарского языка родительный при
глаголах отношения вытесняется дательным и конструкцией
с предлогом *отъ*.

14.4. Наконец, родительный при глаголах восприятия, обоз-
начающих действия органов чувств (вѣдѣти, зарѣти, сѣмотрѣти,
слышати, оуслышати, слоушати, послушати, вѣнимати), проявле-
ние мыслительной деятельности (разоумѣти, знати, оукѣдати),
а также при переходных глаголах, обозначающих чувства
(кѣзѣбити, чѣтити, почѣтити), представлен в чередовании с ви-
нителным.

По наблюдениям К. И. Ходовой, в памятниках старосла-
вянского языка «при глаголах восприятия родительный упот-

ребляется чаще, чем винительный»¹⁴. Однако в этих словосочетаниях родительный и винительный падежи не противопоставлены по значению, поскольку значение глагола не предполагает возможности проявления партитивного значения родительного падежа. К. И. Ходова отмечает и другие случаи, где винительный и родительный чередуются без различия в значении. Таковы глаголы *посѣтити*, *посѣдити*, *сзѣрашити*, *сзѣкорити*. Иногда и при глаголах *имѣти*, *имати*, *имѣти*, *кззати*, *принести* винительный и родительный от существительных, обозначающих вещество, не имеют различия в значении, так как партитивное значение родительного падежа не может проявиться.

Таким образом, выступая во взаимозамещающих позициях, родительный и винительный падежи перестают противопоставляться по значению в случаях, когда значение глагола или значение существительного не предполагает возможности проявления партитивного значения родительного падежа. Этим, в частности, объясняется возможность использования форм родительного падежа для выражения винительного единственного числа существительных одушевленных, которые в силу своей семантики не могут образовать родительного с партитивным значением. С партитивным значением могут, однако, выступать одушевленные существительные во множественном числе.

15. Итак, при глаголах действия родительный падеж употребляется в значении объекта, который не в полной мере, а лишь в какой-то своей части охвачен действием или остается за пределами действия. С этим значением родительного падежа связано и употребление его в грамматических конструкциях с числительными и определенительными местоимениями, при которых родительный падеж обозначает объект целого или совокупности, из которого выделяется определенная часть, например: *да погыбнетъ единъ малыхъ сихъ* Сав. 29, Мф. XVIII, 14; *которы же казъ равъ имѣа оржца ли пасщца...* Сав. 64, Лук. XVII—7; *еда кто чыстанѣ тебе вѣдетъ зыбныхъ* Сав. 62, Лук. XIV, 8; *яко ни единъ мжжъ теѣхъ зыбныхъ какоу-ситъ вечера моего* Сав. 60, Лук. XIV, 24. Наряду с родительным беспредложным эти конструкции образуются с предлогом *отъ*, например: *и приидѣа приѣпѣ сѣ единомъ отъ житѣа тоа страны* Сав. 67, Л. XV, 15.

Со значением объекта, не охваченного действием, связано употребление родительного падежа в конструкциях с отрицанием; с супином и в безличных конструкциях с глаголом *нѣста*.

¹⁴ К. И. Ходова. Указ. соч., стр. 60.

Родительный при отрицании, чередующийся обычно с винительным без отрицания, соответствует представлению о не состоявшемся или не осуществленном в полной мере действии. Например: *каждаахъ са и напоите ма* Сав. 70, МѠ. XXV, 35; *каждаахъ са и не напоите мене* Сав. 71. МѠ. XXV, 42; *не скрыкайте сеѣтъ скрокица на земли* Сав. 73. МѠ. VI, 19; *скрыкайте же сеѣтъ скрокица на нѣсехъ* Сав. 73. МѠ. VI. 20; *иже не казметъ крѣта сѣбего* Сав. МѠ. X, 38. и *казматъ крѣтѣ свои* Сав. 77, Марк. VIII, 34; *иже не глѣзъ казъ рабъ... кѣ же рѣхъ аругы* Сав. 103, Ио. XV, 15.

Родительный при сушине соответствует представлению о еще не состоявшемся действии, т. е. родительный обозначает здесь объект еще не осуществившегося действия, объект, который только должен подвергнуться действию, например: *и погла и на село свое пастъ скнии* Сав. 67, Л. XV, 15; *и се идѣ искушатъ ихъ* Сав. 59, Лук. XIV, 19; *да не казвратитъ са капатъ казатъ ризъ своихъ* Сав. 87. МѠ. XXIV, 17.

Родительный отрицательного объекта представлен в безличных конструкциях с глаголом *нѣстъ*, например: *яко скѣта нѣстъ о немъ* Сав. 81, Ио. XI 10; *ка немѣже лѣсти нѣстъ* Сав. 74. Мрк. III, 48.

При степенях сравнения родительным падежом обозначается предмет, по отношению к которому определяется мера признака, обозначенная сравнительной степенью. Например: *пакы погла нигы рабы множиша прѣбыхъ* Сав. 46, МѠ. XXI, 36; *больше сеа любѣе никтоже не иматъ* Сав. 103, Ио. XV, 13; *и еже каѣхъ вѣше великихъ бога иеренико дастъ са тѣѣ* Супр. 48—17.

16. Итак, объект, обозначенный родительным падежом, полностью или в значительной своей части остается за пределами действия, которое лишь частично затрагивает его, касается или отталкивается от него, возвращаясь к субъекту (или объекту, обозначенному винительным падежом). Данное значение может быть объяснено признаком объемности — сигнализацией о степени объективации предмета в данном действии. Однако не менее успешно оно может быть обусловлено и признаком направленности действия от объекта, подтверждением чему служит замена родительного в этом значении конструкцией с предлогом *отъ*, возобладавшая в болгарском языке. Данный признак более универсален, чем признак объемности, который с трудом применим к объяснению аблятивных функций родительного падежа. Вместе с тем признак направленности от объекта хорошо объясняет не только значение частичной объективации, но и главную функцию родительного падежа в целом — функцию объекта восприятия и отношения,

поскольку данный объект выступает как определенный источник информации для субъекта.

Наблюдения над употреблением родительного падежа и синонимичных ему предложно-падежных конструкций позволяют согласиться с мнением И. Дуриданова о том, что процесс постепенного ограничения функций родительного падежа и вытеснения его винительным падежом и предложными конструкциями может быть прослежен уже в памятниках древнего периода. Дуриданов считает, что наиболее уязвимой оказалась вторичная для родительного падежа аблятивная функция. «То обстоятельство, что славянский родительный падеж был обременен несвойственными для него сначала функциями старого индоевропейского аблатива, очевидно, не было безразличным для его разложения в болгарском. Аналогичные случаи наблюдаются и в истории греческого языка»¹⁵.

Осложнение функций родительного падежа аблятивной функцией не было безразличным для его дальнейшей истории. Несомненно, это сыграло роль в переосмыслении морфологического значения падежа, его смыслового сближения со значением предлога *отъ*. Нам представляется, однако, что для древнеболгарского родительного падежа аблятивная функция уже не может рассматриваться как заимствованная, и вряд ли правильно считать, что разрушение родительного началось с аблятивной функции. Параллельные конструкции в старославянском языке родительный имеет не только в аблятивном значении, но также и в атрибутивном, и в партитивном. Наблюдения над употреблением в Супрасльской рукописи родительного и винительного падежей при глаголах, допускающих частичную объективацию, свидетельствуют об ослаблении данного противопоставления родительного—винительного падежей. Вытеснение винительным родительного объекта неполного охвата действием происходило уже в поздний старославянский период. Оно охватило в первую очередь те случаи, где указание на частичную объективацию не было поддержано значением глагола и выражалось только значением падежа. При глаголах с аблятивным значением вытеснение родительного предложной конструкцией с *отъ* коснулось в первую очередь родительного второго объекта.

В результате этого процесса была подвергнута разрушению единственная конструкция, в которой беспредложный родительный мог выступать в синтагматическом противопоставлении винительному падежу, что способствовало еще большему сближению этих падежей.

Таким образом, в обеих позициях, в которых важно различие

¹⁵ И. Дуриданов. Към проблемата за развоја на българския език от синтетизъм към аналитизъм. «Годишник на Софийския ун-т филол. фак-т», т. LI, ч. 3. София, 1956, стр. 202.

падежей, опирающееся на показатель формы, т. е. в позиции взаимозамещения и совмещения, где винительный и родительный могли быть противопоставлены по значению, формальное противопоставление этих падежей становилось неважным, либо потому, что перестало быть существенным их противопоставление по значению, либо потому, что появились новые средства его выражения — конструкция с предлогом *отъ*.

Объединение форм винительного и родительного в первую очередь происходило в тех классах существительных, где противопоставление этих падежей по значению, как падежа полной и неполной объективации, было несущественным, и где могли быть реализованы лишь их общие признаки — центральных, пассивных падежей.

17. Соотношение родительного и дательного падежей в древнеболгарском характеризуется тем, что эти падежи могут выступать в позиции взаимного противопоставления в контексте и могут находиться во взаимоисключающих позициях или в позиции взаимозамещения с полной нейтрализацией противопоставления их значений.

В позиции противопоставления дательному падежу родительный может выступать в функции объекта действия, который, в отличие от объекта, обозначенного винительным, выступает как объект неполной объективации: *отъпъсти народъ да шъдъше къ окръстѣнаа кси коупатъ сѣтъ бръшна Сав. 39, Мө. XIV, 15*, или как объект не состоявшегося или не осуществленного в полной мере действия в отрицательных конструкциях: *ни самому манъ мироу камѣтити пишемыхъ сихъ книгъ Сав. 28, Io. XXI, 25*.

Как взаимоисключающие и взаимозамещающие друг друга падежи родительный и дательный могут выступать при глаголах, требующих объекта восприятия и отношения, и в приименных конструкциях, где находит реализацию та же функция отношения.

Нейтрализация значений родительного и дательного падежей представлена при некоторых глаголах, требующих объекта восприятия и отношения, а именно при глаголах: *съподобити сѧ, късѣдокати, послѣдокати, мѣстити, дѣкити сѧ, гнѣшати сѧ, разоумѣти, послѣушати, кѣнимати, хотѣти*. Например: *сихъ же не разоумѣша оученици его прѣжде Сав. 86. Io. XII, 16; не кси разоумѣсте слокоу Сав. 43, Мө. XIX, 11; да неки разоумѣжтъ народи тако стѣнжштоу лѧкоу Супр. 166—26; ꙗко кѣгда мене послѣушаша Сав. 83, Io. XI, 42; ꙗко ꙗко послѣушати имате нашего оучѣнаа Супр. 495—3а; аще ти послѣушѣтъ приовращени брата сѧго Сав. 29, Мө. XVIII, 15*.

При других глаголах, требующих объекта восприятия и отношения, родительный и дательный падежи в древнеболгарском находятся во взаимоисключающих позициях. Однако в пределах общей функции границы между взаимоисключающими и взаимозамещающими позициями падежей могут изменяться либо в силу унификации, либо в силу перераспределения глагольного управления. Так, например, глаголы *врати сѧ*, *стыдити сѧ*, *открѣпати сѧ*, *субѣжати*, требовавшие в древнеболгарском родительного падежа, в современном болгарском управляют дательным.

Аналогичный процесс наблюдается и в приименном употреблении родительного и дательного падежей, где позиции нейтрализации значений чередуются с взаимоисключающими позициями в древнеболгарском, и где в дальнейшей истории болгарского языка родительный падеж вытесняется дательным.

17.1. Если история приглагольных функций дательного падежа в болгарском языке характеризуется сокращением сферы его употребления (утрата функций объекта действия и изъяснительного объекта, а также дательного неодушевленных существительных в функциях адресата и предназначения), то в истории приименных функций происходит противоположный процесс постепенного расширения сферы употребления дательного падежа вплоть до полного вытеснения родительного приименного, занимавшего в ранний старославянский период господствующее положение в этой сфере употребления. Так, в наиболее раннем из обследованных нами памятников — Саввиной книге общее число приименных конструкций, образованных с родительным падежом, в три раза превышает число приименных словосочетаний, образованных с дательным падежом.

В. Н. Топоров справедливо отмечал, что «слависты до сих пор не обращали должного внимания на соотношение род. притяжательного и дат. притяжательного — в связи с данными других индоевропейских языков и в связи со сферой употребления этих падежей в самих славянских языках»¹⁶. Большой интерес к этой проблеме проявляют лишь историки болгарского языка, но их интересует лишь одна сторона вопроса — процесс вытеснения родительного падежа дательным притяжательным, причем последний рассматривается обычно лишь как новообразование, присущее болгарскому языку, отличающее его от других славянских языков и связывающее с балканскими. «Для болгарского начало этого процесса (вытеснения родительного принадлежности дательным. — Е. Ч.) ищут еще в древнеболгарском дательном приименном со значением принадлежности (тип *праздникъ пасѣѣ*, *отъдание грѣхѣмъ*, *оца отроковици*, *кончание вѣку*, *братъа моу*), который рассматривается как указание на болгарскую

¹⁶ В. Н. Топоров. Локатив в славянских языках. М., 1961, стр. 290.

принадлежность языка Кирилла и Мефодия и как предшественник полного вытеснения родительного принадлежности дательным в развитии болгарского языка XII, XIII и XIV вв.»¹⁷

Между тем дательный притяжательный не является новообразованием в древнеболгарском языке. Об этом свидетельствуют данные других индоевропейских языков, а также древних славянских языков (древнерусского, древнечешского и древнесербского).

Анализируя эти факты, В. Н. Топоров приходит к выводу, что: «1) в древности существовало противопоставление дат. притяжательного и род. притяжательного, причем в более древние эпохи оно было выражено четче; 2) дат. притяжательный в индоевропейских языках употреблялся прежде всего при глаголе *быть* и имел локально-личное значение»¹⁸. В дальнейшей истории славянских языков дательный повсюду исчез, за исключением болгарского. «Поэтому несомненно, что уже в древнейших памятниках он является архаизмом»¹⁹. По мнению В. Н. Топорова, в древнейших славянских текстах отражено такое состояние, когда родительный притяжательный уже вторгся в область дательного притяжательного. Но хотя дательный притяжательный употребляется реже, чем родительный, сфера его применения может быть примерно определена. Дательный употребляется «обычно в тех случаях, когда в конструкции наличествует некоторый оттенок цели, *commodi*, предназначенности, объективности (*dativus obiectivus*) и т. д.»²⁰

Исследователи отмечают, что соотношение родительного и дательного приименного в различных памятниках старославянского языка не одинаково. Так, по наблюдению Н. М. Елкиной, наиболее архаичными в этом отношении являются евангельские тексты, где родительный приименной распространен наиболее широко. Причем Саввина книга дает наибольшее количество случаев употребления дательного приименного в соответствии с родительным других евангелий. Супрасльская рукопись из всех старославянских памятников наиболее насыщена конструкциями с дательным приименным. Широкое употребление дательного приименного в притяжательном значении рассматривается как диалектная особенность, присущая восточноболгарским памятникам²¹.

На материале Саввиной книги, наиболее древнего восточноболгарского памятника, мы постараемся проследить разграничение сфер употребления дательного и родительного приименного.

Истории дательного притяжательного в болгарском языке посвящено специальное исследование болгарской лингвистики

¹⁷ А. М и п ч е в а. Развой на дателния притежателен падеж в българския език. София, 1964, стр. 4.

¹⁸ В. Н. Т о п о р о в. Указ. соч., стр. 291.

¹⁹ Там же, стр. 290.

²⁰ Там же.

²¹ К. И. Х о д о в а. Указ. соч., стр. 29.

Ангелины Минчевой. Одной из главных задач является выяснение конкретных путей и условий замены родительного притяжательного дательным притяжательным в истории болгарского языка ²². В 1954 г. на тему «Беспредложные конструкции приименных родительного и дательного падежей в старославянских и среднеболгарских памятниках» была написана кандидатская диссертация Н. М. Елкиной.

Описание приименных конструкций родительного в старославянском языке с указанием синонимичных конструкций с дательным падежом сделано К. И. Ходовой в книге: «Система падежей старославянского языка».

В исследовании А. Минчевой подробно рассматривается употребление дательного притяжательного в древнеболгарских памятниках, но она почти не касается употребления родительного приименного. Поэтому вопрос о разграничении функций этих падежей в древнеболгарский период в ее работе остается неосвещенным.

Большее в этом отношении дает исследование К. И. Ходовой «Система падежей старославянского языка», так как автор при описании системы приименных падежей исходит от конструкций с родительным падежом, мотивируя свой выбор тем, что «сфера распространения конструкций родительного шире, чем сфера распространения конструкций дательного» ²³.

Автор определяет первичное значение родительного падежа путем сопоставления диапазона распространения конструкции родительного приименного с дательным и адъективными словосочетаниями, в результате чего выявляется значение, свободное от синонимических связей — это значение множества, противопоставляемое части. Это значение автор и считает первичным значением родительного падежа ²⁴, отмечая что «дательный падеж в этой семантической области не употребляется» ²⁵. «В применении к нашим задачам, — пишет автор, — установление семантических разновидностей родительного приименного имеет только один смысл: некоторые из них являются областями взаимодействия с другими падежными формами (или отыменными прилагательными), и именно со стороны этих значений происходит сужение диапазона родительного приименного — процесс, который в конечном счете, отражается на положении этого падежа в системе» ²⁶.

17.2. В языке Саввиной книги выделяются и другие типы приименных конструкций, в которых употребляется родительный падеж и не встречается дательный. Итак, только родительный падеж употребляется при существительных, обозначающих меру и количество: чашѣ коѣѣ, литрѣ мѣра, стадо ски-

²² А. Минчева. Указ. соч., стр. 8, 15.

²³ К. И. Ходова. Указ. соч., стр. 128.

²⁴ Там же, стр. 153.

²⁵ Там же, стр. 130.

²⁶ Там же, стр. 128.

ни, тамъ талантъ. Это употребление родительного непосредственно связано с его главной семантической функцией при глаголах, допускающих частичную объективацию.

При существительных, обозначающих действия или свойства, объектные определения могут выражаться как родительным, так и дательным падежами, а субъектные — только родительным. Например: умножение незаконна Сав. 87, Мө. XXIV, 12; зачатие крестю Сав. 131, загл. Лук. XXI; поклонение чистаго дръка Сав. 127, Лук. XI; поклонение крстѹ там же. Однако только — пришествие сѣна Сав. 88, Мө. XXIV, 37; лжкабство нхъ Сав. 45, Мө. XXII, 18; любѣ многыхъ Сав. 87, Мө. XXIV, 12; и истинно естъ покланіе его Сав. 129, Io. XIX, 35. Употребление родительного падежа для выражения субъектных определений объясняется тем, что субъектное определение указывает на источник, происхождение данного действия (свойства), в то время как объектное — на его направленность или предназначение. Например: иже изиде за ѹтра наатъ дѣлаѣла кинсградоу своему Сав. 150, Мө. XX, 1.

В притяжательных конструкциях параллельное употребление родительного и дательного падежей встречается только при выражении отношения органической принадлежности, например: сѣна же рѣста емоу гѣи да откразѣта сѣ очі наю милосрдокѣ же іс косяж сѣ очію нма и абие откразѣта сѣ очі обѣма Сав. 44, Мө. XX, 33, 34; отрѣшиги ремене сапога его Сав. 147, Мрк. I, 16; раздрѣшиги ремене сапогоу его Сав. 146, Мрк. I, 7.

При выражении неорганической принадлежности употребляется только родительный падеж: и оучаше ѱ на сѣнамицихъ нхъ Сав. 132, Мө. XIII, 54; кидѣхомъ во вѣздѣхъ его на вѣстоцѣ Сав. 139², Мө. II, 2.

Общей сферой употребления является так называемое определение по отношению, например: кнѣзѣа мира сѣго Сав. 105, Io. XVI, 11; ѱ кнѣзи вѣхомъ Сав. 38, Мө. IX, 34; оученици емоу Сав. 35, Мө. IX, 10; оученици его Сав. 49, Лук. VIII, 9.

17.3. В древнеболгарском языке наибольшее число примеров дательного приименного представлено в выражении отношения органической принадлежности. Это главным образом случаи, когда определяемое обозначает часть тела человека: не зарѣши во на лица ѹкомъ Сав. 45, Мө. XXII, 16; что же кидиши сѣжѣца къ очіеи братоу своему Сав. 31, Мө. VII, 3; по ѹстомъ дѣѣма послѣхомъ Сав. 29, Мө. XVIII, 16; и абие откразѣта сѣ очі обѣма Сав. 44, Мө. XX, 34; и кѣѣма къ сѣнамици очі вѣста

збраши на на Лук. XVIII, 20; кыжж кидатъ лице оцъ ми
небсоумъ Сав. 29, Мѡ. XVIII, 10.

Нетрудно обнаружить тесную связь данных конструкций с дательным приглагольным адресата причинения при переходных глаголах, обозначающих действие, направленное на часть тела того лица, которое обозначено дательным падежом. В этих случаях, как показывают наблюдения А. Минчевой²⁷, дательный часто стоит перед существительным, с которым связан отношениями принадлежности, например: проведѣ емоу рѣбра Сав. 119, Мѡ. XXVII, 49; оуръза емоу оухѡ десное Сав. Іо. XVIII, 10; и не кзмогъ прѣкрати́ти нмъ оума Супр. 111—10; да іако и емоу частѣнжж глабж отъсккши Супр. 64, 16. Дательный заинтересованного лица: како ти са открьсте очи Іо. 9, 10, Мар., Загр., Асс.

В большом списке примеров, приводимых А. Минчевой²⁸ на данную позицию дательного, это почти всегда дательный местоимения. Нет ни одного примера с дательным именем существительного, и лишь один пример с дательным падежом прилагательного. К тому же порядок слов в данном примере не соответствует порядку всех остальных: глагол, дательный падеж, винительный падеж. В нем дательный падеж стоит перед глаголом: придж же кони и пракоумоу же прѣнша голѣни и арбомоу распатоумъ съ нмъ Сав. 129, Іо. XIX, 32.

Другой тип конструкций с дательным местоимением составляют примеры с порядком слов: винительный—дательный—глагол. Например: покѣлша класки прѣсты емоу отъсккати Супр. 268—4; іакоже во позѣ емоу оумы Супр. 420—2. Этот тип конструкций представлен в работе Минчевой исключительно примерами из Супрасльской рукописи. Возможно, для других старославянских памятников он не характерен. В данном типе конструкций, где дательный стоит непосредственно после имени существительного, его притяжательное значение ощущается сильнее, однако «благодаря непосредственной близости к глаголу, зависимость от глагольного действия не нейтрализуется полностью»²⁹.

Наконец, третью группу примеров, где, по мнению А. Минчевой, связь дательного с именем существительным ощущается наиболее сильно, представляют структуры типа: глагол—винительный—дательный. Например: оумы христосъ позѣ емоу Супр. 303—25; обличаше часто мысли емоу Супр. 414—13. Данная позиция является наиболее обычной для дательного имен существительных, связанных двойной зависимостью с глаголом

²⁷ А. Минчева. Указ. соч., стр. 32.

²⁸ Там же, стр. 33—34.

²⁹ Там же, стр. 34.

и именем, например: и начатъ оумыкати нозѣ оученикомъ Сав. 93, Ио. XIII, 5; *разкрытъ срдцѣ князѣа моима* Супр. 79—2, 3; *почто ми гнѣвити азѣкъ старцоу* Супр. 239—26.

Параллели трем рассмотренным типам представлены и дательным заинтересованного лица. В этих конструкциях существительное, обозначающее часть тела человека или животного, стоит в именительном падеже: 1) глагол — Д, И: *открыте сѣ имѣ очѣ* Мѣ. 9, 30, Мар; 2) И, Д — глагол: *и тѣло имѣа распадаше сѣ* Супр. 76—22; 3) глагол — И, Д: *и акинѣ оуткрыди сѣ нога келѣждоу и бытъ сѣдрака* Супр. 218—19.

Дательный с двойной зависимостью представлен также при некоторых глаголах, требующих дательного адресата, в тех случаях, когда имеются поясняющие слова, выраженные винительным с предложом, например: *коды на нозѣ ми не пода* Супр. 394—29; *и сѣа чѣкѣи прѣдаатъ сѣ къ ѣржкѣ грѣшникомъ* Мѣ. 26, 45. Мар., Зогр., Асс., Сав.; и на *срдцѣ чловекоу не базиѣ* Супр. 154—11; и *вечери бытъши дѣтелоу юже кѣлоужшю къ срдцѣ инѣтѣ симоновоу и скаримѣтѣскоумоу да и прѣдаатъ* Ио. XIII, 2. Мар., Зогр., Сав. В этих и подобных примерах дательный выступает как дательный адресата по отношению к глаголу (*воды мне не подѣ*) и как дательный принадлежности по отношению к существительному, обозначающему часть тела (*воды на мои ноги не подѣ*). Возможность двойного понимания этих конструкций проявляется в наличии параллелей с родительным падежом, который в славянских языках имеет только второе значение. В древнегреческом значении родительного в данных конструкциях было более широким. А. Минчева отмечает, что в соответствии дательному с двойной зависимостью «в греческом тексте стоит форма родительного падежа, и ее место в порядке слов полностью соответствует месту дательного падежа относительно других слов предложения»³⁰.

Важным наблюдением А. Минчевой, подтверждающим наши наблюдения, является определение позиции, в которой дательный и родительный выступают в наиболее близких значениях, выражая отношение принадлежности: «частая постановка дательного с двойной зависимостью непосредственно после имени, развитое еще в древнеболгарском и чуждое другим славянским языкам, создает благоприятную основу, на которой развиваются более поздние процессы и изменения в функционировании дательного падежа на болгарской почве и распространение его за счет генитива»³¹.

Таким образом, достаточно ясно прослеживается связь приименного и приглагольного употребления родительного и дательного падежей.

³⁰ А. Минчева. Указ. соч., стр. 40.

³¹ Там же, стр. 41.

Широкое употребление родительного падежа в приименных функциях обусловлено тем, что этот падеж и в прилагательном употреблении в большей степени, чем другие падежи, служит для выражения объекта отношения, а не объекта действия.

Родительный падеж занимает в системе падежей промежуточное место между винительным и дательным падежами. Взаимодействие родительного и винительного падежей происходит в сфере объекта действия, взаимодействие родительного и дательного — в сфере приименного определения, где родительный и дательный падежи выражают отношение к определяемому существительному.

18. Соотношение родительного и винительного падежей в Норовской и Болонской псалтырях. Тенденции взаимодействия родительного и винительного падежей, наметившиеся в древнеболгарский период, получают интенсивное развитие в среднеболгарской письменности. В Норовской псалтыри это взаимодействие проявляется в двух направлениях: 1) вытеснение родительного падежа винительным в ряде его существенных функций, 2) проникновение форм родительного падежа в винительный в личных местоимениях и прилагательных.

18.1. Родительный и винительный падежи в отрицательных конструкциях. Замена родительного при отрицании винительным падежом в среднеболгарских памятниках неоднократно отмечалась историками болгарского языка³². Однако не было сделано попытки проанализировать эти примеры с точки зрения их соответствия тем случаям, в которых винительный при отрицании встречается в древнеболгарских памятниках.

Норовская псалтырь существенно отличается от других среднеболгарских памятников количеством встретившихся примеров замены родительного падежа при отрицании винительным падежом. Болонская псалтырь в этом отношении значительно более архаична. Мы рассмотрим разночтения этих псалтырей в сопоставлении со случаями употребления винительного при отрицании в древнеболгарских текстах. В Норовской псалтыри в отрицательных конструкциях чаще встречается винительный, чем родительный. При этом винительный отмечен как в тех случаях, где он встречается и в старославянском, так и там, где он в старославянском неизвестен. К первой категории принадлежат случаи, когда отрицание относится к имени существительному, а не к глаголу³³, например: *ѡиѡге не ꙗзъсѡудѣтъ дѡмѡѡ, ꙗзѡуѣ*

³² К. М и р ч е в. Историческа граматика на българския език. София, 1858, стр. 258; И. Д у р и д а н о в. Указ. соч., стр. 217, 218. Je. R u s e k. Deklinacja i użycie przypadków w Trójdzie Chłudowa. Studium nad rozwojem analityzmu w języku bulgarskim. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1964, стр. 93—95. К. М е у е r. Der Untergang der Deklination im Bulgarischen, Heidelberg, 1920, стр. 56—58.

³³ Ср., например, замечание К. И. Ходовой: «На употребление родительного вместо винительного влияет лишь то отрицание, которое относится к гла-

трудоушиж сѧ зиждаштен аште не гѧ сзхранигъ града, кзсоуѣ вѣдѣ
 стрѣжѣи Нор. 217а—11—14, чему в Болонской псалтыри соответ-
 ствуют, однако, форма родительного: тако аще не гѧ сззиждетъ
 домоу... аще не гѧ стрѣжетъ града... Бол. 126—1а, b; да не
 рекжѣ рѣка наша кысока, ѡ да не гѧ сзгкори сѣи кѣсѣ Нор. 252—3, 4;
 да не рекжѣ тако рѣка наша вѣсока а не гѧ сгкори сѣихъ кѣсѣхъ
 Бол. Cant. II, 27 с, d. В Норовской псалтыри в конструкции дан-
 ного типа встретился также и родительный: не бѣ ли кзыщета
 сѣихъ Нор. 76—3, 4; Бол. 43—22а.

Синтаксически мотивированный винительный представлен
 в старославянском «в случаях, в которых дополнение относится
 к положительному инфинитиву, зависящему от отрицательного
 оборота»³⁴. Например: не стѣди сѧ исповѣдати грѣхъи своѧ
 Супр. 356—1.

В Норовской также находим аналогичные примеры с вини-
 тельным: нѣ тѣи не хѣтай призвати праведники нѣ грѣшники къ
 показанію Нор. 175—10—12; зане не помѣнѣ стѣорѣти многѧ
 Нор. 184а—2. В Болонской — родительный: зане не помѣнѣ стѣо-
 рѣти мѣсти Бол. 108—16а; ниже да си прѣподобному своему, видѣти
 растѣнію Нор. 29—9, 10; ни да си же прѣподобному своему видѣти
 истѣнію Бол. 15—10; не ѡмамъ бо ти ничѣмъ добра принѣсти
 ниже дѣла ни бѣга ниже сѣце чисто Нор. 214—1, 2.

В последнем примере повторение отрицания с винительным
 падежом оправдано семантически, так как каждое дополнение
 здесь особо подчеркивается³⁵.

Синтаксически мотивированный винительный в старославян-
 ском отмечает Р. Вечерка в случаях, когда дополнение стоит
 перед отрицательным глаголом, например: глѣи ѡже азъ глѣи камъ
 о сѣбѣ не глѣи Ио. 14, 10 Зогр. Мар. Асс. Сав.³⁶ Аналогичные при-
 меры имеются в Норовской: сѣце сзкроушено смѣрено, бѣ не оуни-
 чижитъ Нор. 87а—1, 2; в других псалтырях здесь представлен
 родительный: сѣца сзкроушена и смѣрена бѣ не оуничжитъ
 Бол. 50—19b; мѣткий же живѣтъ не кидатъ Нор. 256а—19, 20;
 ѡ помысла оумилентѣи нѣстѣ ми Нор. 102—13; кысѣтъ ѡчима не

голу; если же отрицание относится к имени существительному, то глагол
 сохраняет свойственное ему управление винительным падежом» (указ.
 соч., стр. 54). Как показывают приводимые нами примеры, это правило
 не должно, видимо, формулироваться в такой категорической форме.

³⁴ Р. Вечерка. Указ. соч., стр. 207.

³⁵ Там же, стр. 206.

³⁶ Там же, стр. 207.

Некоторые исследователи отмечают также сохранение при отрицании в старославянском винительного от слов женского рода. Например: не испоустѣ ко славъ немощнѣхъ Супр. 96—10³⁸.

В Норовской псалтыри в этой категории случаев обычно представлен винительный, в соответствии с родительным в Болонской и Синайской псалтырях. Примеры: бгослокенѣ къ ѡже не ѡстаѣи мѡитѣж мѡжъ ѡ мѡта сѡжъ ѡ мене Нор. 106—11—13; ... не ѡстаѣи мѡ^атѣѣ мѡеѣжъ и мѡлѡсти сѡжъ ѡта мене Бол. 65—20; не потаѣхъ мѡта тѡжъ ѡ истинѣж тѡжъ ѡ сѡнма мѡсѡ Нор. 71—2, 3; не потаѣхъ мѡ^ати тѡеѣжъ и истинѣѣ тѡеѣжъ ѡта сѡнма мѡсѡ Бол. 39—11с; ѡбрати бѣи мѡи еже не видѣти сѡетѣжъ, Нор. 199а, 14—16; да не видѣтѣ сѡетѣѣ Бол. 118—37а; и не глѣте на бѣ непраѣѣжъ Нор. 122—8; непраѣѣѣ Бол. 74—6b (непраѣѡу — Бух.); Изѡаки бѣе ѡ одрѣѡаштѣи наѣи^а грѣхъ ѡко ѡнѣжъ надеѡѣжъ вѣрѣниѣ не ѡмаѣи Нор. 161—11—13; не ѡметѣѣши вѡ мѡлѣѣжъ, каѡиѣиѣмъ сѡ бѣ истинѣжъ Нор. 65а, 66—1; кто не члѣтѣѣѣ иже^а ѡжѣетѣѣ и не сѡзрѣтѣ сѡмѣтѣ Бол. 149—2, 3; и не сѡзрѣтѣ сѡмѣти Бол. 88—49а.

Винительный падеж при отрицании зафиксирован и во множественном числе: ѡче ѡпраѣѡѣи мѡѡ ѡскѣрѣнѡтѣѣ ѡ запѡѣѣи мѡжъ не сѡхрѡнѡтѣ Бол. 147а—12, 13; и запѡѣѣи мѡхъ не сѡхрѡнѡтѣ Бол. 88—32; азъ же не ѡстаѣи запѡѣѣи тѡжъ Нор. 203а—1; запѡѣѣи тѡ^ахъ Бол. 118—87b.

В большинстве рассмотренных случаев винительный падеж Норовской соответствует родительному с отрицанием в других псалтырях, что заставляет видеть в винительном Норовской явление вторичное — не сохранение старого винительного, а замену, систематически проводимую писцом. Он лишь по недосмотру оставляет иногда родительный, например: ѡ не дѡстѣѣ коу ѡзмѣиѣ за сѡ ѡ цѣиѣжъ ѡзѡаѣѣнѣиѣ дѡжъ сѡеѣжъ Нор. 83—7, 8; и цѣиѣжъ ѡзѡаѣѣнѣиѣ дѡжъ сѡеѣжъ Бол. 48—9а (цѣиѣжъ ѡзѡаѣѣнѣѣиѣ дѡѡ сѡеѡи Сип.). Родительный и винительный здесь выступают при отрицании как однородные члены.

Произошедшему винительного в конструкции с отрицанием могли способствовать синкретичные формы родительного — винительного, возникшие в результате среднеболгарской мены юсов. Например: ѡко не ѡстаѣиѣи дѡжъ мѡжъ къ дѡ Нор. 29—8;

³⁸ К. И. Ходова. Указ. соч., стр. 55. — А. Мейе объясняет это явление в старославянском как сохранение винительного, вызванное отсутствием аналогического влияния родительно-винительных форм, наблюдаемого в словах мужского рода.

так не *ѡстакиши доушѣ моѣ* въ *дѣѣ* Бол. 15—10а (*дѣѣ* *моѣ* Син.). Даже в псалтыри Томича (XIV в.), отличающейся правильным употреблением форм, в этом случае находим, как и в Болонской: *ѡстакиши дѣѣ моѣ* въ *дѣѣ* Том. 23а.

Однако случаями, которые могут иметь известную семантическую, синтаксическую или морфологическую мотивировку, далеко не исчерпываются примеры с винительным при отрицании, представленные в Норовской псалтыри в соответствии с родительным в других псалтырных текстах. Нейтральную группу примеров представляет винительный при отрицании от неодушевленных существительных мужского и среднего рода единственного числа: *ѡ не ѡйми ѡ оуѣтѣ моѣхъ слоко ѡстины*, до *стѣла* Нор. 200—11, 12; *ѡ не ѡтѣми ѡтѣ оуѣтѣ моѣхъ словесе истинныа* до *зѣла* Бол. 118—43а и др.; *ѡз'ходнишѣ коднаѣ низкедѣстѣ очѣ моѣ понеже не сѣхранихъ законѣ твоѣ* Нор. 207—3—5; *понеже не ѣхранихъ зѣкѣна твоѣго* Бол. 118—3б; *не потрѣпѣшѣ сѣкѣтѣ его* Нор. 176а—9; *не сѣтрѣпѣшѣ сѣкѣта его* Бол. 105—13б; *ниже ѡскрѣзна закѣтѣ моѣ* Нор. 148—1; *ни ѡскрѣзна же закѣта моего* Бол. 88—35а; *до кѣка не оуѣритѣ сѣкѣтѣ* Нор. 84—9 (*ѣ* переправлено на *а* другими чернилами); в Болонской: *не оуѣзритѣ сѣкѣта* 48—20; множественное число: *кѣдѣхъ неразоумѣкаѣшѣ ѡ ѡстаѣхъ* *ѡко словесе твоѣ* не *сѣхранишѣ* Нор. 208—17; *кѣдѣхъ неразоумѣкаѣшѣ ѡ ѡстаѣхъ* *ѡко слѣѣхъ твоѣхъ не сѣхранишѣ* Бол. 118—158.

Винительный при отрицательной форме причастия отмечен в одном и том же примере в Норовской псалтыри и псалтыри Томича: *ѡко въ не хѣта безаконіѣ твоѣ еси* Нор. 16—8; *ѡко въ не хѣта безаконіѣ твоѣ еси* Том. 9; *ѡко въ не хѣта безаконіѣ твоѣ еси* Бол. 5—5а, и др.

Зафиксировано несколько примеров винительного с отрицанием от одушевленных существительных мужского рода множественного числа: *не потрѣвишѣ ѡзыки ѡже рече гѣ ѡмѣ* Нор. 178—5, 6; *не потрѣвишѣ жѣкѣ ѡже рече гѣ ѡмѣ* Бол. 105—34 (*ѡзыки* Нор.); *не приѣмѣ ѡ домоу твоѣго телѣа ни ѡ стаѣ твоѣхъ кѣзѣѣ* Нор. 84а—17, 85—1; *телеѣа — козелѣ* Бол. 49—9, и др.; *ѡ не вѣдетѣ колоко при ѡслѣхъ* Нор. 256—13, 14; *ѡ не вѣдетѣ колоко въ ѡслѣхъ* Бол. Cant. III, 17с. Пример с родительным: *ѡ не ѡѣи кѣзѣселѣѣ врага моѣ ѡ мѣѣ* Нор. 48а—9, 10.

При отрицании с глаголом *бѣти* зафиксирована именительно-винительная форма личного существительного мужского рода единственного числа: *ѡ не вѣдетѣ ѣмоу застѣпѣѣѣ* Нор. 184—9 в соответствии: *не вѣди ѣмоу застѣпѣѣѣ* Бол. 108—12а; *ѡ еще мало ѡ не вѣдетѣ грѣшныѣ ѡ кѣзѣѣѣѣ мѣѣго ѡ не ѡбѣѣѣѣ*

цѣши Нор. 61—3—5; и еше мало и не вѣдетъ грѣшника и вѣзѣ
итѣши мѣста его и не ѡбращѣши Бол. 36—10, и др.

Употребление именительного-винительной формы в этих при-
мерах создает явную двусмысленность, так как она может быть
воспринята как именная часть сказуемого при связке, а не как
дополнение при глаголе *быти* в значении 'существовать',
'иметься'.

Випительный вместо родительного несколько раз встретился
в Норовской псалтыри при глаголе *нѣсть*: нѣста бѣ прѣд нами
Нор. 24—3; нѣстѣ бѣ прѣд лицемъ его Бол. 9—25с; нѣ бѣ прѣд
нами Том. 17; нѣ страха вѣкий прѣд очима его Нор. 59а—4, 5; нѣстѣ
во страха вожия прѣдъ очима его Бол. 35—2; рече безоуменъ въ
срѣци своемъ нѣста бѣ Нор. 88а—6; в Болонской соответственно:
нѣстѣ бѣ Бол. 52—2а; то же в псалтыри Томича: нѣ бѣ Том. 21;
и помысла оумиленіа нѣстѣ ми Нор. 102—13. Примеры с родитель-
ным: ни въ ѣстѣ имъ измѣненіа ꙗко не оубоашѣ сѣ бѣ Нор. 91—9,
10; нѣста во имъ измѣненіа зане не оубоашѣ сѣ бѣ Бол. 54—20b
(измѣненіа — Сип.). Пример с винительным из псалтыри Томича
и Болонской псалтыри: нѣ теоранъ благостыня Том. 21; Бол. 13—1с.
Пример с формой прошедшего времени: и не бѣ въ племени ѡхъ
волаи Нор. 173—5, 6; и не бѣ въ колѣнѣхъ ѡхъ волаца Бол. 104—37b
(волази Сип.). Однако в Погодинской и Софійской псалтырях
также представлена форма именительного-винительного: колѣни;
коленъ Бух.

Випительный с отрицанием отмечен в Норовской псалтыри
также при глаголах, которые в старославянском управляли ро-
дительным падежом. «Замена родительного на винительный при
глаголе с отрицанием, — пишет К. И. Ходова, — естественно, не
осуществляется в тех условиях, которые поддерживают упо-
требление родительного, например, при глаголах определенного
лексического значения, преимущественно или всегда управляющих
родительным»³⁹.

В Норовской псалтыри при глаголах *кѣхотѣти*, *мишити* сѣ
с отрицанием отмечен випительный: ѡ не кѣхотѣ благослоение ѡ
оудалит сѣ ѡ него Нор. 184а—7, 8; и не кѣхотѣ благослоения
Бол. 108—17b (в Синайской, Софійской и Бухарестской псалты-
рях — дательный: вѣренію Сип., вѣренію Соф., -нію Бух.); *жрѣтѣж*
и *приношеніе* не кѣхотѣ Нор. 70а—6, 7; *жрѣтѣж* и *приношеніа* не
кѣхотѣ Бол. 39—7а (приношеніа Сип.; *жрѣтѣж* и *приношенію* Пог.);
желание срѣца его, даде еси емоу ѡ хотѣніе оустенъ его, не мишила

³⁹ К. И. Ходова. Указ. соч., стр. 56.

еси его Нор. 37а—10, 11. Винительный местоимений: да разсумѣжъ что лишж са азз Нор. 69—11, 12; гѣ паета ма и ничтоже ма лишигъ Нор. 41—4. Как мы видим, в этих примерах винительный представлен даже на месте второго родительного.

В Норовской псалтыри винительный с отрицанием проникает в конструкции с такими глаголами, которые без отрицания управляют только родительным. Например, глагол забыти: оуѣкорѣшж забышж дѣла ег^о Нор. 176а—8; ѡждрѣшж и закѣшж дѣла его Бол. 105—13а; аще забых^ома имене бѣ наше Нор. 76—1; аште забых^ома имѣ бѣ нашего Бол. 43—21а. При отрицании винительный: кзышти раба твоего, ꙗко заповѣди твоѣ не забы^х Нор. 209—8—10; ꙗко зпѣѣден ти^хх не закѣ^хх Бол. 118—176; ѣд^а бы твоѣ не забы^хх Нор. 199—16, 17; ѣжзвѣ твои^хх не закѣ^хх Бол. 118—30б.

Чаще, однако, при этом глаголе зафиксирован родительный с отрицанием: ѡпраѣданий твои^хх не забы^хх Нор. 203—8 (Бол. 118—83б), 207—13 (Бол. 118—141); и не забыкай кзы^хх кзыдѣнии ег^о Бол. 166—16, 17; Бол. 102—2; и закона твоего не забы^хх Нор. 205—2, 208—6 (Бол. 118—153).

Правда, при глаголе поменѣти, который в утвердительных конструкциях в Норовской не употребляется с винительным падежом, отмечен только родительный с отрицанием: не помѣни наши безаконий прѣкыи^хх Нор. 134—2, 3; безаконен Бол. 78—8а.

Проведенный обзор показывает, что замена родительного винительным при отрицании носит в Норовской псалтыри регулярный характер и, видимо, уже не связана с семантической, синтаксической или морфологической обусловленностью. Можно лишь отметить, что наиболее устойчивым оказывается родительный с отрицанием при тех глаголах, при которых он регулярно употребляется в утвердительных конструкциях в соответствии с винительным других памятников.

18.2. Употребление родительного падежа в утвердительных конструкциях характеризуется, с одной стороны, тем, что он все больше уступает свои позиции винительному, с другой, — тем, что родительный регулярно появляется при некоторых глаголах, иногда даже там, где раньше его не было, что свидетельствует о попытке какой-то искусственной нормализации. Винительный в соответствии с родительным Болонской псалтыри засвидетельствован при глаголах, которые выражают чувства субъекта, характеризующие его отношение к объекту: ненакѣѣти, кзыненакѣѣти, кзыгнишати са, оубоати са, трепетати, чагати, причагати, искати, кзызыкати, кыздеѣти, кзыхотѣти.

Употребление винительного падежа при глаголе ненакѣѣти, который в старославянском управлял родительным падежом

«в силу присущего ему отрицательного значения»⁴⁰, может быть связано с судьбой отрицательных конструкций в Норовской псалтыри, где родительный регулярно заменяется винительным падежом. Поэтому и здесь находим формы винительного даже от кратких местоимений *ма*, *ны*, которые в других случаях заменяются полными, совпадающими с родительным *мене* и *насъ*. Например: *и ненакидаѣхѣ ма потрѣбѣма ѿси* Нор. 35—6, 7; *и ненакидаѣхѣ мене потрѣби* Бол. 17—41b (*ма* Пог., *ма* Син., *ме* Бух.); *и ненакидаѣши ны разхышгахѣ себѣ* Нор. 75—11, 12; *и ненакидаѣи насъ разхышгахѣ себѣ* Бол. 43—11b. Возможна, однако, и в Норовской псалтыри винительно-родительная форма: *оумножишѣ ѿ паче благъ главы моѣхъ ненакидаѣей мене тѣне* Нор. 110—3, 4 (Бол. — *спыти* 68, 5a).

Глагол *кззенакидѣти*, который и в старославянском сочетается как правило с винительным падежом⁴¹, в Норовской также представлен с винительным, например: *законопрѣстѣпники кззенакидѣхъ закона же тѣи кззюмѣхъ* Нор. 205—10—12; Бол. 118—113. Со знательный характер такого употребления проявляется в том, что при наличии синкретичных винительно-родительных форм, которые в других случаях писец свободно употребляет на месте винительного причастий множественного числа, в данном случае он оставляет старую форму винительного: *творашѣхѣ прѣстѣпленѣи кззенакидѣхъ* Нор. 161—17, 161a—1; Бол. 100—3b (*творашѣхѣ* *законопрѣстѣпление* Син.).

Встретился, однако, и пример с родительным: *прѣкрати срѣе свое, еже кззенакидѣти люди его еже мѣстити къ рабѣхъ его* Нор. 172—11—13. То же в Болонской: *прѣкрати срѣе свое кззенакидѣти люди его и мѣста створиши къ рабѣхъ его* Бол. 104—25. В более поздних Софийской и Бухарестской псалтырях *люди*. В Синайской также родительный, так что этот пример может быть добавлен к единственному, приводимому Р. Вечеркой из Супрасльской рукописи: *да и ты кззюмѣши иже кззенакидѣ без оума Супр. 395—12, 13.*

Колебавшаяся в употреблении родительного и винительного падежей, с преобладанием винительного представлены при глаголах *искати*, *кззыскаѣти*. В Болонской псалтыри им всегда соответствует родительный, за исключением словосочетания *дшѣ мож*, в которой представлены в этих памятниках синкретичные родительно-винительные формы. Например: *и крѣпци кзз'ыскашѣ дшѣ*

⁴⁰ Р. Вечерка. Указ. соч., стр. 204.

⁴¹ Там же, стр. 205.

моѡ Нор. 89а—1, 2; крѣпаци кзыскаша дша моего Сип.; искашъ дшж моѡ Бол. 53—5b.

Синкретизм форм родительного и винительного падежей в единственном числе существительных женского рода мягкого склонения способствует переосмыслению управления. Переходное звено можно видеть в следующем примере из Болонской псалтыри: да постыдаѣт ѡа и пограмѣжѣт ѡа екоупѣ искжѣи дшж моѡ изати ж Бол. 39—15а. Значение родительного здесь передается формой притяжательного местоимения (в Сипайской — дша моего). В Норовской форма местоимения уже не указывает на родительный: да постыдаѣт ѡа и пограмѣт ѡа ищжѣи дшж моѡ еже изати ж Нор. 71—13, 14, 15; да постыдаѣт ѡа и пограмѣт ѡа иштжшт'ни дшж моѡ Нор. 112а—5, 6; искжѣи дсущж моеж Бол. 69—3а (дша моего Сип. Бух., дшж моѡ Соф.); и нѣ кзыскажѣи дшж моѡ Нор. 232—10, 11; и нѣстѣ кзыскажѣи дшж моеж Бол. 141—5с (дша моего Пог., дшж моѡ Соф., дше моею Бух.). Однако и в Болонской формы дшж моѡ представлены в стихах 37—13, 53—5b, 85—14b⁴².

Отмечаются эти формы также в Софийской и Бухарестской псалтырях. Кроме них, К. Мейер приводит только один пример с другим словом в винительном падеже из Софийской псалтыри, где представлено слѣзы в соответствии с родительным в других текстах: кзыска во бѣ слѣзы покаяния Бол. 55—9b, ком. К этому можно добавить некоторые из приводимых ниже примеров. В Норовской псалтыри в целом ряде примеров представлен винительный при данных глаголах в соответствии с родительным Болонской псалтыри: 1) ѡа рѡда искжѣи гѣ искжѣи^х лице бѣ ѡакоклѣ Нор. 42—1, 2; ѡа родѣ искжѣи^х господѣ искжѣи^х лица бѣ ѡакоклѣ Бол. 23—6а, b; 2) кзыскажѣи^х закѣтѣ его и скѣдѣниѣ его Нор. 44—9, 10; кзыскажѣи^х закѣтѣ его и скѣдѣниѣ его Бол. 24—10b (скѣдѣниѣ Соф. Бух.); 3) исплѣни^х лица и вѣчѣстѣи^х и кзыштѣтѣ имѣ твоѣ гѣ Нор. 138а—17, 139—1; исплѣни лица нѣх догаждѣниѣ и кзыштѣтѣ имени твоего гѣ Бол. 82—17 (имене Пог., Соф.); 4) кзыштѣте лице его кынж Бол. 104—4b; 5) ѡако да сзхранѣтѣ ѡправдѣниѣ его и законѣ его кзыштѣтѣ Нор. 173—7; и закона его кзыштѣтѣ Бол. 104—45b; 6) и хождаѣхъ кз ширѣтѣ ѡако запокѣди твоѣ кзыскажѣи Нор. 200—16, 17; ѡако запокѣден твоѣхъ кзыскажѣи Бол. 118—45 (запокѣди Соф., запокѣди твоею Бух.); 7) паче сѣга-

⁴² К. Мейер. Указ. соч., стр. 60, 61.

реца разумѣхъ, ꙗко заповѣди твоѣ кзыскахъ Нор. 204—15; заповѣден твоихъ кзыскахъ Бол. 118—100; 8) си быста мнѣ, ꙗко ѡправданиа твоѣ кзыска Нор. 201—8; си вѣстѣ мнѣ, ꙗко ѡправданиа твоихъ кзыскахъ Бол. 118—56 (оправданіи Син., ѡправданиихъ твоихъ Пог.); 9) оправданиа твоѣ кзыскахъ Нор. 207а—4, 5; ѡправданен твоихъ кзыска Бол. 118—145b; 10) винительный представлен и в отрицательной конструкции: да не ѡ грѣшнихъ спсении, ꙗко ѡправданиа твоѣ не кзыскахъ Нор. 208—9, 10; ꙗко ѡправданен твоихъ не кзыскахъ Бол. 118—155 (ѡправданиі Соф., Бух., -и Пог.), хотя в утвердительной возможен и родительный: твои есма азъ спси ма ꙗко ѡправданиа твоихъ кзыска Нор. 203а—16, 17; оправданіи твои не забвѣхъ Бол. 118—94.

Винительный и родительный падежи употребляются параллельно при глаголе кзыскати, например: 1) ꙗко истинны кзыскаетъ гъ Нор. 51а—6, 7; 2) мѣта ѿ истинны его кто кзыскаетъ Нор. 99—12; мѣстѣ и истиннѣ его кто кзыскаетъ Бол. 60—8b. (мѣта и истинноу — Бух.; рѣшоты — Син.).

Отдельные примеры употребления винительного отмечены и при других глаголах, управлявших в старославянском родительным падежом: се каждемъхъ заповѣди твоѣ Нор. 200—4; се каждемъхъ заповѣден твоихъ Бол. 118—40а (заповѣди Пог.); и каждемъхъ желаниа къ поустыни Нор. 176а—10, 11; чему в Болонской и других соответствует: и кзыскаетъхъ хотѣнию к поустыни Бол. 105—14а (хотѣнию Син.). При глаголах хотѣти, кзыскаети в Норовской псалтыри также отмечен винительный, реже родительный, чему в Болонской может соответствовать винительный или дательный, например: кто ѿ чѣлка хотѣи жекѣтъ Нор. 56—17; кто естѣ чѣлка хотѣи жекѣтоу Бол. 33—13; ꙗко аще би кзыскаетъхъ жекѣтъ, да би би Бол. 87—14; ꙗко аще би кзыскаетъхъ жекѣтъ, да би би Бол. 50—18а; ѿ ѿ тебе что кзыскаетъхъ на земли Нор. 119а—4, 5; и ѿта тебе что кзыскаетъхъ на земли Бол. 72—25b; и ѿ тебе чѣмъ кзыскаетъхъ на земли Пог. (чѣмъ — Соф.). Хотя в утвердительной конструкции в Норовской возможен и родительный: кзыскаетъхъ елика кзыскаетъхъ елика Нор. 191—11; кзыскаетъхъ елика кзыскаетъхъ елика Бол. 113—11b; в отрицательной, как и при других глаголах, сохраняется винительный: жекѣтъхъ ѿ приношениа не кзыскаетъхъ Нор. 70а—6, 7; в Болонской — родительный: жекѣтъхъ приношениа не кзыскаетъхъ Бол. 39—7а; в Погодинской — дательный: жекѣтъхъ и приношению не кзыскаетъхъ. В утвердительной конструкции дательный

Погодинской может соответствовать вишительному Болонской: и погыдаты са хотащени мнѣ зло Бол. 69—2b; хотащени мнѣ злоу Пог., Соф. (моёму злоу Син.). Аналогичное соотношение форм представлено в примере: блаженн алыщени и жыздзжени правды Бол. 41—3 ком. (ирадѣт Пог., Соф., правды Бух.).

При отрицании сохраняется винительный: много мати створила, ^еси съ мноѣ ймже нѣсамъ добротнъ, ꙗже не причахъ видѣти Пор. 113а, 5—7.

Родительный без предлога часто сохраняется при глаголах *богати* *ѡ*, *оубогати* *ѡ*. Например; не оубоѡ *ѡ* за Нор. 41—41; кто не члвкъ божї *ѡ* га законоположитъ ёмоу Нор. 44—12.

В придаточном предложении винительный относительного местоимения отмечен во всех текстах псалтыри. Например: на ба оупокаѡх не оубоѡ ѡа что створиѡа мѡѡ члвчкз Нор. 94а—1, 2; на ба оупокаѡх не оубоѡ ѡа что створиѡа мѡѡ члвчкз Бол.

55—12; глагол лишити в Норовской псалтыри также зафиксирован с винительным падежом: да *разоумѣхъ чѣо лишѣ са азъ* Нор. 69—11, 12. В Болопской и других с родительным: да *разоумѣхъ чѣо лишѣ са азъ* Бол. 38—5b.

Вишительный возможен в Норовской псалтыри и на месте родительного отчуждаемого объекта при глаголах *ѡкразати сѧ*, *лишати сѧ*: ѿ *изхощаща ѡ оуцѣхъ моихъ*, не *ѡкразѧ сѧ* Нор. 148—2, 3; и *исхощащихъ ѡ оуцѣхъ моихъ* не *ѡкразѧ сѧ* Пог. 88—3в (*исхощаще* Бол., *исхощащихъ* Сип., *чнихъ* Бух.).

В комментариях Болонской и Софийской псалтырей К. Мейер также отмечает примеры с винительным в соответствии с родительным в других текстах: *вѣѣкова радости лишихъ сѧ* Соф. Бух. 42—2b, ком.; *вѣѣкѣ радости лишихъ сѧ* Бол.; *жратва вожихъ лишихъ сѧ* Бол. Бух. 105—28b, ком.; *жратвы бѣа* Соф.

При глаголе *лиштити* винительный отмечен на месте родительного второго объекта: *гѣ пасѣтъ ма ѿ ничтоже ма лишитѣ* Нор. 41—4.

Винительный на месте родительного второго объекта находим и при глаголе исплнити: *просишж и приде крастѣлы и хѣбз небеси исплни ихъ* Нор. 173—11—13; *просишж и придошж крастѣли и хѣбза неснаго насѣти ж* Бол. 104—40 а, б; *дзготж днѣи ѡсплнѣа ѣго и ѡклѣ ѣмоу спѣненіе моѣ* Нор. 152—1, 2. В Болонской в этом примере на месте родительного также представлен винительный: *дзготж днѣи испѣзна и ѡклѣ ѣмоу спѣненіе моѣ* Бол. 90—16. В Софийской — родительный: *дзготы дзніи*.

При возвратной форме этого глагола также отмечен винительный: помилуй насъ ги помилуй насъ, факъ по многоу испланихумъ сѧ оуничажениѧ, наипаче исплани сѧ душа наша, поношение говѣзѡужитиимъ; и оуние гъздыимъ. Нор. 216, 6—11; то же самое в Болонской 122—3, 4. Соответственно в Погодинской находим: наплани сѧ поношениѧ... и оуничажениѧ. Те же формы в Софийской и Бухарестской. В Спайской: оуничажение.

Наконец, при глаголе *сакрыти* зафиксирован в роли второго объекта дательный падеж: *ѣко много множитко вѣрости твоѣѣ ги ѣже сакрыла еси воѣщимъ са тебе* Нор. 51—7, 8, 9; *изведеши ма ѡ сѣти сеж ѣже сакрышъ мнѣ* Нор. 49а—16, 17. То же в Болонской — *скрѣшъ мзѣт* 30—5; *ѣко то оунѣ сакрышъ мнѣ разгѣтѣние сѣтѣ своѣѣ* Нор. 57—6, 7; *ѣко спыти скрѣшъ мнѣ пагоубѣ дшъ свѣѣ* Бол. 34—7; соответственно в Погодинской: *ѣко дшмѣтѣ скрыша мнѣ пагоубѣ сѣти своѣѣ*.

При глаголе *оукрыти* *са* родительный: *нѣста* *иже* *оукрыѣтъ* *са* *тѣплоты* *ѣго* *Нор.* 36—13, 14.

Родительный падеж в соответствии с вишительным Болонской лсалтыри часто находим в Норовской при трех глаголах: *завыти*, *помыжыти* и *оуслышыти*. Единичными примерами представлеи родительный при некоторых других глаголах *каныти*, *кноушыти*, *кныдэти* и др.

Родительный при глаголе забыти: аще забыхѹма ѿмене бѣ наше Нор. 76—1; аште забыхомъ нма бѣ нашего Бол. 43—21а; ѿ забышж благодѣний его и чудеса его ѿхже сѣки ѿмъ Нор. 128а—16, 17; и забышж благодѣтъ его и чудеса его ꙗже сѣки нмъ Бол. 77—11; оубо-ршж забышж дѣла егъ Нор. 176а—8; ѿжришж и забышж дѣла его Бол. 105—13а; винительный и родительный могут выступать в Норовской псалтыри рядом в качестве однородных членов, например: ѿ забждѣ люди твоѣ ѿ домоу оца твоего Нор. 77—13, 14; в Болонской в обоих случаях винительный: и забжди люди твоѣ и домъ оца твоего Бол. 44—11b (Син. твоеа).

Как отмечалось выше, при общей тенденции замены родительного конструкциям с отрицанием, при глаголе забыть чаще встречается родительный (пять случаев), и только в двух представлен винительный.

Еще большим количеством примеров представлен родитель-
ный при глаголе помѣнати: 1) ꙗко помѣнѧ правды единого тебе
Нор. 115а—2; ꙗко помѣнѧхѧ правды единому тебе Бол. 70—16б;
μνησθήσομαι τῆς δικαιοσύνης σου μόνου; 2) помѣнѧа естъ кз къкз за
къкта своѳо слокее е҃омже заповѣда кз тысаца рудѧ Нор. 171—8,
9; помѣнѧ кз къкз закѣтъ сconi слоко еже заповѣда кз тысѧцѧ
родѧ Бол. 104—8; διαθήκης αὐτοῦ, λόγου; 3) ꙗко помѣнѧ слокее ст҃го
ско'егъ Нор. 173—17; ꙗко помѣнѧ слоко ст҃ое ское Бол. 104—42;
Ὅτι ἐμνήσθη τοῦ λόγου τοῦ ἁγίου αὐτοῦ; 4) и помѣнѧ закѣта своѳу
Нор. 178а—17; и помѣнѧ закѣтъ сconi Бол. 105—45а; καὶ ἐμνήσθη
τῆς διαθήκης αὐτοῦ; 5) помѣнетѧ кз къкз закѣта своѳо Нор. 188а—
11, 12; помѣнетѧ кз къкз закѣтъ ск'и Бол. 110—5б; 6) по'мѣнѧхѧ
сждовѧ ткои ѱ къка ꙗи Нор. 200а—16, 17; помѣнѧхѧ сждвѧтї ткож
ѡтъ къка ꙗи Бол. 118—52; 7) помѣнѧхѧ ка ноци имени ткоѳо ꙗи
Нор. 201—5, 6; помѣнѧхѧ кз ноци има ткое ꙗи Бол. 118—55;
8) Цѡмѣни ꙗи дѧда ѥ кзеткой крѡтости є҃го Нор. 220—4, 5; и кза
кротостѧ его Бол. 131—1; 9) помѣнѧхѧ днии дрекнихѧ Нор. 233а—
2; помѣнѧхѧ дни дрекнаж Бол. 142—4б; поманѧхѧ дани дрек-
данаѧ Пор.

Возможно, писец сознательно заменяет винительный падеж родительным в соответствии с греческим текстом. Об этом свидетельствуют описки, когда существительное стоит в родительном, а форма прилагательного в винительном: помѣнѣхъ дѣла гнѣ ꙗко помѣнѣ ѿ начала чюдеса твоѣхъ Нор. 124—9, 10; в Болонской дѣла господнѣ 76—12; или однородные члены стоят в разных падежах: помѣнѣ мѣта скожъ ѿкъвоу истинны скожъ домоу ѿрѣкоу Нор. 159—17; 159а—1; и истинѣ скожъ домоу ѿрѣкоу Бол. 97—3b (рѣшотѣ Сип.); помѣнѣте чюдеса его ѿже створи дивеса его ѿ сѣдѣи ѿста его Нор. 171—2, 3; помѣнѣте чюдеса его ꙗже створи дивеса и сѣдѣи ѿста его Бол. 104—5а, b.

Есть примеры, в которых существительные стоят в винительном, а согласуемые с ними причастия в форме родительного падежа: помѣни ги сны едомскы въ днѣ ѿрѣимовѣ глашійхъ изгашгайте изгашгайте, до основаннѣ его Нор. 227—3, 6; помѣни ги сны едемзкъѣ въ дни немекѣ глашѣжъ изгашгайте до основаннѣ еж Бол. 136—7; помѣнѣ раба ѿ какаша сѣдѣиѣхъ ма Нор. 143а—14, 16; поменѣ раба и какаша сѣдѣиѣ ма Бол. 86—4а (сѣдѣиѣ ма Пог., сѣдѣиѣ Сип.).

При отрицании в Норовской этот глагол употреблен с родительным падежом: не помѣни наши безаконнѣ прѣкѣхъ Нор. 134—2, 3; безаконен прѣкѣхъ Бол. 78—8а.

Кроме того, встретились два примера, в которых стоит дательный в соответствии с винительным других псалтырных текстов: помѣни вѣткѣи жрѣтѣ твоѣ Нор. 37—6, 7; помѣни вѣткѣи жрѣтѣ твоѣ Бол. 19—4; помѣни вѣа жрѣтѣи твоѣ Пог. (вѣткѣи жрѣтѣи Сип., вѣакоу жрѣтѣкоу Бух.); помѣни ги поношеніѣ раба твоѣхъ Нор. 149—8, 9; помѣни ги поношение раба твоѣхъ Бол. 88—51а; (поношеніѣ Соф.).

Большое число примеров с родительным падежом в соответствии с винительным в других текстах псалтырей представлено в Норовской при глаголе оуслышати от неодушевленных существительных, чаще всего гласа и молитвы: 1) оуцѣдри ма ѿ оуслыши мѣты моеѣ Нор. 15—14; помѣни ма и оуслыши молитѣи моеѣ Бол. 4—2b; καὶ ἐισακούσων τῆς προσευχῆς μου; 2) оуслыши ги правды моеѣ Нор. 29—15; 3) ѿ оуслыши молитѣи моеѣ Нор. 70—6, 7; и оуслыши молитѣи моеѣ Бол. 39—2b; 4) вѣже оуслыши мѣты моеѣ Нор. 89—15; молитѣи моеѣ Бол. 53—4; 5) оуслыши бѣ мѣты моеѣ Нор. 98а—13; оуслыши вѣже мѣты моеѣ Бол. 60—2; 6) ꙗко ты бѣ оуслыши мѣты моиѣхъ Нор. 99—6, 7; ꙗко ты вѣже оуслыши мѣты

моѣ Бол. 60—6b; (молитвы моѣ Син.; -твы моѣ Соф.; -твоу мѣ Бух.); 7) 8) ги оуслыши маткы моѣж Нор. 164—15, 233—7; молиткѣж моѣ Бол. 101—2a, 142—1; 9) ги вѣже слыз оуслыши маткы моѣж, Нор. 139a—10, 11; мѣж моѣ Бол. 83—9; 10) днесѣ слыте гласа ѣго оуслышите, не ѡжестите срѣца каша ѣко кз прогнѣканий Нор. 157—2—4; днѣ аще гласа его оуслышите не ѡжестите срѣца кашихъ ѣко кз прогнѣканий Бол. 94 8a, b; 11) да оуслышѣ ѣ азъ благо ти гласа Нор. 195a—11, 12.

Дважды слово глас при этом глаголе употреблено в форме дательного падежа: вззвѣхъ ѣко оуслыши гѣ гласоу молениѣ моѣго Нор. 192—14, 15; гласъ молениѣ моѣго Бол. 114—1.

Если в этом примѣре форма гласу могла бы рассматриваться и как синкретичная родительно-дательная форма, то в следующем определении указывает на дательный: кзвѣщѣж, ѣ оуслышитѣ гласоу моѣмоу Нор. 91—3, 7; оуслышитѣ гласъ мѣи Бол. 54—18.

В связи с этим приведем один пример, в котором при глаголе оуслышати представлена конструкция с предлогом на: ѣ кзврѣ ѡко моѣ на крагы моѣ ѣ на кзвѣщѣжѣ на ма ажкѣноушѣжѣ оуслышитѣ дѣхо моѣ Нор. 154—4, 7; Бол. 91—12a, b. Эта конструкция, представленная во всех псалтырях, могла появиться в результате того, что писец мог принять словосочетание кзвѣщѣжѣ на ма ажкѣноушѣжѣ за дополнение к глаголу кзврѣ и вставить предлог на по аналогии с другим дополнением этого глагола: на крагы моѣ. Однако ошибка эта нигде не была исправлена, может быть, потому, что не противоречила языковому чувству писцов.

Встречается родительный и при других глаголах восприятия, но менее последовательно. Например: оуслыши маткы моѣж ги ѣ моѣбы моѣж вѣноуши Нор. 69a—15, 16; слыши мѣкѣж моѣ ги ѣ моление моѣ вѣноуши Бол. 38—13; оуслыши ги правды моѣж вѣни маткѣж моѣ вѣноуши моление моѣ Нор. 29—15, 16, 17; грѣхопаданиѣ кто разоумѣтѣ Нор. 36a—10; грѣхъ паданиѣ кто разоумѣтѣ Бол. 18—13a (грѣхспадение Пог., Соф., грѣхъ паданиѣ Син. грѣхопаданиѣ Бух.); ѡчи мой да видѣтѣ правоты Нор. 29a—2; аще видѣше тѣтѣ, сзѣтѣцаше ѣмоу Нор. 85a—6, 7; аще видѣше тѣтѣ, тѣцаше сз нимъ Бол. 49—18a.

Если существительное, обозначающее воспринимаемое сообщение, стоит часто в родительном падеже, то существительное, обозначающее источник сообщения — в винительном, даже при глаголе оуслышати: азъ кз вѣоу кзвѣ и гѣ оуслыша ма Нор. 90a—

17, 91—1; Бол. 54—17; *дуслыши ны бѣ спителю на* Нор. 104—6; *дсзлѣши нзѣ* Бол. 64—6b; (ни Соф.):

Таким образом, в употреблении винительного и родительного падежей получается известная параллель употреблению их при глаголе *просити*: *жикота проси та ѿ дала еси емоу дааготъ дѣни*, *ка кѣка кѣка* Нор. 37a—16, 17, где родительным обозначено содержание просьбы, а винительным лицо, от которого должны получить требуемый предмет.

Родительный падеж в Норовской псалтыри в соответствии с винительным Болопской отмечен и в других случаях: *наслади са гѣи*, *ѿ даста ти прсшениа срца твое* Нор. 60a—6, 7; и *даста ти прсшениа срца твое* Бол. 36—4; *разсѣданаго ми дума събери ги ѿ владѣице ми срце ѿчисти* Нор. 63—16, 17; *ты дуготока пракины* Нор. 160—9, 10; *пракинъ* Бол. 98—4b (*пракины* Бух.); и *аще кззѣхъма рѣка нашиа ка боу тоуждомоу не бѣ ли кззѣцѣта сѣхъ* Нор. 76—2, 3, 4; и *аще кззѣхъма рѣкы нашъ ка боу тоуждеа* Бол. 43—21b (*наша* Сп.); *дуста твоа думножишъ злобы и лъзыка твоа съплѣташе лъшгенѣа* Нор. 85a—8, 9, 10; *дуста твоа думножишъ злобѣ и жъзыка твоа съплѣташе лъшгенне* Бол. 49—19 (*лъшгенѣа* Сп.; *лъшгенѣа* Соф., Бух., *лъшгенѣа* Пог.).

19. Характерной особенностью Норовской псалтыри является довольно регулярная замена форм винительного падежа 3-го лица множественного числа личных местоимений, а также 3-го лица единственного числа формами родительного падежа. Реже эта замена наблюдается в формах первого лица множественного числа. В меньшей степени эта тенденция коснулась форм полных субстантивированных прилагательных.

Указанное явление можно проиллюстрировать примерами разночтения Норовской и Болопской псалтырей. В последней обычно представлена форма, общая с другими среднеболгарскими псалтырями и с Синайской псалтырью. Различия между ними носят фонетический характер. Так, старославянской форме 3-го лица, единственного числа *ѿ* может соответствовать в среднеболгарских памятниках форма *ѿ* или *ж*. Приведем примеры: *ѿ аγγελъ гѣа псганѣж ѿхъ* Нор. 57a—6 (*ж* Бол. 34—6; *ѿ* Пог.); и *поможета имъ гѣа*, *ѿ ѿзбавита ѿ ѿ ѿзметъ ѿхъ ѿ грѣшникъ ѿ спсета ѿхъ ѿкоу оуповашъ на н'* Нор. 63—9—11; соответственно в Болопской читаем: (a) и *поможета имъ гѣа* и *ѿзбавита ж*, (b) и *ѿзметъ ж ѿтъ грѣшникъ* (c), и *спетъ ж ѿкоу оуповашъ на-ѿ* Бол. 36—40 (*ѿ* Сп., Пог., а Соф., а, b -*ѿхъ*, c -*ѿе* Бух.).

1) и іаростѣжъ всежъ сматѣтъ ѿхъ Нор. 14—7; и іаростѣжъ своежъ сматѣтъ жъ Бол. 2—5 (ѿ Пог., іе Бух., а Том.);

2) оупасѣши ѿхъ паницежъ желѣзножъ іако. сзсѣдѣи сѣдѣлицежъ сѣкроушиши ѿхъ Нор. 14—16, 17; оупасѣши жъ... іако сзсѣдѣи сѣдѣлицежъ сѣкроушиши жъ Бол. 2—9 (жъ Соф., а Том.).

3) по множѣствоу нечестѣи ѿхъ ѿзриши ѿхъ Нор. 16а—11, 12; по множѣствоу нечестѣи ѿхъ ѿзриши жъ Бол. 5—11с;

4) сѣкроушѣжъ ѿхъ ѿ не вѣзможѣтъ постоѣти Нор. 34а—17; сѣкроуши жъ ѿ не имѣтъ моуѣи постоѣти Бол. 17—39а (ѿ Пог.);

5) іако вреніе пѣти, поглаждѣжъ ѿхъ Нор. 35—10, 11; и іако вреніе пѣти поглаждѣжъ жъ Бол. 17—43b (ѿ Пог., Син., а Соф.)

6) іако положиши ѿхъ іакоу пѣи ѿгнѣи жъ вѣрма лица твоѣго Нор. 38—11, 13; положиши жъ іако пѣи ѿгнѣи жъ вѣрма лица твоѣго Бол. 20—10 (ѿ Пог. Син., жъ Соф.);

7) на тѣ оупокашѣ ѿи наші оупокашѣ ѿ ѿзбавѣи еси ѿхъ Нор. 38а 14—16; ѿзбавѣи жъ еси Бол. 21—5b; (и ѿзбавѣи ѿ Пог., ѿ Син., а Соф., и ѿзбавѣи ѿ іеи Бух.);

8) разориши ѿхъ ѿ не сѣзидѣши ѿхъ Нор. 47а—6, 7; разориши жъ ѿ не сѣзидѣши ѿхъ Бол. 27—5с (разориши ѿхъ Бух., ѿ Пог. Син.);

9) ѿ оупасѣи ѿхъ ѿ вѣзми ѿ, до вѣка Нор. 48—1; и оупасѣи жъ ѿ вѣзми жъ до вѣка Бол. 27—9b (ѿ Пог. Син.);

10) сѣкрыеши ѿхъ вѣ тайнѣи лица своѣго ѿ матежѣ члѣтѣска покрыеши ѿхъ вѣ кровѣ ѿ прѣкословіѣ жъзыка Нор. 51—12, 15; сѣкрыеши жъ вѣ тайнѣи лица твоѣго ѿгъ матежѣ члѣ покрыеши жъ вѣ кровѣ ѿгъ прѣрѣканиѣ жъзыка Бол. 30—21 (ѿ Пог. Син., жъ Соф. ѿхъ Бух.);

11) ѿ прѣпитѣти ѿхъ вѣ глѣдѣ Нор. 55—17; и прѣпитѣти жъ вѣ глѣдѣ Бол. 32—19b (ѿ Пог., Син.);

12—14) ѿ ѿзбавѣи ѿхъ Нор. 56—7; и ѿзбавѣи жъ Бол. 33—8

15) рѣжѣ твоѣ жъзыка потрѣби ѿ насадѣи еси ѿхъ Нор. 74а—6 и насадѣи жъ еси Бол. 43—3а; (ѿ Син., а Соф., іе Бух.);

16) трѣпетѣ приѣтъ ѿхъ Нор. 82—1, 2; трѣпетѣ приѣтъ жъ Бол. 47—7а (приѣтъ ѿ Пог., Син., а Соф., —іетѣ ѿхъ Бух.);

17) постѣдѣшѣжъ сѣ іако вѣ оуничѣжи ѿхъ Нор. 89—5, 6; постѣдѣшѣжъ сѣ іако вѣ оуничѣжи жъ Бол. 52—6с (ѿ Син., Пог., а Соф.);

18) оуслѣшишѣжъ вѣ и смѣритѣ ѿхъ сѣи прѣждѣ вѣка Нор. 91—7, 8; оуслѣшишѣжъ вѣ и смѣритѣ жъ сѣи прѣждѣ вѣка Бол. 54—20а (ѿ Пог., смѣритѣжъ сѣи Син., а Соф., іе Бух.);

19) тѣ же ꙗко низведеши ѿхъ въ стоуденецъ разглаголюѣи Нор. 91а—3, 4; ты же боже низведеши ѿхъ въ стоуденецъ (и)стаѣниа Бол. 54—24а (ѿ Син. Пог., а Соф., ихъ Бух.)

20) и ꙗростѣ гнѣва твоѣго поиметъ ѿхъ Нор. 111а—9; и ꙗростѣ гнѣва твоѣго да иметъ ѿхъ Бол. 68—25b (ѿ Син., а Соф.);

21) ради сего оудража ѿ грѣшныи въ концеъ Нор. 118—10, 11; сего ради оудража ѿ грѣшныи до концеъ Бол. 72—6а;

22) низложилъ еси ѿхъ кзнегда разглаголюѣи Нор. 119—4, 5; низложилъ ѿхъ еси кзнегда разглаголюѣи Бол. 72—18b (ѿ Пог., а Соф. ихъ Бух.);

23) егда оубивааше ихъ, тогда кзыискаахъ его Нор. 130а—1, 2; егда оубивааше жъ, тогда кзыискаахъ его Бол. 77—34а (ѿ Пог.);

24) ѿхъ въ разоумѣхъ ржкоу своѣю, настабилъ ѿхъ Нор. 133—11, 12; и въ хжаожастѣхъ ржкоу своѣю настабилъ жъ естѣ Бол. 77—72b;

25) рѣшъ придѣте ѿхъ потребимъ ѿхъ ѿ азы Нор. 138—7, 8 (ж Бол. 82—5а);

26) бже мои, положи ѿхъ ꙗко колѣ Нор. 138а—10 (ж Бол. 82—14а);

27) тако поженеши ѿхъ боурежъ свое ѿхъ въ гнѣвѣ твоѣмъ сзма-теши ѿхъ Нор. 138а—15, 16; ...жъ..., и гнѣвомъ твоѣмъ сзма-теши жъ Бол. 82—16а, b;

28) и по лжакъствиду ѿхъ, поговитъ ѿхъ ꙗко въ Нор. 156а—1; и по злѣхъ ихъ поговѣи жъ ꙗко въ нашъ Бол. 93—23b;

29) ѿзъ ржкы грѣшныи ѿзбавитъ ѿхъ Нор. 159—6, 7; изъ ржкы грѣшныи ѿзбави жъ Бол. 96—10с;

30) призываахъ ꙗко, ѿ ѿхъ поглосааше ѿхъ Нор. 160а—1; и тои слѣдшааше жъ Бол. 98—6с (ѿ Пог., ихъ Бух., а Соф.);

31) и кзыдрати люди свои ѿхъ ѿ оукрепи ѿхъ, паче врагъ ѿхъ Нор. 172—9, 10; и оукрепи жъ паче врагъ ихъ Бол. 104—24b (ѿ Син., а Соф., ихъ Бух.);

32) ѿ сѣе ѿхъ, ради ѿмене своѣго Нор. 176—13; и сѣе жъ имени твоѣго ради Бол. 105—8а;

33) ѿ настаки ѿхъ по вѣзѣ, ꙗко по поустѣни Нор. 176—17; и прокеде жъ по вѣзѣ ꙗко по поустѣни Бол. 105—9b (ѿ Пог., Син.);

34) ѿ сѣе ѿхъ ѿзъ ржкы не ненавиждитъ ѿхъ ѿзъ ржкы ѿзъ врагъ Нор. 176а—2, 3 и сѣе жъ изъ ржкы ненавиждитъ ѿхъ ѿзъ врагъ Бол. 105—10а, b;

35) ѿ забышѣ ба спѣжцаго ѿхъ Нор. 177—8 (ж Бол. 105—21а, ѿ Пог. Син., ѿхъ Соф., ѿхъ Бух.);

36) ѿ разточити ѿхъ въ страны Нор. 177а—8; и растоци ж въ странѣ Бол. 105—27b (ѿ Пог., Син., ѿ Бух.);

37) множицеѣ избави ѿхъ Нор. 178а—10 множици избави ж Бол. 105—43а (ѿ Пог. Син., а Соф., ѿхъ Бух.);

38) ѿ даде ѿхъ въ цѣдроты, прѣда въстѣмъ плѣншими ѿхъ Нор. 179—2, 3; и дастъ ж въ милостъ прѣда въстѣмъ плѣншими ж Бол. 105—46а, b (ѿ Пог. Син., а Соф., ѿхъ Бух.);

39) же избави ѿ ржкы врагъ ѿ ѿ странъ събра ѿхъ Нор. 179—17; жже избави из ржкѣ вражиж и ѿтъ странъ събра ж Бол. 106—3а;

40) ѿ настави ѿхъ на пѣтъ правъ еже знити въ градъ ѿбита-
л'ный Нор. 179а—9, 10; и наведе ж на пѣтъ правъ знити въ градъ ѿбит'л'ныхъ Бол. 106—7;

41) ѿ изведе ѿхъ, ѿз тѣмѣ и стѣни сѣмѣгнѣж ѿ ѿзы ѿхъ разтр' же Нор. 180—10, 12; и изведе ж не тѣмѣ и стѣни сѣмѣгнѣ(тъ)нѣ и жзѣ ѿхъ прѣтрже Бол. 106—14а, b;

42) възпрѣтъ ѿхъ, ѿ пѣти безаконнѣ ѿхъ Нор. 180—17, 180а—1; припѣтъ ж ѿтъ пѣти безаконнѣ ѿхъ Бол. 106—17а (припѣтъ ѿ Син., ѿхъ Соф.);

43) погла слово скоѣ ѿ ищѣмъ ѿхъ ѿ избави ѿхъ ѿ растѣннѣ ѿхъ Нор. 180а—9, 10; ... и ищѣмъ ж избави ж ѿ пагоубѣ Бол. 106—20а, b (а, ѿ Пог.; ѿ Син., ѿ Бух., ѿхъ Соф.);

44) и ѿ вѣдъ ѿхъ избави ѿ Нор. 179а—8; ж Бол. 106—6b (ѿ Пог., Син., а Соф.);

45) ѿ вѣдъ ѿхъ спѣ ѿхъ Нор. 180—9, Нор. 180а—8 (ж Бол. 106—13b; 106—19b);

46) ѿ вѣдъ ѿхъ изведе ѿхъ Нор. 181—14 (ж Бол. 106—28);

47) ѿ настави ѿ на пристанищѣ хотѣннѣ своѣго Нор. 181а—1, 2; и настави ж въ пристанищѣ хотѣннѣ своѣго Бол. 106—30b; и настави ѿ въ пристанищи Пог.;

48) ѿ вѣдъ ѿхъ Нор. 182—3 (ж Бол. 106—38);

49) ѿчетъ ѿхъ ѿ паче пѣска думѣжъ ѿ Нор. 229а—17; ичѣтъ ж Бол. 138—18а (ичѣтъ ж а Соф., ѿ Бух.);

50) троудъ оустенъ ѿхъ покрѣтъ ѿхъ Нор. 231—7, 8; троудъ оустъ ѿхъ покрѣтъ ж Бол. 139—10b (ѿ Пог., ѿ Бух., ѿхъ Соф.);

51) ѿ скѣпѣ моѣ сѣ ѿмже наоуча ѿхъ, Нор. 220а—14; и скѣпѣ-
ннѣ моѣ сѣ ѿмже наоучъ ж Бол. 131—12b (ѿ Пог.);

52) блязени млыниѣ, ѡ разженешѣ и ѡзпослѣ стрѣлы есѣѣ и сматешѣ ихъ Нор. 237а—5—7; блязени мѣзничѣ твоѣ и ражженешѣ ж; послѣ стрѣлаѣ твоѣ и сматешѣ ихъ Бол. 143—6а, в (млыниа, тѣоа, ѣ Пог.);

53) и млытѣж ихъ оуслышѣтъ и спсѣтъ ихъ Нор. 240—1; и спсѣтъ ихъ Бол. 144—19b (ѣ Пог.);

54) пжчиноѣ покрыи ихъ Нор. 248—15; ж Бол. Cant., 1—5а, (ѣ Пог.; ѣ Бух.);

55) послала еси гнѣва свои поиде и ѡко трастѣе Нор. 248а—5, 6; послѣ гнѣва свои поидѣтъ и ѡко стѣване Бол. Cant. I—7b (ѣ Пог., ѣ Бух.);

56) Послала еси дѣхъ свои покрыи ихъ мѡре Нор. 248а—14; послѣ дѣхъ свои и покрѣи ж море Бол. Cant. 1—10а;

57) Прострѣла си десницѣ твоѣ поглѣте ихъ земѣ Нор. 249—3, 4; прострѣтъ десницѣ твоѣ покрѣтъ ж земѣ Бол. Cant. I, 12;

58) приѣтъ и трепѣтъ Нор. 249—13, 14; приѣтъ и трепѣтъ Бол. Cant. I, 15b (ѣ Пог., трепѣтъ приѣтъ ихъ Бух.);

59) вѣзде насадѣи еси ихъ вѣ горѣ достоѣниѣ твоѣе Нор. 249а—4, 5; ж Бол. Cant. 1—17а (ѣ Пог.; ихъ Бух.);

60) простѣра криѣи свои, приѣтъ и ѡ вѣзата ихъ, на междорамѣну есѣѣ Нор. 250а—12, 13; приѣтъ ж и вѣзѣтъ ж на рамоу есѣѣ Бол. Cant. II—11с, d (ѣ Пог.);

61) гѣ единѣи вѣздаше ихъ Нор. 250а—14; ж Бол. Cant. II—12а;

62) вѣзде ихъ на снажъ земли, Нор. 250а—15; ж Бол. Cant. II—13а, в;

63) вѣнѣждоу вѣзѣдѣтъ ихъ мечѣ, и ѡ храмѣвѣ, страхъ Нор. 251а—16, 17; вѣнѣждоу вѣзѣдѣтъ ж меч и ѡтъ храмѣвѣ страхъ Бол. Cant. II, 25а, в (ѣ Пог.);

64) рѣхъ разѣтъ и Нор. 251а—120; рѣхъ расѣтъ ж Бол. Cant. II—26а;

65) вѣдѣ вѣ ихъ расѣвѣтъ и печѣлѣи вѣ пѣтъ вѣдѣмѣи и трѣуны Нор. 252а—9; ж Бол. Cant. II, 36с.

Синкретизм форм винительного падежа единственного и множественного числа, представленный в среднеболгарской форме ѣ (ж), мог приводить к двусмысленности в понимании текста, например: ѡкоже потрѣпѣтъ дѣхъ мож ни ѡ чѣмѣже спсѣши ихъ Бол. 55—7с, 8а (ѣ Син. Пог., а Соф., ѣ Бух.). Эта двусмысленность преодолевалась заменой формы винительного падежа множественного числа ѣ формой родительного ихъ, что и представлено в Норовской псалтыри:

66) ѡко же потрѣпѣтъ дѣхъ мож ни ѡ чѣмѣже ѡзриши ихъ Нор. 94—7—9.

Аналогичная замена формы отмечена и после предлога. Например: да придетъ же ^ѣсмерта на нѣхъ, Нор. 90а—14; да придетъ смерта на на Бол. 54—16а; ѣзидай на нѣ гнѣхъ тѣси Нор. 111а—7, 8 прелѣи на на гнѣхъ тѣси Бол. 68—25а.

В обороте с двойным винительным форма винительного множественного также может быть заменена формой родительного нѣхъ, например:

67) постакиши нѣхъ княза по кѣи земли Нор. 77а—11, 12; постакиши жъ князѣхъ по кѣи землѣи Бол. 44—17b (ѣ Син., Пог., а Соф., нѣхъ Бух., князѣхъ Син., княза Соф.).

В противопоставлении родительному или творительному:

68) потскома пища тѣохъ, напоиши нѣхъ Нор. 60—4; 5; и потскома пиштѣхъ тѣохъ напоиши жъ Бол. 35—9 (напиши ѣ Пог., Син., а Соф., пицѣхъ тѣохъ Син.);

69) и ѿ камене мѣда насыти нѣхъ Нор. 137—14; и ѿ каменѣи мѣда насыти жъ Бол. 80—17b (ѣ Син., Пог., а Соф.);

70) и хѣхъ небеси, ѣзидай нѣхъ Нор. 173—13; и хѣхъ небесаго насыти жъ Бол. 104—40b (ѣ Син., Пог., а Соф.);

71) насыти нѣхъ житѣ сѣлѣхъ Нор. 250а—14; насыти жъ житѣ сѣлѣхъ нѣхъ Бол. Cant. II, 13b.

Большим числом случаев представлена также замена формы винительного падежа 1-го лица множественного числа нѣхъ формой родительного падежа насѣхъ. Правда, эта замена проведена менее последовательно, чем в местоимении 3-го лица. Старые формы здесь могут встретиться наряду с новой родительно-винительной.

Например: бже ѿринѣхъ нѣхъ еси и разсѣруши нѣхъ еси разгнѣхъ сѣхъ и оуцѣдрѣхъ еси насѣхъ Нор. 97а—16, 17; 98—1; соответственно в Болонской псалтыри читаем: разгнѣхъ сѣхъ еси и помиокахъ нѣхъ еси Бол. 59—3; чаще, однако, происходит замена форм. Например: нѣхъ же ѿринѣхъ и посрами насѣхъ Нор. 75—8; нѣхъ же ѿтѣринѣхъ и посрами нѣхъ Бол. 43—10 (разночтений не указано). взвратишъ еси насѣхъ възвратишъ Нор. 75—10, 11; взвратишъ нѣхъ еси възвратишъ Бол. 43—11а (ни Соф.); дахъ еси насѣхъ тако ѿбѣхъ сѣхъ Бол. 75—12, 13; дахъ нѣхъ еси тако ѿбѣхъ сѣхъ Бол. 43—12а; и къ азѣхъ, разсѣхъ еси насѣхъ Нор. 75—14; и къ жѣхъ расѣхъ нѣхъ еси Бол. 43—12b; (ни Соф., нѣхъ Бух.); тако смѣришъ еси насѣхъ, на мѣхъхъ ѿзаслѣнихъ Нор. 75а—15, 16; тако смѣришъ нѣхъ еси на мѣхъхъ ѿзаслѣнихъ Бол. 43—20а; и ѣзидай на имени тѣсего ради Нор. 76—15, 16; ѣзидай нѣхъ имени тѣсего ради Бол. 43—27; тѣхъ оупасетъ насѣхъ къ кѣхъ Нор. 82а—6, 7; тѣхъ сѣхъхъ нѣхъ къ кѣхъ Бол. 47—15с; не ты ли бже ѿринѣхъхъ насѣхъ; Нор. 98а—6; не ты ли

пѣе ѡгаринѣвѣи нѣи Бол. 59—12а; ѡкоу ѡкоуѣи ѣи нагѣ вѣе,
раз'жеже нагѣ ѡкоу же раз'жизает ѣа еревоу кѣеде нагѣ кѣ ѣѣта
Нор. 105а—5, 6, 7; Бол. 65—10, 11 во всех случаях вместо
нагѣ—нѣи: напѣи ѣи нагѣ кѣи дѣмилѣнѣоу Нор. 98—5, 6; напѣи
нѣи ѣи кѣи дѣмилѣнѣи Бол. 59—5b.

Форма *насѣ* зафиксирована и после предлога, чему в Болонской соответствует нѣ: бѣ оущедри насѣ ѿ багачи насѣ проскѣти лице своє на насѣ, ѿ помяоуи насѣ Нор. 106—15, 16, 17; в Болонской: бѣ оущедри нѣ ѿ багачи нѣ проскѣти лице своє на нѣ ѿ помяоуи нѣ Бол. 66—2.

Замена формы винительного формой родительного отмечена и во множественном числе полных форм прилагательных и причастий. Например: и ѿ имени тесѣмъ, оуничижимъ кастащійхъ на ны Нор. 74а—17, 75—1; и ѿ имени тесемъ оуничижимъ кастащѣжъ на нѣ Бол. 43—6b (кастащѣа Сп.); и ненавидащійхъ насъ посрамилъ еси Нор. 75—4, 5; и ненавидащѣжъ насъ посрамилъ еси Бол. 43—8b (ненавидащѣа Сп.); о вѣѣ створимъ силъ ѿ тѣѣ оуничижитъ стжащійхъ намъ Нор. 98а—10, 11; и тѣѣ оуничижитъ стжащѣжъ намъ Бол. 59—14 (стжащѣа Сп.).

Старые и новые формы могут быть употреблены рядом, например: *сзверѣте ѿмоу прѣподсныѧ егѡ зацѣлающѣхъ зацѣта* *ѿ о жрцтвѣхъ* Нор. 84а—5—8; соответственно в Болонской — *зацѣлаважчжж* Бол. 49—5б. Старая форма вишительного может сохраняться: *ѿко ты порази каца краждущчжж ми кѡсоуѣ* Нор. 15—6, 7; десница твѡа *ѡбрацетѣ каца ненакидащжж тебе* Нор. 38—10, 11.

Разночтения Норовской и Болонской псалтырей в употребле-
нии форм личных местоимений 3-го лица, единственного числа,
мужского рода: *и́йже рекъѣтъ псѣрѣхѣмъ ѿго* Нор. 59—8; *ни
рекъѣтъ псѣрѣхѣмъ* и Бол. 34—25 и др.; *сѣини сѧ гѣи ѿ бѣмъ*
ѿго Нор. 60а—12; *псѣини сѧ гѣспѣди*; *сѣмъи* и Бол. 36—7;
гѣ сѧхранигѣ ѿго, *ѿ оѣжикитѣ ѿго* и *сѣвлажитѣ ѿго* на земли
Нор. 71а—13, 14; *Гѣспѣдъ сѧхранигѣ* и *живитѣ* и *сѣвлажитѣ* и
на земли Бол. 40—3; *бѣ кѣ тѣжестѣхъ ѿго* *знаѣмъ* *ѿе*, *ѿгда застѣж-*
пѣтѣ ѿго Нор. 81а—13, 14; *бѣ кѣ карѣхъ ѿго* *знаѣмъ* *ѿстѣ* *ѿгда*
застѣпѣтѣ и Бол. 47—4; *кѣзкѣлѣа ѿго* *хвалѣнѣмъ* Нор. 112—4, 5;
кѣзкѣлѣчъ и *хвалѣнѣ* *ѿго* Бол. 68—31b. (кѣзкѣлѣчю *ѿго* Бух. и
Соф., кѣ хвалѣны Сип.; ВХл. № 2. кѣзкѣлѣча *ѿго* кѣ хвалѣнѣ

62a—5 сл.); ѡ сѣсѣжѣтъ сѣ гради ѡуѣдѣнѣтъ ѡ кѣсѣлат сѣ тамо, ѡ насѣдѣтъ ѣго Нор. 112—15, 16; ѡ сѣсѣжѣтъ сѣ гради ѡуѣдѣнѣтъ ѡ кѣсѣлат сѣ тоу ѡ насѣдѣтъ 1 Бол. 68—36с; ѡ сѣма рабѣ твоѣхъ бѣдѣжѣтъ ѣго Нор. 112—17; оуѣдѣжѣтъ 1 Бол. 68—37а; (г)ъ ѡснока ѣго кѣ кѣкъ Нор. 82—8; кѣ ѡснока ѡ кѣ кѣкъ Бол. 47—9с; ѡбѣдѣтъ сѣ ѡна ѡ ѡбѣмѣтъ ѣго Нор. 82—17; ѡбѣдѣтъ сѣ ѡна, ѡбѣмѣтъ ѡ Бол. 47—13.

Разночтения в формах винительного падежа 1-го лица единственного числа: 1) мене же за незлобѣ приѣтъ Нор. 72a—6; мене же за незлобѣ приѣтъ Бол. 40—13 (мѣ Син., мѣ Пог., Соф.); 2) настѣкиа ѣси мене ѡко бѣ оуѣпованіе моѣ Нор. 99—1; настѣкиа мѣ ѣси ѡко бѣ ѡѣпаніе моѣ Бол. 60—4а; 3) ѣкѣдѣтѣлѣ... кѣпрашаахъ мене Нор. 58—4; кѣпрашаахъ мѣ Бол. 34—11, ѡ др.; 4) бѣдѣжѣахъ сѣ крази моѣ ѡзѣнаѣцѣи мене бѣз праѣды Нор. 110—5, 6; ѣкрѣпишъ сѣ крази моѣ, ѡзѣнаѣцѣи мѣ бѣз праѣды Бол. 68—5b; 5) да ѡзѣа сѣ ѡ ненаѣдѣцѣихъ мене Нор. 110a—16; ѡзѣа мѣ ѡта ненаѣдѣцѣи хъ мѣ Бол. 68—15b. (мѣ Син.).

Новая родительско-винительная форма зафиксирована ѡ в субстантивированных прилагательных, например: ѡко оуѣслѣша ѡнѣтъи гѣ Нор. 112—10; ѡко ѣслѣша ѡнѣтъи гѣ Бол. 68—34а (ѡнѣтъи Соф., ѡнѣтъа Пог.).

20. Родительный ѡ дательный приименной в Норѣвской псалтири характеризуются теми же особенностями, которые ѡмечались ѡсследѣвателями ѡ в других среднеболгарских памятниках. «В болгарских рукописях XII, XIII ѡ XIV вв. ѡсно намечены две неравномерно проявляющиеся в различных памятниках тенденции: 1) рѣст числа форм дательного приименного по сравнению с болѣе старыми списками ѡдних ѡ тех же текстов ѡ 2) полное безразличіе в употребленіи приименного родительного ѡ приименного дательного в письменном языке, ѡчевидно уже понимаемых писцами как полностью дублетные формы»⁴³.

Первое положеніе мы можем проиллюстрировать примерами, ѡтносящимися к случаям, в которых дательный ѡ родительный падежи могли употребляться параллельно ѡ в древнеболгарском языке.

1. ѡбозначеніе ѡрганической принадлежности (части целого), например: кѣзѣкиа ѣси ѣсѣцѣ стѣжѣаѣтъи мѣ емоу Нор. 148a—3, 4; кѣзѣе ѣсѣцѣ стѣжѣаѣтъи мѣ емоу Бол. 88—43а; гѣ праѣѣдѣнѣ сѣсѣтъ кѣкъ гѣѣѣѣѣѣѣѣ Нор. 218a—14, 15; гѣ пра-

⁴³ А. М ѡ п ѣ в а. Указ. соч., стр. 77.

кзденз сзсѣче кзѣж грѣшнзѣхъ Бол. 128—4 (кыѣ грѣшннѣхъ Сип.); да бжджѣ тако прахъ прѣд лицемъ кѣтроу Нор. 57а—3; прѣдъ лицемъ кѣтроу Бол. 34—5 (кѣтра Пог., Сип.); да не придетъ мѣкъ нога грядѣни Нор. 60—10, 11; нога грядѣна Бол. 35—12; кзнѣжѣ кз домиѣшаа земѣ Нор. 101—3; да кнѣжѣ кз прѣис-подѣмѣ земѣ Бол. 62—10b; ѣко бѣ расыпа когти чѣвѣкоугоднѣкомъ Нор. 89—4; когти чѣкоугоднѣхъ Бол. 52—6b (оугоднѣкоу Сип.); прѣдѣдѣт сѣ кз ржцѣ ѡржжѣу Нор. 101—4; ѡржжѣ Бол. 62—11; (оржжѣ Сип., -ю Бух.).

2. Определение по отношению: азъ раба тѣои ѣ сѣна рабѣни тѣсѣи Нор. 193—11, 12; и сѣна рабѣи тѣоѣ Бол. 115—7b (рабѣи тѣоѣ Сип.); кз градѣ гѣ сѣлама Нор. 82—6, 7; кз градѣ гѣ сѣла Бол. 47—9b; Гѣ сѣлама Нор. 78а—10, сѣла Бол. 45—12; Нор. 78—16; Бол. 45—8; и в другѣхъ мѣстахъ.

При именахъ прилагательныхъ, выражающихъ отношение: искрѣнаѣ еи прикѣжѣт сѣ тѣвѣ Нор. 77а—6, 7; и искрѣнаѣ еж прикѣжѣт сѣ тѣвѣ Бол. 44—15b; ѣ странѣна сѣомъ мѣре моѣѣ Нор. 110—17; и сѣстранѣна сѣнѣ матерѣи моѣи Бол. 68—9b.

3. Объектное определение: испѣкѣдѣйте памѣта сѣгѣнѣ его Нор. 159—10; испѣкѣдѣйте памѣта сѣгѣна его Бол. 96—12b; ѣко ѣ тѣбе истѣчѣнѣ жѣкоѣгоу, Нор. 6а—16; (п)амѣта сѣтѣкорѣна ѣстѣ чоудѣсѣмъ сѣоймъ Нор. 188а—7, 8; памѣта сѣтѣкорѣна ѣстѣ чюдѣсѣ сѣонѣхъ Бол. 110—4а.

Более интересными являются, однако, случаи употребления дательного приименного вместо определений, которые в древнеболгарскомъ относились к сферѣ преимущественного употребленія родительного падежа.

1. В Поровской псалтыри дательный часто употребляется вместо родительного субъекта, например: и поношенѣи поносацѣимъ тѣа нападошѣ на ма Бол. 110а—2, 3; и поношенѣи поносацѣиѣхъ ти напаѣ на ма Бол. 68—10b (поносацѣеѣхъ тѣвѣ Сип.); не ѡметаѣшѣи бѣѣ моѣѣжъ, кажѣимъ сѣ кз ѣстѣнѣжъ Нор. 65а—17, 66—1; ѣко покѣлѣнѣе ѣлкѣ ѣстѣ ѣ сѣдѣ боу ѣлкѣкѣ Бол. 136—14, 15; и сѣдѣ бѣ ѣакѣкѣ Бол. 80—5; призри на ма и помѣоуи ма по сѣдоу мѣбѣштѣимъ ила тѣкоѣ Нор. 206а—10, 11; по сѣдоу мѣбѣштѣиѣхъ ила тѣкоѣ Бол. 118—132; оупѣванѣе емоу на гѣ бѣ сѣоѣго Нор. 240а—2. Ѣпѣзанѣе его на гѣ бѣ сѣоѣго Бол. 145—5b; ѣ ѣрогѣта ѣспѣдѣмъ, не ѣсѣтѣна Нор. 252—18, 19; ѣрогѣта ѣспѣдока Бол. Cant. II, 33.

Подобные параллели можно привести и из Златоуста XIII—XIV вв. и Супрасльской рукописи, например: прѣже прише-
ствия емоу Злат. л. 327; прѣже пришествия его Супр. 462—4;
что ю мысла санигнѣ емоу иже ка ада... Злат. л. 275; что ю
мысла санигнѣ его иже ка ада Супр. 459—21.

2. Дательный вместо родительного притяжательного, когда
отсутствует отношение части к целому: плодъ праведникоу
Нор. 96а—1; плодъ праведника Бол. 57—12; тоу сакроуши
дрзжакъ ажкома емоу Злат. л. 341; ажкомъ его Супр. 462—24.

3. Дательный вместо родительного при определяемом,
обозначающем меру, сосуд или количество: мѡѡкъ конова оупо-
канидоу мѡемоу Нор. 98—16, 17 маакъ конокъ оупаканиа моего
Бол. 59—10а; (оупаканаѣ Син.); (ком.: конокъ же иестъ сажжа,
в немъже кода дрзжитъ са); хвалѣте его по множествѣ величюу
его Нор. 244—7, 8.

Во всех перечисленных случаях имеются примеры разно-
чтений, когда родительный в Норовской псалтыри соответ-
ствует дательному в Боловской, например: и оукѣдѣтъ ѡко бѣ
ѡбладаѣтъ ѡкѡкома ѡ концы земла Нор. 97а—2, 3; бѣ ѡбла-
даѣтъ ѡкокомъ и концы земли Бол. 58—14b; (земля Син., -а Соф.,
-и Бух.) ѡ ка дни глады насѣтитъ са Нор. 61а—8; и ка денъ
гладу Бол. 36—19b; (гладу Пог., глады Син., глады Соф.) дни на
дни црѣю приложиши лѣта его Нор. 99—9, 10; денъ на денъ црѣю
приложиши лѣта емоу Бол. 60—7а; ѡ прѣдаде ихъ ка ржцѣ
врагъ Нор. 178а—5; и прѣдастъ жъ ка ржцѣ врагомъ Бол. 105—41;
ѡко кззрекнокахъ на беззаконныхъ миръ грѣшныхъ бѣда
Нор. 118—3, 4; ѡко кззрекнокахъ на беззаконныхъ миръ грѣш-
никомъ бѣда Бол. 72—3; (грѣшникъ Син.); даде естъ ка поноше-
ниѣ попирающихъ ма Нор. 94а—17, 95—1; дастъ ка поношение
попирающимъ ма Бол. 56—4b; бѣ вѡмѣ гѣ кѣзгѣ Нор. 84—14;
гѣ вѡмъ гѣ глѣ Бол. 49—1; (гѣ вѡмъ гѣ глѣ Пог.); сномъ мѣре моеж
Нор. 110—17 сина матерѣ моеи Бол. 68—9b; вѣсѣ слава дщери
црѣкы вѣнѣтрѣждоу Нор. 77а—2, 3; вѣсѣ слава дщери црѣ
вѣнѣтрѣждоу Бол. 44—14а.

В употреблении приименных падежей нам не удалось обна-
ружить у писца Норовской псалтыри каких-либо попыток нор-
мализации употреблений родительного и дательного падежей.
Он употребляет их безразлично. Иногда избирает форму роди-
тельного там, где согласно древнеболгарскому синтаксису

был бы предпочтительней дательный. Например: *азъ рѣхъ бѣи*
вждѣте и спое въшнѣго въси Нор.137а—10; *въшнѣмоу*
Бол.81—6; *постави ѣго, га домоу своѣго и княза въсѣмоу ста-*
жанидоу своѣмоу Нор.172—2, 3; *домоу своѣмоу* Бол.104—21;
свѣтъ въснѣ правѣнкоу ѣ правѣи срѣмъ, кеселѣ Нор.159—7, 8;
свѣтъ вънѣ правѣнкоу и правѣмъ срѣмъ кеселѣ Бол.96—11.

Это может свидетельствовать о том, что родительный при-
именной воспринимался как книжный вариант дательного, свой-
ственного живому языку ⁴⁴.

⁴⁴ А. Минчева. Указ. соч., стр. 79, 80.

ИСТОРИЯ ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

21. История всех косвенных падежей в болгарском языке есть история постепенного сужения их функций, история винительного — это история все большего расширения сферы его употребления, вплоть до полного вытеснения других падежей в позиции после предлогов и во многих беспредложных функциях. Эти процессы постепенно подготовили его превращение в общую падежную форму. Поэтому рассмотрение винительного падежа будет известным обобщением наблюдений, изложенных в разделах, посвященных истории других падежей. В истории винительного падежа нами будут рассмотрены два вопроса: 1) соотношение винительного с косвенными падежами, 2) соотношение винительного с именительным падежом. И. Дуриданов высказывает опасение, что омонимия форм именительного и винительного падежей в ряде типов склонения затрудняет или даже делает невозможным точное определение границ первого процесса. Он пишет: «В период предшествующий XIV в., винительный падеж проявил интенсивную тенденцию к функциональному расширению за счет других косвенных падежей, которые постепенно утрачивали свои позиции в отдельных случаях употребления. Из-за омонимии форм именительного и винительного падежей в указанных выше типах склонения невозможно точно определить границы этого процесса. Его реальность подтверждается некоторыми типичными случаями, когда винительный падеж сохранял в XIII в. специфичную форму»¹.

Рассматривая только те случаи, где винительный и именительный падежи формально разграничены, И. Дуриданов констатирует, что винительный выступал как заместитель других косвенных падежей в период до XIV в. в 82,3% случаев, а именительный только в 17,7%. Он отмечает, что «функциональное расширение

¹ И. Дуриданов. Към проблемата за развоја на българския език от синтетизъм към аналитизъм «Годишник на Софийския ун-т, филол. фак-т», т. LI, ч. 3. София, 1956, стр. 239.

винительного падежа одновременно вело к его исчезновению, особенно когда он начал вытеснять и именительный падеж в собственной только ему синтаксической службе»².

Нам представляется, что И. Дуриданов проявляет излишний скептицизм по поводу возможности наблюдений над соотношением винительного и косвенных падежей. Его опасения справедливы лишь в отношении тех памятников, где наблюдается смешение именительного и винительного падежей. Там же, где эти падежи вообще не смешиваются, где именительный не выступает в функции винительного, нет оснований сомневаться в том, что он не замещает и косвенные падежи.

Очевидно, по-разному нужно использовать разные типы памятников. Для уяснения проблемы о расширении функций винительного падежа за счет других косвенных падежей более надежный материал представляют памятники, в которых именительный и винительный падежи не смешиваются. К такому типу памятников принадлежат Норовская и Болонская псалтыри. Наша задача будет состоять в том, чтобы уяснить, каковы были внутренние предпосылки расширения функций винительного падежа за счет других падежей, так как расширение функций винительного падежа связано с изменением места винительного падежа в системе, с изменением его морфологического значения.

Вторая проблема — проблема соотношения и борьбы винительного и именительного падежей в процессе формирования общей падежной формы, естественно, может быть рассмотрена на материале других памятников.

21.1. В системе падежей древнеболгарского языка винительный занимал место маркированного члена в корреляции отношения к действию, являясь носителем признака пассивности в противоположность именительному и творительному падежам. В корреляции положения вместе с родительным и именительным он выступал как центральный падеж в противоположность периферийным падежам дательному, творительному и локативу (которые были немаркированными в отношении признака центральности). И наконец, как немаркированный член, он выступал вместе с дательным в корреляции направленности действия. Маркированными членами этой корреляции были родительный и локатив с предлогом *о*, сигнализирующие о направленности действия от объекта.

Таким образом, морфологическое значение винительного падежа в древнеболгарском языке характеризовалось тем, что он являлся носителем признаков пассивности и центральности и выступал как немаркированный член в отношении признака направленности от объекта.

² И. Дуриданов. Указ. соч., стр. 240.

Признак пассивности исключал для винительного падежа возможность выступать в функции субъекта активного действия. В отношении данного признака винительный падеж и поныне выступает в болгарском языке как маркированный падеж.

Признак центральности был для винительного падежа в древнеболгарском ограничительным признаком, т. е. признаком, который не подвергался нейтрализации на семантическом уровне. Это значит, что винительный мог выражать значения соответствующего периферийного падежа, только как сопутствующие его собственной функции объекта действия. В частности, винительным мог быть обозначен лишь такой воспринимающий предмет, который одновременно был предметом, подвергающимся действию. Поэтому древнеболгарский винительный никогда не выступал в функции субъекта восприятия и отношения, а также в функции воспринимающего объекта, если тот не был одновременно и объектом действия. Такие употребления винительного, свойственные современному болгарскому языку, как *боли ме глава* (где *ме* — субъект восприятия) или *заговоря го* (в смысле 'заговорить с ним'), *съветвай го* ('дай ему совет'), где винительный местоимения обозначает воспринимающий объект, не подвергающийся действию, древнеболгарскому языку не свойственны.

Расширение функций винительного в современном болгарском языке связано с изменением его места в корреляции положения, которое произошло в результате утраты творительного и сужения функций дательного. Дательный потерял возможность выражать функцию объекта действия, в связи с утратой оборотов дательного самостоятельного и дательного при инфинитиве, в которых могла быть реализована данная функция. Типичные ошибки в этих оборотах, встречающиеся в среднеболгарских памятниках, свидетельствуют о том, что писцы этого периода уже не умели правильно употреблять дательный падеж в этих оборотах. Например, в Златоусте XIII—XIV вв. Q п. I 56 читаем: *писаниѣ же ѿпоущена бивѣша придошѣ къ немуѣ много множество члвкъ живѣщихъ къ мѣстѣ тому л. 1 об.;* *яко не даде еси дѣшѣ мѣстѣ саниѣ къ даа л. 10 об.;* в Орбельской триоди: *кнегда ходоуги живѣхъ наа и колеса вѣдѣвахъ са с ними л. 169 I—9, 10.* *яко мѣлаце са за наѣ избавлени быти наа ѿ напасти л. 34 об. II—21, 22.*

Утрата функции объекта действия дательным падежом привела к тому, что он потерял способность выступать в качестве немаркированного противочлена винительному в корреляции положения. Утрата творительного, который выступал в роли немаркированного противочлена именительному в корреляции положения привела к тому, что признак периферийности перестал быть признаком немаркированных падежей, т. е. признаком, способным к нейтрализации. Итак, сужение функций дательного и утрата твор-

тельного были причиной изменения корреляции положения. Эта корреляция была бы нарушена, если бы одновременно не шел процесс расширения функций винительного падежа, позволившего ему занять место немаркированного члена в корреляции с дательным падежом.

Корреляция древнеболгарского языка

И. В. центральность	Т. Д. {	центральность
		периферийность

трансформировалась в корреляцию:

Д. периферийность	В. И. {	центральность
		периферийность

Утрата родительного и локатива привели к тому, что исчезла корреляция направленности, в которой винительный и дательный занимали место немаркированных членов, в результате чего морфологическое значение винительного падежа стало характеризоваться не тремя, а двумя признаками.

21.2. Расширение функций беспредложного винительного в среднеболгарский период происходит в первую очередь за счет родительного падежа, по отношению к которому винительный выступает как немаркированный падеж в корреляции направленности. Два других дифференциальных признака — центральность и пассивность у винительного и родительного падежей являются общими. Немаркированность винительного падежа по отношению к признаку направленности от объекта проявлялась в том, что он мог параллельно с родительным выступать в функции объекта восприятия и отношения при переходных глаголах, обозначающих восприятия и чувства. При переходных глаголах со значением действия признак направленности от объекта, свойственный родительному падежу, проявлялся в значении частичной объективации, при которой объект, обозначенный родительным, оставался за пределами действия, вследствие чего и осуществлялась направленность действия от объекта. Винительный, как немаркированный падеж в отношении данного признака, также мог употребляться при глаголах, сигнализирующих о неполном охвате объекта действием.

Условием, способствующим утрате этого противопоставления, была ограниченность позиций, в которых оно могло проявляться (только там, где и глагол, и существительное допускали частичную объективацию), и наличие в болгарском языке аналитического средства выражения отношения неполного охвата действием (конструкция с предлогом *отъ*, зафиксированная уже в Супрасльской рукописи). В Супрасльской рукописи, отражающей поздний древнеболгарский язык восточноболгарского извода, уже можно констатировать ослабление противопоставления родительного и

винительного падежей в значении полной и неполной объективации.

Однако родительный еще не смешивается с винительным в позициях взаимоисключения, т. е. при глаголах, требующих только родительного падежа. Проникновение форм родительного в винительный наблюдается только там, где их противопоставление не может проявиться и необходимость замены диктуется синкретизмом форм винительного—именительного, затрудняющим правильность понимания (существительные одушевленные муж. рода ед. числа).

В среднеболгарский период происходят качественно иные процессы. Родительный начинает утрачивать такие позиции, где его употребление не зависело от выбора, а диктовалось требованиями грамматической конструкции или глагольного управления. Сужение сферы употребления родительного происходит вследствие утраты супина, что характеризует среднеболгарские памятники³. При этом супин заменяется инфинитивом или конструкцией с *да*, вытесняющей в болгарском и сам инфинитив. Подобные замены находим в Златоусте XIII—XIV вв. в соответствии с супином в Супрасльской рукописи, например: *кз истинѣ прѣкозѣданѣго оубѣте погыбѣшаго кзискатѣ градѣтъ* Супр. 459—24, 25; *кз истинѣ прѣкозѣдано оубѣ[тъ]* погыбѣше кзыскати градѣтъ Злат. л. 277; *кззѣкини сѣлѣ тѣсѣж и приди сѣпѣтъ насѣ* Супр. 461—25; *кззѣкини сѣлѣ тѣ и приди да ни спѣши* Злат. л. 319, 320. Примеры из Евангелия Верковича Q п. I—43: *приде мѣста магдалини и дѣругѣта мѣста кидѣти грѣба* Ев. Q п. 1—43, л. 146; *не придохѣ бо прѣкѣдники призѣкати, на грѣшники на покаяниѣ* Ев. Q п. 1—43, л. 75 об. Из Орбельской триоди: *шеда призоубѣте Ѹбо да ѣстъ хлѣба* л. 176 об.—6, 5 сн.

Винительный падеж вытесняет родительный в конструкции при отрицании. В среднеболгарских памятниках повсеместно отмечается широкое проникновение винительного в эти конструкции. В восточноболгарской Норовской псалтыри XIII в. эта замена принимает регулярный характер.

Очень редко находим в Норовской псалтыри родительный при отрицании, например: *и нѣси кзкзесѣмѣлѣ бѣага мѣи ѿ мѣи* Нор. 48а—11, 12; Бол. 29—2b; *бѣжена мѣжа ѣмоуже не кѣмѣ мѣи гѣ грѣха* Нор. 51а—14, 15. Однако в продолжении того же

³ Возможна и обратная замена форм инфинитива формами супина (Б. Цонев. История на българския език, т. II. София, 1934, стр. 449). Однако и в этом случае супин как особая категория достигательного наклона исчезает.

стиха представлен винительный: ниже *іє ка оустѣхъ его ласта* Нор. 51а—16, чему в Болонской соответствует: ни же *естъ ка оустѣхъ его ласта* Бол. 31—2b. Как правило, родительному при отрицании в Болонской соответствует винительный в Норовской, например: не погоуби *сз нечестикыми дшж мож ѿ сз мжжи кравий жикота мой* Нор. 45а—4, 5; не погоуби *сз нечестикыми дшж моєж ѿ сз мжжи крикы жикота моего* Бол. 25—9а, b (моєа Пог., дшжа моєа Син.). Замена винительным родительного в Норовской псалтыри происходит в самых различных типах отрицательных конструкций и распространяется на глаголы, при которых родительный мог быть и в утвердительной конструкции. Например: ниже *даєи прѣподобному своєму, кидѣти растаєниє* Нор. 29—9; 10; ни *даєи же прѣподобному своем кидѣти* истле-⁸ниа Бол. 15—10.

Винительный появляется также там, где раньше употреблялся только родительный. Так, винительный при отрицании зафиксирован в позиции не только первого объекта, но и второго при глаголе лишити: *гѣ паетъ ма ѿ ничтоже ма лишитъ* Нор. 41—4; вместо: *гѣ паетъ ма ѿ ничтоже мене не лишит* Бол. 22—1 желание *срца его далъ єси ємоу ѿ хотѣниє оустен' его, не лишиа єси его* Нор. 37а—10—12; (форма его в Норовской псалтыри регулярно употребляется в значении винительного надежа). В Болонской псалтыри на месте второго объекта в этом стихе также представлена форма его: желание *срца его далъ моу єси ѿ хотѣниє оустъ его нѣси его лишиа* Бол. 20—3; (хотѣниа — Пог., хотѣнѣ — Син., — ниа Бух.). В отличие от Норовской в Болонской псалтыри регулярно употребляется в винительном надеже форма *и*, поэтому *его* в данном случае, вероятно, родительный. В других памятниках XIII—XIV вв. винительный при отрицании также встречается, хотя и не так регулярно, как в Норовской псалтыри. Например, *как же сѧ свѣра множаство, ѿ не кѣ свѣраж ѿхъ мѣсто* Злат. XIII—XIV Q п. 1—56, л. 1; кто ли *сѧ ѡбращетъ непослушаж црѣко поклѣнїє* Q п. I—56, л. 1; *каждѧхъ сѧ ѿ не напоете ма, странен' ѿ не какедосте ма* Ев. Q п. I—43 л. 67, об.; ничтоже *достѡно смрѣти ѡбрѣтохъ к немѧ* Ев. Q п. 1—43, л. 69 об.; *аще ли не ѡпоустите чѧкома свѣршеней ѿхъ, ни ѡца каша нѣбными не ѡпоуститѧ свѣршенїа каша* Ев. Q п. I—43, л. 72.

В Норовской псалтыри винительный часто встречается на месте родительного и без отрицания при глаголах трепетати,

чати, причати, искати, кзыскати, кжждѣти, кжхотѣти, ли-
шити, исплнити. Например: дѣготъ дѣи исплѣна ѿго Нор. 152—1;
кто ѿ чѣка хотѣи жикѣтъ Нор. 56—17. В Болонской датель-
ный — жикѣтоу 33—13.

Примеры из других памятников: кжхотѣла еси зло моѣмоу
црѣстоу Злат. XIII—XIV вв. Q п. I—56 л. 15 об.; вѣ не прѣзри
мене трѣкоуща застѣпление и помѣща жже ѿ те Октоих перв.
пол. XV в. 13.3.6 л. 32 об.

На место родительного винительный проникает и в кон-
струкции с глаголами на -ѣа, такими, как кжзгнѣшати ѣа,
субѣати ѣа, оустрашѣти ѣа, ѿкжзгати ѣа, исплѣнѣти ѣа. Напри-
мер: исплѣни ѣа дѣла наша, поношение... и дѣни Нор. 216—10, 11;
тоу оустрашиши ѣа вѣзѣна ѿдеже не вѣ вѣзѣни. Нор. 27а—7;
чему в других псалтырях может соответствовать родительный
или творительный: тоу ѿстрашиши ѣа вѣзѣни Пог. 13—5; Бух.;
тоу оустрашиши ѣа вѣзѣни Бол., вѣзѣни Соф.; кжѣко вѣзѣно
кжзгнѣша ѣа дѣла ихъ Нор. 180а—4, 5; кжѣкого вѣзѣна кжзгнѣша
ѣа доуша ихъ Бол. 106—18а. Пример из Златоуста: ѿстани ѣа
равѣж бжжѣ Q п. I—56 л. 9.

Появление винительного при глаголах на -ѣа свидетельствует
о формировании общей падежной формы.

Наблюдаемые в Норовской псалтыри обратные замены форм
винительного падежа формами родительного свидетельствуют
о тех же процессах утраты чувства противопоставления этих
падежей. В области личных местоимений форма родительного
ѿго становится в Норовской псалтыри регулярным заменителем
формы винительного падежа и, например: ѿ аз прѣкѣнѣца положи
ѿго кыска надъ црѣи земным Нор. 147а—2, 3 в Болонской положи
и кыска Бол. 88—28. Формы множественного числа насъ, кжсъ
значительно чаще, чем раньше, появляются вместо винитель-
ного ны, кж. Например: ѿко тѣмо кжпрѣшиши на... слокасѣ пѣ-
ний Нор. 227—6, 7; ѿк ту кжпрѣшиши нѣи... слокасѣ пѣни
Бол. 136—3а. При чем появление этих замен уже нельзя
объяснять желанием говорящих избавиться от совпадения
форм, мешающего пониманию, как это было в случаях с оду-
шевленными существительными мужского рода единственного
числа. Употребление форм родительного при глаголах забыти,
поманѣти, оуслѣшати в соответствии с нормами греческого син-
таксиса и в противовес нормам славянского говорят о том,
что родительный падеж для писца уже не был живой формой

и особенности его употребления объяснялись влиянием греческого оригинала либо правилами искусственной нормализации. Примером такой искусственной нормализации служит употребление родительного вместо винительного после предлога за в значениях; близких к предлогам, требующим родительного падежа, например: оуслыши ма ги, за бжгсти ткбѣж Нор. 65а—15, 16; мене же за незлобиа приѣта Нор. 72а—6; за сло^хсеса оу^хстена т^хкои аза са^ххрани п^хжти жестоки Нор. 4а—3; ѿ да вѣдѣтѣ слззы мо^хжъ кз п^хтне мнѣ ѿ за брашна моего, мо^хлѣние мо^хе Нор. 236а—3, 4.

Мы уже отмечали (часть I, 13.2), что в Норовской псалтыри, в отличие от Болонской, случаи совпадения форм родительного и винительного не всегда могут рассматриваться как чисто фонетические совпадения, отражающие мену юсов. В Болонской псалтыри ж после свистящих в родительном падеже единственного числа женского рода может получить исчерпывающее объяснение на фонетическом уровне, так как ж после ц употребляется последовательно. Ср. изкеди ис темницѣ дѣж мо^хж Бол. 141—8а (тамница Пог., Соф., Бух.), да наоучитѣ князѣ его... и старца^ж его оумѣдритѣ Бол. 104—22 (князѣ, старца Сил.). В Норовской псалтыри тот же пример: изкеди ѿ темницѣ дѣж мо^хж, Нор. 233—2 уже может потребовать синтаксического объяснения, так как наряду с темницѣ находим: еже наказати княза ѿго... и старца ѿго ѿпрѣмѣдрити Нор. 172—4, 6; Пример из темницѣ в Норовской псалтыри может быть объяснен как замена родительного винительным после предлогов так как подтверждается случаями подобных замен в примерах где эти замены не могут иметь фонетического объяснения В Болонской псалтыри винительный вместо родительного в примере: и крѣпциѣ искашъ дѣж мо^хж Бол. 53—5b находит полное объяснение на фонетическом уровне: дѣшамоеж (Пог.) → дѣж моеж (Бол. 140—5с) → дѣж мо^хж (Бол. 53—5b), так как глагол кзыска^хти в Болонской псалтыри употребляется с родительным падежом. Ср., например, кзыска^хциѣмъ закѣта его и скѣдѣниѣ его Бол. 24—10b. В Норовской псалтыри употребление формы винительного вместо родительного: и нѣ кзыска^хѣ дѣж мо^хж Нор. 232—10, 11 это уже не просто форма родительного, совпавшая с винительным в результате фонетического изменения, а постоянный винительный падеж, который почти регулярно употребляется при глаголе кзыска^хти как в утвердительной, так и в отрицательной конструкции, например: кзыска^хциѣмъ закѣтѣ ѿго ѿ скѣдѣниѣ ѿго Нор. 44—9, 10.

В свете изложенного совпадение форм винительного и родительного падежей под влиянием мены юсов может рассматриваться

как следствие, а не как причина смешения этих падежей. Ведь церковнославянский язык в среднеболгарский период существовал только как письменный язык. Поэтому для писцов было важно сохранение буквенных различий в передаче форм, если даже звуковое значение этих букв совпадало. Почему же употребление ж и а не было подчинено задаче сохранить формальное различие этих падежей, как это наблюдается в некоторых памятниках Кратовской школы? ⁴ Ведь это полностью соответствовало бы тенденции к последовательному различению падежных форм, которая прослеживается в среднеболгарских памятниках различных групп. Как мы могли убедиться, все аналогические изменения падежных форм, фиксируемые в памятниках среднеболгарской письменности, были направлены на сохранение и укрепление формального различия падежей. Стремление к такому различению было в этот период последовательней, чем это наблюдалось в древнеболгарских памятниках. Вместе с тем оно потеряло ту осмысленность и рациональность, которая была свойственна древним писцам, где изменение форм диктовалось необходимостью избежать совпадения форм в случаях, когда это могло повести к смешению падежей. Древние писцы спокойно употребляли синкретичные формы там, где контекст недвусмысленно определял падеж, т. е. в позициях взаимоисключения, или там, где в одном и том же значении могли быть употреблены оба падежа. Среднеболгарские писцы стремятся к более последовательному различению падежных форм не только там, где это необходимо, но и там, где в этом, казалось бы, нет надобности. Но, очевидно, для них в этом надобность была потому, что они уже не чувствовали, где различение падежей может не опираться на показатель формы. А это говорит о том, что они уже не владели употреблением данных падежей, что этих падежей в их живом языке уже не было. Употребление ж и а, с помощью которых могли бы различаться на письме родительный и винительный падежи в среднеболгарских памятниках, оказывается подчиненным самым различным закономерностям, подчас совершенно искусственным, не отражающим живого произношения, но только не задаче разграничения винительного и родительного падежей. Чем же это можно объяснить, если не тем, что эта задача была для писцов непосильной. Они уже не чувствовали, как должен употребляться родительный падеж, и потому не могли руководствоваться в употреблении юсов правилами разграничения винительного и родительного падежей, т. е. правильно употреблять для обозначения винительного ж, а для обозначения родительного а.

⁴ Б. Ц о н е в. История на български език, т. I. София, 1919, стр. 196. — В этих памятниках, по мнению Цонева, отражается либо сербское книжное влияние, либо влияние косовско-моравских говоров.

Аналогичное рассуждение может относиться и к памятникам, в которых наблюдается смешение букв ж и з. Форма винительного с флексией -ж на месте родительного ед. твердых основ женского рода -з может как будто рассматриваться как синкретизм форм, возникший в результате их звукового совпадения. Например, в евангелии Верковича Q п. 1—43 находим случаи употребления винительного вместо родительного после предлогов не только в условиях мены юсов, например, ѿ галлеж Ев. Q п. 1—43, л. 71, но также в существительных женского рода твердых основ, например: ѿ шестжа годинж тма бы по всен земли до дебатжа годинж Ев. Q п. 1—43, л. 143, л. 132 и 136. (В том же сочетании возможно другое употребление форм — до години дебатжж Ев. Q п. 1—43, л. 70 об.). С предлогом крахоу: и казаложиж крахоу глаж его виниж написанж Ев. Q п. 1—43, л. 143.

Наряду с этим в памятнике наблюдается смешение ж и ты и в других случаях, например, ы вм. ж — насыщани Ев. Q п. 1—43, л. 71 об.; ж вм. ты — й инж шкцж имам жже нѣ жтѣ ѿ двора его Ев. Q п. 1—43, л. 149 об.

Однако писец знал, как различаются на письме формы винительного и родительного падежей, и если бы он чувствовал возможности и ограничения употребления каждого падежа, он не ошибся бы в выборе его письменной формы. Очевидно, ошибка объясняется тем, что для языкового сознания писца было безразлично, какой падеж употребить, а может быть, живой язык тут требовал уже винительного или общей формы. Писец ошибается потому, что старые нормы употребления падежей не соответствуют его языковому чутью и он руководствуется ими только как искусственным правилом. И действительно, он может употребить винительный вместо родительного и там, где не было условий для графического смешения. Например: раздра са . . . ѿ горы до низа Ев. Q п. 1—43, л. 70 об., в другом месте: и катапетазма црковна раздра са надкое ѿ гори до низоу Ев. Q п. 1—43, л. 136.

Винительный в этом памятнике вытесняет родительный в конструкциях при отрицании: кажждаха са и не написате ма Ев. Q п. 1—43, л. 67 об; винительный или именительный вытесняют родительный части: и срѣро дашж много ксиномѣ Ев. Q п. 1—43, л. 146 об.; гла им жжтѣ оубо много ѧ делателне мало л. 149 об.

Вероятно, как и в Норовской псалтыри, родительного падежа в говоре писца уже не было. Об этом свидетельствуют и другие ошибки употребления родительного, например, локатив вместо родительного отделительного: и праха прилапшени нага ѿ гра кашего нсгаха нѣшнха ѿрагаема кама Ев. Q п. 1—43, л. 150.

22. Винительный падеж в предложных конструкциях. В древнеболгарском языке существовали следующие типы оппозиций паде-

жей с предлогами: винительный — локатив с предлогами *въ, на, о*, винительный—творительный с предлогами *за, надъ, подъ, прѣдъ, между*, локатив—дательный с предлогом *по*. Конструкции «съ+творительный», «съ+родительный» не образовали оппозиции, так как выступали в несоотносительных значениях. Остальные предлоги могли сочетаться только с одним падежом. Причем наибольшее число предлогов требовало родительного падежа. Это простые предлоги: *отъ, изъ, оу, до, безъ* и производные: *близъ(искръ), кромѣ, развѣ, окръстъ, окръжъ, ради, радъма, дѣла, дѣльма, врѣхоу, вѣмѣсто, вѣнжтръ, вѣнѣ, прѣжде, вѣнѣ, вѣше, посрѣдѣ (посрѣдоу, посрѣди), срѣдѣ, вѣскраи*. С предлогами *къ, прѣмо, противоу* употребляется только дательный падеж; с предлогами *сквозъ, подлѣжъ* — только винительный, с предлогом *при* — только локатив.

Ст. Геродес в статье «Старославянские предлоги» отмечает, что особенностью этого языка является употребление локатива и творительного «у тех глаголов движения, у которых результатом оконченного движения является положение. Это касается глаголов *падати, пасти, поврѣшити, погрѣзити, полагати, положити, помести, пометати, поставити, поставмати, сѣсти, сѣтати, сѣти, съкрѣвати, съкрѣти* в сочетаниях с предлогами *въ, на, надъ, подъ, прѣдъ*»⁵. По подсчету автора, при этих глаголах в 441 случае употреблены статические падежи и лишь в 71—динамический винительный.

Эту особенность древнеболгарского языка вряд ли правильно рассматривать как проявление утраты противопоставления значений винительного и локатива в выражении пространственных отношений, как это делает И. Дуриданов, который пишет: «Утрата смыслового различия между местным и винительным падежом в выражении пространственных отношений порождала противоречие между различными формами этих падежей. Так объясняется тот факт, что еще в ранних древнеболгарских памятниках при некоторых глаголах, выражающих направленность действия (как *варити, вѣрѣшити, вѣсѣсти, пасти*), иногда появляется местный падеж вместо ожидаемого винительного в сочетании с предлогами *въ и на*»⁶. Примеры, приводимые им там же в качестве иллюстрации обратной замены при глаголах *къмѣшгати са, омочиги*, также, видимо, относятся к числу факультативных употреблений

⁵ Ст. Геродес. Старославянские предлоги. «Исследования по синтаксису старославянского языка». Прага, 1963, стр. 367.

⁶ И. Дуриданов. Към проблемата... «Годишник да Софийския ун-т, филол. фак-т», т. LI, ч. 3. София, 1956, стр. 168. — Оговоримся, что критика приведенных примеров не опровергает правильности сделанного автором наблюдения, которое может быть проиллюстрировано более бесспорными примерами: *въ домъ оца моего обитѣан многы сѣтъ* Зогр. I. XIV. 2, чему в других евангелиях соответствует *въ домоу Мар., Асем., Сав., Добрейш., Врач. и др.*

этих падежей, так как эти глаголы также означают переход от динамики к статике. Данная особенность древнеболгарского языка должна учитываться и при рассмотрении среднеболгарского материала. Конструкции с этими глаголами должны быть исключены из общего рассмотрения, что обычно не делалось. Так, К. Мейер в числе примеров на смешение локатива и винительного приводит и конструкции с глаголами *пасти*, *припасти*, *положити*, *кызложити*, *настажити*, *кзѣкѣти*, *кзѣкѣти* и *под*.

Можно привести, очевидно, и другие глаголы аналогичного типа, которые в древнеболгарском могли употребляться с локативом и винительным, например, *кзѣсити* *ѡ*: *кзѣ кто кзѣситѣ ѡ* *кз* *скагѣн горѣ тѣюеи* Сип. пс. 14—1b; *кзѣсѣж* *ѡ* *кз* *домѣ* Сип. 22—6b, чему в одних среднеболгарских псалтырях соответствует локатив, в других винительный. В первом примере локатив находим в Болопской, Софийской и Бухарестской псалтырях и винительный в Погодинской: *кз* *стѣж* *горѣ тѣюеи*; во втором примере — локатив в Софийской *кз* *домѣ* и винительный в Погодинской и Болопской. Очевидно, употребление локатива и винительного было здесь издавна факультативным, как это факультативно, например, в современном русском языке.

Широко распространенным является мнение, что смешение падежей и вытеснение косвенных падежей винительным началось с предложных конструкций. Так, К. Мейер пишет, что «недостаточно определенные падежи очень быстро подверглись нападению со стороны предлогов», так как предлоги «гораздо четче, чем простой падеж, выражают отношение существительного к другим частям предложения»⁷. Первоначально предлоги служат уточнению падежной функции, но постепенно становятся носителями падежного отношения, и флексия существительного становится излишней. Поэтому нигде не делается так много ошибок, как в падеже при предлоге.

Итак, предлог, по мнению К. Мейера, является первой причиной смешения падежей⁸. Аргументация, приводимая К. Мейером, в какой-то степени может объяснить вытеснение беспредложных падежей предложными и замену одним падежом другого там, где падежи в их предложном употреблении не были противопоставлены друг другу. Приводимое рассуждение К. Мейера не объясняет, однако, смешения падежей после предлогов в тех случаях, когда предлог сочетался с двумя падежами и различие в значении этих конструкций выражалось не предлогом, а падежами.

Наиболее ранние примеры смешения падежей после предлогов относятся между тем к локативу и винительному после *въ*

⁷ К. Мейер. Der Untergang der Deklination im Bulgarischen. Heidelberg, 1920, стр. 26—27.

⁸ Там же, стр. 29.

и на в локальном значении. Коллекция таких примеров из древнейших памятников приводится И. Дуридановым: кз домъ оца моего обитѣли многы сжѣга Зогр. И. XIX, 2 (ἐν τῇ οἰκίᾳ) кз домоу Мар., Асем., Сав., Врач. и Добрейш.; кѣ же пещера и камена належаше на нж Сав. И, XI, 38; на нѣи Зогр., Мар. и Асем. (καὶ λίθος ἐπέκειτο ἐπ' αὐτῷ); ꙗ оуслѣши мѣа кз пространствѣ Сип. пс. 117—5, Бол.; кз пространствѣ Соф.; кз многа мѣста сжѣга Супр. 94—24; молитка стааго пишна нже са обрѣте кз ино писание Супр. 142—19, 20.; кз Виталѣми, кз ꙗсли рождѣство, нз ꙗ кз гробъ ꙗко кз ꙗсли мѣсто Клоц. сб.; кз Вилеємѣ кз ꙗслехъ рождѣство. нз ꙗ кз гробъ ꙗко ꙗ кз ꙗслехъ мѣсто Супр. 451—29, 30 (ἐπὶ φάτνῃ ὁ τόκος, ... ἐν τῇ τάφῳ ὡς ἐπὶ φάτνῃ ὁ τόκος).

Другие примеры, приводимые И. Дуридановым на данное явление, не являются бесспорными. Можно привести еще некоторые примеры на употребление винительного вместо локатива после предлога *въ* в древнейших памятниках из коллекции К. Мейера: *сзсѣрѣати кз мракъ пракъа* Сип. пс. 10. 2с. кз *мрацѣ* — Бол., Пог., Соф.; *кзсхождниши кз срдце свое закѣшга* Сип. 83, 6б. к *срци* *семѣ* Брл. (Пог. Соф.). В приведенных примерах винительный в древнеболгарских памятниках не соответствует и греческому тексту, где стоит *ἐν* + Д.

В конструкциях с предлогами, которые требовали только одного падежа локатива, винительный появляется позднее, а в древнеболгарских памятниках замены локатива винительным не наблюдается. Наиболее ранний пример винительного с предлогом *при* относится к середине XIII в.⁹

По наблюдению И. Дуриданова, наиболее ранние примеры винительного на месте родительного с предлогом *отъ* относятся к XII в., а многочисленные к XIII в.¹⁰ Первые примеры винительного с предлогом *изъ* приводятся И. Дуридановым из Битольской триоди: *изъ жтгровъ жєнаскъ* 22а; *изъ безнъ Загр.* окт. 91а, 103б; *испоустѣ голжѣт ис ковчєга* Орб. тр. 38 об.¹¹ Винительный при предлоге *до* также отмечен только в среднеболгарских памятниках¹². Наиболее ранний пример из Добромирова ев. *до вѣрѣа* 43б. 20, в Зогр. *до вѣрѣа*.

Примеры с так называемой общей формой (на месте родительного падежа) после других предлогов *безъ*, *близъ*, *вѣрѣоу*, *въ слѣдъ*, *дѣла*, *посрѣдъ*, *прѣжде*, *ради*, *развѣ* Дуридановым также отмечены только в среднеболгарских памятниках¹³.

⁹ И. Дуриданов. Указ. соч., стр. 192.

¹⁰ Там же, стр. 204.

¹¹ Там же, стр. 208.

¹² Там же, стр. 211.

¹³ Там же, стр. 225, 226.

Итак, смещение падежей после предлогов началось не в тех конструкциях, где предлог полностью мог взять на себя выражение синтаксического отношения, поскольку там не было падежного противопоставления, а, наоборот, там, где значение падежа не было избыточным, где существовала оппозиция, формально выраженная противопоставлением падежей места и направления. Это заставляет думать, что причину смещения падежей после предлогов нужно искать не в развитии предложного управления, а в изменении соотношения и значений самих падежей.

Развитие предложного управления, вызванное необходимостью уточнения падежной функции, наблюдается и в других славянских языках, однако там это не приводит к смещению падежей после предлогов. Внутренняя связь падежа и предлога, взаимное соответствие их значений продолжают ощущаться говорящим, пока в его языковом сознании данный падеж является живой категорией, т. е. пока говорящий чувствует возможности и ограничения данного падежа.

Возможность проникновения винительного падежа в конструкции с предлогами, употреблявшимися ранее с другими падежами, была обусловлена изменением значения винительного падежа. Решающая роль в этом процессе принадлежит ослаблению и утрате противопоставления падежей по признаку направленности, которое определяло различие в функциях винительного и родительного падежей. Смещение этих падежей началось не в предложных, а в беспредложных конструкциях. Мы видели, что употребление родительного падежа в Норовской псалтыри уже не определяется языковым чутьем писца, а подчинено каким-то внешним механическим правилам. Функции приглагольного родительного часто берет на себя винительный падеж, его немаркированный партнер в корреляции направленности. В живом языке данная корреляция уже перестала существовать. Признак направленности к объекту перестал быть специфическим признаком винительного падежа, вследствие чего винительный падеж получил не только более широкие возможности употребляться при глаголах, обозначающих противоположную направленность действия (что возможно было и ранее при нейтрализации его специфического признака), но также в нейтральных контекстах, при глаголах, не обозначающих направления. В силу такого изменения значения винительный и получил возможность употребляться в предложных конструкциях с обозначением места действия на месте локатива или творительного, например: и ка дома оца моего швѣтъмь многаи сѣтъ Ев. Q п. 1—43, л. 106 об.; ѡсемѣ бѹзрите нѣса ѡкрѣста ѿ агглы вѣжнѣ, кѣсхѡдѣщѣжѣ ѿ нийсхѡдѣщѣжѣ пада сна чѣаскааго Ев. Q п. 1—43, л. 73 об.; жикѣщенъ къ патѣмъ градъ Хл. пар. л. 18—9; подѣ зема лежѣщѣжѣ Злат. Q п. 1—56, л. 87 об.

Различие значений места и направления в болгарском языке стало передаваться только семантикой глагола.

В среднеболгарских памятниках мы наблюдаем такую стадию в этом процессе, когда винительный падеж еще не утвердился как единственная форма, употребляемая при предлогах. Это проявляется в том, что в среднеболгарских памятниках встречаются и обратные замены винительного падежа косвенными, а также смешение косвенных падежей после предлогов. Например: *каниде же пакы пилата ка сжданици* Ев. Q п. I—43, л. 136 об.; *кышецоу же немѣ ка домоу...* и *гаше има* Ев. Q п. I—43, л. 77; *ничасоже не кѣмѣте на пѣти* Ев. Q п. I—43, л. 50; *по кѣстѣх градока ѿ странаха распуцаа епископа* Злат. Q п. I—56, л. 6; *сказанно тако бы слово, то ѿ сапостатомъ бѣгомъ ѿ клеветаникомъ* Злат. Q п. I—56, л. 41 об.; *како ѿкѣраж ѿ садѣнѣхъ множъ бечислѣнѣхъ грѣхъ* Злат. Q п. I—56, л. 54; *похвалима оубо братие ѿ всежъ множъ* Злат. Q п. I—56, л. 47.

23. Вопросу о соотношении именительного и винительного падежей в среднеболгарских памятниках посвящен специальный раздел в книге И. Дуриданова. Для рассмотрения этого вопроса И. Дуриданов привлекает материал из следующих памятников: XII в. — Битольская триодь и Синайский патерик; XIII в. — Добрейшево евангелие, Банское евангелие, Загребски (Михаиловичев) октоих, Хлудовский (Лобков) паремийник, Врачанское евангелие, Хлудовская триодь; XIV в. — Троянская притча. Правда, в распоряжении автора были иногда только отдельные примеры из этих памятников, почерпнутые из чужих описаний¹⁴.

23.1. Автор обращает внимание на следующие факты.

1. Как известно, в качестве общей формы существительных мужского рода множественного числа в болгарском языке утвердился именительный падеж. В памятниках XIII в. эти формы уже встречаются. И. Дуриданов отмечает: «Характерны несколько примеров от XIII в., в которых винительный множественного числа замещен формой именительного: Зогр. окт.: *кѣначака ка*

¹⁴ Битольская триодь XII в.: И. И в а н о в. Български старини из Македонија. II изд. София, 1931, 452—467; Синайский патерик, русский список XII в.: И. И. С р е з н е в с к и й. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1879, стр. 49.

Банское (Попйоаново) ев. XIII в.: Б. Ц о п е в. Книжовни старини от Елена. «Год Соф. ун., Ист.-фил. фак.», кн. XIX, 1923, № 7, стр. 7—33.

Загребский октоих XIII в.: V. J a g i ć. Wie leutete ж bei den Bulgaren. — ASPH, Bd. III, 1879, стр. 312—357.

Хлудовский паремийник XIII в.: Б. Ц о п е в. Врачанско евангелие. Българ. старини, кн. IV. София, 1914, стр. 221—232.

Хлудовская триодь XIII в.: Л. М и л е т и ч. Интересен среднобългарски паметник от XIII век. «Период. Сп. на българ. книж. дружество в София», LXVI, св. 10. София, 1906, стр. 94—112.

повѣдители 876, στεφανῶν τοὺς νικητάς; стражне постакише 706, φύλακας καταστήσαντες; повѣднѣи кѣнци съкыше кѣи прижи есте 72а. Врач. ев.: нди пригласи мжжи екон (вм. мжжа екоа). И. IV. 16. Возможно, сюда же относятся и формы из Охридского апостола гради (1) гади (7), если в них не представлен переход *ы* в *и*¹⁵. Видимо, процесс вытеснения винительного множественного в XIII в. еще не получил широкого распространения. Подобные примеры встречаются относительно редко и не во всех памятниках. Можно привести подобные примеры из Златоуста Q п. 1—56: оупо^а би ж златж ѿконж еже створи ѿхж идоолоужителе Злат. л. 5 об.; и ксѣ ткарь аари емоу приносига Злат. л. 43; събшаши мѡднє пласи любашей Злат. л. 84; и ѿга виднши ма бѣси ѡзгонжца Злат. 66 об.; и прѣстожжца нама ароуги и родителе или братж не познаема Злат. л. 237 об.; и помазаж благодѣтиж прркаи и цре Злат. л. 244 об. В этих примерах флексии *-и* и *-е* могут иметь фонетическое объяснение, так как в памятнике наблюдается смешение *ы* и *и*, а также замены *а* буквой *е*. Есть, однако, пример, где фонетическое объяснение невозможно: тѡгда хоулацимъ азѡци полата книж и нѣ кто оустоудди Злат. 123 об. Встречаются отдельные примеры употребления форм именительного множественного мужского рода на месте винительного в Хлудовском паремийнике, например: се кака га сакаѡта ѡимета нѡдѣне ѡ ерѡма Хл. пар. л. 29—5, 6 сн.; ре га да изкеде земаѣ ашж живж народа и чѣтеѣтѣнога и гады и зѣѣне земаѣни и скоты и кса гады земаѣнныа народы Хл. пар. л. 24 об 15; и роди снѣи и азѣери Хл. пар. л. 42 об. — 3 сн. Правда, обратная замена — флексия *-ы* в именительном падеже нами не отмечена.

Один пример из Врачанского евангелия на употребление винительного падежа вместо именительного: и събержтѣ са прѣими кѣса азѣкы 1196 Мт. 25,32 — И. Дуриданов склонен рассматривать как ошибку писца, который принял слово *азѣкы* за дополнение¹⁶.

Формы винительного падежа мн. числа слов мужского рода в роли подлежащего были отмечены Е. Русеком в Хлудовской триоди XIII в.¹⁷ Таким образом, утверждению именительного множественного в качестве общей падежной формы в данной категории слов также предшествовал период конкуренции этих

¹⁵ И. Дуриданов. Указ. соч., стр. 243.

¹⁶ Там же, стр. 239.

¹⁷ Je. Ru s e k. Deklinacja i użycie przypadków w Triodzie Chłudowa. Studium nad rozwojem analityzmu w języku bułgarskim. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1964, стр. 81—82.

форм, и первые стадии этого процесса можно наблюдать в памятниках XIII в.

2. В категории слов женского рода единственного числа употребление форм винительного падежа в роли подлежащего или относящегося к нему атрибутивного определения или обособленного приложения встречается во многих памятниках. И. Дуриданов приводит подобные примеры из Врачанского евангелия, Хлудовского паремийника, Хлудовской триоды, Загребского октоиха, Добрейшева евангелия и Орбельской триоды¹⁸. Например: да бждетъ гѣи жрътѣжъ ашъ мѣнхъ благопрѣжѣтна прѣдъ товоа

Загр. окт. 2а. жена... прѣстѣпи сѧ задн и прѣкоснѣбашъ вѣскрѣла ризи его Врач ев. Мт. IX. 20. тебѣ носитѧ хѣлаата вѣа тѣара Хл. тр. л. 10—7. Примеры И. Дуриданова из Хлудовского паремийника (доушъ моа 80б, храмѣнъ 109а, книгъ сѧа 170б) мы можем пополнить примерами с существительным зема: и погра-сет сѧ нѣо и зема л. 16—6 сп; исплзѣни сѧ зема нхъ мръзости ѿ дѣлаз рѣжъ нхъ л. 24—6 сп. Формы именительного и винительного могут употребляться рядом, например: наплзѣни бо сѧ земаѣ нхъ злата и сребра... и исплзѣни сѧ зема нхъ конѧ л. 24—15—18.

3. В единственном числе женского рода именительный падеж вместо винительного в роли прямого дополнения и относящегося к нему простого или предикативного определения отмечен Дуридановым в большем числе памятников, чем обратные замены. Примеры именительного вместо винительного приведены Дуридановым из Битольской триоды, Банского евангелия, Троицкой притчи, Синайского патерика и тех памятников, в которых отмечен винительный на месте именительного¹⁹. Встречаются подобные случаи и в Златоусте XIII—XIV вв, например: аза бѣхъ изѣчила вѣж рѣторѣкиж еже естѧ подѧ невома и^н зѣми сѧа же протѣлковахъ и кнѣхъ Злат. л. 3 об; еѧа кѧ^нстоша разоумѣхома ѡного юноша сѣо Злат. л. 64; еѧа еѣне прѣвѣда... пира мѣжъ вѣстѣднѣхъ грапѣза лѣстѣйна Злат. л. 80 об.

Дополнительные примеры из Хлудовского паремийника: Искони стѣкори бѧ нѣо и земѣ л. 20—7; а канѣз бѣ дѣлажи земѣ л. 34 об.—4; делати земѣ л. 27 об.—2; Ходѧи бѣ порока дѣлажи правѣа л. 27—14; сѣхрѧни ма гѣ тако зѣнѣца ѡка л. 28—12; стѣкори бѧ нѣо и зема и вѣака зѣака дѣбѣраканѣи прѣжѣ даже не вѣдѣ по зѣми и вѣака тѣрѣва сѣмнаа прѣжѣ даже не прозѣве л. 29—2 сп.; оувѣдѣва же адама еѧа жена сѣсѧ л. 34—2 сп; гѣ помлоуи ма нѣамъ аша моа л. 46—1; прѣда сѧ сѣож рѣжъа крагокѧ л. 41—2.

¹⁸ И. Дуриданов. Указ. соч., стр. 242—243.

¹⁹ Там же, стр. 240, 241.

Именительный вместо винительного в Хлудовском паремийнике встречается значительно чаще, чем винительный на месте именительного. Последний представлен лишь единичными примерами. Видимо, в говоре писца место общей падежной формы занял именительный, который представлен и в предложных конструкциях. Например: и кѣтъ бѣ пакы ѿ земаѣ кѣтко дѣтко л. 27 об.—8; и сткори бѣ пакы ѿ земаѣ кѣа зѣри дѣбравныѣ л. 28—7; гла краке брата твоего [каписта ка мнѣ ѿ земаѣ л. 37—16; и ре бѣ се даха кама кѣака трѣка стменига стѣща стѣма еже еста скраху кѣа земаѣ л. 25—8; и брашно мое бѣ ѿблѣста тѣма да еста л. 29 об.—11. В последнем примере именительный (тѣма) представлен на месте винительного, вытеснившего локатив. Казидѣма на нудѣа да ѿзловима а л. 44 об.—8 сл.; и прѣанбодѣи за скждота ѿма и погѣвѣа дѣи скоен садѣае л. 46 об.—9, 70.

Примеры именительного падежа вместо винительного ед. числа слов женского рода после предлогов отмечены Дуридановым в Добромировом, Добрейшевом и Врачанском евангелиях, Хлудовском паремийнике, Орбельской триоди, евангелиях Верковича и Шафарика.

Заключение, к которому приходит И. Дуриданов в результате рассмотрения этого материала, сводится к следующему: «Борьба между двумя падежами за присвоение роли общей именной формы особенно проявилась в ед. числе существительных женского рода на -а. Если принять во внимание только примеры, в которых два эти падежа взаимно замещают друг друга в роли подлежащего и прямого дополнения в период XII—XIV вв., соотношение клонится в пользу именительного падежа»²⁰.

24. Рассматривая вопрос о смешении винительного и родительного падежей, мы обращали внимание на то, что появление винительного на месте родительного падежа может иметь и фонетическое (доушѣ вместо доуша) и синтаксическое объяснение. Смешение именительного и винительного падежей также имеет разное объяснение. В одних памятниках это смешение имело фонетическую основу (звуковое совпадение ж и а, а и ѣ) и явилось результатом фонетического совпадения форм в склонении женского рода основ на -а, -ја. В других, где синкретизма форм в словах женского рода не возникало, смешение винительного и именительного падежей явилось результатом синтаксического процесса. К памятникам первого типа относится Врачанское евангелие, Загребский октоих, Хлудовский паремийник. Памятники второго типа представлены Хлудовской триодью.

В Хлудовской триоди смешение форм именительного и винительного падежей женского рода представлено очень широко.

²⁰ И. Дуриданов. Указ. соч., стр. 240.

По наблюдениям Е. Русека, в 40 случаях форма именительного на -а употреблена в функции винительного и более чем в 60 представлена обратная замена. Например: *ѡко спѡса еси иѡна ѡ кита* Хл. тр. 26—1 сн.; и *пѡсѡста наѡта ѡца сѡего не кидѡста* Хл. тр. 14а—19. После предлога: и *прѡде абѡрама зѡма ка дѡгота ѡж* Хл. тр. 19—2 сн. Форма винительного в функции именительного: *бѡдницѡх сѡззѡми ѡмочи прѡчитѡти нѡзѡ твоѡ* Хл. тр. 44—7; *пѡбѡдѡх вѡзносѡта плѡма ѡмѡлѡста же ѡзыкѡ грѡси* Хл. тр. 25а—21, 22. (*пѡбѡда* *вѡзвѡшаетѡ азыкѡ, ѡумѡлаѡта же плѡмена грѡси* Ц.-сл. триода).

Однако, если во Врачанском евангелии смешение именительного и винительного падежей могло объясняться фонетическими причинами — вокализацией ж в а, то в триоди Хлудова фонетическое объяснение как будто не применимо, так как в других категориях слов ж и а не смешиваются. Л. Милетич в своем описании фонетической системы памятника примеров подобной замены не приводит. Напротив, им приводятся примеры смешения ж и ы, ж и ѡ, ѡ и ѡ, а иногда ж и о, что свидетельствует о близости их звучания, например, ж вместо ѡ: *азѡ бо ѡсмѡж исти братѡ каѡ* 65—23; *азѡ ѡсмѡж Иѡсифѡ* 65а—5 сн.; *азѡ ѡсмѡж братѡ каѡѡ* 66—1. «Очевидно, здесь ж означает ѡм, — пишет Милетич. — Писец еще не решался поставить ж в середине слова, чтобы согласно с живым произношением написать ѡсмѡм. Подобное написание встречается в других памятниках, например, в одном фрагментарном пергаментном четвероевангелии XIII в., которое находится в Пловдивской народной библиотеке (по каталогу № 67): *азѡ ѡсмѡма лѡза истинаѡа; азѡ ѡсмѡма лѡза а кѡ рѡждение* (л. 2а) и пр.»²¹.

Написание о и ѡж вместо ж Милетич иллюстрирует следующими примерами: *да почѡж ѡ троѡа мѡего* 94—1 сн.; *ѡ онѡже сѡдѡз ѡуслѡшѡите гласѡ трѡжѡны* 130а—12, 13. В примере «на зимѡ» (123—24) может быть о скорее появилось как следствие ассоциации с о в «на лѡто»²². ж вместо ы: *ѡко сѡстрѡж присѡнѡж* род. ед. 67а—8, ы встречается вместо ѡ: *дѡщѡцѡри* 122а—16; *дѡщѡцѡра* им. мн. 94—7 сн.

Эти замены позволяют Милетичу определить ж в Хлудовской триоди как «тъмен еров вокал»²³, а соответственно рассматривать смешение винительного и именительного падежей в словах жен-

²¹ Л. Милетич. Интересен среднобългарски паметник от XIII век. — ПС. т. LXVI, 1905, св. 1—4, стр. 103. В Хлудовской триоди также встречается написание ѡсмѡм, например: *гѡл ѡко приѡмѡца ѡсмѡм азѡ на земѡ* тоѡжден 94, 1, 2.

²² Там же, стр. 103.

²³ Там же, стр. 106.

ского рода *a*-основ как синтаксическое, а не фонетическое явление: «В области именных форм уже отмечаются первые типы общего падежа существительных, главным образом в *a*-основах, от которых и началось развитие общей (генеральной) падежной формы, в основу которой легла форма винительного падежа, которая вначале часто смешивалась с формой именительного падежа»²⁴.

Наблюдения Е. Русека показали, что форма винительного падежа в функции подлежащего встречается в Хлудовской триоди не только от существительных женского рода основ на *-a* и *-ja*, но также от существительных мужского рода основ на *-o* и *-jo* в единственном и множественном числе²⁵. Им приводятся следующие примеры²⁶: *прѣрка нѣѡа капиаше иза смѣртнаѣж* Хл. тр. 12а—37; *прѣрка юна* Плд. к. 60²⁷; *ѣко и петра капиѣ ти сѣгаки ма спсе зокѣ ти ѣко и разбѣрка слава ѣко и блажѣнѣж* 41—12—14 (ὡς Πέτρος χλαίω); *дшж... ѣко брата ѣже тѣло мое и оубиѣше ѣко и канна оубиѣѣж сластоуменными дѣлаеси* Хл. тр. 33а—34—35 (ὡς Καὶν, ὁ φονεὺς ταῖς φιληρόνοις ὀρμαῖς); *лазарѣ кѣ гробѣ дѡсидиѣтѣ днѣ* Хл. тр. 67а—7; *лазара кѣ гробѣ* Плд. к. 110 (Διδήμερεὺς σήμερον θανὼν ὁ Λάζαρος); *пилаѣта же... ѡпоуѣти има караѣж* Хл. тр. 114—5; *пилаѣта же Зоѣр. Лук. 23—24; тѣбѣ ѡдѣжѣцаѣго сѣ свѣтѡма ѣко и ризоѣ снѣма иосифа сѣ дрѣѣа сѣ никодимѡма* Хл. тр. 121—24; *тѣбѣ одѣжѣцаѣго сѣ свѣтѡма ѣко и ризоѣ снѣма иосифа сѣ никодимѡма* BWK № 936 к. 40а²⁸.

На употребление винительного вместо именительного во множественном числе Русек приводит следующие примеры: *нечѣстиѣки же грѣшники гдѣ ѣбаѣт сѣ* Хл. тр. 9—27. Русек отмечает, что здесь употреблено множественное число вместо единственного в греческом и других славянских текстах²⁹. *не разоумѣте осно-ваина зѣмни и жикѣѣѣж на неи ѣко и прѣжжи* Хл. тр. 27—28; *жикѣѣѣте на неи ѣко и прѣжи* Плд. к. 73 (καὶ οἱ κατοικοῦντες ἐν αὐτῇ ὡς ἀχρίδες); *авне на оутѣне свѣтѣ створишѣ архiereне старци и книжники и всѣа снѣма* Хл. тр. 112—4; *и да казаниѣтѣ грады слащени* Хл. тр. 6—5 сн.; *и погыбѣѣтѣ вси сѣпѡстаѣти тѣкон* Хл. тр. 30а—10—11; *исчѣжѣ и скотѣи и птиѣѣж* Хл. тр. 97—20; *паче*

²⁴ Там же, стр. 107—108.

²⁵ Je. R u s e k. Указ. соч., стр. 80—83. До исследования триоди Хлудова винительный единственного числа мужского рода в роли подлежащего в памятниках отмечен не был.

²⁶ Цитируем по рукописи памятника Триодъ цветная и постная XIII в. Хлуд. № 133.

²⁷ Пловдивская псалтырь, XIII в. Цит. по кн.: Je. R u s e k. Указ. соч.,

²⁸ Триодъ XIII в., рукопись, хранящаяся в Народной библиотеке им. В. Коларова в Софии. Цит. по кн.: Je. R u s e k. Указ. соч.

²⁹ Je. R u s e k. Указ. соч., стр. 81.

непрѣдѣлки въ хъ скоты его Хл. тр. 117—11; гровы изапразнишъ са Хл. тр. 121—15; тѣ въдѣтъ птѣцама кегелне джоры сирѣма Хл. тр. 182—27.

Формы с *ы* после задненёбных являются несомненными формами винительного падежа, появление которых не может быть объяснено фонетическим совпадением.

Наблюдения Е. Русека над триодью Хлудова позволяют говорить о формировании общей падежной формы, так как смешение форм именительного и винительного падежей представлено здесь не только в тех случаях, где возникала омонимия форм как результат звуковых совпадений, но также там, где фонетическая основа такого смешения, строго говоря, отсутствовала.

Рассмотренные выше случаи смешения именительного и винительного падежей в триоди Хлудова в основах женского рода на *-а*, мужского рода единственного и множественного числа (в существительных с задненёбными согласными в основе) не имеют фонетической основы и должны найти объяснение на морфологическом или синтаксическом уровне. В формах множественного числа это может быть результатом морфологического выравнивания (книжники вместо книжници, по аналогии к грады, где *ы* могло появиться в результате смешения *ы* и *и*).

Бесспорные примеры винительно-родительных форм мужского рода единственного числа, выступающих в роли подлежащего, впервые зафиксированы Русеком в Хлудовской триоди. В описании Милетича они не отмечены. Видимо, при беглом ознакомлении с памятником они ему не встретились, так как эти случаи представлены лишь единичными примерами. Милетич вообще не допускал возможности употребления в XIV в. формы винительного (родительного) в функции подлежащего. «По моему мнению, — писал Милетич, — такое понимание формы родительного как именительного уже в XIV в. вообще мало вероятно, так как тогда флексия еще не была так разрушена и забыта, как в XVII—XVIII столетиях. Напротив, это неправильное понимание старых падежных форм возможно датировать только от XVII века»³⁰.

Употребление винительно-родительных форм единственного числа мужского рода в роли подлежащего Русек рассматривает как явление так называемой гиперпоправности, которое могло возникнуть в результате смешения форм именительного и винительного падежей в сознании переписчика.

Но как бы ни объяснять это явление, следует констатировать факт, что в Хлудовской триоди не осталось ни одной категории имен существительных, в которой бы формы именительного и винительного падежей последовательно различались. В этом памятнике конца XIII в. представлен тот этап в формировании об-

³⁰ Л. М и л е т и ч. Два труда по исторіята на българския език. — Сб. НУ, X, стр. 55.

щей падежной формы, когда еще не определилось окончательно, какой из падежей, винительный или именительный, возьмет на себя эту роль. Думается, что формирование общей падежной формы в говорах, к которым принадлежит говор писца, может быть отнесено к XIII в.

25. Многочисленными примерами представлено смешение именительного и винительного падежей единственного числа слов женского рода в Орбельской триоди. Однако здесь данное явление связано с фонетическими причинами.

По употреблению ъ и ѣ Орбельскую триодь можно отнести к одной из школ македонской письменности. На месте ъ и ѣ в памятнике употребляется преимущественно ѣ, в то время как ъ встречается редко, главным образом в случаях, когда ъ переправлен из другой буквы, большей частью из о, например: *зла* *скѣт* 35, I, 16, см. *крѣста* 91, I, 11 (ѣ переправлено из е).

Она месте ъ в сильном положении представлен не только в суффиксах, но также в корнях слов, например: сонъ 30 об. I, 1; дождь 116, II, 4. Мена юсов в памятнике последовательно проведена после согласных. В Орбельской триоди находим ж вместо а после ж, ш, щ и ч. После мягких согласных а вместо ж за исключением случаев отвердения земж, сж. После ч последовательно употребляется а.

После гласных и в начале слова наблюдаются колебания в употреблении юсов. Всегда ставится ж в позиции после а и, наоборот, а после ж; После о и е как правило ж вместо а, после ы преобладает употребление ж вместо а, но встречаются и обратные замены. А вместо ж часто встречается после и в формах творительного ед. числа жен. рода, после а и ѣ — в глагольных формах.

Наряду со смешением юсов между собой в памятнике наблюдается смешение юсов с неносовыми гласными.

Можно предположить, что ж смешивался с а, например: прѣзрѣхъ лазарекъ исправления 135 об. II, 1.

О смещении ж и а свидетельствуют описки и поправки, например: не насыщжу са 7 об. I, 19, где а переправлено в ж; приходяща дни размыкаща 70 об. I, 8, 7 сн., где ж переправлено в а в причастии именительного падежа жен. рода.

В примере винительного мн. числа среднего рода: дѣла... сѣхъ 111 об. II, 2 сп. ж стоит на месте *a* или *ia*. В примере изънѣи и на ма келікаа тѣкаа мѣта 103, I, 14, 13 сп. в слове келікаа *a* переправлено из *ж*, по одновременно следующее за ним *a* переправлено в *а*; в слове тѣкаа буква *ia* переправлена из *а*, который появился здесь в результате мены юсов. Буквы *ia* или *a* встречаются в памятнике на месте *а*, по все отмеченные нами случаи относятся к позициям, в которых наблюдается мена юсов. Например: и ницижъ и немѣжѣи крѣкаа бѣбѣи каа дома тѣон

149 об. II 7; Написание — иа встречается во флексии творительного падежа ед. числа, наряду с -иа и -иж. Например: прижѣ зашѣние дланиа раба ского 177 об. II 20. Написание иа встречается и в других формах на месте, иж и иа. Например: и веиита чашѣ наиита сам себе прѣдлагаше капиа пиите вѣроу крава мож и 8тѣрадѣте са 177 об. II, 6—9;

Наиболее многочисленными являются в памятнике случаи смешения ж и а, а и ѣ во флексиях именительного и винительного падежей слов женского рода основ на -а и па -ја.

В существительных мягких основ в Орбельской триоди представлены флексии именительного падежа ед. числа -ѣ, винительного падежа ед. числа -а.

Формы именительного на месте винительного находим в следующих примерах:

наѣчи ма спсе творити колѣ твож 123 II, 13 сн; вѣбѣте зѣмляѣ горы... вѣбѣте источники морѣ рѣкы 116 об. I, 6, 12. и дама тебѣ и сѣмени твоему земѣже к наже придеши ка сиѣ земниѣ ханаана ва удражание кѣно 118 II, 3—1 сн.

Форма именительного вместо винительного в прилагательном и местоимении: приѣте кзыѣма к горѣ гнѣ 31 об. II, 10; славим та... створшаго вселенаа вѣѣ 6 I, 8 сн.; из работы вѣѣ твара... извѣаѣащаго славим та 246 об. I, 12, II сн. побѣаѣт са 8бѣги жнеота дражжащаго дланиѣ вѣѣ твара 192 II, 14.

Несколько чаще отмечается форма винительного на месте именительного мягких основ: боура ма грѣхѣснѣ постигши ка глѣбниѣ сѣде вечислѣнѣхѣ ми грѣхѣ 98 II, 14, II сн.; працѣлаа еста поуѣстѣна 64, II, 18; приготоки са кечера 191 об. II, 5 сн.; и по-траѣсет са нѣбо и зема 15 I, 2; подѣиза са зема 17 об. I, 7 сн.; лоза дастѣ плодѣ свой и зема дастѣ житѣ ской 18 II, 4 сн.; иѣаше зема 78 об. I, 23; да раѣует са зема 120 I, 10; и та раѣаѣна срѣташи граѣжѣа и 8тѣрашиѣ та 192 об. I, 3.

Формы именительного и винительного падежа могут стоять рядом, выступая в роли подлежащего или сказуемого: ѡѣкѣрани же са земѣ прѣдѣ бѣа и испѣани са зема неправды 69 I, 2, 3; тако испѣани са зема неправды ѡ. нѣхѣ 69 I, 9, 10; скрокиѣе бо нама сѣѣна и сѣа еста 91 об. I, 14 сн.

Определение может быть употреблено в форме именительного, определяемое существительное в форме винительного: и вѣѣ зема траѣтше са са страхѣма капиѣе га (е в слове капиѣе переправлено из и) 96 об. I, 4, 3 сн.

Винительный с флексией -ж на месте именительного представлен в слове змиж и др.: оваткох са к раздранж одежж/эжже ми истка змиж 120 I, 6; дкт 8бо жент разумнт... рахила же дтло тако многочадна и миж же тако многоразумж 112 I, 5 сн.; и сждинж шжжина бикаета 89 II 6, 5 сн.; Соответственно форма именительного -та на месте винительного: и разорига срина 71 I, 22 праведнаго сждин шжжинш 191 об. I, 2 сн.

В существительных женского рода твердых основ, а также основ, оканчивающихся на шипящие и ц, смешиваются флексии винительного ед. ч. -ж и именительного ед. ч. -а.

Именительный вместо винительного встречается в самых различных функциях последнего. Функция объекта действия: также бо ба сты скѣца кто разорига 85 II, 4 сн.; такмо дѣла его свбуди 176 об. II.1 сн.; тако кинна дѣше шканна встѣх творцоу дѣла скеранна и жртка непорочна и нечто житие принесохот 109 II, 8; тако скѣта зарѣлоушна испущаета паче кидимаг саца и тма прогонига 64 I, 8 сн.; палица бо протыкниха разорига га 68 об. I, 13, 12 сн.; и где поставките слава каша 71 II, 13.

Форма именительного встречается и на месте второго винительного: горе глацѣ з'лоу добро и доброу зло полагажцима скѣта тма и тма скѣта 55 I, 5—3 сн.; кто та постави княза нама или сждин 176 об. I, 1.

Форма именительного на месте винительного объекта восприятия и отношения: тебе сгрѣшиха хе единой скѣдацѣомѣ таина срца моего 15 об. II, 8; тогда разумѣши правда и сжда 35 об. I, 4.

Форма именительного вместо винительного после предлога: нж послета га сакоу на твоа честа вчестие 73 II, 3 сн.

Несколько чаще встречается форма винительного на месте именительного надежа во всех его функциях. Например: расадет са камена и потечета кодж и пнѣта люде мой 143 II, 14, 15; 8гогоки са пасхж 191 об. II, 4 сн.; нж атровж ми горига 198 I, 5 сн.; и изыде авие крава и кодж 201 II, 17, 16 сн.; вгат'ко и слава ка мнѣ еста и стажание многы и правдаж 69 об. I 6—8; и паде са храмниж на дѣты твож 173 I, 20, 21.

Часто в форме винительного надежа стоит существительное одушевленное, выступающее в роли подлежащего и приложения, например: принесе вждиницж миро 173 II, 9 сн.; и се тѣ женж вдовицж свбираше дрова 211 об. I, 8 сн.; кидѣвши же агла прокаж

женж его и радостиа исплани са 191 об. I, 13, 12 сн. (ср. вѣдѣши англа жена его прокла и радѣсти исплани са Злат. 17—5, 6).

Личные имена мужского рода: тако же рече вѣкж 64 об. I, 16; вѣкж друты скож ѿчаше 64 об. II, 9 сн.; нж индж цѣнж твож прокѣцакаше вѣнжтра са с тобож 191 об. II, 3 сн.; анѣ вѣкж твари и га слакѣ прѣстоитга пилатѣ 194 II, 1; вѣ же вѣрвѣж развоиника 200 об. I, 6; тако жикѣ юношж са дѣвѣж тако жикѣта снѣке твои с тобож 212 II, 13; вѣкж вѣчѣаскѣма колеж пригкожда са на немѣ 88 об. II, 6.

Форма винительного вместо именительного в сказуемом: нѣста црѣво вѣе пища ни величание нж правѣж и ѿтверзѣание са шѣтѣшаниема 141 II, 11—9 сн.; гла емѣ пилата что еста истинж 200 II, 4, 3 сн.; едина ми вѣ ты надѣждаж и живота вѣко снѣу моѣ бѣ 203 II, 17; емѣже слакж вѣ 191 об. I, 7 сн. (ср. емоуже слаба побѣдѣта Злат. 17—8, 9); моима немощема вѣди помощницж 145 об. II, 13, 14; ты еси вѣе ѿржжнѣ нѣше и стѣнж 68, I, 6, 7; и нарицает са има его... вѣ крѣпока вѣкж к'наза мнрѣ 68 об. I, 1 сн.; ты во крѣтинома застѣпницж еси 92 I, 1, 2; ты неповѣдимое ѿржжнѣ црѣствѣни. вѣема сила. силнѣма дражжж крѣте хѣвѣ 94 об. II, 23—25.

Форма именительного может стоять в ряду однородных членов, выраженных винительным падежом, например: тако блажнаго и развоиника и блажница и мѣтарѣ вѣздыхнѣвша спасла еси. и мене спѣи тако мѣрдѣ 15 II, 4—1 сн.; или выступать в качестве приложения к существительному, стоящему в винительном падеже, например: леѣнѣтига пож. глажбинж вѣгочѣстига. максѣма же вѣпѣвѣж пжчина ѿченига 20 об. II, 1.

Форма именительного на месте винительного встречается не только от неодушевленных, но также и от одушевленных существительных, например: и прижшж иѣна ѣ вѣвѣрагошж и вѣ море 209 I, 3, 2 сн.; и покеле вѣ китовѣ. ѣ ѣзвѣлка иѣна на соухо 209 об. I, 2, 3; ѣ покелѣ вѣ кутѣ великомуу пожрѣти иѣна 209 II, 5.

Именительный вместо винительного в определениях: крѣва непѣвин'на прѣдаха 177 II, 17, 18; снѣ сахрани заповѣда мога 50 I, 5 сн.; и ни вѣ чтоже вѣдаха крѣпѣста мога 143 II, 9 сн.; милѣста твога ги са 250 II, 8 сн.; иногда согласование нару-

шено иначе — существительное стоит в форме именительного падежа, а определение сохраняет форму винительного, например: и ѿгочска скож трапеца 71 об. I, 5 сн.; и, наконец, оба слова стоят в форме именительного: и положи ма изко стѣла избранна 143 II, 25.

В форме винительного падежа может стоять предикативное определение, например: единж вѣ рѣча иха на него 189 II, 13 сн. (ср.: едина рѣча их' вѣ на на Злат. 11, 10). Может быть нарушено согласование между подлежащим (стоящим в форме винительного падежа) и именной частью сказуемого, например: и мазѣ ти вѣдѣ многа зѣло 115 об. I, 6 сн.; днѣ вѣдѣши та непорочнѣ дѣж на крѣтѣ... цкѣшена... драхѣ кѣше 193 об. II, 9—15;

Прилагательные, местоимения и числительные, выступающие в роли определений, часто стоят в той же форме винительного падежа, что и определяемое существительное, выступающее в функции подлежащего, например: бѣ на мнѣ рѣжжѣ гнѣ 207 I, 10; единж нетѣннѣж тѣ пѣмагаѣ 42 об. I, 11 сн.; и кнѣдѣши вѣ ковчѣга ты и снобѣ тѣой и женѣ тѣоѣ 69 I, 14, 13 сн.; внѣгда мнѣсѣдѣга слакѣ мож 202 II, 11; дондѣже извѣдѣга пѣвѣдѣ тѣоѣ 212 I, 5, 4 сн.; пѣвѣи сѣ дѣжжѣ мож на шѣлацѣхѣ 88 об. II, 7, 6 сн.

Винительный падеж в качестве общей падежной формы употребляется иногда в функции звательной формы, например: о стѣа и прѣстѣа лѣгѣ дѣж чѣж 33 об. II, 6 сн.; и сѣтѣлажа сѣцѣж и кѣпѣно шѣнѣвѣразна и горѣ бѣж прѣстѣннѣжа дѣо 39 I, 3—1 сн. (ср.: сѣтѣлажа сѣтѣе коупѣна шѣнѣвѣразна. гора вѣжа прѣстѣнага Тр. Гр. 1—30 л. 28, 5—1 сн.); крѣте прѣстѣты цѣю повѣдѣж хрѣтиа. нома. застѣпнѣе. поворнѣе всиномѣ. вѣсѣма прогѣишнѣе. Тѣе мы днѣ слакѣма 58 об. I, 15.

Итак, Орбельская триодь характеризуется беспорядочным смешением форм именительного и винительного падежей существительных женского рода единственного числа. Смешение это могло определяться фонетическими причинами, а именно совпадением или сближением по звучанию ж и а после твердых согласных, а также а и ѣ после мягких согласных в говоре писца.

Но чем объяснить, что смешение ж и а только во флексиях именительного и винительного падежей является обычным, а в других случаях встречается редко? Может быть, это следует интерпретировать так, что в употреблении этих букв. писец обычно следовал оригиналу, в котором ж и а не смешивались, но зато наблюдалось смешение ж и ѣ, что проникло из

оригинала в список Орбельской триоди. Смещение ж и а в памятнике — явление, внесенное его писцом. Об этом свидетельствуют частые поправки ж на а и а на ж, которые производит сам писец.

Частое смещение этих букв во флексиях этих падежей обусловлено неразличением именительного и винительного падежей в говоре писца. Причем смещение форм этих падежей наблюдается не только в именах существительных старых основ на -а, но также в существительных других склонений.

Формы именительного вместо винительного от старых основ на согласный: брашнома любви ткоращж 115 II, 14 сл.; дрѣкома крѣтныма пламы шбамори 97 I, 4; тѣча ѿнанж ѿгаснѣт крабми прѣслакни и пламы ластикыха 62 об. II, 12.

Формы винительного вместо именительного: расадѣт сѧ камена и потѣчѣта кодж 193 II 13, 14; лоза и смоскѧ даѣта снаж скож 14 II, 4 сл.

Форма винительного вместо именительного в роли подлежащего, именной части сказуемого встречается и от существительных мужского рода ед. ч. Например: тако не сѧхранихѧ ни единж запсѣда ткож адама 119 I, 11 сл.; напосладока ѿ вѣж ба плаѣта шбалакша сѧ. тако сѧвращена чѧка 63 II, 12—14; тако мытарѣ дрекле стѣнаниема. бѣж ба прѣгы скож глаше 4. I, 18; ѿкразѣта сѧ ѿчи нама и вѣдѣта тако и ба разоумѣкажѣа добро и зло 40 об. II, 11 сл. В примере тако прѣжз ѿвна вапижѣт 21 I, 4 -ѣ в слове прѣжз переправлен из а.

Именительный вместо винительного представлен в нескольких примерах форм мужского рода множественного числа: тащкыж мож стрѣпи ѿбражни 10, II 8; и створи ба кити великыж 32 II, 15; из них же бѣ прѣжз и ѧ с ними хѣ достойно почтѣма. црѣкы самыславыж стѣлпи подложншж 46 I, 10; и вѣздама кама. за лѣа таже падашж прѣжзы и хрѣстоке 14 об. I, 7, 8; рау сѧ вѣтко мѣсто и страна бѣспитѣкши граждѧне црѣба небѧго 18 об. II, 13 сл.

Правда, в памятнике наблюдается смещение букв ы и и. Однако обычно ы стоит на месте и, и значительно реже встречается обратная замена.

Если бы дело было только в смещении букв, то и в этой категории слов следовало бы ожидать более частого появления форм винительного на месте именительного, чего в памятнике не наблюдается. Очевидно, в говоре писца форма именительного как общая падежная форма слов мужского рода множественного числа становится преобладающей.

Для писца Орбельской триоди именительнo-винительная форма стала, видимо, общей надежной формой. Форма эта уверенно вытесняет другие надежи из предложных конструкций, принимая значение общего надежа. Например: и ѿпусти и гѣ бѣ ѿ рапища дѣлати зема ... и изведе аама и ксеи и прѣмо раи пицѣж 49 об., II, 17 сн., 14 сн., где в одном случае употреблена форма именительного надежа вместо родительного, а в другом — форма винительного вместо дательного. Применительно к этому памятнику можно говорить об общем надеже и там, где формы винительного и именительного совпадают, и там, где употреблена одна из форм данного надежа. Этот общий надеж представлен при самых различных предлогах вместо других надежей. С предлогами родительного надежа: ѿбразѣ смѣрению дажъ ка порфирѣжъ мѣсто леуинтиема прѣпосѣ са 182 об., 1, 16 сн.; до: придогѣ до мѣсто на не же рече емѣ бѣ 133 об., II, 8; се глѣта са прѣза бѣа нѣ ѿ поне до сѣтѣж 182, II (приписка на полях); и ѿпона црквиаа раздѣра са надвое скыше до низа 197 об. II, 12; ѿ горы до низа 199 об., I, 4; вазниа са вода до дѣжъ мож 209, II, 21; ѿ: да почижъ ѿ троудѣ и болѣзна 177 I, 13 сн.; да помажѣ аза ѿцѣстившаго ма ѿ грѣхѣ ка 173, II, 11 сн.; иза: сзѣда себѣ храмнижъ скожъ. иза чѣтыжъ безамжжыжъ мѣтра 177 об., I, 17; иже ка печи избѣкива прѣпѣбаныа ѿроки ис пламена 205 об., II, 7 сн.; и пакы испусти голѣбѣ ис кокчега 78 об. II, 8; са: и скѣде и са горницѣжъ къ дома 212, I, 11; и скѣтче са са ѿдѣланне свое 209 об., I, 12 сн. С предлогами въ и ѿ вместо локатива: аще видѣши ма въ прѣдѣлы ихѣ 181 об., II, 10, 11; створиша емѣ к полатѣжъ мѣсто мало 212 об., II, 5, 6. нѣтъ к дома ижекова придегѣ да ходите въ свѣтъ гны 34 об., I, 5; за на сѣдѣ мой ка сыннища жзыка 211, II, 17 сн.; и не ѿстаки мене егда кгда сѣнжъ въ смѣра 143 об., I, 6; маи ѿ спсѣние дѣшама нѣшима 34, II, 19—21; прикеде насѣ бѣ и нѣтъ мѣта ѿ въхождѣние прѣчнѣхѣ поста створиши 49 об., I, 5 сн.; и раздѣлишъ ризы его метащѣа жрѣвна ѿ на кто что казѣмета 197 об., I, 8; нжъ мѣщѣма жрѣвѣи ѿ нежъ 201, I, 18.

Могут быть случаи, когда существительное стоит в форме локатива, а прилагательное в форме винительного, и это сочетание употребляется как при обозначении места, так и при обозначении направления, например: ѿгидѣ же мойси ѿ лица фараунока и ѿвѣта к земни мадѣямѣскѣжъ 176 об., I, 10; и пришедше к земни мадѣямѣскѣжъ (там же 11, 12); локатив и общая

форма могут употребляться как одноподные члены: нж косни сѧ ржкож сѧкож кѧ костехѧ его и кѧ платѧ его 176 об., II, 5, 4 сн.

Наконец, предлог и послелог, требующие разных падежей, могут относиться к одному слову, стоящему в общей форме:

и неврѣтше ѡ мжченихъ за бжцѣѧ ради жизни 137 об. I, 2, 1 сн.

Общая форма встречается и вместо беспредложных падежей, например, вместо дательного: ѡста же смѣреникихѧ ѡчѣт сѧ прѣмждроста 79, I, 19; ѡстакимѧ вранѣ дѧгы ихѧ да и намѧ ѡстакѧт сѧ прѣгрѣшениѧ 50 об., I; вместо творительного: постити сѧ гостѣно пощенѣе 34, I, 8 сн. (ср. постащѣм сѧ пощенѣемѧ чѣстома 34 об., II, 2); морѣ чрѣмна пжчина немокрѧнами стопами дреке шесткока кѧ изѧдѧ 44, I, 2.

25.1. Если ошибки в употреблении творительного и дательного были сравнительно немногочисленны и имели ограниченный характер, то ошибки и отступления в употреблении родительного охватывают все функции этого падежа и не могут быть оценены как единичные. Массовыми случаями является замена родительных формами винительного-именительного падежа.

Графической основой смешения форм родительного и винительного, как и в других среднеболгарских памятниках, являлась мена юсов. В результате мены юсов появляется форма винительного падежа вместо родительного после шипящих, свистящих *ц* и *з*, например: и хѡчете ржкож сѧкож ѡжти болѣзѧ ѡ дшж его 203, I, 7; (ба) наполадѡка ѡ бцж кѧ платѧ ѡбѧкшѧ сѧ 13, I, 18; ѡклони же ногѧ тѡж ѡ стѣжѧ ихѧ 29, II, 16.

Эти формы, однако, могли осознаваться сначала как синкретичные формы, о чем свидетельствуют имена прилагательные, стоящие в родительном падеже, например: ѡ чтыж ѡрскокѣж 21 об., I, 5; ѡ нестѡкомѣж дѧцж 60 об., I, 17; ѡ ранскѣж пѣцж изгѧна мѧ стѡри 24, II, 5, 4 сн.

В памятнике имеются, однако, примеры свидетельствующие о том, что процесс пошел дальше: синкретичная форма родительного/винительного стала осознаваться как форма винительного падежа или общая падежная форма. Об этом свидетельствует аналогичное изменение имени прилагательного, которое также получает форму винительного падежа, например: безѧ сытѡсти насѧдѧ сѧ пачѧ постѣжѧ пѣцж и горкѣхѧ похѡти ѡклони сѧ 27, I, 10.

Далее в этой конструкции можно наблюдать все стадии смешения винительного и именительного падежей, представленные в памятнике: имя прилагательное стоит в форме именительного падежа, имя существительное в форме винительного,

например: и райска пицѣ 8чюждена вѣста 59, II, 4, 3 сн.; и прилагательное и существительное стоят в форме именительного падежа, например: и райска мѣхоба сѣ пица 24 об. I, 8, 9; како небдѣржаніе ѿ райска пица странна ма створи 24 об. II, 8, 9.

Таким путем форма именительного на месте родительного появляется в самых различных функциях: при отрицании, например, разсолѣно сѣ свинѣми жирсѣмъ и ни тѣхъ пица не насыщахъ сѣ 75, II, 17 сн., наряду с винительным: и тѣхъ пицѣ не насыщахъ сѣ 69 об., I, 22. На месте родительного приименного, например: паче вѣдница и мытарѣ покаяние проповѣдание ѿ нѣа 11, I, 13—15.

Замена родительного падежа общей падежной формой не ограничивается, однако, теми существительными, где она может быть объяснена фонетически. Она широко представлена и в тех категориях существительных, где никаких фонетических предпосылок этой замены не было. Например, в существительных женского рода, оканчивающихся на согласный (жизнь, болезнь, милость) или в существительных мужского и среднего рода. Например: ѿ нѣа до главы нѣа на немѣ частѣ цѣлы 28, I, 11, не ѿкрѣзи наказаніе мѣре своеѣ 61 об., II, 9 сн.; шеда призовѣте дѣво да нѣа хлѣба 176 об., I 5, сн.; и дадѣма алачѣма хлѣба 34 об., II, 8 сн., жѣлачѣ и ѿмѣта ехѣлачѣ 92 об., I, 14.

Общая падежная форма на месте родительного встречается в памятнике не только в конструкциях с отрицанием и родительным партитивным. (В этих функциях родительный уступает свои позиции винительному раньше всего. Подобные замены зафиксированы уже в поздних древнеболгарских памятниках и широко известны в среднеболгарских). Общая падежная форма отмечена в Орбелъской триоди в самых различных функциях родительного, там, где ранее он никогда с винительным не смешивался: при глаголах с аблативным значением, например: и зимѣ грѣхѣмъ ѣѣжѣма 103 об., II, 19, 20; и жизнь вѣлажѣ ѿстѣпѣхѣма дѣхѣма 17, I, 14; вѣтѣжѣ казна кражна изѣаки 72, I, 15 сн.; и других глаголах, употреблявшихся ранее с родительным, например: трѣпѣжѣ дѣко дарсе 90 об., I, 12 сн. ѿжѣдаѣ покаяние 10, I, 7; достигѣ ти без грѣха вѣскрѣсѣне прѣглавѣсе 111, II, 11—12; в функции родительного второго объекта, например, ѿцѣсти ма прѣгрѣшенѣи моихѣ множѣстѣо 4 об., I, 12, 13; при глаголах на сѣ: ѿсѣжде- нѣа вѣж сѣ и смѣта вѣа сѣ исѣлаѣ дѣши мѣсеи 17 об. I, 10; и тарѣста испѣани сѣ кѣсарѣ 190 об. I, 10; нечѣнѣа ѣклонѣи сѣ пѣти

пракедны 134 I, 7, 6 сн; ѣмрѣта не ѡбѡасте сѧ 57 об., I, 15 сн.; неѡмѣтнѡе хѣ сѣдище боѧ сѧ 111 об. II на полях; при степени сравнения: дѣбра вышши нѣсѧ и тѣра всеж 70 об., I, 24.

При глаголе, требующем родительного падежа, может употребляться конструкция с предлогом *отъ* и общая падежная форма: и не ѡбѡиши сѧ ѿ страха пощанаго ни ѡтѣрмленіе ѿ нечти-кыхѧ находящихѧ 41 об., I, 3; ѡтѣтѣхѧ лишихѣ сѧ несправлены 142, I, 24; бѣгаи запалениа ѡ дше... бѣгаи ѿ тла бжита запалениа 111 об. I, 1—3.

Наряду со случаями замены родительного падежа общей падежной формой отмечены случаи своеобразного плеоназма: родительного беспредложного и конструкции «*отъ* + местоимение»:

не прѣдажда насѧ сѧдѣи^х ми зѡла ѿ ни же избѧи ма чѡбче ги 53, II, 7, 6 сн.

Общая падежная форма часто употребляется с предлогами, требующими родительного падежа: и кѡзкеди ма изѧ глѣбини^ж 129 об., II, 14 сн.; тѧ же блѡизѡмѡка не ѿ самаре^ж нж ѿ бѣж кѡпѣти сѧ 130, II, 3—1 сн.; и неврѣгше ѡ мжчѣни за бжѣжа ради жизнь 137 об. I, 2, 1 сн.; и мѧта ради и чѣбниа 9 об. II, 3; и безѧ бѡлѣзна младенѣца поро^ди 30 об. II, 4; ѿ стрѣта насѧ избѧи 3, II, 3; нѡ зра си разоумѣта ѡбнаженне ѣже имама ѿ прѣстѣпле-ние 23 об., II, 20—18 сн.

Винительный вместо родительного проник и в приемные конструкции, например; и се азѧ наѡжѣж погѡпа бѡж на земли 69, I, 24; капа^ла мѧта тѡж послѧ ми 129 об. I, 11 сн.; бѧтѧ ми подажда мѧтѡками прѣнепоро^чнѧ тѧ мѧтра 129 об. II, 12 сн. и кѡстѡж нага бѡхѧ бѡи^а бѧтѧ 73 об. II, 5; ѧѡ кѡрѡкище жизнь. ѧ нѣсны^ж ѡбитѣи 90 об. I, 22; ѡбѡкажѣж младенѣцѡ мжжаскѧ пола 123 об. I, 9, 8 сн.: ѡбѡра и кжпни^ж тѧннаѣтѡ 91 об. I, 16; и чѣтка мѧтра мѡеж нарече има мѡе 143, II, 21;

Эти наблюдения позволяют заключить, что писец Орбельской триоди не умел правильно употреблять родительный падеж, что подтверждает более раннюю дату утраты родительного падежа по сравнению с творительным и локативом. Орбельская триодь может быть отнесена к началу III разряда среднеболгарской письменности, примерно к третьей четверти XIII в.³¹, т. е. датируется вре-

³¹ В. Н. Щепкин относит Орбельскую триодь ко 2-й половине XIII в., считая, что этот памятник приблизительно одной даты с Шестодневом, который датирован 1263 г. («Болонская псалтырь». СПб., 1906, стр. 57).

менем более ранним, чем Норовская псалтырь. Писец Норовской псалтыри, как было показано выше, не владел употреблением всех трех падежей. Таким образом, данные Орбельской триоди уточняют как относительную, так и абсолютную хронологию утраты родительного падежа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

I. Переход от синтетизма к аналитизму в болгарской именной системе был подготовлен длительным процессом перестройки всей падежной системы. Начало этого процесса относится к древнеболгарскому периоду. Утрата падежей родительного, творительного и локатива в живом языке должна была произойти, видимо, в XIII в. Об этом свидетельствует сопоставление языка памятников начала и конца XIII в., в которых представлены разные этапы развития падежной системы. Если в памятниках первой половины XIII в., к которым относится Болонская псалтырь и ее предполагаемый восточноболгарский оригинал, «примеры падения флексивных форм языка отсутствуют или оказываются спорадическими»¹, то памятники конца XIII в. свидетельствуют об утрате ряда падежей в говоре писцов. Орбельская триодь, датируемая третьей четвертью XIII в., свидетельствует об утрате родительного падежа, а Норовская псалтырь конца XIII в. — родительного, творительного и локатива. Материал Норовской псалтыри является тем более показательным, что памятник этот написан грамотным писцом.

II. Различия в области падежного синтаксиса среднеболгарских памятников XIII в. Норовской и Болонской псалтырей, представленные большим числом примеров, сводятся к следующему:

1. Систематическое употребление винительного падежа при отрицании в Норовской псалтыри в соответствии с родительным в Болонской.

2. Частое употребление винительного в Норовской псалтыри в соответствии с родительным в Болонской в утвердительных конструкциях при глаголах, которые в древнеболгарском управляли только или преимущественно родительным (например, при глаголах: *ненакидѣти*, *трѣпетати*, *члѣти*, *искати*, *просити* и других; при глаголах на *са*: *взъгнѣшати са*, *субоѣти са*, *лишѣти са*,

¹ В. Н. Щепкин. Болонская псалтырь. СПб., 1906, стр. 65.

Обрзгати ѿ, исполнити ѿ; употребление винительного на месте родительного второго объекта).

3. Систематическая замена кратких форм винительного падежа личных местоимений формами родительного падежа в Норовской псалтыри: формы 3-го лица мужского рода единственного числа его (в Болонской — и); в третьем лице множественного числа вместо а — ихъ (в Болонской ж). Реже это явление наблюдается в местоимениях первого и второго лица (ны — насъ; вы — васъ, ма — мене, та — тебе), а также в формах субстантивированных причастий и прилагательных с местоименными флексиями.

4. Большое число случаев употребления винительного с предлогами въ и на для обозначения места действия в соответствии с локативом в Болонской псалтыри, а также обратные случаи употребления локатива для обозначения направления.

5. Частое употребление локатива с предлогом въ в функциях творительного падежа в Норовской псалтыри в соответствии с творительным в Болонской псалтыри.

6. Широкое употребление конструкций *dativus cum infinitivo*, чему в Болонской и других псалтырных текстах соответствуют конструкции с личными формами глаголов.

7. Случаи употребления беспредложного винительного вместо творительного материала в соответствии с греческим текстом (помаза та бѣ... мало радости Нор. 77—3, $\frac{1}{4}$ $\epsilon\chi\rho\iota\sigma\acute{\epsilon}\varsigma\varsigma\epsilon\ \acute{o}\ \Theta\epsilon\acute{o}\varsigma\ldots\ \epsilon\lambda\alpha\iota\omega\nu$ соответственно в Болонской — $\omega\lambda\epsilon\mu\alpha\varsigma$ 54—8b), вместо творительного или конструкции «въ + винительный» при глаголе обрзгати ѿ: испокѣданіе и келѣтпотж обрзгѣ ѿ Нор. 168—5, 6, $\epsilon\chi\omicron\mu\omicron\lambda\omicron\gamma\eta\varsigma\iota\nu$ καὶ μεγαλοπρέπειαν ἐνεδύσω; кѣ испокѣданіе и кѣ келѣтпотж обрзгѣ ѿ Бол. 103—1с.

8. Случаи употребления в Норовской псалтыри винительного беспредложного в соответствии с дательным неодушевленных существительных, представленным в Болонской псалтыри.

9. Разнотечения в употреблении родительного и дательного приименного, свидетельствующие о безразличном употреблении этих падежей в приименных функциях, как в одном, так и в другом памятнике.

Одни из этих особенностей в употреблении падежей (1, 2, 3, 4) обязаны влиянию живого языка, другие (5, 6, 7) связаны с какой-то литературной традицией или влиянием греческого текста.

Широкое применение конструкций *dativus cum infinitivo*, другим известным нам псалтырным текстам не свойственное, является особенностью Норовской псалтыри. Эти конструкции даже в старославянской Синайской псалтыри встречаются очень редко. Напротив, в Супрасльской рукописи это явление очень широко распространено. Это позволяет предположить, что перед

нами синтаксическая особенность, связанная с книжной традицией восточноболгарских памятников.

Употребление конструкций «*въ* + локатив» и беспредложного творительного регулируется греческим текстом: предложная конструкция ставится на месте греческого дательного с предлогом, а творительный на месте дательного беспредложного, употребляемых в инструментальной функции. Это свидетельствует о том, что писец в употреблении этих конструкций не мог руководствоваться своим языковым чутьем, что как творительный падеж, так и локатив с предлогом *въ* были для него только книжными формами.

Другие указанные выше особенности языка Норовской псалтыри являются, видимо, непосредственным отражением процессов, происходящих в живом языке. Так, наиболее последовательная замена личных местоимений винительного падежа формами родительного наблюдается в отношении таких именно форм, которые в болгарском языке полностью утрачены (3-е лицо единственного числа мужского рода *и*, и 3-е лицо множественного числа *а*). В местоимениях 1-го и 2-го лица и в современном болгарском языке сохраняется параллельное употребление кратких и полных форм.

Возможно, процесс утраты местоименных форм 3-го лица винительного падежа в восточноболгарской диалектной области произошел ранее, чем в македонской, памятники которой более последовательно сохраняют старые формы. Формы *его* и *ихъ* в значении винительного падежа характерны и для других восточноболгарских памятников среднеболгарского периода, хотя употребляются не так последовательно, как в Норовской псалтыри.

Вытеснение родительного падежа винительным при отрицании, а также в утвердительных конструкциях при глаголах, употреблявшихся ранее с родительным, также является отражением процессов живого языка. Появление винительного после глаголов на *са*, возможно, свидетельствует о формировании общей падежной формы.

Смещение форм винительного и локатива при обозначении направления и места, представленное большим числом случаев, свидетельствует о том, что падежи места и направления в говоре писца уже не различались.

Употребление дательного падежа в функциях родительного приименного и обратные замены свидетельствуют о том, что эти падежи воспринимались писцом как дублетные формы.

Наконец, чрезвычайно важные данные для истории дательного падежа представляют собой ошибки и отступления от старых норм в употреблении дательного неодушевленных существительных.

III. Проведенное нами исследование по истории дательного падежа позволяет утверждать, что основные изменения в функциях дательного падежа, отличающие современный болгарский язык

от древнеболгарского, наблюдаются уже в памятниках среднеболгарского периода. Одним из существенных различий дательного падежа современного болгарского языка от языка древнеболгарского является значительное сокращение возможностей употребления дательного падежа для обозначения неодушевленных существительных. Это связано с тем, что дательный падеж утрачивает такие функции, которые мог выполнять дательный неодушевленных существительных: функцию изъяснительного объекта (учить кого чему-либо), функцию объекта действия в страдательных конструкциях, которая стала невозможной в связи с утратой оборотов *dativus absolutus* и *dativus cum infinitivo*, в частности оборотов типа:

АТОУ БЪКЪШОУ СТОУОУМОУ ПЕТРОУ КОИИЗІ Супр. 186—27; ТОИ ПАКЪ. . . ГРАНАЧАРЪМЪ СЪТЕОРИНЪ БЪТИ Супр. 396—20.

Дательный оформился в современном болгарском языке преимущественно как личный падеж, что отразилось и на сохранившихся функциях. Так, в отличие от древнеболгарского языка, дательный предназначения употребляется только для указания на одушевленное существо, которому предназначено что-либо. В противном случае употребляется только предлог *за*. Дательный падеж при глаголах движения может обозначать только лицо, к которому направляется движущийся предмет. При указании движения к неодушевленному предмету дательный падеж не употребляется, заменяется конструкцией с предлогом *към*. Напротив, предлог *към* в отличие от древнеболгарского языка утрачивает способность образовывать дублетные конструкции со значением дательного адресата. Он выражает чисто пространственные отношения.

Процессы, с которыми связано формирование дательного падежа в болгарском языке, как падежа личного, происходили, видимо, уже в среднеболгарский период, что нашло отражение в памятниках письменности. Так, в Норовской псалтыри ошибки в употреблении дательного падежа от неодушевленных существительных зафиксированы во всех объектных функциях. Дательный предназначения и цели, например: *положила ѣст насъ поношеніе съсѣдомъ нашимъ подражаніе и порѣганіе същиимъ ѡкръста насъ*. Нор. 75—17, 75а—1—3 (*положилъ нѣ еси поношенію съсѣдомъ нашимъ* Бол. 43—14); и *взмѣнихъ сѧ ѡкоу оуца заколеніа* Нор. 3а—5.

Наряду с дательным неодушевленного существительного при глаголе сообщения (*да испокѣда сѧ имени твоѣмоу великому ѡкоу страшно и сѣ ѣстъ* Нор. 160—6—8), в Норовской псалтыри встретились примеры с ошибочным употреблением родительного падежа на месте дательного: *изведеи изъ темницъ дшъ моѣ, еже испокѣдати сѧ имени твоего* Нор. 233—2—4. В Болонской этому соответствует:

избѣди не темницѣ ашѣ мож испокѣдати сѧ имени твоему Бол. 141—8а, б. Встретился вместо дательного пример и с именительным-винительным: се оучити мой не казѣна ги, Нор. 70а—16 вместо: се оучити ма моима не казѣна Бол. 39—10b (оучити моима не казѣна Сип.). Дательный изъяснительного объекта также замещается винительным, приобретающим значение общего падежа: пракаж наоучите сѧ живущей на земли... казѣна ниже не наоучит сѧ пракаж на земли истинны не сѧткоритѣ Нор. 256а—3—6; и благостиж твоеж наоучи ма оправданиа твоеа Нор. 202—3, 4; и благостиж твоеж наоучи ма оправданиа твоема Бол. 118—68 (твоеа Нор.; благостиж Сип., твоеж Син., Соф., Бух.); благости и наказаниа и разума наоучи ма Нор. 201а—14, 15; благости и наказаниа и разума твоему наоучи ма Бол. 118—66.

Правда, замена дательного винительным, не соответствующая, видимо, употреблению живого языка, объясняется в большинстве случаев правкой по образцу греческого текста, но нам важно констатировать факт, что писец уже не чувствует необходимости ставить здесь дательный падеж, как это делали более древние переводчики.

Нам остается рассмотреть еще один важный вопрос в истории дательного падежа, для которого дает некоторый новый материал Норовская псалтырь. Это вопрос о проникновении конструкции с предлогом *на* в сферу значений дательного падежа, приведшем к полному вытеснению флексивных форм дательного падежа в именах существительных и формированию аналитической формы дательного падежа. Болгарские ученые считают этот вопрос центральным вопросом истории дательного падежа. В их трудах приводится немало примеров из старославянских и среднеболгарских памятников, свидетельствующих о возрастании функциональной близости дательного падежа и конструкций с предлогом *на*. Однако для решения поставленного вопроса материал пока собран недостаточный.

Разночтения Норовской и Болонской псалтырей позволяют пополнить данный материал новыми примерами, в которых дательный падеж представлен параллельно конструкции с предлогом *на*. Мы сделали попытку провести данные сопоставления в пределах функций и значений дательного падежа, различаемых в нашей работе. Разночтения одного и того же текста разных псалтырей дают известную гарантию идентичности значений параллельно употребленных оборотов. Однако и здесь не всегда можно определить, являются ли они дублетными или только синонимичными.

Параллели дательного падежа и конструкции с предлогом *на* отмечены в функции объекта восприятия и отношения, в функ-

ции воспринимающего объекта (объекта адресата и предназначения), в функции изъяснительного объекта.

Примеры с параллельным употреблением дательного падежа и конструкции с предлогом *на* представлены: 1) в функции объекта восприятия и отношения при глаголах *радсвати сѧ*, *благоколѣти*, *надѣлати сѧ*, *оупокати*, *разоумѣти*, *желати*, *жадати*, *оумилѣти сѧ*, *оутѣрзѣти сѧ* (к тебѣ оутѣрзѣх сѧ ѿ атрѡбы Нор. 114а—9; на та оутѣрзѣх сѧ ѿ атрѡбы Бол. 70—6а); 2) в функции изъяснительного объекта, при глаголах *настакити*, *наоучити*; 3) в функции воспринимающего объекта: а) адресата причинения при глаголах, выражающих враждебные действия: *помышлѣти зла* (мнѣ и на мѧ), *взставати* (ми и на мѧ), *нападати* (на мѧ и немѡу, камз), *поносити* (ми, дши мѡе, на чѧка) *враждовати* (ми, мнѣ, намз, на мѧ), *отѣмцѣти*; б) в функции адресата представления при глаголах движения и некоторых других употребляется дательный падеж. Таковы глаголы *принѣти*, *накѣсти*, *приложити сѧ*, *вздати*, *послати*, *прѣнѣти*. При тех же глаголах возможна, однако, и конструкция с предлогом *на*, выражающая часто близкие, хотя, быть может, и не вполне идентичные отношения; в) в функции адресата сообщения при глаголах *зѣкати*, *взѣкати*; 4) в функции предназначения и цели: *взмѣнихом сѧ ѿко ѡвѣа заколениоу* Нор. 76—6, 7, *взмѣнишѣ ны ѿко ѡвѣцѣ на законение* Бол. 43—23б.

IV. Состояние падежей в говоре писца Норовской псалтыри.

1. Норовская псалтырь написана грамотным писцом, который не делает ошибок в образовании падежных форм. Когда возможен выбор, он сознательно выбирает формы, не совпадающие с другими падежами, стремясь к их последовательному формальному разграничению. Единственной сферой совпадения падежей являются формы, оканчивающиеся на *ж* и *ѧ*, которые смешиваются под влиянием среднеболгарской мены юсов.

2. Погрешности писца касаются в основном употребления падежей. Эти ошибки против древнеболгарского синтаксиса, который мы принимаем за норму, в большинстве случаев могут быть объяснены влиянием греческого синтаксиса.

3. Писец не делает перевода заново. Он переписывает старый славянский оригинал, о чем свидетельствуют многочисленные случаи правильных употреблений падежей и подчас даже более архаических, чем в других среднеболгарских псалтырях и, в частности, в Болонской псалтыри, написанной почти на век раньше.

4. Тем не менее анализ ошибок в употреблении родительного, творительного и местного падежей приводит нас к выводу, что этих падежей в говоре писца уже не было.

5. Именительный и винительный падежи в говоре писца различаются четко. В употреблении дательного допускаются ошибки только в тех функциях, которые утрачены современным болгарским языком.

6. Это позволяет сделать заключение, что в говоре писца было три падежа, которые, в отличие от современного болгарского языка, имели синтетические формы не только в личных местоимениях, но также и в именах существительных.

V. Изменения в области падежного синкретизма в памятниках среднеболгарского периода. Взаимодействие синтаксических и морфологических факторов в истории склонения.

Оценивая наблюдения над развитием синкретизма падежных форм в среднеболгарский период с точки зрения задачи определения направления процесса к сохранению или разрушению синтетических элементов языка, можно с уверенностью сказать, что развитие аналогических процессов смешения различных основ и падежных окончаний было направлено к укреплению синтетических элементов языка, к укреплению падежной системы. Однако стремление писцов к сохранению формальных различий падежей даже там, где синкретизм форм в древнеболгарской системе языка допускался, так как не мешал функционированию падежей, позволяет предположить, что в этот период взаимодействие падежных форм и контекста в разграничении падежей было уже нарушено. Писцы уже не владели употреблением падежей в такой мере, чтобы различать падежи там, где они не были формально обозначены и разграничены. Нарушением тенденции формального разграничения падежей является совпадение форм винительного и родительного падежей, происшедшее в результате среднеболгарской мены юсов. Среднеболгарская мена юсов — явление очень сложное, далеко не всегда отражающее непосредственные звуковые изменения. Употребление юсов в среднеболгарских памятниках иногда регулируется искусственными правилами, традицией, принятой в той или другой орфографической школе. Но только в некоторых памятниках сербской орфографической школы употребление юсов подчинено принципу разграничения флексий.

Чем объяснить, что в основу правил употребления юсов не мог быть положен принцип разграничения падежей? Ведь принятие данного принципа шло бы в русле наметившейся в это время тенденции сохранения и укрепления формальных различий падежей. В письменном языке буквенное различие форм было бы вполне достаточным. Вероятно, эта задача для среднеболгарских писцов была уже непосильной. Они уже не чувствовали, как должен употребляться родительный падеж, и потому не могли бы руководствоваться в употреблении юсов правилами разграничения винительного и родительного падежей, т. е. правильно употреблять для обозначения винительного ж и родительного а.

Поэтому совпадение форм винительного и родительного падежей под влиянием мены юсов также может рассматриваться как следствие, а не как причина смешения этих падежей. Соотношение винительного и родительного падежей в языке Норовской псалтыри подтверждает это заключение.

VI. В числе внутренних факторов, обусловивших перестройку болгарской падежной системы, кроме тех, на которые обычно указывают историки болгарского языка (развитие предложного управления, утрата различий падежей места и направления, фонетическое выравнивание флексий, наличие параллельных синтаксических конструкций), должен быть учтен еще один, которому до сих пор не было уделено должного внимания. Это процесс перераспределения функций между падежами и связанное с ним изменение падежных значений. Решающую роль в судьбе болгарского склонения сыграло ослабление противопоставления винительного и родительного падежей по признаку направленности действия. Интенсивное развитие этого процесса характеризует язык древнеболгарских памятников. В Супрасльской рукописи, например, противопоставление родительного партитивного и винительного почти отсутствует. Родительный второго объекта при аблятивных глаголах имеет явную тенденцию заменяться предложной конструкцией с *отъ*. Это приводит к тому, что в главных типах контекстов, где значения винительного и родительного падежей были противопоставлены, беспредложный родительный перестает употребляться. А это означало ослабление корреляции направленности, которой регулировалось соотношение этих падежей. Ослабление противопоставления родительного и винительного падежей по признаку направленности открыло широкие возможности проникновения винительного падежа в сферу функций родительного, так как другие дифференциальные признаки (пассивность и центральность) у этих падежей были общими. Это облегчило смешение флексий винительного и родительного падежей под влиянием мены юсов и обусловило утрату родительного падежа и изменение значения винительного. Утрата корреляции направленности явилась причиной того, что значение места и направления перестало в болгарском языке обозначаться с помощью падежей. Это подорвало основу противопоставления падежей в предложном употреблении. В предложно-падежных конструкциях сначала в обстоятельственных, а затем и в объектных предлог становился единственным выразителем синтаксического отношения, что способствовало его грамматикализации и облегчало проникновение в сферу функций беспредложных падежей. Ослабление противопоставления падежей в их предложном употреблении получило свое материальное воплощение в смешении падежей после предлогов и создало предпосылку для употребления общей падежной формы после всех предлогов.

В говорах, сохраняющих различие винительного и имени-

тельного падежей, роль общей падежной формы стал выполнять винительный падеж.

VII. Изменение значений сохранившихся в современном болгарском языке падежей по сравнению с теми же падежами в древнеболгарской системе прослеживается в изменениях их употребления, их функций.

Изменение морфологического значения винительного, дательного и именительного падежей состоит в изменении системы корреляций, в которые входят эти падежи, и изменении места, которое занимают они в сохранившихся корреляциях.

1. Утрата родительного и локатива связана с утратой корреляции направленности, в которой эти падежи выступали как маркированные, сигнализируя о направленности действия от объекта. Их немаркированные противочлены, винительный и дательный, выступали как падежи со специфическим признаком направленности действия к объекту. Утрата маркированных падежей расширила сферу употребления винительного и дательного падежей в функциях, обусловленных признаком направленности от объекта, а именно в функции объекта восприятия и отношения, где винительный, а отчасти и дательный полностью вытеснили родительный падеж, а также в функции неполного охвата действием (винительный падеж), которая перестала существовать как функция беспредложных падежей (в современном болгарском языке это значение передается с помощью предлога *от*). В применном употреблении родительного падежа, обусловленного тем, что этот падеж был преимущественно падежом объекта отношения, а не действия, он был вытеснен дательным, который полностью взял на себя его применные функции.

2. Утрата корреляции направленности имела своим последствием еще и то, что винительный и дательный падежи в болгарском языке стали нейтральными в отношении признака направленности. То, что винительный падеж перестал быть направленным падежом, могло стать внутренней предпосылкой, обусловившей возможность свободно употреблять его при глаголах, не обозначающих направления. Собственное значение винительного падежа уже не препятствовало тому, чтобы употреблять его вместо локатива и творительного после предлогов для обозначения места, что широко представлено в среднеболгарских памятниках.

Различие значений места и направления вообще перестало в болгарском языке обозначаться с помощью падежей.

В связи с утратой направительного значения дательный падеж в болгарском утратил возможность употребляться для обозначения чисто локальных значений, т. е. предмета, к которому направлено движение, если данный предмет не является одушевленным, способным выступить в функции воспринимающего объекта (направленность к неодушевленному предмету выражается в современном болгарском языке только предлогом *към*). В тексте

Норовской псалтыри нам не встретилось примеров, позволяющих судить о том, каково было положение в говоре писца.

3. Существенные изменения произошли в корреляции положения, где винительный и дательный падежи поменялись местами, т. е. маркированным в отношении признака периферийности стал дательный, а не винительный падеж. Изменение в распределении маркированных и немаркированных признаков связано с изменениями объема падежных функций: сужение функций дательного падежа (он утрачивает функции объекта действия и объяснительного объекта) и расширение функций винительного, который приобретает способность выражать функцию субъекта восприятия и отношения и функцию воспринимающего объекта в качестве самостоятельной, а не сопутствующей объекту действия, как это было в древнеболгарском. Маркированность или немаркированность падежа в данной корреляции зависит от того, какой из противопоставленных признаков способен к нейтрализации в данной системе языка. В современном болгарском языке противопоставление дательного и винительного падежей по признаку центральности — периферийности сохраняется, однако дательный становится падежом маркированным, а винительный — носитель признака центральности — немаркированным. Корреляция получает следующий вид:

$$\begin{array}{c} \text{Д — воспринимающий} \\ \text{объект} \end{array} \quad \text{В —} \left\{ \begin{array}{l} \text{воспринимающий объект} \\ \text{объект действия} \end{array} \right.$$

В связи с утратой творительного падежа, противопоставленного именительному в качестве немаркированного члена в корреляции центральности — периферийности древнеболгарского языка, именительный падеж становится немаркированным падежом, так как в корреляции с дательным он занимает то же место, что и винительный.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ЦИТИРУЕМЫХ ПАМЯТНИКОВ

- Асс. — Ассеманиево евангелие: J. Vais i I. Kurz. Evangeliarium Assemani. Praha, 1929.
- Бан. ев. — Бапское (Поп-йоаново) ев. XIII в.: Б. Цонев, Книжовни старини от Елена. «Год. Соф. ун., ист.-фил. фак.», кн. XIX, 1923, № 5, стр. 7—33.
- Берл. сб. — Берлинский сборник XIII в.: V. Jagić. Opisi i izvodi iz nekoliko južnoslovenskih rukopisa. «Starine», кн. V. Zagreb, 1873, стр. 56—58; С. М. Кульбакин. Материалы и заметки по славяноведению. — ЖМНП, ч. CCCIV, 1904, июль, стр. 18—47.
- Бит. тр. — Битольская триодь XII в.: Й. Иванов. Български старини от Македонија, II изд. София, 1931, стр. 452—467.
- Бол. пс. или Бол. — Болонская псалтырь XIII в.: V. Jagić. Psalterium Bononiense. Vindobonae—Berolini—Petropoli, 1907.
- Боян. ев. — Боянское евангелие XIII в.: С. М. Кульбакин. Материалы для характеристики среднеболгарского языка. I. Боянское евангелие XII—XIII вв. — ИОРЯС, т. IV, 1899, кн. 3, стр. 803—863.
- Бух. (пс.) — Бухарестская псалтырь 1346 г.: V. Jagić. Psalterium Bononiense, 1907.
- Верк. ев. — Евангелие Верковича XIII в. (см. Ев. Q п. 1—43.): С. М. Кульбакин. Отчет Отделению русского языка и словесности о занятиях в книгохранилищах Москвы и Петербурга. — Сб. ОРЯС, т. LXIX. СПб., 1901, № 3, стр. 2—20.
- Вирг. гр. — Виргинская грамота Константина Асеня от 1277 г.: Г. А. Ильинский. Грамоты болгарских царей. М., 1911, стр. 14—21.
- Врач. ев. — Врачанское евангелие XIII в.: Б. Цонев. Врачанско евангелие. Среднобългарски паметник от XIII век (Соф. пар. б-ка № 19). «Български старини», кн. IV, София, 1914.
- ГР. Б. — XIII слов Григория Богослова. Критико-палеографический труд А. Будиловича. СПб., 1875.
- Добрейш. ев. — Добрейшево евангелие XIII в.: Б. Цонев. Добрейшево четвероевангелие среднобългарски паметник от XIII век. «Български старини», кн. I. София, 1906.
- Добром. ев. — Добромирово евангелие XII в.: V. Jagić. Evangelium Dobromiri. Ein altmacedonisches Denkmal der kirchenslavischen Sprache des XII. Jahrhunderts. Grammatisch und kritisch beleuchtet. Wien, 1898. «Sitzungsberichte», CXXXVIII.
- Ев. — Синайский гретник: R. Nahtigal. Euchologium sinaiticum, starocerkvenoslovanski glagolski spomenik. Del II. Ljubljana, 1942.
- Ев. Q. п. 1—43 — Евангелие Верковича XIII в. рукопись Евангельские чтения XIII—XIV вв., полуустав, 18,5×14, л. 183. Хранится в Ленинграде, ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Q. п. 1—43.
- Еп. ап. — Епипский апостол XI в.: К. Мирчев, Хр. Кодов. Епипский апостол. Старобългарски паметник от XI век. София, 1965.

- Загр. окт. — Загребский октоих XIII в.: V. Jagić. Wie lautete ж bei den Bulgaren. — ASPh, III, 1879, стр. 312—357.
- Злат. XIII—XIV в. — Синайский Златоуст XIII в.: V. Jagić. Bericht über einen mittelbulgarischen Zlatoust des 13—14 Jahrhunderts, «Sitzungsberichte», Bd. 139, Wien, 1898 (см. Злат. Q. п. 1—56).
- Злат. Q. п. 1—56 — Рукопись. Иоанна Златоуста Слова и поучения. XIII в. Устав, 24,5×5 л. 251. Хранится в Ленинграде ГПБ. Q. п. 1—56.
- Зогр. гр. — Зографская грамота Ивана Александра 1342 г.: Г. А. Ильинский и. Грамоты болгарских царей, М., 1911, стр. 21—23.
- Зогр. — Зографское евангелие XI в.: V. Jagić. Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Berolini, 1879.
- И. Ал. ев. — Евангелие 1356 г.: P. Scholvin. Einleitung in das Johann—Alexander—Evangelium. — ASPh, Bd. VII, 1884, стр. 1—56, 161—221.
- Клоц. сб. — Клоцов сборник: W. Vondrak. Glagolita Clozův. Praha, 1893.
- Коп. тр. — Копитарова триодь XIII в.: Г. А. Ильинский. Копитарова триодь XIII в. — РФВ, т. LV. Варшава, 1906, № 1 и 2, стр. 199—215.
- Кюст. ев. — Кюстендильское евангелие XIII в.: Б. Цонев. Един среднобългарски паметник от XIII век. «Год. Соф. ун. ист-фил. фак.», т. XXVII, № 11. София, 1931.
- Ман. хр. — Манасиева хроника 1350 г.: I. Bogdan. Cronica lui Constantin Manasses. București, 1922; И. Дуридатов. Към проблемта за развоја на българския язык от синтетизъм към аналитизъм, София, 1956.
- Мар. — Маринское четвероевангелие: И. В. Ягич. Маринское четвероевангелие. СПб., 1883.
- Нор. — Норовская псалтырь XIII в. пергам. рукопись, болг. устав, 4°, л. 267. Хранится в Москве, ГИМ, Уваровское собр. № 285.
- Орб. тр. — Орбельская триодь. Рукопись, 241 л. в два столбца. Хранится в Ленинграде. ГПБ им. Е. М. Салтыкова-Щедрина № F п. 1—102.
- Ор. гр. — Ореховская грамота Ивана Александра от 1/XII 1348 г.: Г. А. Ильинский. Грамоты болгарских царей, стр. 24—26.
- Охр. ап. — Охридский апостол XII в.: С. М. Кульбакич. Охридская рукопись апостола конца XII в., «Бълг. старици», кн. III. София, 1907 г.
- Пирдоп. ап. — Пирдопский апостол XIII в.: Манол Иванов. Палеографически, граматически и критически особенности на Пирдопски апостол. — Сб. НУ, кн. VI, 1891, стр. 83—112.
- Пловд. ев. — Пловдивское евангелие XIII в.: Й. Пата. Пловдивско евангелие среднобългарски паметник от XIII век. — Сп. на БАН (кл. ист. и филос.-общ.), кн. XXII, № 12. София, 1921, стр. 208—226.
- Пог. (пс.) — Погодинская псалтырь XII в.: V. Jagić. Psalterium Bononiense, 1907.
- Праз. ев. — Празское евангелие XV в.: Gj. Polivka. Bugarsko četworo—evangjelje u biblioteci českog muzea u Pragu. «Starine», knj. XIX: Zagreb, 1887, стр. 193—250.
- Рил. гр. — Рильская грамота Ивана Шишмана от 21/XI—1378 г.: Г. А. Ильинский. Грамоты болгарских царей, стр. 26—29.
- Сав. — Саввина книга: В. М. Щепкин. Саввина книга. СПб., 1903.
- Син. пат. — Синайский патерик XII в.: И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1879, стр. 49 и след.
- Син. (пс.) — Синайская псалтырь: С. Северьянов. Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века. Пг., 1922.
- Син. тр. — Син. мол. см. Ев.
- Слепч. ап. — Слепченский апостол XII в.: Г. А. Ильинский. Слепченский апостол XII века. М., 1912.
- Соф. окт. — Октоих Софийской нар. б-ки № 2897; Г. А. Ильинский. Софийский октоих XIII века. — ИОРЯС, т. X, 1905, кн. 4, стр. 204—228.

- Соф. (пс.) — Софийская псалтырь 1337 г.: V. Jagić. *Psalterium Bononiense*, 1907.
- Среч. ев. — Евангелие Сречковича XIII в.: D. Polivka. *Srednjebugarsko jevanđelje Srečkovićevo i njegov odnošaj prema ostalim crkvenoslavenskim verzijama jevanđelja*. «Starine», knj. XXIX. Zagreb, 1898, стр. 95—256.
- Стам. ев. — Стаматово или стаматовское евангелие XIII века. Рукопись. 21×14.5 л. 15 хранится в Ленинграде. ГПБ Собр. Арх. Общ. № 338; И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, ч. III. СПб., 1879, стр. 40—48.
- Струм. ап. Струмилинский (Македонский) апостол XIII в. Gj. Polivka. *Palaeographische, grammatische und kritische Eigenthümlichkeiten in dem Makedonischen Praxapostolus*. — ASPH, X Bd., 1887, стр. 106—132, 417—483.
- Супр. — Супрасльская рукопись XI в.: С. Северьянов. *Супрасльская рукопись*. СПб., 1904.
- Тр. пр. — Троянская притча XIV в.: I. Bogdan. *Cronica lui Constantin Manasses*. București, 1922, стр. 46—67.
- Тырн. ев. — Тырновское или Михановичево ев. XIII в. 247, перг. 4°: M. Valjavec. *Trnovsko tetrajevanđelje*. «Starine», knj. XX, 1888, стр. 157—241; knj. XXI, 1899, стр. 1—68.
- Том. — Псалтырь Томича XIV в. рукопись, вост. болг. устав, 4°, л. 304. Хранится в Москве, ГИМ, муз. № 2752.
- Хл. ап. — Апостол апракос XIV в., рукопись, болг. полуустав, 24.2×16.7, 4°, л. 143. Хранится в Москве, ГИМ, Хлудовское собр. № 35.
- Хлуд. пар. — Хлудовский паремийник XIII в. Рукопись, 4°, л. 171 перг., хранится в Москве. ГИМ, Хлудовское собр. № 142; Б. Цопев. *Враченско евангеле*. «Бълг. старини», кн. IV. София, 1914, стр. 221—232.
- Хлуд. тр. — Хлудовская триодь XIII в. Рукопись, л. 191 перг. Хранится в Москве, ГИМ, Хлудовское собр. № 133; Je. Rušek. *Deklinacija i užuse prazuradkôw w triodzie Chludowa*. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1964; Л. Милетич. Интересен среднобългарски наметник, от XIII век. — ПС т. LXVI, св. 10. София, 1906.

При цитировании примеров из рукописи Норовской псалтыри указывается номер листа и строки, буквой *a* обозначен оборот листа. При цитировании примеров из Болонской псалтыри указывается номер псалма и стиха. В примерах из Орбельской триоди римскими цифрами I, II обозначен номер столбца.

По техническим причинам подстрочные знаки в примерах из опубликованных памятников не воспроизводятся. В старославянских текстах якорное *ѣ* набрано вместо *ѧ* простого, *ѣ* вместо *ѧ*; в церковнославянских текстах употребление *ѧ* и *ѧ* не отражает графики рукописей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5

ВВЕДЕНИЕ

1.1. Из истории вопроса	7
1.2. Хронологические рамки исследования и оценка источников	10
1.3. Вопрос о причинах утраты склонения в болгарском языке. Соотношение внутриязыковых и внеязыковых факторов	12
1.4. Определение задач исследования. Источники	15

ЧАСТЬ I. ПАДЕЖНАЯ СИСТЕМА

Вводные замечания

2.1. Определение понятий и терминов: морфологическая система падежей, морфологическое значение падежа, нейтрализация падежных признаков, синтаксическая функция падежа, семантическая функция падежа	19
2.2. Критерии разграничения синтаксических функций падежей	20
2.3. Определение синтаксических функций приглагольных падежей. Формальная и смысловая сторона в определении синтаксических функций	21
2.4. Понятие сильного и слабого управления. Слабоуправляемый объект и сильноуправляемое обстоятельство	22
2.5. Критерии относительной силы управления, связывающего глагол с несколькими объектами. Двойная зависимость. Опосредствованное управление	23
2.6. Цепочка объектных падежей. Позиция первого, второго и третьего объектов	25
2.7. Семантические функции падежей	26

Глава I. Система падежей древнеболгарского языка	28

3. Синтаксические цепочки объектных падежей в древнеболгарском языке. Семантические функции древнеболгарских падежей	28
3.1. Типы синтаксических цепочек приглагольных падежей	29

3.2. Двухчленные цепочки падежей при глаголах восприятия и отношения. Семантические функции субъекта и объекта при этих глаголах	30
3.2.1. Трехчленные цепочки ИВТ, ИРТ	31
3.2.2. Трехчленные цепочки ИВД, ИРД	32
3.3. Двухчленные цепочки при глаголах с субъектом действия и объектом отношения	32
3.3.1. Трехчленные цепочки при глаголах с субъектом действия и объектом отношения	33
3.3.2. Синтаксическая позиция объекта восприятия и отношения	33
3.4. Субъектно-объектные семантические функции при глаголах активного действия	34
3.4.1. Двухчленные цепочки с падежами, выступающими в семантической функции объекта действия	34
3.4.2. Двухчленные цепочки с падежами, выступающими в семантической функции воспринимающего объекта	35
3.4.3. Трехчленные цепочки с падежами, выступающими в функциях объекта действия и инструментального объекта ИВТ, ИРТ, ДРТ	36
3.4.4. Трехчленные цепочки с родительным второго объекта	37
3.4.5. Четырехчленная цепочка с родительным второго объекта	37
3.4.6. Трехчленные цепочки с дательным второго объекта	37
3.4.7. Трехчленные цепочки ИТД	37
3.4.8. Трехчленные цепочки ИДТ	38
3.4.9. Цепочки из четырех звеньев ИВДТ и ИВТД	39
4. Главные семантические функции падежей	40
4.1. Главная семантическая функция родительного падежа	41
4.2. Главная семантическая функция винительного падежа	41
4.3. Главная семантическая функция дательного падежа	42
4.4. Главная семантическая функция творительного падежа	42
4.5. Варианты главных семантических функций	42
5. Корреляция падежных функций и падежных признаков	42
5.1. Правила построения корреляций семантических функций	44
5.2. Особенности употребления падежей в древнеболгарском языке, определяющие своеобразие построения корреляций	45
5.3. Корреляция родительного—винительного падежей	45
5.4. Корреляция родительного—дательного падежей	46
5.5. Корреляция винительного—дательного падежей. Винительный—маркированный член	47
5.6. Корреляция винительного—дательного. Дательный—немаркированный член корреляции положения	48
5.7. Корреляция винительного—именительного	49
5.8. Корреляция именительного—творительного	50
5.9. Корреляция дательного—творительного	51
6. Морфологические значения падежей	53
6.1. Соотношение корреляций функций и корреляций признаков	53
6.2. Отношение падежей к дифференциальным признакам падежной системы	55
6.3. Схема падежных противопоставлений	56
6.4. Морфологическое значение родительного падежа	56
6.5. Морфологическое значение винительного падежа	57
6.6. Морфологическое значение дательного падежа	57
6.7. Морфологическое значение именительного падежа	57
6.8. Морфологическое значение творительного падежа	57
7. Место локатива в системе падежей древнеболгарского языка	57
7.1. Главная семантическая функция локатива с предлогом о — функция изъяснительного объекта	59
7.2. Корреляция родительного—локатива	60
7.3. Корреляция локатива с винительным падежом	61

7.4. Корреляция локатива с дательным падежом	63
7.5. Корреляция локатива с творительным падежом	64
7.6. Морфологическое значение локатива	66

Глава II. Система падежного синкретизма и ее преобразования в среднеболгарский период 67

8. Постановка задачи: исследование фонетических (внешних для падежной системы) и аналогических (внутренних для данной системы) изменений падежных форм с точки зрения их последствий для преобразования и перераспределения падежного синкретизма	67
9. Характеристика архаических парадигм субстантивного склонения старославянского языка по схеме Р. О. Якобсона	68
9.1. Обзор типов синкретизма падежных форм в архаических парадигмах субстантивного склонения	81
9.2. Схема отсутствия и наличия синкретизма падежных форм в архаических парадигмах одного числа	85
10. Изменения в области нейтрализации противопоставления падежных форм, происходящие в старославянский период. Схема синкретизма падежных форм в архаическом типе склонения древнеболгарского языка (рис. 1). Тенденции нарушения синкретизма форм (рис. 2)	86
10.1. Процессы освобождения от синкретизма форм именительного—дательного, локатива (<i>рабыни, манасии</i>)	87
10.2. Освобождение от синкретизма форм именительного—творительного и винительного—творительного множественного числа (<i>злодеи, рабы</i>)	88
10.3. Освобождение от синкретизма форм именительного ед. ч. и родительного мн. ч. (<i>бъсъ, градь</i>)	89
10.4. Освобождение от синкретизма форм родительного—творительного мн. ч. (<i>знамънии</i>)	89
10.5. Изменения в соотношении форм мужского рода единственного числа в подклассах одушевленных и неодушевленных существительных	90
10.6. Изменения в области соотношения форм дательного—родительного и локатива	91
10.7. Изменения в области соотношения форм именительного—винительного—родительного падежей	95
10.8. Выводы. Схема возникновения новых типов синкретизма форм и разрушения старых типов в древнеболгарский период	97
10.9. Отношение явлений падежного синкретизма к противопоставлениям падежей по дифференциальным признакам. Схема соотношения падежных корреляций и синкретизма падежных форм в древнеболгарском склонении	99
11. Зависимость тенденций аналогического развития синкретизма форм и нарушения синкретизма форм от распределения падежей относительно друг друга в потоке речи	102
11.1. Дополнительные наблюдения над соотношением именительного, родительного и винительного падежей с творительным	103
11.2. Наличие синкретизма форм и соотношение в потоке речи творительного и дательного падежей	105
12. Преобразование и перераспределение падежного синкретизма в среднеболгарский период	105
12.1. Территориальная классификация среднеболгарских памятников по Б. Цопеву	106
12.2. Хронологическая классификация среднеболгарских памятников по В. Н. Щепкину	111

12.3.	Наблюдения по истории системы падежных форм в среднеболгарский период в книге И. Дуридапова	113
12.4.	Процессы освобождения от синкретизма форм именительного падежа с косвенными падежами	114
12.4.1.	Освобождение от синкретизма форм именительного—дательного—локатива (тип <i>рабыни</i> , <i>мънии</i> 10.1)	114
12.4.2.	Освобождение от синкретизма форм именительного—творительного в парадигмах множественного числа (флексия <i>-и</i>).	115
12.4.3.	Освобождение от синкретизма форм именительного единственного—родительного множественного числа	118
12.5.	Освобождение от синкретизма форм винительного—творительного (<i>рабѣ</i>) и родительного—творительного (<i>знамѣнии</i>)	118
12.6.	Освобождение от синкретизма форм дательного с родительным и местным падежами	119
12.7.	Развитие синкретизма форм родительного—дательного в основах на <i>-ѣ</i> и на согласный и его преодоление	121
12.8.	Соотношение форм именительного—винительного и винительного—родительного существительных мужского рода	123
12.8.1.	Винительный одушевленных существительных	124
12.8.2.	Синтаксические процессы смещения вин.—род. и вин.—им.	126
12.9.	Выводы	128
13.	Возникновение новых типов синкретизма форм в среднеболгарский период	129
13.1.	Мена юсов и ее последствия в перераспределении падежного синкретизма	129
13.2.	Совпадение форм винительного и родительного падежей в словах женского рода с основой на <i>-а</i>	131
13.3.	Синкретизм форм винительного единственного и винительного множественного числа	134
13.4.	Синкретизм форм именительного—винительного множественного числа и винительного—родительного—творительного единственного числа	136
13.5.	Синкретизм форм винительного и творительного единственного числа	137
13.6.	Синкретизм форм винительного—родительного единственного числа твердых основ женского рода	138
13.7.	Синкретизм форм винительного—именительного падежей	139

ЧАСТЬ II. ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ ФУНКЦИЙ МЕЖДУ ПАДЕЖАМИ В СРЕДНЕВОЛГАРСКИЙ ПЕРИОД

Вводные замечания	142
Глава I. Изменения в употреблении и функциях дательного падежа	147
1. Постановка задачи	147
1.1. Функция воспринимающего объекта. Дательный адресата при переходных глаголах	147
1.2. Дательный адресата предоставления	148
1.3. Дательный адресата сообщения	149
1.4. Дательный адресата причинения	151
1.5. Зависимость разновидностей дательного адресата от характера прямого объекта	152
2. Дательный адресата при непереходных глаголах	152
2.1. Дательный адресата предоставления	152
2.2. Дательный адресата сообщения	153
2.3. Дательный адресата причинения при непереходных глаголах	154

2.4. Дательный адресата при непереходных глаголах в современном болгарском языке	155
3. Дательный предназначения и дательный заинтересованного лица	155
3.1. Дательный предназначения. Границы дательного адресата и дательного предназначения	156
3.2. Различия в употреблении дательного предназначения в древнеболгарском и современном болгарском языках	157
3.3. Дательный заинтересованного лица. Границы значения	158
3.4. Дательный этнический	159
4. Другие функции дательного падежа при непереходных глаголах	159
4.1. Дательный объекта восприятия и отношения	159
4.2. Дательный изъяснительного объекта	162
5. Дательный субъекта восприятия и отношения	163
5.1. Дательный субъекта в безлично-инфинитивных конструкциях и в конструкциях <i>dativus cum infinitivo</i>	165
5.2. Дательный субъекта при инфинитиве в Норовской псалтыри	167
6. Дательный самостоятельный и его связь с функцией воспринимающего объекта	175
6.1. Конструкции I типа	176
6.2. Конструкции II типа	177
6.3. Конструкции III типа	178
6.4. Конструкции IV типа	178
6.5. Конструкции V и VI типов	179
6.6. Дательный самостоятельный, выражающий чисто временные отношения	179
6.7. Конструкции VII типа	180
6.8. Употребление дательного самостоятельного для выражения независимого предложения	181
6.9. Упадок дательного самостоятельного связан с утратой склонения-причастиями	182
7. Утрата дательным падежом функции объекта действия	183
8. Нарушения в употреблении дательного падежа неодушевленных существительных в среднеболгарский период	184
9. Прошкновение конструкции с предлогом <i>на</i> в сферу значенный дательного падежа	186
9.1. Параллельное употребление дательного и конструкции с предлогом <i>на</i> в функции объекта восприятия и отношения	187
9.2. Параллельное употребление дательного и конструкций с предлогом <i>на</i> в значении адресата причисления	189
9.3. Параллельное употребление дательного и конструкций с <i>на</i> в значении адресата предоставления (при глаголах движения)	192
9.4. Параллельное употребление дательного и конструкций с предлогом <i>на</i> в функции изъяснительного объекта	193
9.5. Параллельное употребление дательного и конструкции с предлогом <i>на</i> для выражения предназначения и цели	193
9.6. Заключение	193
Глава II. Утрата локатива и творительного	195
10. Вытеснение беспредложного локатива предложным и другими беспредложными падежами	195
10.1. Замены беспредложного локатива в Норовской псалтыри	196
10.2. Смещение локатива и винительного при предлогах <i>въ</i> и <i>на</i> в конструкциях со значением места и направления в Норовской псалтыри	197

10.3.	Винительный на месте локатива в конструкциях с отвлеченным значением в Норовской псалтыри	199
10.4.	Конструкция с предлогом <i>о</i> в среднеболгарских текстах	200
11.	Сужение функций и утрата творительного падежа в среднеболгарский период	202
11.1.	Замены творительного падежа в Норовской псалтыри	203
11.2.	Конструкция « <i>въ</i> + локатив» на месте творительного инструментального в Норовской псалтыри	204
11.3.	« <i>въ</i> + локатив» в соответствии с творительным в обстоятельственных значениях	206
11.4.	« <i>въ</i> + локатив» на месте творительного объекта	208
11.5.	« <i>въ</i> + локатив» в соответствии с творительным комитативным	209
11.6.	« <i>въ</i> + локатив» и творительный как однородные членy	209
11.7.	Винительный на месте творительного в Норовской псалтыри	210
11.8.	Ошибки в построении конструкций, заменяющих творительный падеж	212
11.9.	Заключение: творительный падеж и его замена — конструкция « <i>въ</i> + локатив» чужды живому говору писца Норовской псалтыри	213

Глава III. История родительного падежа 217

12.	Зависимость позиции родительного падежа в цепочке объектов от условий противопоставления другим падежам	217
13.	Родительный в функции объекта неполного охвата действия	221
13.1.	Тенденция вытеснения родительного партитивного винительным и конструкцией с предлогом <i>отъ</i> в Супрасльской рукописи	222
13.2.	Родительный неполной объективации при глаголах на <i>са</i> со значением насыщенности действием и синонимичные конструкции с творительным и с предлогом <i>отъ</i>	224
13.3.	Конкуренция родительного второго объекта и конструкций с предлогом <i>отъ</i> при глаголах отчуждения переходных и непереходных	227
13.4.	Частные значения родительного при глаголах неполной объективации и их обусловленность признаком направленности от объекта	228
13.5.	Родительный при глаголах <i>коснути са, държати са, сподобити са</i> и дублетные конструкции с локативом и дательным	230
14.	Родительный объекта восприятия и отношения	231
14.1.	Родительный объекта отношения при глаголах <i>въслѣдовати, подражати, мьстити</i> и конкуренция с дательным падежом	231
14.2.	Родительный объекта отношения при аблятивных глаголах действия <i>оубѣжати, оуклонити са, оукрити са</i> и т. п.	232
14.3.	Родительный при непереходных глаголах восприятия и отношения и параллельные конструкции с предлогом <i>отъ</i> и с дательным падежом	232
14.4.	Родительный при переходных глаголах восприятия и отношения в чередовании с винительным	233
15.	Родительный в грамматических конструкциях	234
16.	Тенденция вытеснения родительного винительным в поздний древнеболгарский период	235
17.	Соотношения родительного и дательного падежей в древнеболгарском	237
17.1.	Родительный и дательный приименной в древнеболгарских текстах	238
17.2.	Разделение сферы употребления родительного и дательного приименного в Саввиной книге	240
17.3.	Связь приименного и приглагольного употребления родительного и дательного падежей	241

18. Изменения в употреблении родительного падежа в Норовской псалтыри в сопоставлении с Болонской	244
18.1. Вытеснение родительного винительным в отрицательных конструкциях	244
18.2. Особенности употребления родительного падежа при глаголах без отрицания. Вытеснение родительного винительным и дательным падежами. Искусственная нормализация	250
19. Замена форм винительного формами родительного в личных местоимениях, прилагательных и причастиях	259
20. Изменения соотношения родительного и дательного приемного в среднеболгарских памятниках	266
Глава IV. История винительного падежа	270
21. Вводные замечания	270
21.1. Изменение места винительного падежа в системе корреляций в связи с утратой творительного, локатива и родительного падежей	271
21.2. Роль синкретизма форм и синтаксических факторов в смешении винительного и родительного падежей	273
22. Винительный падеж в предложных конструкциях	279
23. Формирование общей падежной формы	284
23.1. Смешение винительного и именительного падежей в разных категориях существительных	284
24. Смешение именительного и винительного падежей в Хлудовской триоди	287
25. Смешение именительного и винительного падежей в Орбельской триоди	291
25.1. Утрата родительного и замена его общей падежной формой	298

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

I. Замечания о хронологии процесса	301
II. Различия в падежном синтаксисе Норовской и Болонской псалтыри	301
III. Выводы по истории дательного падежа	303
IV. Состояние падежей в говоре писца Норовской псалтыри	306
V. Изменения в области падежного синкретизма в памятниках среднеболгарского периода. Взаимодействие синтаксических и морфологических факторов в истории склонения	307
VI. Утрата противопоставления винительного и родительного падежей — важнейший фактор перестройки болгарской падежной системы	308
VII. Изменения в системе падежей	309
Список сокращений цитируемых памятников	311

